К 200-летию
Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. Э. Бабкин, А. З. Егорин,
Г. В. Миронова, А. Б. Подцероб

ИСЛАМСКАЯ ЛИВИЯ

(XIX–XX века)

Москва
ИВ РАН
2019

ББК 63.3(6) (6Лив)

Б 12

Рецензенты
д.и.н., профессор А. И. Яковлев, к.и.н. А. С. Дербенев

Бабкин С. Э., Егорин А. З., Миронова Г. В., Подцероб А. Б.

Б 12 Исламская Ливия (XIX – XX века) / Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 468 с.

ISBN 978-5-89282-918-2

Монография является первой из трех книг, представляющих исследование новейшей истории Ливии. Она посвящена анализу исторической обстановки в этой стране, начиная со второй половины XIX века и вплоть до прихода к власти Муаммара Каддафи. Последующие книги раскрывают события в этой стране с 1969 по 2011 гг. и с 2011 до конца 2018 г.

Дается анализ ситуации в Ливии в эпоху, когда формировалась национальная государственность этой сахарской колонии Османской империи и Италии. На новых материалах, включая архивные, рассмотрена деятельность выдающихся сенуситов, которые в условиях внутренних межклановых противоречий и внешней изоляции сумели найти своему братству место среди бедуинов Сахары и упорно добивались установления собственной власти.

ББК 63.3(6) (6Лив)
ISBN 978-5-89282-918-2

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА I
Ливийская пустыня и ее бедуины 16

ГЛАВА II
Орден сенуситов 37

ГЛАВА III
Турецкие мутасарифии и сенуситские завии 78

ГЛАВА IV
Начало итальянской экспансии. Война 1911–1912 гг. 97

ГЛАВА V
Первая мировая война и Ливия 133

ГЛАВА VI
Итальянская колонизация
и ливийское сопротивление (1918–1931 гг.) 169

ГЛАВА VII
«Четвертый берег» Италии (1931–1941 гг.) 214

ГЛАВА VIII
Вторая мировая война и Ливия 232

ГЛАВА IX
От разрухи шагом под британским флагом 249

ГЛАВА X
Поэтапное получение независимости (1949–1951 гг.) 284

ГЛАВА XI
Под сенуситской короной 332

ГЛАВА XII
Свержение монархии 375

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 414

Примечания 423

Resume 466

ВВЕДЕНИЕ

Современную историю Ливии, особенно после окончания Второй мировой войны, обычно связывают с именем одной фигуры, Муаммара Каддафи, который четыре десятилетия заставлял говорить о себе и постоянно находился в фокусе внимания мировой общественности. Не отрицая выдающейся роли М. Каддафи в становлении государственности и развитии национальной стратегии Ливии, мы хотели бы воскресить некоторые, почти забытые исследователями, страницы «докаддафиевской» истории страны, вернувшись хотя бы ко второй половине XIX в., когда эта огромная страна песка и оазисов пребывала в некоем полудремном состоянии. Одни ее характеризовали как край «невежества, анархии и смут»[1], другим она казалась «песчаной пучиной, в большей своей части необитаемой»[2]. Третьи называли ее «страной оазисов», поскольку именно вокруг этих зеленых островков, затерянных в море песка и камней, концентрировалось кочевое население арабо-берберских племен, жившее по законам доисламских времен — джахилийи[3].

В этих условиях в восточной области страны — Киренаике, некогда бывшей житницей Древнего Рима и Византии, а после арабских завоеваний превратившейся в заповедник пастушеской жизни кочевников-скотоводов, стали возникать первые завии братства Сенусийя, которому суждено было стать самым значительным религиозно-политическим движением в Ливии в середине XIX — первой половине XX в.[4]

Разрозненные кланы ливийской пустыни были объединены арабскими пришельцами-сенуситами — членами мусульманского братства Сенусийя, основанного в 1837 г. в Мекке алжирским марабутом Мухаммедом Али ас-Сенуси (1787–1859). Это братство сумело найти для ливийских бедуинов идеи, поднявшие их на борьбу за свою свободу и независимость. Генератором национально-религиозного движения стала предложенная

сенуситами модель — компиляция суфизма[5] и ваххабизма[6], оказавшаяся пригодной для ливийской действительности в качестве основы объединения внутренних клановых группировок под знаменем борьбы «за чистоту раннего ислама», за соблюдение всех положений Корана, за священную войну против любого иностранного влияния, не только политического, но и духовного, включая религиозных реформаторов Египта и Турции.

Если считать с создания первой завии — религиозного центра, основанного сенуситами в 1843 г. в Аль-Байда, что в Киренаике на востоке страны, то ливийцам потребовалось более ста лет, чтобы добиться осуществления своей главной цели — создания признанного мировым сообществом первого государства бедуинов — Соединенного Королевства Ливии — в 1951 г. Для этого сенуситам пришлось применить все имевшиеся у них средства: религиозно-мистические, положенные во второй половине XIX в. в основу своей деятельности основателем ордена Мухаммедом Али ас-Сенуси; организационно-образовательные, составившие славу Мухаммеду аль-Махди; политические, широко применявшиеся в XX в. Ахмедом аш-Шерифом и Идрисом ас-Сенуси, и военные, ярким вдохновителем которых стал легендарный шейх Омар аль-Мухтар. Среди этих и других выдающихся сенуситов наиболее крупным после основателя ордена Мухаммеда Али ас-Сенуси, на наш взгляд, стал эмир Идрис ас-Сенуси. С его именем связана ливийская история с 1918 по 1969 г. Именно Идрис добился независимости Ливии как государства в 1951 г., и именно в период его правления в стране была обнаружена нефть, круто изменившая судьбу этого государства. Более того, на наш взгляд, представляется интересным и то, что явилось исторической предпосылкой для появления самого М. Каддафи: в феодально-бедуинской Ливии забила не только нефть, но и начали появляться ростки новой, капиталистической формации, ливийскую модель которой пытался выработать Идрис и которую, по существу, претворял в жизнь и Каддафи, хотя он делал это своеобразными методами, эклектически соединив на практике и политические, и силовые приемы. М. Каддафи осуществлял свои реформы сначала на постулатах «Зеленой книги». Под исламско-социалистическими лозунгами он фактически в последней четверти XX в. расчищал завалы феодализма

внутри страны и поддерживал левых радикалов на международной арене. Затем, благодаря «новому прочтению» «Зеленой книги», он призвал к строительству «народного капитализма» в начале XXI в., а изданием «Белой книги» начал ратовать за создание совместного израильско-палестинского государства и за мировую гармонию.

Наша работа в первой ее части посвящена анализу исторической обстановки в Ливии начиная со второй половины XIX в., когда формировалась национальная государственность этой сахарской колонии Османской империи и Италии. На новых материалах, включая архивные, рассмотрена деятельность выдающихся сенуситов, которые в условиях внутренних межклановых противоречий и внешней изоляции сумели найти своему братству место среди бедуинов Сахары и упорно добивались установления собственной власти. Мирным, хотя и непростым, путем политических компромиссов эта власть оказалась в конце концов в руках эмира Идриса ас-Сенуси и его сторонников. Ливийское независимое государство было создано. Идрис ас-Сенуси, ставший королем Ливии, управлял страной в самый ответственный период становления государственности, какими были 1951–1969 гг.

Здесь уместно напомнить, что хотя Османская империя и захватила Триполитанию и Киренаику еще в XVI в., возможности турецкой администрации, особенно во внутренних районах, были крайне ограниченными и сводились к сбору налогов и колониальных податей. В начале XVII в. захваченные территории вообще перестали быть турецкими административно-территориальными единицами — вилайетами — и превратились в наследственные владения пашей из рода Караманли. Высокую Порту это не устроило, и в 1835 г. под нажимом турок династия Караманли пала. Ливия вновь стала турецкой провинцией, разделенной в 1843 г. на вилайет Триполитанию и мутасафарию Киренаику. Последняя с 1888 г. стала непосредственно управляться из Стамбула, а не из Триполи.

Орден сенуситов был учрежден в 1837 г. у горы Абу Кубе близ Мекки. Его основатель Мухаммед Али ас-Сенуси (1787–1859), выходец из знатного алжирского рода Шарифов, объявив об отказе от суннизма, провозгласил единственной священной книгой

мусульман Коран и призвал к борьбе за возврат к чистоте ислама и отказу от роскоши и излишеств. Арабы-кочевники это приветствовали, а крупное мекканское духовенство и турецкая администрация встретили в штыки. Ас-Сенуси с соратниками вынужден был переместиться в Северную Африку, где после долгих странствований в 1843 г. учредил завию (место молебен) ордена сенуситов в Аль-Байда. Пробыв там три года, Ас-Сенуси в 1846 г. еще раз возвратился в Мекку, где семь лет тщетно боролся за распространение своего учения в Аравии, и, не добившись успеха, уехал снова в Киренаику, где его сторонники уже нашли благодатную почву для своих проповедей среди местного населения, терпевшего невзгоды как от местных кланов, так и от турецких колонизаторов. К концу XIX в. число завий достигло около 150, и в Ливии фактически стали существовать параллельно две власти: одна — оккупационная турецкая, по-прежнему собиравшая подати, и система завий (сенуситских приходов), ставших религиозно-политической силой бедуинов. Фактически не губернаторы, наместники Османской империи, а сенуситские шейхи постепенно стали духовными властителями, поднимавшими ливийцев на борьбу против османского, а позже и итальянского колониального гнета. Они и возглавили борьбу и оказались потом на вершине ливийской пирамиды власти.

В нашей научной литературе период борьбы ливийских сенуситов за национальную государственность не был достаточно глубоко проанализирован, в то время как их опыт до сих пор представляет значительный интерес и по-своему уникален. Возможно, здесь справедливо объяснение, что в течение почти всего XX в. наша историческая наука отдавала предпочтение силовым приемам, практиковавшимся многими деятелями освободительного движения, в то время как другие модели или политические компромиссы назывались уступками Западу. На старте XXI в. появилась возможность дать более объективные оценки многим историческим событиям и по-новому оценить усилия тех, кто в своей деятельности предпочитал миротворчество силовым решениям.

Использованные нами новые архивные материалы дали возможность по-другому оценить деятельность сенуситов в специфических условиях ливийской действительности, провести

эту оценку как на внутреннем, так и на региональном и международном уровнях. Рыночные отношения, взятые за основу Идрисом, оказались эффективнее, чем джамахиризация, предпринятая после него Каддафи, при которой национальные ресурсы стали разбазариваться на престижные, но неэффективные проекты, а госсектор стал всеохватывающей структурой. Безусловно, решающим экономическим фактором развития страны стала разработка нефтяных месторождений и экспорт нефти, и основа рыночных отношений была заложена Идрисом именно на старте нефтяного бума, а рекомендации международных экспертов были включены им в планы экономического преобразования страны, которые были приняты к исполнению. Только в начале XXI в. М. Каддафи понял мертворожденную суть своего госкапитализма и повернулся лицом к частному сектору, то есть продолжил то, что пытались претворять в жизнь сенуситы.

В монографии использованы официальные документы ООН, Генеральная Ассамблея которой в течение нескольких лет, с 1949 по 1952 г., постоянно включала ливийский вопрос в повестку дня, направляла в Ливию своих представителей и заслушивала их отчеты; материалы политических, экономических и социальных отчетов французской и английской администраций за период правления страной с 1943 по 1951 г.; оценки международных организаций, таких как Всемирный банк реконструкции и развития, комиссия ООН по экономической помощи. Анализ текстов международных договоров США и Великобритании с Ливией за 1954–1965 гг. дал возможность определить стратегические и геополитические интересы западных держав к Ливии как объекту своей внешней политики. Некоторые материалы экономических отчетов международных организаций, Всемирного банка и Центрального банка Ливии отражали менявшуюся экономическую политику и вместе с ней изменения в политическом положении.

При обзоре истоков и истории племен североафриканских эмиратов, официально названных Ливией итальянскими оккупантами только в 1934 г.[7], авторами были использованы материалы сборника «Гарамантида (африканская Атлантида)», изданного в 1994 г. под редакцией Ю.М. Кобищанова и А.Ю. Милитарева

(составитель М.Ю. Рощин). В этом государстве, просуществовавшем на территории Ливийской пустыни 1500 лет (VIII в. до н. э. — VII в. н. э.), настолько сильно сохранились племенные обычаи и нравы, что они наложили глубокий отпечаток на последующие быт и культурные институты и сегодня требуют пристального внимания.

В нашем исследовании использованы также архивы Центра по изучению ливийского «джихада», материалы ливийского архива, находящегося в Триполийском и Бенгазийском университетах. В сборнике «Хакыка Идрис» («Правда об Идрисе»), изданном в Триполи в 1976 г., собраны уникальные документы, показывающие, как Идрис ас-Сенуси боролся за власть. Они включают дневники Идриса, послания и донесения его сторонников, секретные депеши и инструкции для ливийских делегаций.

Профессор Акиль Мухаммед аль-Барбар из Центра по изучению ливийского джихада в монографии «Омар аль-Мухтар (1862–1931 гг.)» (1979) дал объективную оценку силовых действий ливийских повстанцев против итальянцев, признав, что одними партизанскими операциями нельзя было решить проблемы, стоявшие перед ливийцами.

Важными представляются работы Ю.М. Кобищанова, посвященные племенам Африки, в частности, его монографии «Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI — середина VII вв.)» (1980) и «На заре цивилизации (Африка в древнейшем мире)» (1981).

Особенный интерес представляет «Очерк истории ливийской литературы» (XIX–XX вв.) Ф.А. Асадуллина (1993), где рассмотрена культурно-просветительская роль сенуситского ордена и сам основатель Али ас-Сенуси назван идеологом йакзы — начала собственного ливийского возрождения через создание основ унифицированной системы традиционного образования в сельских районах Киренаики.

Отметим ценность более поздних работ, связанных с племенной тематикой, главы в таких монографиях, как «Берберы Северной Африки» М.С. Сергеева (2003) и «Левые на Арабском Востоке: ливийский опыт» А.В. Рясова (2005).

Из других книг, посвященных Ливии, значительный научный интерес представляют исследования Н.И. Прошина. В обширной монографии «История Ливии. Конец XIX в. — 1969 г.» (1975) последовательно прослежены изменения в соотношении политических сил в этот период. В другом труде — «История Ливии в новое время (середина XVI в. — начало XX в.)» (1981), Н.И. Прошин всесторонне проанализировал колониальную политику Османской империи в этой стране, а также военную и торговую экспансию Англии, Франции, США, Италии, что дало объяснение многих аспектов внешней политики ливийских лидеров.

Военный конфликт между Италией и Турцией в 1911–1912 гг. на архивных материалах изучен З.П. Яхимович в монографии «Итало-турецкая война 1911–1912 гг.» (1967), и Н.Г. Романовой в ее кандидатской диссертации «Итало-турецко-ливийский кризис 1911–1912 гг. в контексте международных отношений накануне Первой мировой войны» (1999).

Изучением Ливии в СССР занимались целые коллективы и многие видные ученые-востоковеды. Период до 1969 г. отражен в работах Н.А. Аршаруни «Ливия» (1965); «Иностранный капитал в Ливии (1911–1967 гг.)» (1970); «Основные социально-экономические проблемы стран Северной Африки (Алжир, Тунис, Ливия)» (1976), глава «Ливия» (с. 479–503) в коллективной монографии «Новейшая история арабских стран (1917–1966)» (1968). В этих работах прослежено нарастание политической и экономической экспансии западных держав и монополий против Ливии в первой половине XX в., показан ущерб, нанесенный Западом ливийскому народу.

Значительный интерес представляют также исследования ливийской новейшей истории до 1969 г. В.Л. Бодянским и В.Э. Шагалем — «Современная Ливия» (1965); И.А. Гениным «Ливия» (1960); Л.Н. Котловым — «Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии (1908–1914 гг.)» (1986); В.Б. Луцким — «Новая история арабских стран» (1965); В.А. Фатисом — «Ливия» (1982); А.М. Чистовым — «По Тунису и Ливии» (1966).

Большой перечень работ (626) с краткими аннотациями содержит библиографическая книга Ричарда Лаулесса по Ливии (1987), в серии мировой библиографии. В ней собрано почти

все, включая материалы периодики, что было опубликовано на Западе в период после окончания Второй мировой войны.

Из работ, выполненных западными учеными, прежде всего выделим монографию английского исследователя Дж. Райта «Ливия: новейшая история» (1982), где рассмотрена история страны с 1900 г. до начала 1980-х гг. В результате анализа Дж. Райт приходит к объективному выводу, что Ливия стала первой из арабских нефтедобывающих стран, вступивших в борьбу с западными компаниями за контроль над своим национальным богатством. Причем начал эту борьбу не Каддафи, как полагают многие, а еще Идрис, за что, возможно, и поплатился троном. Ранее Дж. Райт опубликовал книгу «Ливия» (1969), в которой рассматривается история страны с древнейших времен до начала 1960-х гг. Это дает основание признать несомненный приоритет Дж. Райта как крупнейшего западного специалиста по Ливии.

Несомненно, полезны исследования английских военных историков о североафриканской кампании Второй мировой войны: «Величайшая победа Роммеля» С.Ч. Митчелла и «Кровавая дорога в Тунис» Д. Рольфа, переведенные на русский язык в 2002 г. и изданные одной книгой «Война в Северной Африке (1942–1943)», а также монография польского исследователя З. Квеченя «Тобрук (1941–1942)», изданная на русском языке в 2003 г.

Историографию по Сенусийи, если можно так назвать литературу примерно за сто лет, связанную с тарикатами (суфийскими братствами) в Северной Африке, условно можно разделить на три различных категории. Первые работы появились в 1880-х гг. — через тридцать лет после того, как тарикат пустил корни в Киренаике. Их авторы — Г. Шарм («Триполитания и Тунис», 1884), Л. Ринн («Марабуты и ихваны», 1884), Г. Дюверье («Мусульманское братство Сиди Мохаммеда Али ас-Сенуси и его географические приоритеты», 1886), А. Ле Шателье («Мусульманские братства Хиджаза», 1887), О. Депон и К. Каполани («Религиозные мусульманские братства», 1897) — были связаны с колониальными властями Алжира и Туниса и представляли именно их взгляды. Согласно Дюверье, исследователю Сахары, выражавшему самое радикальное мнение этой группы авторов, сенуситы были не только бандой фанатиков, убивавших

невинных миссионеров и исследователей, но также и авангардом, инспирированным панисламским движением Османской империи и направленным против французской колонизации мусульманской Северной Африки. Только комбинацией таких факторов колонизаторы могли объяснить распространявшееся сопротивление Франции в этом регионе. В связи с разразившейся Первой мировой войной европейские страхи, связанные с тарикатами, несколько уменьшились по мере того, как новые идеологии и силы стали доминировать в трансформации панисламизма. Тем не менее некоторые из предположений французских авторов были адаптированы позднее и с тех пор неоднократно цитировались.

Вторая волна литературы, посвященной сенуситам, пришлась на период между двумя мировыми войнами и стала продуктом итальянской оккупации Ливии. Это были работы смешанного характера. Большинство было связано или посвящено оккупационным властям, а затем и откровенной фашистской пропаганде «новой» колониальной политики. Серьезные ученые продолжали фундаментальные исследования исламской Ливии или бедуинов. Одна из заметных работ того времени — исследование датского мусульманина Кнуда Холмбое «Встречи в пустыне: приключенческое путешествие по итальянской Африке» (1936), где он откровенно и нелицеприятно написал о «цивилизаторской миссии» итальянских фашистов в Африке. Другая — была написана К. Джиглио («Сенуситское братство», 1932).

После Второй мировой войны Сенусийя выпала на время из поля зрения ученых. Известная монография Е.Е. Эванса-Причарда «Сенуси Киренаики», вышедшая в 1949 г., задала тон новому поколению исследователей, которые откорректировали многие заявления авторов XIX столетия. В ней анализируется формирование сенуситского движения, его роль в развитии страны как укрепляющего и объединяющего национального фактора против колонизаторов на религиозной основе. Вместе с тем на основе новых источников Е.Е. Эванс-Причард показал, как бедуинские лидеры усиливали свои националистические мотивы и как сенуситский орден трансформировался из религиозного движения в политическую силу.

Выпускник Оксфордского университета Эрик Ахмар Вулли де Кондоль начал карьеру в 1924 г. в Северной Африке и на Ближнем Востоке, которая продолжалась сорок лет. В 1946 г. он был перемещен в британскую военную администрацию бывших итальянских колоний сначала в Сомали, затем как шеф-секретарь и — через девять месяцев — как глава администрации Киренаики. С 1949 г. до его отставки с правительственной службы в 1952 г. Эрик де Кондоль занимал пост английского представителя в Киренаике. Именно в это время завязалась их дружба с Идрисом ас-Сенуси. «Ливийский период» (1946–1952 гг.) и стал темой исследований Э. Кондоля («Жизнь и время короля Ливии Идриса», 1990).

Можно назвать еще немало талантливых исследований российских, арабских, западных и других исследователей, но мы отсылаем читателей к примечаниям, где эти работы не забыты, а авторские идеи прокомментированы на страницах предлагаемой книги.

Авторами предпринята попытка проанализировать деятельность сенуситов в отдельно взятой стране — тогдашней раздробленной и закабаленной Ливии, в которой алжирские марабуты во главе с Сенуси сумели не только обосноваться, но и прошли вместе с бедуинами Ливийской пустыни совместный путь борьбы за независимость и добились получения своей государственности. Для этого потребовалось более ста лет.

Мы старались быть объективными и свободными от какого-либо идеологического влияния.

ГЛАВА I

ЛИВИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ И ЕЕ БЕДУИНЫ

Географическое описание

Ливийская пустыня занимает в Африке площадь около 2 млн кв. км, в пределах Ливии расположена на юго-востоке страны на площади 1,5 млн кв. км. Она покрыта сыпучими дюнами и песками высотой более 300 м, находясь на высоте 400–500 м над уровнем моря. Северная граница Ливийской пустыни — плато Барка, южная — горный массив Тибести высотой около 3 тыс. м над уровнем моря (пик Кегер-Теди имеет высоту 3150 м). С запада пустыню окаймляет цепь гор Джебель-Бен-Гунейма и Джебель-Ати, с востока — ее судано-египетская часть.

Ливийская пустыня имеет ряд тектонических впадин, лежащих ниже уровня моря, где грунтовые воды выходят на поверхность, давая жизнь оазисам.

Ан-Намус, оазис в центре Сахары, в 300 км от оазиса Темесса, расположен в жерле древнего вулкана. В центре одноименной долины имеются озера. Оазис не заселен людьми.

Джалу (Джало), группа оазисов на северо-востоке страны, в Ливийской пустыне, в Киренаике. Население — около 7 тыс. чел. (1998). Главные населенные пункты: Ауджила, Эль-Эрг, Эль-Лебба. Расположены к югу от Бенгази. В оазисах проживают в основном берберы, оседлые и полуоседлые. Культивируются финиковая пальма, оливы, инжир. Выращиваются зерновые, овощи. В районе Ауджилы ведется добыча нефти и газа. Грунтовые дороги и караванные пути связывают побережье Средиземного моря с другими оазисами Ливийской пустыни — Тазербо, Куфра. В конце XX в. сюда из Аджабии была проложена автострада, дающая возможность вывозить местные товары. Особенно ценятся, даже на международном рынке,

изделия из листьев финиковой пальмы, а в зимний период — томаты и некоторые виды цитрусовых.

Джагбуб — оазис на границе с Египтом, население — около 1 тыс. чел. Связан дорогами с Тобруком (270 км), оазисом Сива (Египет), а также с Мусаидом, прибрежным ливийским пограничным постом. Там был похоронен Мухаммед Али ас-Сенуси, один из основателей ордена, находилось высшее учебное заведение сенуситов. В оазисе много финиковых пальм, хорошие условия для занятия сельским хозяйством. Джагбуб по-прежнему соперничает с египетским оазисом Сива на торговых сахарских путях.

Куфра — оазис на юго-востоке Ливии. Основной населенный пункт — Эль-Джауф, население — около 5 тыс. чел. Имеются и другие, более мелкие поселения (Эт-Тадж, Бувейма и др.). Там проживают арабы и негры, представители племени тубу. Эль-Джауф играет роль торгово-транзитного пункта на воздушных и караванных путях, ведущих из Чада и Судана в Бенгази. Имеется первоклассный аэродром, проложена автострада, которая в 1985 г. соединила оазис Куфра с оазисами Зиган, Тазербо, Эль-Джофра и с городом Сирт. В оазисе развито бахчеводство, огородничество, а также овцеводство.

Эль-Джофра — самый большой оазис в Триполитании. Крупнейшие населенные пункты: Сокна, Хун, Уаддан, население — около 10 тыс. чел. Жители занимаются производством сельскохозяйственных продуктов, кустарных изделий и направляют их в прибрежные районы. В свое время велись большие дорожные работы, геологические изыскания.

Вся территория современной Ливии, составляющая 1759,54 тыс. кв. км, расположена в центральной части Северной Африки между 19 и 33° северной широты, 10 и 25° восточной долготы. Омывается водами Средиземного моря. Протяженность береговой линии от мыса Рас Агадир (на западной границе с Тунисом) до селения Мусаид (залив Саллум, у восточной границы с Египтом) — 1859 км. Сухопутная граница Ливии проходит по пустыне Сахара. На западе Ливия граничит с Тунисом (длина пограничной линии — 480 км) и с Алжиром (1200 км), на юге — с Нигером и Чадом (1200 км),

на юго-востоке — с Суданом (470 км), на востоке — с Египтом (1100 км). Общая протяженность сухопутной границы — 4450 км.

Бóльшая часть Ливии — это субтропические (на севере) и тропические (на юге) полупустыни. Средиземноморское побережье слабо расчленено. Залив Сидра — крупнейший залив. Находящиеся там порты для приема нефтеналивных судов имеют терминалы, вынесенные на 5–7 км в открытое море.

Значительную часть территории представляет собой сочетание пустыни и оазисов на плоскогорье высотой около 500 м. Там можно было бы выделить ряд географических районов.

Триполитания — равнина, занимающая северо-запад страны, от мыса Рас Агадир до вади (высохшее русло реки) Замзам (у залива Сидра). Равнина изрезана лагунами, вдоль побережья имеет много оазисов, а между городами Зувара и Мисурата — сплошной зеленый массив шириной до 40 км. Восточнее Мисураты зелень сменяют островки колючек низменности Сиртика, за которыми следует степь и белесые прибрежные пески.

Хамада Эль-Хамра, или Красная пустыня, расположена южнее Триполитании, у границы с Тунисом. Это плато возвышается до 600 м над уровнем моря и простирается более чем на 500 км в глубину пустыни Сахара. На севере оно окаймлено меловыми горами Джебель Нефус высотой до 968 м, которые упираются в прибрежную равнину Джефара. На юге плато упирается в вулканический массив Джебель ас-Сода, или Черные горы, высотой около 850 м, и возвышенность Хамада ат-Танжар. Эта гряда отделяет Триполитанию от южной провинции Феззан (Феццан).

Феззан — это пустыня с огромными грядами песчаных дюн (эдейенов или эргов) высотой до 200 м, длиной до 800 км и шириной 80–100 км. Самыми крупными считаются две гряды эдейенов: Убари (на севере) и Мурзук (на юге). Они — наиболее засушливые в Ливии. И в то же время на этой территории имеются оазисы, расположенные в русле крупных вади, наполняющихся водой во время дождей: Эль-Джофра, Вади Эль-Аджаль, Хофра.

Сиртика — участок побережья залива Большой Сирт, между вади Замзам (на западе) и мысом Рас эль-Али (на востоке). С юга район ограничен отрогами гор Джебель эс-Сода

и Эль-Харудж-эль-Асвад. Территория Сиртики изрезана вади, имеет небольшие оазисы, но по сравнению с другой прибрежной частью Ливии представляет собой бесплодную сухую степь, покрытую галькой (сериры) и солончаками.

Киренаика — северо-восточный район страны, от Бенгази до залива Бомба. С юга к нему подступают оазисы Ливийской пустыни. Киренаика — это гористые возвышенные массивы Джебель Ахдар, или Зеленых гор, высотой до 950 м, которые еще в древности считались житницей Африки. Северо-восточная часть Киренаики представляет собой известняковое плоскогорье и носит название Барка. Его средняя высота 500–600 м. Оно расчленено на три террасы, многие участки плодородны, покрыты лесом, имеют хорошие участки для разведения скота.

Мармарика — песчано-каменистая бесплодная равнина, начинающаяся от залива Бомба и простирающаяся вплоть до египетской границы. Здесь почти нет вади, нет растительности, животный мир беден, очень мало водных источников-колодцев.

Для того чтобы ярче представить особенности природы и ландшафта Сахары, предлагаем выдержки из книги А.Н. Кит «Дети Аллаха», в одной из глав которой приведено колоритное описание юга пустыни, того самого региона нынешней Ливии, где в XIX в. осели и развернули свою деятельность «новые пришельцы» из Аравии — сенуситы.

А.Н. Кит пишет: «За нами была страна песчаных дюн, окрашенная в золотисто-желтые и красноватые тона, окаймленная приветливой бахромой пальм в оазисах, за которой темнели неясные очертания Джебель Ваддана. Перед нами открывался совсем другой пейзаж, оттененный длинной грозной цепью гор, цвет которых изменялся от пурпурного к черному, по мере того как мы к ним приближались, они были словно облиты лавой, и, вероятно, в прошлом так и было. Это начинался район Черных Гор, Джебель Сода, вулканический массив, одно время целиком покрытый лавой, которая постепенно стекала в долины.

Дорога, по которой мы теперь ехали, состояла из различных геологических слоев, окрашенных своим цветом. Я никогда не могла представить себе ничего подобного! Здесь был бледный и тонкий зеленый слой гипса, желтая полоса песчаника,

ржаво-красный слой железа, белая полоса известняка, черные и пурпурные базальтовые слои и иногда желтовато-розовые вкрапления песка, принесенного из Красной пустыни. Фантастично и невероятно, и страница разноцветных полос, сделанных пастелью в моей тетради, сохранит память об этом путешествии.

По мере того как мы продвигались на юг, форма Черных Гор становилась все более угловатой и геометричной. Все более отвесно возвышались они над равниной. Это были геологические слои, пережившие эрозию. Среди них выделялись коричневые вершины, напоминавшие гигантские муравейники, которые сверху посыпал кто-то углем.

В вади Тенгесир, который начинается в Джебель Сода и спускается на север в долину, приближаясь к Сокне, мы смогли увидеть Maerua crassifolia — почти единственный вид дерева, который сохранился в районе Джебель Сода, вероятно, потому, что он недостаточно хорошо горит и не используется в качестве топлива. Все другие виды деревьев, такие как Acacia tortilis и ее разновидность raddiana, были вырублены от Хуна до Себхи уже в нашем столетии»[1].

Чуть дальше Кит пишет: «Мы снова были в пути и путешествовали параллельно цепи Черных Гор, форма которых часто была пирамидальной и которые были отрогами хамады Мурзук, каменистой пустыни, образовавшейся в доисторические времена и состоящей из конгломерата песчаника и илистых отложений. Эта каменистая платформа изгибается на юго-востоке и ограничивает большие дюны Сахары, которые называют “Эрг Мурзука”. Справа на нас наползали неясные очертания песчаных волн и иногда встречалась скудная растительность. Небольшие пирамиды из черного камня постоянно попадались на дороге, которая была абсолютно прямой и только поднималась или опускалась временами и была разнообразной по окраске, характерной для различных геологических отложений.

Мы пересекали равнину в то время, когда закат оживлял песчаные дюны на зыбком фоне холмов..., и пустыня внезапно расцвела, или, по крайней мере, так казалось. Дюны были окрашены в живой розовый цвет, песчаная зыбь напоминала поле золотистой горчицы, а холмы окрасились в фиолетовые цвета

ириса, в то время как черные пирамиды остались за нами. Мне не верилось, что в пустыне могут быть такие чудесные превращения цвета и такая тонкая игра красок заката»[2].

История пустынных обитателей

Было бы, видимо, неверным считать, что, поскольку оазисы, где живут люди, окружены пустыней, племена и народы, их населяющие, могли сохранить чистоту крови. Через Сахару издавна проходили караванные пути с севера на юг и с востока на запад. В результате происходило неизбежное смешение рас. Поэтому удобнее делить обитателей Ливийской пустыни на кочевников и оседлых жителей. Кочевники, в свою очередь, подразделяются на бербероязычных и арабоязычных (т. е. всех тех, кто говорит по-арабски). К арабоязычным племенам относятся как собственно арабские племена, пришедшие из Аравии после мусульманского вторжения в VII в. н. э., такие как бану хиляль и бану сулим (к потомкам этих племен сегодня принадлежат племена валид, сулиман, риях, каддафа, хасавна, хотман и др.), так и часть берберских по своему происхождению племен, утративших свой язык (например, варфла и мисурат). Другая группа кочевого населения — туареги, племена, которые обитали в Центральной Сахаре. Они до сих пор сохраняют свои традиции и обычаи, родной берберский язык и древнюю письменность — тифинаг. Кочевниками являются и кушитские племена тубу, тоже сохранившие свой язык, обычаи и традиции. Все вместе они считают себя ливийцами, так как в древности вся пустыня Сахара называлась Ливией — топоним, не соответствующий сегодняшнему его значению, появившемуся в результате «реактуализации» древних названий и их романизации.

Упоминания о древнеливийских племенах встречаются в древнеегипетских текстах с начала истории династического периода. Египетский историк Манефон писал, что ливийцы восстали против фараона III династии Неферефре и, как гласит источник, сложили оружие, только испугавшись лунного затмения. Тексты периода правления IV династии говорят о победах

фараона над ливийцами, жившими в долине Нила к югу от Мемфиса, главным образом в Фаюме[3].

В текстах VI династии говорится о нападениях ливийцев племени темху на страну Иам. Херхуф рассказывает: «И послал меня мой правитель третий раз в страну Иам... По пути в оазис Уэт я встретил вождя народа Иам, который направлялся в землю Темех, преследуя темху...»[4] Этот текст ясно показывает, что племена, обитавшие в пустыне к западу от Нила, достигали западных оазисов. Из него видно, что взаимоотношения между южноливийскими племенами темху, предками современных тубу, и нубийскими племенами Иам, жившими к югу от второго порога, были враждебными.

В папирусе Харриса сказано, что Рамзес III подарил два камня Темех из страны Вават египетским храмам. Известно, что названием Вават часто обозначали страну Темех[5]. Край, оазисы которого до сих пор называются Вав ан-Намус, аль-Вав аль-Кебир и т. д., находится на востоке Феззана в Южной Ливии. Древние египтяне называли его страной Темех или землей Темху. Судя по всему, древнеегипетские тексты называли различные племена, обитавшие в Южной Ливии, общим именем «темху». На древнеегипетских фресках южные ливийцы смуглолицы, с заплетенными волосами и в ряде случаев бородаты.

Названия некоторых ливийских племен упоминаются и в надписях из Куша, они практически не сообщают ничего нового о древних ливийцах и, очевидно, часто заимствуют свои сведения у древних египтян.

При раскопках кладбища Кару в Куше были обнаружены многочисленные наконечники ливийских стрел, что вызвало предположение о наличии торговых связей между царями Куша и южными ливийцами. На нубийских кладбищах было обнаружено много предметов ливийского происхождения; в то же время документы Куша содержат лишь неясные намеки на присутствие южноливийских племен на западном берегу Нила.

Согласно древнегреческим легендам, жители оазисов вдоль эргов Убари и Мурзук в Феззане происходили от критян или от других морских народов. Из финикийских источников до нас не дошло ничего, что указывало бы на отношения между финикийскими городами, включая Карфаген, и Гарамой,

столицей древней цивилизации гарамантов — Африканской Атлантиды. Некоторые отрывочные сведения, встречающиеся в римских источниках, были, вероятно, получены от финикийских и карфагенских купцов. Ценнейшие исторические документы, в которых могли содержаться сведения о гарамантах, погибли в результате уничтожения римлянами Карфагена, осуществленного с неслыханной жестокостью, которая поставила это событие в ряд крупнейших трагедий древности.

Сообщения античных историков и географов дополняют средневековые арабские авторы.

Первым арабским хронистом, жившим в IX в. в Египте, был Ибн Абд аль-Хакам[6]. Он оставил подробный рассказ о жителях Центральной и Южной Сахары в своей книге «Футух Миср» («Захват Египта»), посвященной первому арабскому походу в Северную Африку в VII в. Ибн Абд аль-Хакам сообщил интересные сведения о захвате Феззана мусульманами во главе с Окбой бен Нафи аль-Фахри[7].

Из арабских географов IX в., писавших о Ливийской Сахаре, следует упомянуть Ахмеда ибн Абу Якуба Исхака ибн Джафара ибн Вахаба ибн Вадиха, известного как аль-Якуби. Этот автор, родившийся в Исфахане (Иран), в своей «Книге стран» описывал и Северную Африку[8].

В X в. Сахару описал географ Абу-ль-Хасан аль-Масуди. В своей книге «Промывальни золота» он отмечал, что «кроме земель, о которых мы оставили запись, в Магрибе представляют интерес и Загава, и Каукау, и Каракур, и Мадида, и Марис, и Малана, и Куматы, и Завила, и Корма, и Херма. В каждой из этих земель есть свой царь и отдельное царство»[9].

Средневековый арабский автор из Магриба Абу Абдаллах ибн Абд аль-Азиз ибн Мухаммед ибн Айюб ибн Амр, известный как аль-Бекри, оставил нам описание политического положения и географии стран Северной Африки и Великой Сахары в XI в. в своей книге «Магриб в памяти африканцев и магрибинцев»[10].

Географические сведения о Сахаре были существенно дополнены арабскими учеными XIII в. Их годовые сообщения содержат много ценной информации о Феззане и других районах Сахары. Так, например, у Шихаб ад-Дина ибн Абдаллаха, известного как Якут аль-Хамави, в его книге «Алфавитный

перечень стран» мы можем прочитать о Феззане следующее: «Феззан — большая область, лежащая между Фаюмом и Западным Триполи в первом поясе. Ее широта — 21°... Там много пальм и фиников, главный город у них Завила, больше всего среди ее жителей чернокожих»[11].

Мухаммед ибн Абдаллах, известный как ат-Тиджани, родившийся в Тунисе, рассказывает в своей книге о важном периоде в истории Феззана, упадке султаната Завилы в XII в. и его окончательном падении в 1174 г.[12]

Период XIII–XV вв. считается одним из самых малоизученных в жизни сахарских аборигенов, так как не сохранилось никаких документов и книг, свидетельствующих о том времени. Затем мы встречаем известного триполитанского историка Ибн Галбуна, описавшего историю Ливии в период первого османского правления. Он рассказывает о событиях, происшедших в Феззане в XVI в., когда шла борьба между османами и семьей потомков Мухаммеда аль-Фаси, правителей Феззана. Борьба завершилась захватом османами страны и окончательным включением ее в вилайет Западный Триполи. Книга Ибн Галбуна «Воспоминания о правителях Триполи и известия о них» является главным источником сведений о той эпохе. Ее естественным продолжением стала книга другого ливийского историка, известного как ан-Наиб, повествующая о событиях вплоть до начала 1835 г. (в Ливии — период второго османского правления).

В начале XIX в. в Сахаре появились первые европейские путешественники. Некоторые из них сделали подробные описания Феззана, сопровождаемые зарисовками. В XVIII в. европейские первооткрыватели Сахары не ставили перед собой цель проникнуть во внутренние районы пустыни и ее оазисы. Они стремились найти путь к богатым странам африканской саванны, после того как выяснилось, что попасть туда с западного побережья Центральной Африки невозможно. Здесь на пути исследователя вставали джунгли, водопады, его жизни угрожали инфекционные болезни. И тогда европейцы решили проникнуть вглубь Африки через Сахару маршрутом, указанным в свое время Львом Африканским, арабом по происхождению, перешедшим в католичество в XVI в., который написал для

папы Льва X книгу о внутренних районах Африки. Его повествование о золоте и богатствах Тимбукту и Ганы возбуждали воображение европейцев. Считается, что первым в Мурзук прибыл в 1798 г. немецкий путешественник Хорнеман, которого финансировало Британское географическое общество. Хорнеман достиг Сахары, направляясь из Каира. Он подробно описал свое путешествие и отправил свой отчет из Западного Триполи в 1799 г. в Лондон[13]. К сожалению, после того как Хорнеман достиг Мурзука и пошел дальше в направлении озера Чад, связь с ним была утрачена. Полагают, что он был убит или заболел и умер в дороге.

Организация первых экспедиций в Африку была делом очень сложным. В 1819 г. британское правительство направило в Сахару капитана Джозефа Ричи и лейтенанта Френсиса Лайона. Они дошли до Мурзука, где Ричи скончался. Лайон двинулся дальше один, дошел до Завилы и Гатруна, но вынужден был повернуть назад, так как израсходовал все запасы. Лайон оставил описание Завилы и Мурзука в своей книге, изданной в Лондоне в 1821 г.[14]

Следующая британская экспедиция, отправившаяся в Сахару в 1822 г., была хорошо подготовлена. В ее состав входили капитан Хью Клаппертон, врач Уолтер Удни и майор Диксон Денхам. Вначале путешественники столкнулись с некоторыми трудностями, но затем смогли их преодолеть и успешно выполнить намеченный план. Они дошли до района озера Чад, делая остановки в основных оазисах Феззана. Затем той же дорогой в 1825 г. они вернулись в Триполи. Во время обратного пути погиб врач Удни[15].

Одним из самых знаменитых путешественников, посетивших Сахару, был немецкий исследователь Генрих Барт. Он совершил свою экспедицию в 1850 г. В его книге «Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке» описаны многочисленные памятники прошлого, обнаруженные в Феззане. Результаты его открытий были позднее использованы при подготовке итальянской археологической экспедиции 1934 г.

Французский путешественник Анри Дюверье в 1859 г. попытался дать полное описание региона. Его книга считается

первой европейской научной работой о Ливийской пустыне и ее обитателях[16].

Социальная структура бедуинского сообщества

На протяжении веков географическая территория, впоследствии получившая название «Ливия», развивалась прежде всего как «конфедерация» племен, в основе единства которой никогда не лежала государственная структура. Племенной строй, исторически обеспечивавший жизнеспособность ливийского общества, и в конце XIX — начале XX в. продолжал служить основой для социальной организации, а попытки внешнего политического вмешательства не привели к отказу от традиционных структур общества, получивших широкое распространение. Разумеется, влияние родоплеменных отношений в той или иной степени характеризовало политическую культуру многих арабских стран, однако специфика Ливии, отличавшая ее от ряда соседних государств, заключалась в абсолютном господстве племенных устоев и традиций.

Территория современной Ливии объединяет три автономных области на севере Африки: Триполитанию — северо-западный район, Киренаику — северо-восточную часть и Феззан — пустыню на юге страны. Фактически, до начала XX в. территория современной Ливии не была строго определена в своих географических и административных границах и едва ли ассоциировалась в сознании коренного арабо-берберского населения с понятием «родины». Даже этимология названий трех провинций была связана с воздействием внешней силы. На протяжении столетий топоним «Ливия» не соответствовал его нынешнему значению. Это название не было четко закреплено за определенной территорией, а традиционные политические институты берберских (а впоследствии — и арабских) племенных объединений функционировали параллельно с теми государственными структурами, которые пытались создавать завоеватели. Впрочем, уже в древности определилось противоречие между городами узкой приморской полосы с их по преимуществу пришлым населением, менявшимся на протяжении столетий (финикийцы, греки, римляне и др.), и остальной

территорией, по большей части пустынной, с немногочисленными оазисами и кочевьями коренных жителей. В сознании бедуинов от городов исторически исходила угроза вторжения в их закрытый мир, а арабо-берберская нетерпимость к чужакам представляла собой своеобразный защитный механизм племенной культуры. Тысячелетняя общественная практика бедуинов наложила настолько глубокий отпечаток на массовое сознание, быт и культурные институты и оказала столь сильное воздействие на ход истории, что анализ политических процессов в Ливии представляется невозможным без учета особенностей племенной структуры социума[17].

К середине XIX в. процесс передвижения племен Северной Африки был завершен. За каждым племенем была условно закреплена определенная территория — ватан, однако не все они остались довольны, и это послужило причиной новых вооруженных столкновений. В процессе междоусобных войн племена стали делиться на свободные и вассальные. Свободными считались племена, которые владели землями как потомки завоевателей времен Хиляльского нашествия[18]. Вассальные племена, фракции и др. сформировались в основном благодаря широко распространенным в Северной Африке институтам родоплеменной организации: клиентуры (валя), союзничества (хильф), покровительства (джавар). Именно эти институты обусловили различные формы вассальной зависимости низшего разряда соплеменников от племенной верхушки.

В Киренаике и Триполитании наиболее развитым был институт клиентуры, служившей удобной и гибкой формой создания зависимой прослойки путем приема в племя новых членов. Принимаемый в племя становился клиентом (мавля) семьи, рода или племени. Клиентами могли быть как отдельные лица, так и целые семьи, роды и даже племена. Они становились членами соответствующей семьи, рода или племени и считались родственниками — валя (т. е. отличными от кровных родственников); они получали родовое имя, на них также распространялись все права и обязанности, налагаемые асабией[19].

Союзничество также давало отдельным лицам, семьям и племенам право принять родовое имя определенного племени и формально присвоить его родословную, что обеспечивало им

покровительство. Союзник примыкал к племени на положении младшего и не мог рассчитывать на полное равенство в нем.

Покровительство обеспечивало для разного рода изгнанников и чужестранцев приют и защиту. Племя, взявшее на себя покровительство, несло ответственность за чужестранца как за своего сородича, и на него распространялась асабия этого племени.

Из вассальных племен, согласно местной традиции, выделялись племена (группы и отдельные лица), называемые марабутами[20]. Они делились на две категории: марабуты биль барака (или марабуты фатха) и марабуты ас-садака. Марабуты биль барака приписывали себе происхождение от того или иного общеизвестного святого и даже от потомков пророка, а поэтому считали себя почти независимыми, свободными от ряда обязательств по отношению к своим покровителям. Однако свободные племена, на территории которых проживали марабуты биль барака, не считали их подобными себе и смотрели на них как на людей второго сорта.

Тем не менее на простых кочевников производило впечатление умение марабутов билль барака читать и писать, творить «чудеса», вызывали восторг их фанатизм и аскетизм, и они принимали марабутов за святых людей и чародеев и прибегали к их помощи для приобретения амулетов, совершения религиозных обрядов, а также решения межплеменных споров. Отдельные группы марабутов образовывали ядро, которое с течением времени развивалось в племенную группу. Эти группы присоединялись к свободным племенам на правах клиентуры или существовали отдельным кланом. К марабутам биль барака относились племена аулад аль шейх, масамир, ферджан и др.

Марабуты ас-садака не считали себя независимыми, ибо не могли приписать себе яркой родословной, а поэтому платили дань — садака или хуву — за покровительство, за пользование землей и источниками воды, принадлежавшими свободным племенам. Они оказывали своим покровителям различные услуги, помогая обрабатывать земли, пасти скот[21]. К марабутам ас-садака относились племена авват, алаун, хасан, катан, сант, фавакир и зуайя.

Земли, которые закрепило за собой свободное племя, включали пастбищные и сельскохозяйственные угодья, источники и колодцы. Так, на территории Киренаики разместилось девять свободных племен, объединенных в один союз, известный под названием «Саади» (от Саада из племени бану сулим): абейдат, хаса, аиля фаид, бараса, дарса, абид, арафа, авакир, магарба.

Ватан племени абейдат, самого крупного в Киренаике (30450 человек, в том числе 8600 марабутов[22]), простирался от границ Египта до центральной части гор эль-Ахдар и охватывал район, который со времен римского господства назывался Мармарикой; сюда же входила часть Эль-Джебель-эль-Ахдара. Бедуины, населявшие Мармарику, кочевали, не удаляясь от побережья на юг более чем на 150 км, т. е. до границ бесплодной пустыни. Бедуины, проживавшие в Эль-Джебель-эль-Ахдаре, кочевали по всей его территории[23].

Племя хаса (6510 человек, в том числе 570 марабутов) проживало на полуострове в районе порта Марса-Суса (Аполлония) и Шаххат (Кирена), богатом плодородными землями и источниками[24].

Ватан небольшого племени аиля фаид (100 человек) находился между территорией племен абейдат (на востоке), бараса (на западе) и хаса (на севере). Местные бедуины откочевывали далеко на юг, часто навещая своих родственников в Эль-Файюме (Египет).

Воинственное племя бараса (21 тыс. человек, из них 4840 марабутов) обосновалось в центре Эль-Джебель-эль-Ахдара. Его территория примыкала к землям племени дарса (на севере), хаса и аиля фаид (на востоке), абид (на западе), а на юге — к пустыне[25].

Племя абид (6850 человек, в том числе 600 марабутов) проживало в районе, расположенном западнее Эль-Джебель-эль-Ахдара[26]. Его ватан граничил с землями племен арафа (на севере), бараса (на востоке), авакир (на западе).

Племя дарса (18850 человек, из них 3340 марабутов) обитало в районе побережья от Шаххата до Тольмейты.

Племя арафа (9300 человек, из них 700 марабутов) занимало прибрежную полосу от Тольмейты до Токры; в основном оно вело оседлый и полуоседлый образ жизни. Это племя не имело

возможности для кочевок, так как его ватан окружали земли племен дарса, абид и авакир.

Ватан авакир (27,5 тыс. человек, в том числе 6300 марабутов) находился в районе, протянувшемся от Токры до Дарьяна (в Эль-Джебель-эль-Ахдаре) и к Эль-Абъяру, охватывая часть района Барка-эль-Бейды. Центром его являлся Солук[27].

Между Киренаикой и Триполитанией проживало племя магарба (13 тыс. человек, из них 1 тыс. марабутов) с центром в Аджда бии.

К племенам Триполитании, которые вели свое происхождение от племени бану хиляль, относились: аулад шакр, проживавшее в районе Масаллаты (район Эль-Куссабат), Злитене; ар-рияха — в Сокне, Злитене и Мисурате; аулад шабль — в Эз-Завии, Тархуне; гомата, аль-гурбан, аль-махади, аль-махарза, бану амир, бану карух — в Тархуне, Таворге, Злитене[28].

Племя бану ауф, происходившее от бану сулим, размещалось в Гарьяне, Тархуне, Мисурате. К племенам бану сулим относились бану джабир и его фракции — аулад санан, аль-махамид, а также бану загб, бану хейб, бану лабд[29]. Бóльшая часть их кочевала в районе между Сокной, Сиртом и Бени-Улидом (Урфаллой). Вместе с тем племена аль-маакиль и бану гашим вели свое происхождение как от бану хиляль, так и от бану сулим[30].

На территории Феззана проживали следующие племена: мегара (2600 человек, из них 1690 марабутов), хасна (2350 человек — 1665 марабутов), хотман (1250 человек — 923 марабута), зуаэд (450 человек — 380 марабутов), гуаэд (700 человек — 550 марабутов), зинтан (400 человек — 293 марабута), аулад бу сейф (150 человек)[31].

Кроме того, здесь жили племена туарегов: ораген (1050 человек, из них 800 марабутов), кел тин алкум (430 человек), находившееся в вассальной зависимости от ораген, а также племена имангассатен (450 человек — 210 марабутов), тибу (450 человек). Последнее племя было типично кочевым, остальные вели полукочевой образ жизни[32]. Племена марабутов биль барака, как правило, селились близ могилы родоначальника племени. Так, племя аулад аль-шейх проживало возле могилы Сиди Махийус; большая часть племени масамир — рядом с гробницей Сиди Нух; племя мшаитат — у могилы Сиди Мшаитат;

племя катан — близ гробниц Сиди Хашим и Сиди Сулейман аль-Таир. Более сильные племена марабутов, как, например, масамир, имели ватан; другие были разбросаны на территории племен, клиентами которых они являлись, и составляли лишь часть того или иного племени. Используя мифы, марабуты таких подразделений нередко связывали свое происхождение с какой-либо фракцией свободного племени, на территории которого они проживали. Таким путем они добивались установления особых отношений (лаф) с данным племенем. Подобное родство иногда оказывалось более сильным, чем родство по крови.

На территории свободных племен в качестве клиентов проживали, как правило, марабуты двух названных выше категорий. Так, в ватане дарса насчитывалось 740 марабутов биль барака и 2600 марабутов ас-садака. По данным Энрико де Августини, число клиентов некоторых племен превосходило число членов свободного племени. Так, в ведущей фракции племени бараса — аулад хаддус — насчитывалось 2520 человек, из них только 630 были кровными членами племени, а остальные — клиентами[33]. Та же картина наблюдалась и в ведущей фракции племени авакир — аулад сулейман, где из 1940 человек 740 были членами племени, а остальные — клиентами[34].

Несмотря на численное превосходство в некоторых племенных фракциях, клиенты занимали внутри них подчиненное положение. Клиент всегда оставался плебеем, которому был закрыт доступ к каким-либо должностям. Даже если клиент давно натурализовался, во всем уподобился своим соплеменникам и владел их родовым именем, даже если было забыто время, когда он или его предки примкнули к племени, он все же не пользовался равными правами и ни при каких обстоятельствах не мог возглавлять свободное племя; клиент по-прежнему обязан был выплачивать садаку собственникам земли. Все это нередко служило причиной столкновений и даже войн между кровными членами племени и клиентами (военное столкновение произошло, например, между племенем авакир и его клиентом аль-шахейбат, насчитывавшим 1350 человек)[35].

Пастбищные земли, колодцы и другие водные источники, а также пахотные участки формально находились в собственности всего племени, но распоряжались и пользовались ими

фактически отдельные роды и семьи. Границы племенных территорий, пастбищных и пахотных участков были строго определены и обозначены (кустарниками, камнями, выступами скал, впадинами). Скот находился в собственности отдельных семей, но метился общеплеменным тавром. Крупные племена имели летние и зимние пастбища (летние находились на территории племени, а зимние — в присахарских степях). Во время перекочевок племена и их фракции придерживались определенных, традиционных маршрутов. Основной социальной ячейкой общества кочевников была семья, проживавшая в одной палатке. Несколько родственных семей образовывали бейт (дом) — большую семью, занимавшую самостоятельное положение в роде. Первоначально бейт объединял родственников до пятого поколения[36]. Большие семьи вместе составляли ашир (род). Все члены ашира считали себя потомками общего предка, носили одно и то же родовое имя, признавали власть и авторитет родового шейха и его семьи как старшей в ашире. Ашир имел также принятые под покровительство семьи. Формально все члены ашира совместно пользовались выделенными ему пастбищами и водопоями.

Аширы, как правило, объединялись во фракции, которые вместе составляли племя. Племя — это обособленная и независимая общность людей, связанных кровным родством[37]. Однако оно не было едино. Его подразделения и роды могли кочевать самостоятельно. Каждое племя имело свое особое тавро, которым метился скот, свой боевой клич, которым соплеменники взывали о помощи и подбадривали друг друга на поле боя, а также свое знамя с начертанным на нем девизом племени[38]. Все племя объединялось, когда требовалось защищать общие интересы.

Во главе племени стоял шейх — формально лицо избираемое. Фактически же должность его была пожизненной и передавалась по наследству брату, сыну или племяннику. Высокое положение, богатство, наследственная передача власти, «благородство крови» — все это возвышало шейха и его семью, выделяло их среди рядовых членов племени[39].

Шейх вершил всеми делами племени: распределял пастбищные земли и источники между фракциями и аширами,

творил суд, объявлял войну, заключал мир, командовал племенной дружиной. В наиболее ответственных случаях он проводил племенной совет старейшин. Итальянский юрист и историк Н. Сеонч так описывает социальное положение бедуинского шейха: «Каждый дом (бейт) и род имеет своего шейха, избранного благодаря его возрасту, мудрости и доблестям, хотя, как правило, шейхство является наследственным. Шейху подчиняются его соплеменники, они уважают его. Шейх должен быть богатым, чтобы проявлять радушное гостеприимство. Он играет ведущую роль в улаживании споров и обязан быть гибким и тактичным, чтобы поддерживать единство в племени. Он обменивается мнениями с шейхами других фракций, входящих в его племенную группу, командует своими соплеменниками во время войны, собирает налоги для выплаты турецким властям. Несмотря на то, что шейх живет и одевается подобно другим соплеменникам, он значительно богаче их. У него больше палатка, больше лошадей, больше жен. В культурном отношении у него более высокий уровень развития, чем у остальных соплеменников»[40].

Средства производства у бедуинов Киренаики по традиции считались собственностью всего племени, однако племенная верхушка имела право распоряжаться общинными землями и колодцами. Это было фактически право феодального землевладения. Естественно, родоплеменная аристократия концентрировала в своих руках лучшие пастбища и водные источники, основное поголовье скота, т. е. ее представители являлись крупными собственниками — феодалами. Все их богатства базировались на эксплуатации соплеменников.

Племенная верхушка обычно передавала рядовым членам скот на выпас на условиях издольщины, что являлось типичной формой эксплуатации в кочевом скотоводческом хозяйстве. Издольщина возникла из института родовой взаимопомощи и первоначально выглядела как безвозмездная временная передача нескольких голов скота обедневшему родственнику. С течением времени принадлежавшие бедуинской верхушке стада мелкого рогатого скота стали передаваться племенам-клиентам, которые занимались овцеводством, стада верблюдов — племенам-клиентам, занимавшимся

исключительно верблюдоводством; в обоих случаях передача стала определенным образом обусловливаться.

Но какие бы формы ни принимали зависимые отношения в различных подразделениях племени, рядовые скотоводы постоянно находились в той или иной экономической зависимости от родоплеменной верхушки. Процесс углубления и расширения неравных социальных отношений находил свое выражение в распространении различных видов коммендации (клиентура, союзничество, покровительство). Коммендация — акт, устанавливавший зависимость крестьянина от хозяина-землевладельца, — играла особенно большую роль в процессе закрепощения чуждых племени лиц. За право пользования пастбищами и покровительство клиенты должны были платить установленную подать. Фактически они поступали в услужение к шейху, жили подле него и несли по отношению к нему экономические обязанности. В известной степени они расставались и с личной свободой, так как при решении многих вопросов обязаны были пользоваться посредничеством своего покровителя шейха.

Таким образом, развитие неравных социальных отношений среди бедуинов вело не только к появлению типичных для скотоводческого хозяйства форм феодальной эксплуатации, но и к установлению определенных форм личной зависимости непосредственных производителей от эксплуататорской верхушки. В племенах постепенно выделялись две формации: родоплеменная верхушка, сконцентрировавшая в своих руках основные средства производства, духовную и светскую власть; зависимые крестьяне в лице марабутов ас-садака и рядовых членов племени.

Племя как социальный институт являлось основой традиционного сельского общества, однако в ливийской истории встречались и надплеменные структуры: экономические интересы, общность исторических корней или длительное соседство могли объединить несколько племен в своеобразную «конфедерацию». Главными целями подобного соглашения обычно являлись военный союз (для защиты от общего противника или, наоборот, для совместной экспансии) и достижение политико-экономического баланса в регионах без вмешательства

центральной власти. Кроме того, одним из важнейших факторов пробуждения чувств этнической сплоченности у племен являлась оборона против внешней угрозы — своеобразный аналог национальной консолидации. Подобные «конфедерации» независимых племен на протяжении многих веков представляли собой альтернативу государственным структурам[41].

Такие свойства общинно-племенного строя, как совместное владение средствами производства, отсутствие ярко выраженной экономической эксплуатации и социального неравенства, уравнительные тенденции в общественной жизни, приоритет коллегиального решения значимых для племени вопросов, полное или частичное самоуправление, определенная автономность отдельных частей сообщества при отсутствии ярко выраженного социального центра, тормозили процессы политической централизации, а во многих случаях оказывали им активное сопротивление.

По мнению российского исследователя А.В. Рясова, идеализация племенной «демократии» и отрицание всякой иерархии, конкуренции и специфики политического лидерства внутри «конфедераций» не представляются правомерными. Скорее, отношения между различными частями общества справедливо определять как «уравновешенное противостояние». Ливийские племенные объединения отличались активным соперничеством за пользование природными ресурсами[42].

При значительном стремлении к всеобщей уравнительности как принципу организации общественной жизни и общей тенденции к децентрализации существовало также неравенство политических возможностей и различия в степени обладания властью. Например, лидерство в рамках клана нередко принадлежало наиболее авторитетной семье, на социальный престиж и репутацию которой немаловажное влияние оказывал экономический статус. Непрекращавшееся соперничество между родовыми группами в племени и внутри самих групп приводило к формированию иерархических структур, состоявших из взаимосвязанных частей.

Родоплеменная организация ливийского общества не только не вырождалась с течением столетий, но, напротив, совершенствовалась и развивалась. Разумеется, внешнее

государственное вмешательство (с XVI в. — властей Османской империи) подвергало племенные институты определенной трансформации. Образование городов, развитие торговли и ремесленного производства, внедрение товарно-денежных отношений, реформы в области управления и финансово-налоговой политики, мероприятия по упорядочению системы землевладения не могли не способствовать углублению социальной дифференциации, формированию элит и образованию «племенной верхушки» из наиболее авторитетных шейхов, однако эти процессы не приводили к коренной реорганизации традиционных институтов и тем более к их исчезновению[43].

К середине XIX в. лишь на средиземноморском побережье функционировали структуры, напоминавшие государство в его современном понимании, а на большей части территорий Ливийской пустыни продолжали господствовать родоплеменные социальные отношения. Наибольшей целостностью отличались племенные образования на северо-востоке страны — в Киренаике. Большую часть ливийских племен составляли арабские, но имелись и берберские (в том числе туарегов), а также племена выходцев из соседних стран Африканского материка.

Итак, племенные образования существовали на территории современной Ливии независимо от наличия или отсутствия государства; их следует рассматривать как параллельную политическую структуру, к тому же более древнюю и стабильную, чем государство. Традиционные социальные отношения имели особую устойчивость по отношению к переменчивым внешним факторам. Способность поддержания общественного порядка при полном отсутствии государственного управления, а также широкие масштабы распространения традиционных институтов свидетельствуют об их исторической востребованности и высокой адаптации к сложным природным, демографическим, экономическим и политическим условиям ливийской действительности.

ГЛАВА II

ОРДЕН СЕНУСИТОВ

Основатель ордена — Саид Мухаммед Али ас-Сенуси

После установления Турцией режима прямого управления Триполитанией и Киренаикой, начиная с 1835 г., происходил интенсивный процесс колонизации населения, подчинения его турецким законам. Однако попытки турецких властей распространить эти законы на всю территорию страны наталкивались на сопротивление местного населения, особенно кочевников-бедуинов. Жители восставали против турецкого господства, поддерживали различные религиозные братства, духовные идеи которых больше соответствовали примитивному уровню развития племен, чем официальный ислам, насаждавшийся турками, а также провозглашали идеи национального объединения и борьбы против иностранных завоевателей.

В этих условиях в Киренаике обосновалось братство сенуситов, приспособившее свою религиозную деятельность к племенной раздробленности и к уровню довольно примитивного бедуинского общества.

Орден сенуситов был основан в 1837 г. Мухаммедом Али ас-Сенуси, выходцем из знаменитого арабского рода, давно обосновавшегося на Севере Африки. Этот род прослеживал своих предков от пророка Мухаммеда по линии дочери пророка Фатимы и ее мужа Али ибн Али Талиба, четвертого халифа ислама. К концу VIII в. правнук Фатимы и Али по имени Идрис ибн Абдалла бежал в Северную Африку из Мекки после неудачного восстания против Абассида Халифа и основал свое государство близ Феса. Его ближайшие предки жили в Алжире, где род принял фамилию Сенуси в честь религиозного шейха, который был родом из Тлемсена (в XIII в.). Сенусизм начинался как

возрождение чистой веры раннего ислама и вылился в миссионерское движение по приобщению к исламу отсталых жителей Сахары и привлечению на свою сторону единоверцев, которые разочаровались в официальном исламе, прививавшимся им турками.

Основатель ордена родился в Мостаганеме в Алжире в 1787 г. Юноша с исключительными способностями, он обучался в известном мусульманском университете Карауин в Фесе, где приобрел репутацию выдающегося исламского эрудита. Для получения дальнейших знаний и опыта он оставил родной Магриб и отправился путешествовать через Северную Африку в Мекку, посещая многочисленные места и приобретая друзей и последователей. Этому способствовали его ораторское искусство и религиозное усердие. Он учился в Марокко, затем в престижном каирском университете Аль-Азхар. После успешного обучения в Каире и Мекке (университете Азир) и по возвращении в Хиджаз основал свое братство (орден) сенуситов.

Известно, что одной из ключевых тем в обсуждении теории исламского права является право иджтихада, наиболее близко по смыслу в переводе означающем «интерпретация» или более точно — «работа с источниками вероучения». Из четырех основ, на которых строится исламское право, три — Коран, Сунна и иджма — легко идентифицируются. Но четвертый определяется различными терминами с широкими и несопоставимыми значениями, такими как кияс, рай, иджтихад и др. С этим связано множество жарких споров по исламскому праву.

Среди мусульманских и немусульманских ученых-историков права распространенным мнением является то, что право на независимую оценку источников вероучения было исключено суннитским исламом в X в. или двумя столетиями позже[1]. На этом основывалось выражение «закрыть дверь иджтихада». Современные ученые, в особенности Вайль В. Халлак и В. Монтгомери Ватт, показали, что это не так[2]. На самом деле «дверь» никогда не была полностью закрыта, да и само выражение было в ходу в основном среди исламских ученых. И даже среди них имелось меньшинство, которое считало, что заявлять о том, что «дверь закрыта», неверно, и высококвалифицированные исследователи должны иметь право осуществить иджтихад во все

времена, а не только до того периода, когда вышеназванные четыре источника права были определены.

В целом же концепции различных авторов по иджтихаду схожи. Чтобы найти различия, необходимо внимательно изучать, как эти авторы представляли себе иджтихад, как структурированы различные уровни свободы интерпретации текстов, и дать точное определение того, какого вида иджтихад имеется в виду.

Кнут С. Викор из Бергена изучал мусульманское наследие основателя ордена Мухаммеда Али ас-Сенуси[3]. Он пришел к выводу, что традиции иджтихада поддерживались рядом авторов с конца XVII в. (например, Мохаммед Абду, который акцентировал внимание на этом споре и утверждал, «что двери иджтихада» не могут быть закрыты). То же утверждали Шах Вали Аллах аль-Дувейли, Мухаммед Али аль-Шаукани, Мухаммед Абд аль-Ваххаб, Ахмад Идрис, Мухаммед Али ас-Сенуси и их последователи[4]. Все они отстаивали право иджтихада.

Мухаммед Али ас-Сенуси изучал право в Каире и в Мекке вместе с муфтиями всех четырех канонов ислама и не отдавал предпочтения муфтиям собственной малекитской школы. Он обучался вместе с суфийскими лидерами и воспринимал многие их идеи. Большое влияние на формирование его взглядов оказал его марокканский учитель Ахмад Идрис (1750–1837), линию суфизма которого он принял. Работы Ас-Сенуси по фикху и истории были выдержаны в стиле ученых того времени. Он оставил после себя около 50 книг[5]. Однако не все из них дошли до наших времен и известны только в библиографических списках. Сохранились лишь 10 его работ и несколько других фрагментов. На его потерянные работы, тем не менее, имеются ссылки других авторов (например, на два основных его труда: фахразас «Шумус аль-шарика» и «Будур аль-сафира»).

Из десяти известных исследований Ас-Сенуси три посвящены мусульманскому праву. Это «Шифа ас-садр», «Иказ аль-васнан» и «Бургият аль-макасид фи куласат аль-марасид»[6].

«Бургият» представляет собой трилогию фикха, в которой развивается методология и практика интерпретации. Первая часть обосновывает, почему возможно и требуется использование иджтихада при некоторых специфических обстоятельствах.

Иджтихад представлен там напрямую источниками вероучения, в особенности хадисами. Следующая часть посвящена применению теории на практике (на примере десяти тем в хадисах). В третьей части приведены высказывания других ученых в поддержку взглядов Ас-Сенуси, и снова внимание концентрируется на хадисах, хотя они обсуждают и другие вопросы[7].

Мухаммед Али ас-Сенуси, будучи «благочестивым» ученым, был в то же время весьма убедительным в своей критике египетских улемов за их робкую угодливость османским властям и их духовный консерватизм. Он, в частности, аргументированно утверждал, что ученые-мусульмане имеют право выходить за рамки четырех классических школ исламского права и отстаивать свою интерпретацию Корана, но, в свою очередь, сами обязаны привлекаться к иджтихаду. Неудивительно, что этот «выскочка из североафриканского болота» был осужден религиозными учеными Каира как еретик, и они даже выпустили против него фетву[8].

Ас-Сенуси переехал в Мекку. Там он попал под влияние ваххабитского движения, которое призывало к возврату «чистого» ислама. В пригороде Мекки (Абу-Кубейсе) в 1837 г. он организовал первую завию — религиозно-административный центр братства, названного в честь его основателя. Этот год считается годом возникновения братства (ордена) сенуситов.

Правила ордена были «ясными и вдохновляющими»: возрождение чистой веры и практики ислама в соответствии с учением пророка Мухаммеда и освобождение от догм, ослаблявших его; восстановление единства и силы ислама путем объединения тарикатов, которых было множество, в один глобальный (универсальный) орден, основанный на простых принципах Корана; учить исламу отсталые народы на периферии арабского мира. В письме к жителям Ваджанги в Вадаи (Чад) Али ас-Сенуси, в частности, призвал «проявлять послушание Всевышнему и его пророку Мухаммеду, совершая пять молитв, соблюдая месяц Рамадан, отдавать десятую часть заработка, совершать паломничество в священный дом Всевышнего и избегать того, что Он запрещал — говорить ложь, оскорблять людей за их спинами, незаконно брать чужие деньги, пить вино,

убивать людей, лжесвидетельствовать и другие вещи, которые Всевышний запретил делать»[9].

Орден сенуситов требовал аскетизма и строгой самодисциплины. Употребление алкоголя и табака и ношение богатой одежды и украшений мужчинами было запрещено. Музыка, барабаны, танцы, шествия и хождение по кругу, которые были в практике дервишей, тоже были исключены. Именно развитию такого братства Сенуси посвящал свою жизнь.

Кажется скорее случайностью, чем определенным замыслом то, что Али ас-Сенуси выбрал Ливию в качестве основного поля деятельности своих сторонников в годы формирования ордена. При возвращении из Мекки с частью паломников в Северную Африку его путешествие было прервано болезнью, которая заставила провести несколько месяцев в оазисе Сива, что на границе с Ливией. Пройдя потом Ливию с востока на запад, он достиг границы Туниса, но помехой дальнейшему продвижению явилась оккупация Францией Алжира. Тогда он вернулся назад в Ливию и обосновался в горах Джебель эль-Ахдар в Киренаике. Там в 1843 г. Али ас-Сенуси, которого уже тогда называли «Великим», основал завию, ставшей его резиденцией. Она была названа «завия эль-Бейда» в честь известного мусульманского святого и сподвижника пророка Сиди Рафа. Из этого небольшого поселения в 1843 г. и начался стремительный рост и расцвет братства сенуситов. Его влияние быстро распространилось по всей Северо-Восточной Африке, приобщая к исламской вере необразованные бедуинские племена внутренних пустынных районов Киренаики, Триполитании, Феззана, Египта, Судана, Туниса.

Быстрое распространение учения сенуситского братства среди населения Киренаики обусловливалось прежде всего тем, что в нем была заложена мессианская идея. Проповедь борьбы за возврат к «чистоте» первоначального ислама, порицание богатства и роскоши воспринимались широкими массами кочевого и полукочевого населения как призыв к борьбе с турецкими поработителями, злоупотреблявшими многочисленными феодальными поборами.

Сенуситы упорядочивали социальные отношения внутри племени, завоевывая тем самым расположение к себе

со стороны племенной верхушки. Развитие феодальных отношений в Киренаике сопровождалось переходом бедуинов к оседлости, этому процессу способствовало также развитие товарно-денежных отношений, которые стали более интенсивными с оживлением торговли между Триполитанией и Киренаикой, с одной стороны, и Центральной Африкой — с другой. Племенная верхушка нуждалась в такой религиозно-политической силе, которая защитила бы ее интересы и, способствуя установлению мира и стабильности в стране, позволила бы успешно развивать караванную торговлю с целью дальнейшего экономического развития. Этой силой и стало братство сенуситов, сумевшее приспособить свою деятельность к условиям существования племенной организации. Между системой завий братства сенуситов и племенной организацией бедуинского общества существовала полная гармония.

Сенуситское братство быстро укрепляло свои позиции в вилайете* Триполи, так как цели и характер его деятельности отвечали социально-экономическим и политическим условиям этого района Османской империи.

Потребности развития торговли и сельского хозяйства, а именно все более острая необходимость обеспечить безопасность караванных путей и земледельческих поселений на обширной территории вилайета Триполи, предопределили объединительные процессы в стране. Между тем низкий уровень развития производительных сил порождал обособленность и раздробленность племен, каждое из которых находилось в своем, замкнутом, мире. Хозяйственная самостоятельность племен, вражда между кочевым и оседлым населением, громадные пустынные пространства препятствовали племенному объединению. Немаловажным фактором разобщения и децентрализации являлось разнообразие и противоречивость религиозных верований и представлений. Картина духовной жизни населения внутренних районов вилайета Триполи, несмотря на равнодушное отношение кочевников и полукочевников к предписаниям ислама, в середине XIX в. выглядела довольно пестро. Там можно было встретить как приверженцев ханифизма — ортодоксальной школы ислама, официально принятой в Османской

* Вилайет — административно-территориальная единица в Турции (с 1866 г.).

империи, — так и сторонников различных орденов мусульманских мистиков. С исламом уживались и переплетались идолопоклонство и анимизм. Однако угроза порабощения, связанная с колониальным разделом Африки, явилась мощным стимулом, значительно активизировавшим объединительные процессы[10].

С того времени и до конца XIX в. число завий непрерывно росло: в Киренаике было создано 45 завий, в Триполитании — 28, в Феззане и Куфре — 21, на Аравийском полуострове и в Тунисе — 17, в Египте — 21, во Французском Судане — 14; таким образом, всего к концу XIX в. возникло 146 завий[11].

Хотя Северная Африка была разделена политическими границами, продиктованными иностранными колонизаторами — турками, французами, а позднее британцами и итальянцами, — там не было национальных государственных образований в современном понятии арабского мира. Жители целого региона от Атлантического океана до Персидского залива, были ли они независимы или находились в подчинении у османских султанов, оставались связанными простым арабским родством, языком и традициями и исповедовали преимущественно ислам безотносительно к родоплеменному или этническому происхождению. Политические границы, установленные иностранными завоевателями, были для них временными, они мешали, но никогда не разрушали связи этих людей внутри арабского мира. Ко времени Али ас-Сенуси ислам был принципиальной связующей силой арабов, и основатель ордена сенуситов и его преемники неуклонно противопоставляли свою веру колониальному вторжению, которое угрожало разрушить и перестроить наследие пророка и навязать арабам иностранные образцы правления и взаимоотношений.

В 1856 г. Али ас-Сенуси переместил штаб-квартиру своего религиозного братства в оазис Джагбуб, чтобы избежать вмешательства иностранных завоевателей. Сохранилась интересная оценка переезда Ас-Сенуси в Джагбуб, оставленная современным ему французским писателем:

«Ас-Сенуси, чувствуя приближение смерти (он умер в 1859 г. — *Авт.*) и полагая, что Зеленые горы находятся слишком близко к туркам в Бенгази и иностранным консулам, пребывавшим там, приказал создать новую завию Джагбуб в пустыне,

немного севернее пути из Сивы в оазис Джало. В Джагбубе был только один редко посещаемый солоноватый источник воды в безводной низине посреди оазиса. Были вырыты новые колодцы, и завия расцвела, словно по волшебству»[12].

Еще до окончательного решения вопроса о главном центре сенуситов Ас-Сенуси вел подготовку к освоению оазиса Джагбуб, который в то время играл роль убежища бедуинов, совершавших набеги на караваны. Эта подготовка заключалась в том, что, наряду с созданием завий в восточной части Киренаики, он инициировал работу по восстановлению и обновлению колодцев и водоемов на путях, ведущих к оазису Джагбуб с востока. У отремонтированных колодцев, собственники которых завещали их братству, даже выставлялась охрана[13]. И одно это уже было позитивно оценено местными жителями. Население Джагбуба стало непрерывно расти[14].

Становление братства при Мухаммеде аль-Махди

Основатель ордена недолго прожил после переезда в Джагбуб. В 1859 г. он умер. Дело отца продолжил его старший сын Мухаммед аль-Махди. Оазис Джагбуб, это не подававшее надежд место, каким оно было изначально, стало не только крупным религиозным центром наиболее созидательного и преуспевающего мусульманского ордена своего времени, но и местонахождением мусульманского колледжа, приобретшего такую же репутацию, какую имел Аль-Азхар в Каире.

Сегодня Джагбуб — только значительный памятник истории арабов в Ливии (после падения королевского режима в 1969 г. колледж и мечеть в Джагбубе были закрыты). Украшенная куполом белая мечеть, выложенная камнем из местного карьера, стоит, как и была она построена собственными руками братьев сенуситского ордена, на месте, указанном основателем Ас-Сенуси. Кажется, сама природа оградила это священное место суровым окружением и вложила в него вдохновляющее начало. Можно войти в пространный двор, обрамленный сводчатой галереей, в центре которой находится квадратный водный резервуар для омовений, а на дальней стороне — изящная

резная дверь из эбонита, ведущая в мечеть, прохладное монастырское здание с массивными каменными стенами. Из мечети другая дверь открывает вход во внутреннюю комнату, увенчанную сводчатым куполом, раскрашенным в зеленый, красный и золотой цвета. На этаже под куполом находится изящно выделанная бронзовая решетка с арочной дверью в центре. На передней части решетки закреплены две панели, на одной из которых выписаны генеалогическое дерево Ас-Сенуси, на другой — микроскопический текст Корана. Сенуситский лидер, хотя и был для ливийцев пришельцем, искренне искал для них «чистую форму» ислама, «не осквернённую контактами с материальным миром», — таким образом он намеревался привнести в их быт новую надежду и духовное начало.

Менее впечатляющее, но равное по интересу здание колледжа, примыкающее к мечети. Достаточно вспомнить, что во времена основания ордена в Ливии фактически не было школ, и одно из главных усилий ордена было направлено на создание центров обучения, в которых мальчики могли получить простое образование, познать основы ислама, научиться читать и писать. Джагбубский колледж состоял из квадратного двора, в одном из углов которого находилась длинная классная комната с плоской крышей и арочными окнами и углублениями между ними вдоль стен для учебников. На другой стороне двора — небольшая дверь, ведущая на кухню, где ученики сами готовили себе еду. В дверном проеме широкие каменные ступени ведут вверх к ученическим комнатам. Ко двору примыкала большая библиотека, содержавшая около 8000 арабских книг и манускриптов (из Египта, Сирии, Хиджаза, Туниса, Марокко, Турции) по вопросам шариата, мистицизма, философии, истории, астрономии, астрологии, поэзии. Библиотека была разграблена и разрушена итальянскими фашистами в 1930-х гг.

Образовательная работа в Джагбубе была важной частью распространения сенуситского учения. Учителя были известными братьями ордена, такими, например, как Ахмад ар-Рифи, марокканский учитель Саид Махди и бывший главный советник Мухаммеда ас-Сенуси. Цикл обучения включал изучение Корана и хадисов, арабский язык и синтаксис, историю и географию, логику и арифметику. Летние занятия проводились

в прохладной мечети, зимние — в длинной классной комнате. Практические навыки также составляли важную часть обучения. Ученики получали знания по строительству, плотницким работам и работам по металлу, прядению и ткачеству, красильному делу, переплетным работам, плетению циновок и выпеканию хлеба. По пятницам после молитвы в мечети проходили физические занятия, включавшие обучение верховой езде и стрельбе из лука. Жизнь в Джагбубе была трудная, еда — скромная. Обучавшиеся молодые люди получали в качестве дневного рациона порцию испеченного хлеба, финики и йогурт на завтрак, чечевицу или бобовый суп с хлебом на обед и ужин. По пятницам они ели мясо. Каждый из них один раз в полгода получал одежду, состоявшую из двух рубашек, двух шапочек, двух свободных хлопковых брюк и одного шерстяного платья. От всех требовалась чистота и опрятность в одежде, которую они стирали каждую неделю[15].

Молодежь поступала в колледж в возрасте 15 лет из близлежащих и отдаленных районов Северной Африки. После пятилетнего обучения все возвращались в родные места и передавали свои знания учащимся местных школ. Некоторые из них становились членами братства — посвященными миссионерами, которые составляли костяк ордена. За годы своего существования колледж в Джагбубе неузнаваемо расцвел и был закрыт лишь во время итальянской оккупации в 1930-х гг. Позднее образовательную миссию колледжа приняли другие современные школы и сенуситский университет в Аль-Байда. Мухаммед Шериф, брат Аль-Махди, стал главой университета, что позволило Мухаммеду аль-Махди сосредоточить усилия на организационных делах ордена и распространении сенуситского учения в отдаленные районы Африки. Когда Аль-Махди принял руководство орденом, число завий было от 50 до 60, главным образом в Киренаике, Триполитании и Хиджазе. В период его 43-летнего правления число завий достигло около 150, из которых 30 было в Египте, 16 — в Хиджазе, 88 — в Ливии и около 16 — в Центральном Судане. Ливанский историк Н. Зияда в своей книге «Сенусия» пишет: «По существу, деятельность братства проходила среди людей пустыни... С одной стороны, жители пустыни нуждались в нем, с другой — основатель братства

обращался с призывом в основном к ним, так как они были менее развращены, чем жители городов»[16]. «Братство опиралось на племена, а не на города, — писал Эванс-Причард. — Завии создавались племенами и племенными фракциями, которые считали завии своим племенным институтом»[17]. Больше всего завий еще во времена Мухаммеда Али ас-Сенуси было создано в районах Зелла, Сокна, Хун, Уаддан, где их формирование закончилось к 1855 г. Завии были построены в оазисах, поскольку они, помимо всего прочего, играли роль перевалочных пунктов и торговых центров, а также потому, что жители оазисов были экономически заинтересованы в них больше, чем бедуины. Анализ социального состава населения оазисов свидетельствует о том, что большая часть местных жителей происходила из среды обедневших кочевников, марабутов ас-садака, вольноотпущенных рабов. Это-то и дало возможность Эванс-Причарду утверждать, что «сенуситское братство производило более сильное религиозное впечатление на население оазисов, чем на кочевников»[18]. Большинство завий впоследствии было разрушено итальянскими колонизаторами, которые рассматривали их как опасные враждебные центры.

Повсеместно завии строились по такому же простому принципу, как и в Джагбубе, но в меньшем масштабе. Они включали мечеть, класс для занятий, комнату для гостей, дома для шейха и учителей, спальню для воспитанников и складское помещение. Здания сооружались из местных твердых пород и песка с пальмовой крышей, поддерживаемой деревянными балками.

Поселение было, как правило, окружено стеной, в плодородных местах разводился сад, где росли фруктовые деревья и овощи, поливавшиеся водой из близлежащего источника. Завия служила многим целям. Это было не только место для молитв и обучения, но также и место справедливого суда, торговый центр и караван-сарай, сельскохозяйственный центр населения пустыни. Шейх был главным священнослужителем, школьным наставником, арбитром в родовых спорах и кади (судьей), использовавшим исламские законы или шариат при рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел. Богатые люди сооружали при завии свои дома, где жили в жаркий сезон; там же они предпочитали хранить ценные вещи. Построенные

в завии частные дома не могли быть проданы, и в случае если кто-либо из их владельцев покидал завию, шейх поселял в эти дома вновь прибывших. Территория, на которой располагалась завия, считалась священной и называлась харамом. В хараме обеспечивалась безопасность всем, кто вступал на него, прося помощи и защиты, ибо там не разрешалось применять оружие, затевать ссоры и т. д.[19] К хараму относились также обрабатываемые земли, колодцы, водоемы для хранения дождевой воды[20]. Многие завии имели небольшие сады и даже кладбища[21].

Завию возглавлял шейх, при нем имелся совет, куда входили заместитель шейха и знатные представители племен (или их фракций), связанных с завией. Совет обсуждал различные вопросы и разбирал возникшие споры, последние разрешались как при помощи шариата, так и в соответствии с обычаями и традициями[22]. Шейх, как подметил Арслан Шекиб, нес всю ответственность за завию и за состояние дел в племени, на территории которого она находилась, а также доводил до населения приказы главы братства сенуситов. Его заместитель следил за обработкой земли и занимался всеми экономическими вопросами. Кроме того, в завии был духовный наставник — имам, который проводил молитвы в мечети, обучал детей Корану, заключал браки и отпевал покойников[23].

Функции шейха и имама Эванс-Причард характеризовал следующим образом: «Он (шейх) выступал от имени главы ордена, являлся третейским судьей в спорах бедуинов, вдохновлял племя на священную войну, действовал как посредник между племенем или его фракциями и турецкой администрацией, проявлял гостеприимство, возглавлял кампанию по сбору десятины — ашара, руководил культивацией зерна, заботился о запасах, отправлял излишние доходы в резиденцию главы ордена, действовал как имам в пятницу, оказывал помощь в ведении проповедей и в обучении. Имам проводил ежедневные молитвы среди верующих, обучал их Корану и шариату. В школе завии преподавалось также чтение, письмо и арифметика. Специальный муэдзин призывал правоверных на молитву»[24].

Земли завий — это вакуфные земли. Они не могли продаваться и были закреплены за завией навечно. Эти земли расширялись за счет пожертвований, осуществляемых племенами

и отдельными лицами, купли, возделывания заброшенных и пустующих земель и ремонта разрушенных колодцев, изъятия у племен спорных территорий в пользу завии, использования земли для культивации с разрешения ее владельца и постепенного присвоения ее[25].

По словам ливийского историка аш-Шагба, каждый, кто желал поселиться в завии, получал участок земли для обработки и необходимые сельскохозяйственные орудия. Однако эта земля не была личной собственностью и не могла передаваться по наследству[26]. Поскольку завии имели достаточно земли, богатые лица использовали для обработки своих наделов слуг, рабов, принятых в завию на основе рекомендации. Таким образом, община завии частично жила своим трудом, а частично — за счет труда по найму. В период сева или сбора урожая шейх завии разбивал свою палатку рядом с районом, который предназначался под зерновые или где шла уборка урожая, и следил за работой. Местные бедуины приходили со своим рабочим скотом, пахали и сеяли для завии в течение одного дня; так же было и в период сбора урожая[27]. Община завии, как пишет Арслан Шекиб, привыкла к тому, что каждый член племени добровольно помогал ей один день во время пахоты и один день во время сбора урожая и молотьбы. Это позволяло завии возделывать земли и собирать урожай без больших затрат[28].

Жизнь в завии строго регулировалась. Даже для шейха установленный порядок считался обязательным[29].

В конце года шейх завии лично представлял главе братства подробный отчет о своей деятельности и свои предложения на будущее. Обычно при этом его сопровождали знатные представители племени[30].

Шейхам племен выгодно было иметь у себя завии. Они даже посылали своих представителей к главе братства с просьбой о строительстве у них завии и выражали согласие содействовать их развитию. Это укрепляло личные связи между племенами и братством. В книге итальянского историка М. Колуччи приводится пример, как племенные фракции барагта, турш динал, шилмани взяли на себя обязательства в подписанном шейхом племени документе приносить завии Токра дары — скот и часть урожая, предоставлять верблюдов для перевозки

продуктов и товаров в Джагбуб, помогать завии во время сева, в строительстве и других работах, а также защищать ее и всех тех, кто в ней будет жить. «Каждый за завию и завия за каждого», — гласил этот документ[31].

По установившемуся порядку члены племени, во владениях которого находилась завия, должны были платить ей десятину с собранного урожая; они же делали завии разные подношения, когда им случалось посетить ее или когда шейх завии давал знать, что нуждается в чем-то. Часто шейх завии обращался к бедуинам за помощью в снаряжении караванов, направляемых, например, в Джагбуб или Куфру.

Расцвет влияния сенуситов

Сенуситские завии, возникшие как религиозно-административные центры, постепенно превратились в органы гражданской администрации и кроме управленческой функции выполняли еще и религиозную, и образовательную. Жители завий и бедуины, на территории которых находились завии, все более вовлекались в социально-экономические отношения, имевшие характер феодально-теократических. Со временем завии росли и процветали. Пример их состоятельности, когда орден сенуситов находился в зените своего развития (1880–1900), 14 завий в Киренаике владели 125000 акров земли и одной третьей частью всех деревьев в оазисе Куфра[32]. Эти богатства являлись результатом добровольных пожертвований местных племен, которые тоже платили десятину согласно исламским обязательствам.

Становлению и расширению деятельности братства сенуситов способствовал культ святых, широко распространенный в Северной Африке. Некоторых людей объявляли святыми еще при жизни. Благодаря суфизму этот противоречивший единобожию культ святых — марабутов — быстро распространился в мусульманском мире. О совершаемых святыми «чудесах» существовали легенды, которые передавались из поколения в поколение. В глазах неграмотного народа, всегда готового уверовать в «чудеса», святые казались более реальными, нежели величественный и далекий Аллах.

Бедуины не забывали своих святых и после их смерти. Они молились за них, навещали их могилы, разбросанные по всей территории страны. Над некоторыми могилами святых возвышались гробницы с белыми куполами[33]. Все эти гробницы время от времени посещались бедуинами, которые здесь молились или отдыхали. Гробницы были расположены на границах владений отдельных племен или их фракций. Могилы святых всегда считались нейтральной территорией, которая была местом встреч шейхов разных племен или фракций. Нередко случалось, что два племени, оспаривавшие какую-либо территорию, решали передать ее умершему марабуту — своему посреднику в делах, а вернее, его живым потомкам. Так возникали владения племен марабутов, расположенные между территориями свободных племен или их фракциями[34].

Такое уважительное отношение бедуинов к своим марабутам подготовило благоприятную почву для распространения влияния братства сенуситов.

До приезда в Киренаику основателя братства Мухаммеда Али ас-Сенуси там уже действовали два видных марабута — один в восточной части плато Барка, другой в западной. Это были Ахмед Абдаллах Сакури и Мартади Фаркаш, которые одновременно с разрешением межплеменных споров тоже проповедовали ислам. Они считались марабутами биль барака — носителями таинственной духовной власти (барака), которая может переходить от марабута к его потомкам и ученикам. Они сразу же стали последователями Мухаммеда Али ас-Сенуси, прибывшего с помощниками и учениками из Алжира[35].

В практике сенуситов широко использовалась барака. Она распространялась на племя или его фракцию через шейха завии, который получал таинственную духовную власть непосредственно от главы братства и мог передавать ее своим потомкам. Племя или его фракция, благодаря построенной на его территории завии, также становилось обладательницей бараки. Шейхи завии, используя бараку, воздействовали в нужном им направлении на необразованных бедуинов, склонных к предрассудкам[36].

При организации братства прежде всего было учтено положение марабутов в племенной структуре общества. Всех членов

братства — ихванов — бедуины считали марабутами биль барака. В отличие от марабутов (XIV — начало XIX в.), не имевших своей организации, ихваны были членами единого сенуситского братства. Таким образом, братство опиралось не только на престиж, приобретенный марабутами в течение многих десятилетий среди бедуинов Киренаики, но и на преимущества, вытекавшие из самой системы их организации.

Структура братства обусловливала объединение разрозненных культов святых в единое целое и позволяла подчинить многочисленные завии единому религиозному и светскому руководству в лице главы братства. В то же время братство строилось с учетом племенной обособленности и стремления племен и их фракций к возможно большей независимости от центральной власти, в неприкосновенности своих прав и привилегий. Завии сенуситов являлись центрами местных культов святых, но одновременно они представляли собой звенья единой суфийской организации. Через завии почти все племена Киренаики были связаны воедино.

Для того чтобы распространять сенуситское учение в отдаленные районы, было необходимо основать эффективную систему сообщения для обеспечения завий необходимым для их существования и наблюдения за их деятельностью. Другим большим достижением Мухаммеда аль Махди было открытие караванных маршрутов, связавших Джагбуб с другими завиями. Эти пути использовались не только курьерами, державшими главу ордена в курсе происходивших событий в завиях, но и торговцев с караванами и паломниками на пути в Мекку и обратно. Завии обычно строились у источников воды в оазисах на маршрутах и имели дома для отдыха путешественников, которые могли получить три дня свободного размещения согласно мусульманским традициям. По мере того как развивалась торговля между Центральным Суданом и Средиземноморьем, число караванов возрастало и завии, расположенные на их пути, становились процветавшими торговыми центрами и местами для отдыха и восстановления сил, где путешествующие могли пополнить свои запасы еды и воды и торговать с местными жителями.

Наиболее важные караванные маршруты, установившиеся при Махди, были связывавшие Бенгази и ливийское побережье с Абешем, столицей Вадаи в Центральном Судане. Этот маршрут развивался на основе личных связей Мухаммеда Али ас-Сенуси и Мухаммеда Шерифа, султана Вадаи, их дружбе, которая зародилась в Мекке еще в 1830-х гг. Благодаря их огромному влиянию на племена Ливийской пустыни сенуситы смогли сделать этот маршрут наиболее безопасным и процветающим в Северной Африке. Сенуситы использовали путешествия с караванами для управления делами посредством платы за опеку торговцев, желавших безопасно пересечь территорию какого-либо племени. Те обращались к представителю Мухаммеда Али ас-Сенуси, который согласовывал необходимую защиту в обмен на плату. Эта защита была основана на контракте с племенами, обеспечивавшими необходимое сопровождение. При режиме сенуситов даже женщина могла путешествовать одна и быть уверена в своей неприкосновенности на протяжении около 2000 км дороги через горы и пустыню между Суданом и средиземноморским побережьем. На этом пути шел регулярный поток караванов с разными товарами — очищенное масло, александрийский лист, кунжут, слоновая кость, страусиные перья — и золото из Центральной Африки на рынки Ливии и Египта, и возвращались караваны с одеждой, сахаром, чаем, кофе, солью, финиками и мануфактурными товарами.

В Киренаике укреплению братства способствовала ограниченная, по сравнению с Триполитанией, роль городов как торгового центра, и они оказывали сравнительно небольшое влияние на внутреннее социально-экономическое развитие, ибо были небольшими и менее развитыми, чем в Триполитании. Процесс общественного разделения труда в сельском хозяйстве Киренаики и связанный с ним рост внутренних и внешних торговых связей, обмен продукцией между оседлым населением оазисов и кочевыми бедуинами пустыни неуклонно развивались. Поскольку города были главным образом опорными пунктами турецкой администрации, племена стремились ограничить свою торговлю с ними, чтобы избежать контроля турок. Внутренние районы Киренаики тяготели больше к торговым центрам на территории Египта.

Бенгази — торговый центр прибрежной Киренаики. Путешественник П. Чела, посетивший этот город в 1817–1818 гг., сообщал, что в то время в Бенгази насчитывалось 5 тыс. жителей, половина из них — торговцы-евреи[37]. За период вторичного утверждения господства турок (1835–1911) население Бенгази значительно возросло и в 1911 г. составляло 16,5 тыс. человек[38].

Другой сравнительно крупный город Киренаики — Дерна. По словам П. Челы, население Дерны в 1816 г. было невелико, так как многие погибли от чумы, но в 1911 г. там проживало 9,5 тыс. человек[39]. Дерна была торговым городом.

В глубине Киренаики (в 120 км от побережья) процветал город Эль-Мардж, возникший после того, как в 1842 г. турецкие власти соорудили на месте развалин Барки военный форт, вокруг которого постепенно вырос город. Имелись и другие сравнительно крупные населенные пункты (Шаххат, Тобрук) с населением по несколько сотен человек. Контакт между жителями этих городов и бедуинами, конечно, существовал, но был незначителен.

В целом кочевники и полукочевники сторонились горожан хотя бы потому, что многие из них были выходцами из других стран. Подобное же отношение наблюдалось и к обедневшим кочевникам, которые порвали с племенными традициями и переселились в города. Тем не менее в некоторых городах также были созданы сенуситские завии. Так, в Бенгази завия была основана в 1870 г., в Триполи — в 1882 г.[40] Членами братства становились также купцы, торговавшие с внутренними районами страны или занимавшиеся караванной торговлей с Центральной Африкой. Став членом братства, торговец получал ряд преимуществ при заключении сделок и при передвижении по территории страны.

Руководители братства и ихваны применяли все средства, чтобы распространить влияние сенуситов на жителей городов и сел. Однако они встречали упорное сопротивление со стороны турецких властей, особенно в Триполитании.

В Триполитании турецкая администрация, разместившаяся в городах, подчинила себе все оседлое население, которое издавна находилось в большой зависимости от городов, где оно реализовало сельскохозяйственную продукцию и приобретало

товары кустарного производства. Феодальные отношения среди городского и земледельческого населения Триполитании получили развитие еще в период господства династии Караманли. После ее падения турецкие власти полностью взяли на себя защиту интересов местных феодалов и возложили на них некоторые функции местного управления. Общность интересов местных феодалов и турок проявлялась в совместной эксплуатации оседлого населения путем взимания с него налогов и поборов. Любые попытки, направленные против социальных привилегий, встречались в штыки. Вот почему феодальная верхушка, увидев в действиях сенуситов реальную угрозу своим привилегиям, решительно мешала им.

Распространение учения о возврате к чистой вере наталкивалось на сильное сопротивление ортодоксальных мусульманских деятелей, преподававших в университетах ряда городов — в Фесе (университет Аль-Карауин), Тунисе (Аз-Зайтуна), Каире (Аль-Азхар).

Встретив сопротивление распространению своего учения в арабских странах, руководители сенуситского братства сосредоточили все внимание на миссионерской деятельности в районах Центральной Африки, куда еще не проникли колонизаторы и где население в основном поклонялось различным местным божествам. Насаждая ислам в этих районах, братство вместе с тем укрепляло в них и свои религиозно-политические позиции. Они постепенно перемещали административный центр братства на юг, в районы, близкие к Тропической Африке[41]. В 1856 г. Мухаммед Али ас-Сенуси перенес резиденцию из Аль-Байда в Джагбуб. Его преемник Мухаммед аль-Махди ас-Сенуси в 1895 г. сделал своей резиденцией оазис Куфру, а в 1899 г. — оазис Куру[42].

При Мухаммеде аль-Махди ас-Сенуси (1859–1902) окончательно сформировалась организационная структура сенуситского братства. Формально все завии подчинялись главной завии, а все шейхи — главе братства. Утверждение в мусульманском братстве всеобщей податной повинности — закята — привело к созданию особой государственной казны — бейт аль-маль. Появление последней способствовало образованию других звеньев феодализированного государственного аппарата. При

Мухаммеде аль-Махди ас-Сенуси был учрежден совещательный совет, который занимался финансовыми вопросами (сбором закята, учетом различного рода подношений и пожертвований); он же стал ведать вопросами просвещения (составлением учебных программ, обеспечением учащихся и контролем за их поведением), административными вопросами (назначением шейхов и контролем за их деятельностью), внешними сношениями (приемом иностранцев, ведением с ними переговоров и переписки). Этот совещательный орган представлял собой как бы прообраз будущего правительства Ливии[43].

В первые десятилетия существования братства шейхи завий долго не задерживались на одном месте. Построив завию, они отправлялись выполнять новые миссии. Поэтому, естественно, они не стремились присваивать недвижимое имущество завий, а пользовались им наравне с другими членами завий. Однако со временем вошло в практику закрепление за шейхом определенной завии. Ему наследовал сын или иной родственник с одобрения верхушки племени или фракции, а также руководства соседних завий. Праву наследования в немалой степени способствовало сращивание семьи Ас-Сенуси с семьями шейхов завий и ихванов.

Почти все сенуситские шейхи не были местными жителями. Так, роды Дардафи и Исмаили прибыли из Триполитании, Гомари — из Марокко, Аммур, Бу Джибали и Каттаб — из Алжира и т. д.[44] Бедуины смотрели на сенуситов со смешанным чувством уважения и снисходительности. Они воспринимали их как обладателей бараки, носителей святости и скрытой духовной силы, относились к ним как к религиозным деятелям, называя их сиди, с уважением внимали их увещеваниям и предостережениям; но в то же самое время они не считали их «чистокровными детьми пустыни». Марабутов-ихванов бедуины относили к совершенно иному типу людей, поведение и образ жизни которых представлялись им глубоко отличными от поведения и образа жизни обитателей шатров. Если марабут умел читать духовные книги и молиться, то бедуину все это было чуждо. Ихванам и бедуинам запрещалось устанавливать родственные связи[45].

Родство между некоторыми семьями сенуситов позволило им установить контроль над землями и имуществом нескольких завий. К таким семьям относились семьи Гомари, Калили, Фаркаш, Ашхаб, Каттаб. Семья Дардафи могла с полным основанием заявить, что она владеет завией Шаххат, семья Исмаили — завией Файидия, семья Аммур — завией Кафанта[46]. Перенесение сенуситского центра вглубь страны — в оазис Куфра, а затем в оазис Куру — еще более затруднило управление завиями и связь с ними. Разбросанные по стране, отделенные друг от друга большими пустынными пространствами, завии оказались изолированными, а наиболее удаленные от центра завии стали пользоваться полной автономией.

В середине 1895 г. Мухаммед аль-Махди перевел свою штаб-квартиру из Джагбуба в Куфру, оазис в центре Ливийской пустыни. Основной причиной перемещения была необходимость найти такое место, откуда можно было бы непосредственно руководить сенуситским движением в независимости от турецкого вмешательства. В течение многих лет Куфра был отдаленным сенуситским поселением в 1000 км от побережья, на котором распоряжались турки, и разделенным почти безводной пустыней, и это представлялось достаточно безопасным местом. Хотя политика сенуситов всегда сводилась к поддержке хороших отношений с турецкими властями, которые, в свою очередь, предоставляли сенуситам значительную свободу действий, эта позиция стала изменяться с 1889 г., когда султан Абдул Хамид II обратил внимание на то, что влияние сенуситов в Киренаике распространяется быстрее, чем турецкого губернатора. В 1889 г. Рашид-паша, губернатор Киренаики, посетил Джагбуб во главе военной делегации с предложением Мухаммеду аль-Махди посетить Стамбул. За этим визитом последовали визиты других эмиссаров с подарками от султана, и главе сенуситов стало ясно, что, в соответствии с практикой османских правителей по отношению к арабским лидерам, чье влияние угрожало имперской власти, они сами и их семьи отправлялись в ссылку в Стамбул.

В начале 1895 г. приготовления к переезду были закончены и Мухаммед аль-Махди со своей семьей и основными последователями покинул Джагбуб и совершил сорокадневный переход

через Джало в деревню Аль-Джоф, которая стала их новым домом. Казалось, что турки вполне были счастливы видеть отъезд сенуситов и послали в Джало большое количество официальных лиц с пожеланием успехов и удачи. Сенуситы прибыли в Аль-Джоф, и Мухаммед аль-Махди с присущей ему энергией занялся строительством мечети, школы и домов на гребне горы на высоте ста метров над вади, где жили сельские жители и росли финиковые пальмы. Это место называлось Тадж и оставалось главным сенуситским центром вплоть до итальянской оккупации в 1936 г. Благодаря своей удаленности от турецкого влияния, Аль-Джоф имел преимущества важного поста на караванном пути из Вадаи к Средиземному морю и удобно расположенным центром для миссионерской деятельности сенуситов в транссахарских районах.

Мухаммед аль-Махди прожил в Куфре только пять лет, но в течение этого времени он смог превратить это место в цивилизованный и бурно развивающийся центр. Семена цветов и овощей, фрукты были завезены из Египта и посажены в узкой длинной долине среди пальм, снабжались водой из многочисленных источников. Оазис был окружен совершенно безводной пустыней, обжигающе жаркой летом, и было большой удачей, что оазис так хорошо снабжался подземной водой в таком суровом и негостеприимном месте. Сенуситы использовали метод ирригации, известный на Ниле как «журавль», когда вода поднимается из колодца в кожаных бадьях, подвешенных на деревянном рычаге, и наливается по узким каналам, ведущим на маленькие поля. Из овощей выращивались томаты, лук, кабачки, бобовые и редис. Из фруктов, кроме неотъемлемых фиников, — виноград, инжир, оливки, миндаль, бананы, дыни и лаймы. Пшеница, ячмень и просо выращивались для муки, люцерна — в качестве корма для скота, розы, хна и мята — для чая и розовой воды, широко используемой в арабском мире. Также в оазис были привезены лошади и ослики для верховой езды, козы для молока и куры для обеспечения скудной мясной еды.

Чтобы сохранить свою независимость и противостоять проникновению колониального влияния, сенуситами были отданы строгие предписания для предотвращения визитов

иностранных исследователей, для кого путешествие в загадочную пустынную цитадель представляло непреодолимо сложную задачу. Сенуситскими фанатиками распространялись истории с целью запугать таких людей преувеличением опасностей, с которыми они могут встретиться. Сенуситы, однако, никогда не устраивали засады и не нападали на путешественников, такое поведение шло бы вразрез с теми мирными принципами, которые они неутомимо проповедовали и которым неукоснительно следовали.

В те дни Куфра находилась в 40-дневном переходе верблюжьего каравана от Бенгази. В наше время дважды в неделю осуществляются воздушные перелеты, занимающие пару часов. К началу XXI в. Куфра — это место, лишенное времени, его удаленная уединенность не нарушается волнениями, которые сотрясают остальной мир. В его укромных лесах лежат широкие соленые озера, обрамленные неисчислимыми пальмами с самыми сладкими финиками. Вместе с тем после введения в эксплуатацию в конце XX в. «великой рукотворной реки», подающей воду по полутораметровым трубам с юго-запада страны к средиземноморскому побережью, как ни странно, начал катастрофически понижаться уровень воды в оазисе Куфра, расположенном от начала «великой реки» на расстоянии более тысячи километров. В результате многие фермы оазиса обезлюдели и закрылись.

А в те далекие времена, в период 1890–1900 гг., в среднем караваны из 200–300 верблюдов приходили в Джало из Куфры каждую неделю. В наиболее удачные дни в 1860–1905 гг. до 10 верблюжьих караванов с полной выкладкой шли из Куфры по разным направлениям. Именно вдоль этого караванного пути сенуситы осуществляли свой надзор. Это делали и братья ордена, и выпускники Джагбубского колледжа, вернувшиеся в отдаленные районы Африки — в Дарфур (западный Судан), в Тибести, Борку, Вадаи, Канем, Борну, Багирми в Чаде, в Кано и Зиндер в Нигерии. Известность сенуситов достигла даже сенегальского побережья на Атлантике, откуда группа паломников, преодолев почти 5000 км через всю Африку, в 1879 г. посетила Мухаммеда аль-Махди в Джагбубе. Ободренные своим

успехом, они без проблем вернулись домой, поставив целью своего следующего путешествия Мекку[47].

Занятое мирной и созидательной трудовой деятельностью сообщество сенуситов спокойно и счастливо жило во время 43-летнего правления Мухаммед аль-Махди. За это время у него родились два сына — Мухаммед Идрис в Ливии в 1890 г. от его жены Аиши, женщины из сиртского рода Бу Саифи, и Мухаммед ар-Рида, двумя годами позже, от его жены Фатимы из джебель-ахдарского рода Умран. Также у него было три дочери — Сафия, Нафиза и Хусния. Выбор Джагбуба был благоприятным и никакие злоключения не омрачали пребывание семейства Сенуси в этом тихом и уединенном месте.

В 1899 г. Мухаммед аль-Махди решил переселиться из Куфры в поисках другого центра в более населенной стране к югу от Ливийской пустыни. Вероятно, он полагал, что наиболее перспективным местом для миссионерской деятельности сенуситского ордена будет Судан, населенный полуязыческими жителями. Первоначально он планировал обосноваться в горах Марра в районе Дарфура в Западном Судане, огромном и неразвитом районе с большим населением и достаточными землями для культивации и разведения домашнего скота. Хотя аль-Махди имел хорошие отношения с Али Динаром, султаном Дарфура, последний отклонил его предложение, не без страха полагая, что размещение в самом сердце его территории такого центра, каким был религиозный орден сенуситов, потенциально угрожало его собственной власти. Тогда аль-Махди принял предложение султана Вадаи, выделившего ему участок земли в оазисе Куру в северо-восточной части массива Тибести[48].

Путешествие в Куру началось в октябре 1899 г., где уже была обустроена завия — построены дома, подготовленные к переезду семейства Сенуси. Небольшую экспедицию возглавлял сам Мухаммед аль-Махди. В нее входили его сыновья, племянники и около двух сотен единомышленников — только одни мужчины.

Караван проследовал по маршруту из Куфры в Абеше в южном направлении к колодцу Бишара, где много лет назад сенуситы открыли источник воды на глубине пятидесяти метров. Далее они продолжили путешествие по безводной

пустыне через Сарра в Текро, где все колодцы по пути оказались сухими. После Текро ландшафт сменился на степной с каменистыми хребтами и вади, с растущими в них акациями и пальмами, омываемыми мелкими родниками. Первой деревней Вадаи, которой достиг караван, была Ваджанга, позднее переименованная в Квиньянгу, где находилась одна из сенуситских завий. Там раскинулось большое озеро, окруженное тростником и финиковыми пальмами, богатое рыбой и заселенное чирками и дикими гусями. От Ваджанги группа повернула на Тибести и достигла Куру через три дня.

Куру — одинокое место в вади, ведущему к горе Эми Куси. Чернокожие жители тиббу (тубу) приветствовали прибытие каравана и помогли с размещением и едой. Жизнь в Куру была тяжела и примитивна, поскольку на месте производилось слишком мало еды. Сенуситы организовали доставку муки и фиников с юга, но не могли хорошо акклиматизироваться в ветреной горной стране с изменчивым климатом с его неожиданными штормами и облачностью, значительно отличавшимся от сухого климата пустыни[49].

Мухаммед аль-Махди заболел и внезапно умер от лихорадки в начале июня 1902 г. Это было большим ударом для сенуситов, и старейшины поселения решили вернуться с телом своего духовного учителя в Куфру.

Мухаммед аль-Махди сумел удачно претворить в жизнь многие заветы своего отца и основателя ордена Мухаммеда ас-Сенуси. Он принес мир и порядок в районы, куда проникли идеи сенуситов, демонстрируя своим поведением как уважение обычаев местных жителей, так и обеспечивая должное соблюдение норм ислама в их повседневной жизни. Без преувеличения можно сказать, что сенуситское движение в Ливии во второй половине XIX в. дало, особенно бедуинам отдаленных районов, спокойствие, моральное и экономическое улучшение, которого они не знали прежде. Сенуситы ратовали за единство и братство, основанное на принципах ислама, чего там тоже не знали ранее.

Преждевременная смерть лидера сенуситов явилась сильным шоком для его последователей и большим несчастьем для всего ордена. Новость распространилась далеко по пустыне

и была столь огорчительной, что многие отказывались верить в нее. Складывались и росли легенды о том, что Мухаммед аль-Махди ушел в таинственное путешествие в пустыню и однажды вернется, чтобы повести ислам к его былому величию.

Сын основателя ордена Мухаммед аль-Махди ас-Сенуси был хорошим организатором и харизматическим оратором. Столицей сенуситов была Куфра, и 150 завий по всей Сахаре распространяли сенуситское учение. Жесткое турецкое управление только разожгло призыв сенуситов оказать сопротивление иностранным оккупантам. Знаменательно то, что Мухаммед аль-Махди преуспел там, где многие до него терпели неудачу, организуя защиту и лояльность к властям берберских племен Киренаики.

За 75-летний период своего правления в Ливии османские турки сменили 33 губернатора — ни один из них не оставил и следа в истории и не смог сделать то, что удалось сенуситским лидерам.

Культурология сенуситов

Расцвет ордена, который пришелся на вторую половину XIX в., хронологически совпал с духовным подъемом в странах мусульманского мира — нахдой.

Главной заслугой реформаторской деятельности ас-Сенуси, которого иногда называют идеологом йакзы — начала собственно ливийского возрождения[50], считается создание им основ унифицированной системы традиционного образования в сельских районах Киренаики. Английский исследователь Т. Блансам считает, что открытые ас-Сенуси начальные коранические школы — куттабы — и первый ливийский университет в оазисе Джагбуб стали «первыми шагами по созданию организованной системы образования, просуществовавшего вплоть до наших дней»[51].

В его резиденции, оазисе Джагбуб, в 1855 г. был основан колледж — второе, как утверждает Эванс-Причард, по значению духовное учебное заведение в Африке после знаменитого Аль-Азхара, где преподавали ученые-богословы из Аравии,

Алжира, Туниса и Судана[52]. Там же по инициативе основателя братства была создана и открыта для широкого доступа большая библиотека, насчитывавшая восемь тысяч томов по вопросам исламского права, юриспруденции, мистицизма, философии, истории, химии и поэзии. Особо почитаемое среди первых сенуситов поэтическое творчество было представлено диванами известных средневековых поэтов (суфийских в том числе) и авторов XIX в., как, например, одного из пионеров тунисской нахды — Махмуда Кабаду (1813–1871).

В остальных районах Киренаики, контролировавшихся сенуситами, открывались куттабы — коранические школы, которые, как правило, существовали при каждой завии. Помимо изучения Корана их главной целью являлось обучение азам чтения и письма, поскольку, как пишет известный ливийский историк ат-Тайиб аль-Ашхаб, «когда возникала необходимость что-то прочесть, бедуин в поисках грамотного человека шел в город»[53].

Братство отводило важную роль маджлисам — своего рода литературным клубам, где сенуситские шейхи вели ученые беседы и обсуждали стихи своих поэтов. В совете сенуситских старейшин бытовало мнение, что поэзия — это способ «исключительного самовыражения, свидетельство незаурядности ее творца, его превосходства над теми, кому эта поэтическая форма недоступна»[54]. Поэтому с первых дней деятельности братства стихосложение, становясь одной из популярных среди сенуситов форм досуга, приобрело также статус весьма престижного занятия.

Интересно отметить, что и сам основатель братства Мухаммеж Али ас-Сенуси пробовал свои силы на поэтическом поприще. В одном из сохранившихся стихотворных отрывков, приписываемых Мухаммеду Али ас-Сенуси, звучат широко распространенные в арабской классической благочестиво-назидательной поэзии (жанр зухдийят) мотивы тщетности всех человеческих деяний, если они противоречат воле Всевышнего, тема бренности всего земного:

> Предположим, я знал бы химию, усвоил бы ее и овладел в совершенстве ее формой и сутью.
>
> Изложил бы с помощью своего опыта и старания [способы] приводить в движение все звезды и достиг бы в этом своей цели.

Овладел бы богатством всех тварей [настолько], что моя рука простерлась бы из Исфахана до Саны, — разве после всего этого судьба моя не была такова, что я оказался бы под землей в самом отвратительном состоянии?

Скажи тому, кто с утра до вечера занимается делами, неугодными Милосердному: пустые [твои] труды[55].

Можно привести и другой фрагмент стихотворения Мухаммеда Али ас-Сенуси о «суетности» всего мирского. В нем он использует традиционный для суфийской поэзии образ растения (в данном случае — рощи) как символ быстротечной жизни.

Действительно, эта жизнь — только пышная растительность рощи: если зацветет одна ее сторона, другая высыхает.

Она такой дом: надежды [в нем] есть не что иное, как несчастья для нас, а ее прелести — это всего лишь гибель[56].

Культурология сенуситов исходила из традиций высокой арабской классической поэзии IX–XI вв., а для немногочисленных образцов творчества сенуситов характерно заметное подражание вычурной манере позднесредневековых поэтов. Приводимый фрагмент, в котором поэт оплакивает разлуку с имамом Али Сенуси и его окружением, передает некую искусственность пафоса и нарочитое звучание классических клише:

О те, кто ушел от меня и положил конец своим посещениям. Возобновила разлука с ними мои горести.

Огонь страсти разгорелся в моем сердце, и дух покинул мое тело после вашего ухода.

Не было дня расставания и не было отдаления. О, если бы я был обернут в саван![57]

Во второй половине XIX в. увлечение членов братства поэзией возросло настолько, что возникла необходимость составить специальную поэтическую энциклопедию, получившую название «Корабль братьев» («Сафинат аль-ихван»). В нее вошли образцы произведений, в том числе написанных в жанре расаиль (посланий), принадлежащие Фалиху аз-Захири, Ахмеду ат-Таифи, Абд ар-Рахиму аль-Магбубу, Абу Сейфу Мукрибу аль-Бар'уси и др. Творчество этих поэтов, относимых

в специальной литературе к «первой плеяде» сенуситских стихотворцев (ат-табака аль-уля), в целом развивалось в русле арабской поэзии с ее привычной жанровой системой, представленной мадхами (панегирик) и риса (элегия), посвященными лидерам братства, а также зухдийят — касыдами благочестиво-назидательного характера, которые отражали аскетическое мировоззрение их создателей и были уснащены суфийской символикой и образами. Очень часто в рамках зухдийят сенуситскими поэтами разрабатывались мотивы мистического характера, как, например, типичное для суфийской лирики стремление познать тайны внеземного существования с одновременным соединением с Всевышним.

Родоначальниками сенуситской поэзии, кроме самого основателя братства, считаются его сподвижники Фалих аз-Захири и Ахмед ат-Таифи. Они оба примкнули к учению ас-Сенуси еще в Аравии и принимали участие в создании первых завий в Киренаике, и особенно завии Джагбуб, ставшей духовной столицей братства и долгие годы (с 1855 по 1895 г.) являвшейся резиденцией его лидеров.

Высокие чувства и помыслы сенуситских стихотворцев, обращенные к главе ордена, приобретали нередко форму любовного признания или заклинания, что привносило в эти славословия интимные нотки. У того же ат-Таифи, болезненно переживавшего разлуку со своим кумиром-наставником, можно найти в касыде строчки, в которых он клянется: «Я всегда буду верен тебе»[58].

Совершенно особое место среди сенуситских поэтов занимал Абд ар-Рахим аль-Магбуб, которого основатель братства за литературные способности и другие заслуги перед орденом называл «аль-махбуб» — «фаворит», «любимец».

В отличие от своих предшественников Аль-Магбуб родился и вырос в Киренаике, однако на формирование его мировоззрения большое влияние оказало долгое пребывание в Хиджазе. Предполагают, что первые поэтические опыты Аль-Магбуба связаны также с Хиджазом, где его наставником был Фалих аз-Захири.

Познакомившись с сенуситским учением в 1842 г., Аль-Магбуб на всю жизнь стал его яростным проповедником и одним

из самых близких людей дома ас-Сенуси. В эпоху расцвета сенусизма он занимал самые высокие посты в администрации братства: был ответственным за систему образования в завиях, представлял Сенусию в столице Османской империи — Константинополе, где его дипломатическая миссия имела весьма ощутимые результаты: братство было официально признано Портой.

Творчество Абу Сейфа Мукриба аль-Бар'уси, которого по аналогии с придворными поэтами Средневековья (шу'ара аль-балат) называют придворным сенуситским стихотворцем, в основном представлено панегириками в адрес основателя братства и его преемника — Мухаммеда аль-Махди (1844–1901). Большинство мадхов Аль-Бар'уси информативно насыщены и так или иначе перекликаются с событиями истории сенусизма второй половины XIX в., что, помимо всего прочего, предопределяют их фактографическую ценность. В одном из них, написанном по поводу торжественных проводов Аль-Махди в его новую резиденцию — в оазис Куфра (1895 г.), Аль-Бар'уси после традиционного лирического вступления воздает хвалу «жилищу знания, которое распространяли выдающиеся шейхи», и «месту звучания гимнов, зикра и Корана» — бывшей столице Джагбубу, подчеркивая таким образом его особое значение как центра учености и знаний. И лишь затем он переходит к собственно панегирической части, восхваляя ратные дела Аль-Махди и его отца[59].

Во второй половине XIX в. популярность и масштабы влияния сенуситского учения перешагнули границы горных и пустынных районов Киренаики и частично Феззана и распространились как во всех крупных городах Ливии, так и в сопредельных африканских странах, особенно к югу от нее — в Судане, Чаде, Нигере.

В арабских странах идеи сенусизма также нашли последователей и пропагандировались «салафитами» («предки», «предшественники») — консервативным крылом интеллигенции: в Египте — известным автором макам Абдаллахом Фикри (1834–1890) и придворным поэтом хедива Исмаил-паши (1863–1879) шейхом Али аль-Лейси (1830–1896); в Тунисе — поэтом-традиционалистом Мухаммедом аль-Баджи аль-Мас'уди (1811–1880),

в творчестве которого можно найти выражение сенуситских принципов.

Даже в Турции представители некоторых знатных стамбульских семей, став членами братства, образовали некоторое подобие сенуситского «лобби» и поэтому могли оказывать соответствующее воздействие на отношение к ордену турецких властей[60].

Несмотря на неоспоримую заслугу реформаторской деятельности сенуситского братства в духовном пробуждении населения, особенно тех его слоев, которым импонировало их литературное творчество, крайностью все-таки была откровенная враждебность ордена к западной цивилизации. Рядовым членам братства было вообще запрещено иметь какие бы то ни было контакты с христианами[61].

Можно согласиться с российским исследователем Ф.А. Асадуллиным, что если сенусизм, вернее, его культурно-просветительскую деятельность, рассматривать с точки зрения общеарабской нахды («возрождение»), то в отношении внутренних районов Киренаики — огромного ливийского хинтерлэнда — можно говорить лишь об ее одностороннем проявлении, затронувшем только образование и литературу. Иных результатов вряд ли можно было ожидать, поскольку социальный и культурный прогресс мыслился сенуситскими лидерами исключительно в рамках сугубо традиционного мировоззрения и патриархального менталитета[62].

Наряду с сенуситским вариантом мусульманского реформизма в Киренаике, в более развитой в социально-экономическом отношении Триполитании движение за обновление ислама имело другое, «более прогрессивное и конструктивное», направление[63], идейными вдохновителями которого были выдающиеся реформаторы ислама: афганский просветитель Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897) и его ученик — египетский шейх из Аль-Азхара Мухаммед Абдо (1849–1905). Воззрения этих религиозных деятелей тесно переплелись с идеями зарождавшегося арабского национализма и получили широкое распространение среди представителей городских властей и ортодоксального духовенства Триполитании.

В то же время на формирование общественной мысли в регионе со второй половины XIX в. стали оказывать влияние знакомство и усвоение, хотя еще и достаточно робкое и чаще всего опосредованное, достижений европейской цивилизации. Это восприятие европейского опыта, несмотря на географическую открытость средиземноморских городов Триполитании и Киренаики, происходило через более развитые мусульманские страны — Египет и Турцию, которые, как и раньше, оставались для ливийских провинций Османской империи главным источником новых общественно-политических идей.

Тем не менее сенуситская культурология, средневековая по характеру, положила начало новому типу арабской художественной словесности. Особенность этого процесса заключалась в том, что переход к литературе нового качества совершался в рамках традиционных жанров путем их постепенной трансформации под влиянием идей просветительства и религиозного реформизма. Новые тенденции выразились главным образом в усилении гражданской и патриотической тематики в неоклассической поэзии Ахмеда аш-Шерифа и Сулеймана аль-Баруни, а также в формировавшейся национальной публицистике и прессе, выполнявших функции художественной прозы. В остальном же литературное обновление в начале XX в. было весьма ограниченным: полностью отсутствовало романное, в современном его понимании, творчество, а столь важная в этой области переводческая практика пока не получила развития, драматургия только зарождалась и т. д. — это в немалой степени сказалось на духовной жизни Ливии, отставшей по уровню культуры от более развитых арабских стран — Египта и Сирии.

Вокруг восприятия сенусизма

Созданное в 1843 г. Мухаммедом Али ас-Сенуси религиозное братство вызывало и вызывает немало вопросов, связанных не столько с идеологической платформой этого ордена, попытавшегося взять под свое влияние население Центральной и Северной Африки, но и с его практическими делами,

направленными на выживание в довольно непростых условиях пустыни[64]. Волонтеры ордена почти не налаживали связей вне зоны своих действий, да и внутри этой зоны всегда были скрытны и довольно мобильны, хотя поводов для размышлений было предостаточно. За первые пятьдесят лет существования ордена, время укрепления и расцвета, его религиозный центр перемещался все глубже и глубже в пустыню, вероятно, для того, чтобы сохранить и даже усилить ауру мистической недосягаемости, но скорее всего из-за трудностей контроля над его постоянно расширявшейся территорией Сахары и Судана, попадавшей под его влияние. На это в первую очередь стали обращать внимание не столько местные племена, сколько путешествовавшие по пустыне любители, особенно европейцы. Еще в конце XIX в. О. Депон и Х. Коллопани так описали свои впечатления: «Трудность доступа к предполагаемым цитаделям и абсолютной изоляции сенуситов создает слухи о них чрезмерные, будто они сверхчеловеки»[65].

Несмотря на очевидные благожелательные и безопасные намерения ордена, очень скоро он стал предметом неприкрытой враждебности со стороны части европейских путешественников, вступавших с ним в контакт. Возможно, первым европейцем, кто критически отозвался о сенуситах, был англичанин Дж. Гамильтон, путешествовавший по Джебель эль-Ахдару в Киренаике в 1852 г., т. е. всего через десять лет после того, как там была создана первая завия. В своей книге «Странствия по Северной Африке» он отмечал, что «небольшая коммуна дервишей и марабутов, принадлежавшая недавно основанному ордену, созданному высокоуважаемым святым, носит имя шейха Ас-Сенуси. Руководитель в этом месте, называемом Грена, фанатик чистой воды, который не открыл даже глаз, чтобы посмотреть на христианина. Он занят только сам собой, но после моего прибытия стал ревниво следить за теми, кто меня обслуживал, требуя, чтобы они сделали мое пребывание невыносимым. Я с пониманием относился к религиозности среди своего окружения, но мне хотелось, чтобы она производила впечатление несколько большей любезности»[66].

Генри Дюверье, молодой человек, путешествовавший среди западнотуарегских конфедераций, еще на заре сенусизма

представил неприглядный имидж ордена в глазах европейцев. Откровенная враждебность была нескрываемым попутчиком путешествия по Феззану в 1861 г., когда он и его мусульманские проводники ощутили это сенуситское неприятие к себе из первых рук[67].

Эта враждебность была выражена в путевом труде Г. Дюверье «Туареги Севера», опубликованном в Париже в 1864 г. С одной стороны, книга дает прекрасное и полное описание туарегов, знакомит с подробностями их уклада и быта. С другой — открыто называет их врагов — это сенуситы, тенденциозное предубеждение к которым туареги не только не скрывали, но и демонстрировали. Дюверье был убежден, что главное для сенуситов в Сахаре — изолировать местное население от всех контактов с европейцами. «Сенусизм, — утверждал ученый, — стремится приучить своих последователей к экстремальным условиям сахарского жития и к фанатизму, который представлялся как активное участие в "очистительных" операциях против тех, чьи интересы расходились с интересами новоявленных пришельцев»[68].

По Дюверье, главными врагами Сахары сенуситы считали французов: «Необходимо тщательно смотреть за этой фанатичной нетерпимостью и быть в оппозиции этому движению насколько возможно». И он делал это, неоднократно издавая работы, посвященные сенусизму. Его публикация «Мусульманское братство Сиди Мухаммеда Али ас-Сенуси и его географические приоритеты» (Париж, 1884 г.) была переиздана в Риме в 1918 г. итальянским министерством колоний. В римском издании, кстати, Мухаммеда Али ас-Сенуси выглядит более предпочтительнее, чем у Дюверье, поскольку подходила к концу Первая мировая война и итальянцы пытались в Ливии как-то примириться с сенуситами, тем более что уже готовились соглашения в Акроме 1917 г. Дюверье сформулировал основное отношение европейцев к ордену на ближайшие полвека: «Братство сенуситов непримиримо и является действительным опасным врагом французского господства в Северной Африке — как в Алжире, так и Тунисе и Сенегале. Все наши усилия, независимо от того, представляют ли они собой распространение нашего влияния или нашей торговли во внутренней Африке

или просто являются увеличением нашего знания континента к северу от экватора, вызывают их противодействие»[69].

Конфронтация сенуситов с французами была только вершиной айсберга, хотя она и стала достоянием европейцев. Другое, на чем настаивал Дюверье, — выяснение обстоятельств укрепления сенуситов в Африке. Например, сенуситская завия в Джагбубе, основанная в 1855 г., по утверждению Дюверье, была укрепрайоном, в котором кроме проповедей имелось все для ведения настоящих боевых действий, контролирования прохода караванов и даже захвата рабов. Сенуситские завии располагали, оказывается, собственными складами оружия, доставлявшегося морем из Александрии[70], там проходили специальную подготовку стрелки, число которых по всем завиям насчитывалось около 3000[71]. «Теперь представим, — восклицал Дюверье, — что если считать фактом, что сенуситское братство занимается не только миссионерством, но и готовит собственные войска, то без преувеличения можно ожидать превращения этого ордена из религиозных пропагандистов в армию солдат, выполняющих уже другие задачи»[72]. Это предупреждение ученого было произнесено еще в конце XIX в., т. е. задолго до многих последовавших за тем событий.

Конечно, у него нашлись единомышленники. Так, выдающийся исследователь Сахары немец Герхард Рольфс, тоже не очень жаловавший сенуситов, во время своей поездки из Триполи в Александрию в 1869 г., и особенно после его посещения Куфры, через 10 лет опубликовал книгу «Куфра: путешествие из Триполи в оазис Куфра», в которой он написал: «Чем на самом деле они [сенуситы. — *Авт.*] отличаются от других? Фанатизм — вот их основная религия, и еще их буквально сжигает ненависть к христианам, что не может не привести к преступлению»[73]. Это было сказано тогда, когда немногочисленные европейцы полагали, что, для того чтобы утверждать, будто Мухаммед Али ас-Сенуси является основателем довольно крупного сахарского ордена, необходима смена, по крайней мере, двух поколений.

Одновременно с Дюверье в Алжире в 1884 г. была опубликована работа Льюиса Ринна «Марабуты и ихваны», названная Ламбертом Плейфейром в своей «Библиографии Алжира»

«работой большого политического значения»[74]. Ринн пришел к выводу, что цели сенуситов превалируют над их активностью следующим образом: «Сенуситы в действительности весьма посредственные конспираторы: в своих завиях они абсолютно не пресекают разговоры о свержении существующих режимов, даже тех, которые явно сильнее их. Это скорее враги-интеллигенты, готовящиеся к будущему в ожидании, что все “от Всевышнего”, и произойдет это от идей, которых они придерживаются и которые рано или поздно дадут плодотворные результаты»[75]. И еще: «Сенуситы, конечно, религиозный орден, невольно берущий на себя политические задачи. В то же время они настолько далеки от политики, что могут опасно ею заразиться»[76]. Ринн, более чем Дюверье, добавил детали к военному аспекту жизни сенуситской завии в Джагбубе: «военный разряд» за толстыми стенами занимал двадцать комнат, в которых хранились порох и дробь, пушка, купленная в Египте и контрабандой доставленная в Сахару через Тобрук[77]. Именно благодаря таким помещениям в завиях, по мнению Ринна, сенуситские миссионеры могли активно вести свою пропаганду в Феззане и Вадаи и одновременно «наводить порядок».

В 1870-х гг. немецкий путешественник Густав Нахтигаль во время посещения Сахары и Восточного Судана выявил в базовой основе ордена многие религиозные европейские термины. «Сенусийя — неотъемлемая часть только мусульманского миссионерского сообщества, проповедующая не догматические или ритуальные начала ортодоксальных сект, а их единственная цель — возродить и расширить веру, которая постепенно бы стала доминировать в религиозной жизни феззанцев»[78]. В оазисе Кавуар (Северо-Восточный Нигер) Нахтигаль встретил местные племена, которые были благодарны сенуситским шейхам за защиту от постоянных врагов. Но встреча с самими шейхами произвела на него совершенно другое впечатление: «Гордость и высокомерие сенуситских шейхов, возомнивших себя богами среди бедуинов, безграничны, сами в это уверовали и считают, что они в состоянии еще более возвысить свой престиж и влияние среди бескрайних песков и пальмовых оазисов»[79].

О. Депон и Х. Коллопани в своей работе о мусульманских братствах, упомянутой выше, не так много смогли написать

именно про сенуситов, но тем не менее отдавали должное их усилиям по расширению своего влияния в Африке, предостерегая об опасности, которая, по их мнению, исходила от сенуситского ордена, намеревавшегося вторгнуться в Судан.

«Столь фанатичной и могущественной является секта, по-видимому, потому, что она способна будет потрясти ислам до его оснований, когда момент таких действий наступит», — такое впечатление вынес британский путешественник Вайт, описывая свой путь по Ливийской пустыне в 1890-х гг.[80] О Куфре, в которой, правда, ему не удалось побывать, он сообщал: «Из этой неприступной крепости [глава сенуситского ордена. — *Авт.*] управляет Сенусилэндом. Стремительные посланники несут его приказы во все части Северной Африки, и он через своих агентов находится в курсе всех событий, происходящих во внешнем мире... Его военная и политическая организация совершенна»[81]. К сожалению, Вайт никогда не уточнял, для каких целей сенуситская организация была совершенной, предпочитая, подобно другим авторам, писавшим о Сенуси, держать своих читателей в информационном ожидании.

Когда немец Ганс Вишер пересек Сахару от Триполи до Борну в 1910 г., он пришел к выводу, что орден сенуситов — это весьма организованное сообщество единомышленников. Он не нашел, что сенуситы фанатично ненавидят европейцев, и в то же время он так и не усмотрел, что у них есть военная структура, оружие и другие атрибуты, по которым характеризуют врагов. Вишер был, пожалуй, первым европейцем, который положительно отозвался о сенуситах: «Я встретил респектабельных мужчин, разговаривавших со мной как близкие друзья, которые готовы были помочь мне всем, сопровождать меня в поездке и разделить со мной все трудности путешествия»[82]. Это впечатление скорее всего было ожидаемо, так как главой ордена в этот период был уже Ахмед Шериф — один из немногих сенуситских лидеров, установивший контакты с «внешним» миром и нашедший поддержку у турок и немцев.

Британский же путешественник Хардинг Кинг, странствовавший по Западной Сахаре перед Первой мировой войной и опубликовавший результаты своей поездки только в 1925 г. в книге «Тайны Ливийской пустыни», признал, что ощутил

предвзятое отношение сенуситов к путешественникам, ожидавшим разрешения на въезд в их страну. Он уточнил, что во всем чувствовалось какое-то странное отчуждение, будто ехал не путешественник, которому надо помогать, а некий незваный гость, каждый раз испытывавший холодный недружелюбный настрой хозяев[83].

Конечно, поведение сенуситов во время Первой мировой войны было прогнозируемо, потому что им надо было ладить с турками и немцами против англичан в Египте и итальянцев в Ливии. С другой стороны, в Египте опасались сенуситской агрессии в дельте Нила и на всей территории страны, так как сенуситы представлялись частью панисламского движения, выступавшего против европейских колониальных происков в Сахаре. Один британский военный корреспондент, писавший репортажи с места боев между английскими и сенуситскими отрядами в Западной пустыне в 1916–1917 гг., признал, что они имели дело с хорошо дравшимися муджахедами, которых он назвал «коварным врагом»[84]. Эта кампания, заставившая сенуситов уйти из Западной пустыни, была предвестником гораздо более крупных сражений во время Второй мировой войны на той же самой земле. Но именно те первые сражения и затем последовавшие перемирия дали основание для определенного взаимного уважения между англичанами и сенуситами, которое привело к их альянсу, официально оформленному в 1940 г.

Странно, однако, что европейские критики сенуситов редко обременяли себя задачей проверки на практике своих утверждений, возможно, по причине, заранее обреченной на неудачу, особенно, когда это касалось торговли рабами, содержания рабов и трафика оружия. Французский колониальный представитель Генри Карбу считал работорговлю и продажу оружия двумя главными источниками доходов ордена в начале XX столетия, а французская оккупация Вадаи в 1910 г., как он полагал, угрожала покончить с этими источниками[85].

Сенуситы, несомненно, снискали себе дурную славу из-за работорговли и торговой активности в различных мусульманских районах Черной Африки тех номинальных последователей ордена, кто прибавлял к своему имени приставку «Сенуси» как

форму выражения тщеславия. Таким был султан Сенуси Нделе, который до прихода французов в начале XX в. прославил себя созданием рабовладельческого государства к югу от Багирми и Дарфура[86].

Другой рассказ о работорговле через сенуситскую территорию принадлежит перу новеллистки Розиты Форбс, которая в сопровождении египетского проводника Хасанейна Бея совершила невероятное путешествие из Бенгази в Куфру в 1920–1921 гг. Она констатировала: «Смуглые рабы, мальчики и девочки от восьми до десяти лет, старались выглядеть серьезными, когда поднимали капюшон над своими черными щеками, а сверху падали локоны волос верблюжьего цвета». Подобно другим путешественникам в страну сенуситов она осознавала свое присутствие «загадочным, критичным и подозрительным». В продолжение своего отчета она писала о сенуситах: «Когда у них все хорошо, проявляется дружелюбность, и они рады встрече с каждым и принимают его как одного из своих. “Все, что мы имеем — ваше”, — это не форма вежливости в Ливии. Это действительно так, поскольку существует дружественная атмосфера, и можно работать часами или в течение нескольких дней, производя правильное впечатление, но одно случайное неверное слово может разрушить все. Я полагаю, что простое общение и немногословность — лучший метод сближения»[87].

Совсем не такой подход применили итальянцы, которые пытались подавить народное восстание, вдохновленное сенуситами в Киренаике и в меньшей степени — в других частях Ливии, почти двадцать лет. Эта борьба продолжалась до 1930–1931 гг., когда само движение и все его завии были окончательно и жестоко разгромлены.

Для того чтобы оправдать свою враждебность по отношению к сенуситам, человек, который подавил в крови ливийское сопротивление в Феззане и Киренаике, генерал Рудольфо Грациани, ударился в туманные теории. Он утверждал, что орден был вовлечен в широкое панисламское движение, активизировавшееся после Первой мировой войны почти во всех колониях с мусульманским населением и которое было спровоцировано и подпитывалось социалистическо-коммунистической пропагандой. Грациани заявлял, что видит не обычное

религиозное братство, а хорошо организованное политическое движение. Подтекст выводов, которые сделал Грациани о сенуситах, составлял то, что в самом деле наполняло все враждебные выпады в работах европейцев, начиная с первой работы Дюверье. Генерал действительно верил, что, по крайней мере, в XX столетии орден отошел от своих первоначальных целей и стал «секретным политическим институтом», намеревавшимся натравить мусульман против европейского господства[88].

Возможно, первым европейцем, написавшим о сенуситах с последовательной симпатией и пониманием, был арабоговорящий датский мусульманин Кнуд Холмбое, пересекший Ливию от Триполи до Дерны в период итальянского завоевания в 1930 г. Его сообщение о путешествии было опубликовано сначала на датском языке в Копенгагене в 1931 г. Гораздо более широкий резонанс вызвал выход английского перевода в 1936 г. под заголовком «Встречи в пустыне: приключенческое путешествие по итальянской Африке». Публикация пришлась как нельзя вовремя, она совпала с итальянским вторжением и завоеванием Эфиопии. Популярность книги была обеспечена выбором книжного общества, которое представило ее как информацию из первых рук об итальянской «цивилизаторской миссии» в Африке. Холмбое сочувственно сообщал о том, как он увидел борьбу сенуситов против итальянцев. «Это действительно так, — писал он, — что итальянцы пытались... поработить население Киренаки с помощью грубой силы. Вся земля залита кровью»[89]. Теперь европейцы уже защищали арабов перед насильственной колонизацией Ливии, страны, в которой не осталось ни одного сенусита — почти все уцелевшие после тех кровавых лет эмигрировали.

Новые симпатии в адрес сенуситов зазвучали после Второй мировой войны, когда Англия и Египет заручились их поддержкой в борьбе против итальянского фашизма. Глава ордена в эмиграции Мухаммед Идрис ас-Сенуси создал военные ливийские формирования, которые сражались вместе с британцами. Остается только выразить сожаление, что погибшим из этих сенуситских подразделений не нашлось места на английских кладбищах в Египте (в отличие от ливийцев, воевавших на стороне

итальянцев, которым установили мемориальную доску на кладбище в Эль-Аламейне), а живым — хотя бы почета.

Незадолго до того, как Ливия получила независимость под сенуситской короной, вышел в свет значительный труд профессора антропологии Оксфордского университета Е.Е. Эванса-Причарда «Сенуси Киренаики». В нем он изучил длинный путь изменения европейского взгляда на сенуситское братство, которое началось с чисто религиозного движения, но постепенно трансформировалось в зарождавшееся националистическое движение, проявившееся особенно ярко в долгой борьбе против итальянцев.

ГЛАВА III

ТУРЕЦКИЕ МУТАСАРИФИИ И СЕНУСИТСКИЕ ЗАВИИ

Административное устройство провинций

Укрепление позиций братства сенуситов во внутренних районах Ливии и дальнейший рост его влияния среди местного населения совпали по времени с продолжением реформ танзимата в Османской империи. В 1843 г., когда в Аль-Байда была открыта первая сенуситская завия, турецкие владения Османской империи в Северной Африке были разделены на две провинции: на вилайет Триполитанию и мутасарифию Киренаику, что только подтвердило их раздельный статус существования еще со времен Римской империи[1]. Султанский фирман 1864 г. уточнил и утвердил административное деление.

Правитель Триполитании вали (губернатор) в качестве совещательного органа привлекал административный совет, состоявший из кади (главного судьи), муфтия (богослова), мектебджи (главного секретаря), дефтердара (начальника финансов) и шести советников, избираемых племенами раз в два года. Этот административный совет занимался финансовыми, юридическими и гражданскими делами. Вилайет Триполитания разделялся на четыре мутасарифии (санджака) — Триполи, Хомс, Эль-Джебель-эль-Гарб (административный центр Ефрен) и Феззан (центр Мурзук). Мутасарифии были разбиты на каза (уезды) и нахия (районы).

Мутасарифия Триполи (275 тыс. жителей) включала уезды: Триполи, Эз-Завия, Эль-Агелат, Тархуна, Бени-Улид и Гарьян; мутасарифия Хомс (130 тыс.) — уезды Хомс, Масаллата, Злитен, Мисурата, Сирт, а также районы Таворга и Табиа; мутасарифия

Эль-Джебель-эль-Гарб (100 тыс.) — уезды Фасату, Эль-Ход, Налут, Гадамес и районы Кикла и Мизда; мутасарифия Феззан (70 тыс.) — уезды Эш-Шати, Сокна, Гат и районы Себха, Хуфра-Шаркия, Вади-Гарби, Вади-Шарки, Эль-Гатрун, Хун, Симну[2]. Помимо названных уездов и районов особо были выделены территории, которые находились под непосредственным управлением губернатора: Зуара, Занзур, Эль-Азизия, Думи-эль-Джавари, Таджура и Джефара. Кроме того, пять пунктов (Эль-Маншия, Эс-Сахил, Ракейсат, Алавна, Джавари) были подчинены армейскому командованию по военным соображениям[3].

В 1879 г. мутасарифия Бенгази (Киренаика) в вопросах гражданской администрации была отделена от вилайета Триполитания, а в 1888 г. была образована автономная мутасарифия Киренаика с центром в Бенгази, управляемая непосредственно из Стамбула[4]. Мутасарифия Киренаика была разделена на уезды (каза) и районы (нахия) на основе племенного принципа, т. е. в каждом уезде и районе обитало определенное племя или его фракция. В Киренаике было шесть уездов: Бенгази, Эль-Мардж, Дерна, Адждабия, Ауджила, Джало, Куфра[5]. Уезд Бенгази, являвшийся территорией племени авакир, делился на районы: Солук, Каминес, Барсис, Сиди-Калифа. В уезде Эль-Мардж — районы: Слонта (племя бараса), Эль-Мардж (племена арафа и абид), Эль-Хания (племя дарса). В районах Эс-Саллум, Тобрук, Бомба, Эль-Кубба уезда Дерна обитали фракции племени абейдат; в районе Шаххат — племя хаса. В уезде Адждабия кочевало племя магарба, в уезде Ауджила и Джало — племена аваджила и маджабра[6].

Во главе уезда стоял каймакам, назначаемый турецким правительством. Каймакаму помогал административный совет, состоявший из главного бухгалтера, секретаря, судьи, муфтия и четырех советников из местного населения. Начальники районов мудиры также назначались султанским правительством по рекомендации турецких властей в Триполитании и Киренаике. Мудиры имели прямую связь с племенами бедуинов и завиями сенуситского братства, а для решения важных вопросов собирали шейхов на совещания.

В прибрежных и других районах, где были размещены военные гарнизоны, турецкая администрация оказывала

определенное влияние на социально-экономические отношения, особенно в области землевладения и землепользования. Согласно «Земельному кодексу» Османской империи от 21 апреля 1858 г., земли в Триполитании и Киренаике подразделялись на мульк (или мольк) — частные земли, мири (или амирия) — государственные земли, вакуфе — вакуфные земли (земли мусульманской мечети). Общественные земли — матруке — делились на махиние — земли, предназначенные для общественного пользования (дороги, морское побережье и т.д.), и мурафеке — общественные пастбища. Кроме того, в кодексе было указано на наличие мават — свободных земель, которые с давних времен не использовались и считались собственностью государства (в случае обработки они становились землями мири и передавались во владение тому, кто их обрабатывал)[7]. Однако положения «Земельного кодекса» полностью применить в североафриканских владениях турецким властям не удалось. Кочевые и полукочевые арабские племена выступали против права собственности государства на землю, взимания соответствующих поборов и налогов. Положения кодекса были применены лишь в районах оседлого населения (вдоль побережья и вблизи крупных населенных пунктов). Застроенные участки в пределах городской черты рассматривались как частная собственность; это были земли мульк, к которым применялось право собственности. Многие земли мульк в сельской местности были первоначально землями мири, а затем их продали местным жителям; особенно широко распродажа была осуществлена в прибрежных районах Зуары, Сабраты, Эз-Завии[8].

В 1864 г. в Триполи и во многих других городах были созданы дефтерхане — учреждения по регистрации земель. Перед ними стояла задача упорядочить землевладение в Триполитании и Киренаике и выдать каждому владельцу земли мульк тану — официальный документ на владение.

Губернатор Киренаики Халиль Сами-паша (1863–1868) в соответствии с султанским указом назначил комитет, который разработал положение о землевладении применительно к условиям Ливии. Комитет объявил, что земли вокруг Бенгази и Дерны являются мульком или мири и предназначаются для жителей этих городов. Остальные земли находились

во владении бедуинских племен. Комитет предпринял попытку составить реестр земли каждого племени, границы которых к этому времени в основном уже определились.

Племена выступали против регистрации земель, поскольку это мероприятие турецкого правительства могло привести к усилению налогового бремени. Принуждение к уплате налогов они рассматривали как покушение на свою свободу и ущемление прав. Хорошо понимая, что племена не потерпят никакого вмешательства в их внутренние дела, турецкие власти не очень настаивали на регистрации их земель.

Земли племен, на которых не было построек и сельскохозяйственных угодий, турецкие власти все же считали мири.

Еще со времени арабских завоеваний установилось право на владение землями мири главы мусульманского государства — халифа и право тасарруф — землепользования племен. Со временем право тасарруф позволило отдельным феодалам и общинам свободно распоряжаться землей: сдавать ее в аренду, продавать, закладывать, наследовать. Право государства на землю, писал английский этнограф Эванс-Причард, было юридическим формализмом, так как у государства не было ни желания, ни возможности и средств использовать эти земли и оно вынуждено было признать право тасарруф навсегда[9].

Собственники мульк, как правило, землю не обрабатывали, а сдавали ее в аренду крестьянам. Поэтому в области землепользования превалировали мелкие и мельчайшие хозяйства. В силу социально-экономической отсталости Ливии наиболее распространенной была натуральная рента. Арендные отношения на основе этой ренты строились в форме издольщины. Основными видами натуральной ренты являлись: хаммаса — издольщина на основе одной пятой части урожая, мурабаа — издольщина, основанная на одной четвертой части урожая, и мугараса — особый вид издольщины в садоводстве. Условия договора на издольщину хаммаса и мурабаа заключались устно, сроком на один год, но толковались они условно. В Тархуне (Триполитания), например, собственник мульк, нанимая крестьян для обработки земли и сбора урожая, выплачивал одну треть урожая. Кроме того, работавшему крестьянину предоставлялось питание, а иногда — кое-что из одежды. Если издольщик

сам предоставлял семена и инвентарь, то его доля повышалась до половины урожая. Инвентарь был крайне примитивным и изготовлялся, как правило, самим крестьянином. Землю обрабатывали с помощью быков, иногда — верблюдов (районы Гарьяна и Масаллаты)[10]. В отдельных случаях учитывались конкретные климатические условия, и собственник земли повышал долю издольщика до 70 и более процентов урожая. В плодородных районах (Гарьян) собственник земли выделял издольщику меньшую долю урожая.

В Киренаике получила большое распространение издольщина мурабаа. Итальянская сельскохозяйственная экспедиция Фанкетти зарегистрировала в районе Гарьяна денежную ренту. За каждый день работы издольщик получал половину итальянской лиры и питание[11].

В Триполитании (районы Гарьяна и Масаллаты) на землях, которые осваивались под посадки плодовых деревьев, широкое распространение получила мугараса. За крестьянином-мугарси, согласно письменному договору, оставлялось право определения количества высаживаемых деревьев, выбора их сорта и вида. Мугарси обязывался довести деревья до плодоносящего возраста (для виноградника требовалось пять лет, инжира — семь-восемь, финиковой пальмы — десять-четырнадцать, оливкового дерева — десять-двенадцать лет и т. д.). После этого арендатор получал половину сада, а другая половина оставалась за владельцем земли. За работу по новым посадкам мугарси получал лишь право выращивать овощи между молодыми деревьями и в редких случаях — право сбора в свою пользу первых плодов с молодых деревьев. Это был наиболее тяжелый вид издольщины, требовавший от арендатора большого труда на протяжении многих лет без получения какого-либо существенного дохода. Арендатор, вынужденный делать значительные затраты, обычно увязал в долгах и в результате отдавал владельцу земли если не всю свою половину сада, то ее большую часть.

Система водоснабжения в Киренаике, Триполитании и Феззане во многом способствовала закреплению неравноправия между крупными и средними землевладельцами, лицами духовного звания, торговцами, с одной стороны, издольщиками

и джеббадами — с другой. Джеббад работал на хозяина по контракту за вознаграждение, равное одной четверти урожая, и фактически не мог выкупиться, так как с трудом обеспечивал себе пропитание и не имел никакого имущества, он был скорее рабом, чем свободным человеком. Джеббад «обладал лишь своим здоровьем», как гласила местная пословица[12].

Мероприятия турецких властей по упорядочению системы землевладения способствовали развитию феодальных производственных отношений в Триполитании и Киренаике. Опираясь на местную родоплеменную верхушку, турецкие власти всемерно укрепляли ее позиции. С этой целью многие земли мири передавались во владение шейхам, на которых возлагалась обязанность сбора налога в пользу султана. В Триполитании в силу исторических условий и географических особенностей процесс феодализации племенной верхушки происходил быстрее, чем в Киренаике и Феззане. Процент частновладельческих земель здесь был выше, чем в других районах страны.

Наиболее сильный налоговый гнет испытывало оседлое население Триполитании. Собранные с местных жителей налоги должны были покрывать расходы турецкой администрации, обеспечивать определенный взнос в пользу центрального правительства и прочие управленческие расходы[13].

Кроме того, турецкие власти ввели ежегодный налог — вергу — на каждого взрослого мужчину (40 пиастров). Владельцы скота ежегодно выплачивали 50 пиастров за верблюда, 20 пиастров за корову, 4 пиастра за овцу и 2 пиастра за козу. Владельцы садов за каждую пальму и оливковое дерево платили налог в размере 2,5 пиастра (остальные виды фруктовых деревьев от налога освобождались). Каждый частный колодец облагался налогом в 25 пиастров[14].

С зерновых культур турецкие власти собирали десятую часть урожая (ашар), причем с зерновых налог взимался натурой, а с садовых — в денежной форме.

Налог на собственность (здания, землю) подлежал уплате в размере 10% с доходов, получаемых от сдачи ее в аренду. Если собственник использовал недвижимость для своих целей, то турецкие власти взимали с него 8%[15].

В 1887 г. был введен налог-пожертвование как вклад в дело победы в войне с Грецией. Однако впоследствии он стал постоянным налогом и равнялся 6% налога вергу, а также налога на собственность.

С импортируемых и экспортируемых товаров собиралась таможенная пошлина (соответственно 8% и 1% их стоимости). Ежегодно таможня в Триполи собирала 50 тыс. турецких лир, в Бенгази — 15 тыс.[16] Почтовые сборы составляли около 20 тыс. турецких лир. В 1909 и 1910 гг. местные власти направили в Стамбул 90 тыс. турецких лир.

К концу XIX в., особенно в Триполитании, понемногу стала появляться в прибрежных городах новая экономика. Основываясь на вливаниях капитала, местные дельцы устанавливали связи с английским и итальянским буржуазными домами. Это облегчалось принятием внутренних законов Османской империи, в частности Закона о земле 1859 г. Появился класс средних торговцев, а в сельской местности — категории местных землевладельцев. Следствием стало появление буржуазии в аристократии городов, например Хасуны Караманли в Триполи или Омара аль-Мунтасира в Мисурате. Все это привело к экономической трансформации поселков, расположенных на побережье.

Взаимовыгодный союз духовной власти сенуситов с государственно-правовым управлением турков

Призывы ортодоксальной мусульманской реформации, учитывавшей потребности того времени и тесно связанной с идеями возрождавшегося арабского национализма, нашли широкое распространение во многих арабских странах (в том числе в Киренаике и Триполитании). «Это движение было более прогрессивным и конструктивным, чем движение сенуситов, — писал Н. Зияда, — и поэтому более предпочтительным»[17]. Так, например, призыв Джамаля ад-Дина аль-Афгани, направленный против экономического и культурного застоя, нашел живой отклик в мусульманских странах; нельзя не упомянуть и о его призывах бороться с искажением ислама и падением

нравов, выступлениях за объединение мусульманских народов в борьбе против европейских иноверцев-поработителей. Интересно отметить, что при этом он призывал мусульман овладеть наукой и техникой, чтобы направить на европейцев их собственное оружие. Его ученик и последователь Мухаммед Абдо также был сторонником распространения культуры и технических знаний в мусульманских странах. Мухаммед Абдо и другие мусульманские реформаторы обвиняли феодалов и консервативное духовенство в том, что они виновны в отсталости мусульманских стран и их порабощении иноземными захватчиками. Они призывали к обновлению ислама, понимая под этим приспособление ислама к процессу развития не только феодальных, но и капиталистических отношений. Наряду с призывами к реформам в исламе они, и в частности Мухаммед Абдо, боролись против отуречивания арабского населения Османской империи, призывали к возрождению арабского литературного языка, выдвигали идею единой арабской родины.

Таким образом, если мусульманский реформизм Мухаммеда Али ас-Сенуси был рассчитан на феодализировавшуюся племенную верхушку, то реформизм Джамаля ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо был направлен на приспособление ислама к развивающимся капиталистическим отношениям в арабских странах.

Превращение политической надстройки в своеобразную государственную машину не могло не ускорить процесс превращения духовной власти главы братства сенуситов в публично-правовую государственную власть. В немалой степени этому способствовала и возраставшая угроза существованию братства со стороны Турции, а затем Франции и Италии. Они рассматривали сенуситов как серьезное препятствие на пути колонизации Северной Африки. Вместе с тем сенуситское братство, преследуя свои религиозно-политические цели антитурецкой и антизападной направленности, старалось избегать обострения отношений как с западными державами, так и с Османской империей. Такая политика проявилась, например, в отрицательном ответе главы сенуситов на просьбу султана Абдул-Хамида II послать на помощь турецкой армии свое ополчение во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сенуситы

отказались выступить против Франции, которая оккупировала Тунис в 1881 г. Они не пошли и на установление контактов с деятелями египетского движения во время восстания Ораби-паши. По той же причине сенуситы, стремясь не допустить вмешательства турецких властей и европейцев в дела тариката, сочли целесообразным переместить свой административный центр сначала из Аль-Байда в оазис Джагбуб, а затем в Куфру. В 1899 г. центром тариката стал Куру. Такое продвижение сенуситских центров на юг не в последнюю очередь было обусловлено также стремлением ордена расширить и укрепить свое влияние в Сахеле.

Несмотря на острые религиозно-политические разногласия с турками, Мухаммед ас-Сенуси поддерживал, насколько это было возможно, дружественные отношения с султаном. Представители турецких властей и наместники султана неоднократно посещали Джагбуб и Куфру. Сенуситы не отказывались платить и ежегодную дань Высокой Порте.

В 1856 г. султан Абдул-Меджид I официально признал сенуситское братство и предоставил его членам ряд привилегий. В частности, он освободил сенуситов от поземельного налога и разрешил им самим собирать этот и другие налоги в свою пользу[18]. После смерти Абдул-Меджида I его преемник султан Абдул-Азиз разрешил завиям предоставлять по своему усмотрению убежища всякому, кто об этом попросит[19].

При Абдул-Хамиде II влияние сенуситов возросло настолько, что султан в ряде случаев обращался к ним за поддержкой, как к своим союзникам. Эванс-Причард не без основания охарактеризовал такой взаимовыгодный союз как «турецко-сенуситский кондоминиум»[20].

В распоряжении турецкого вали находились незначительные военные силы, в то время как сенуситы оказывали большое морально-религиозное воздействие на население Киренаики. Соединение военной силы турок и религиозного влияния сенуситов давало им возможность совместными усилиями держать племена в подчинении и повиновении. В ряде случаев турецкие власти не могли даже успешно справиться со сбором налогов без помощи шейхов завий.

По мере того как сенуситы становились влиятельной политической силой в Киренаике, Феззане и отчасти в Триполитании, они укрепляли там и свои экономические позиции. Посетивший в 1884 г. вилайет Триполи русский путешественник А.В. Елисеев, отмечая роль и значение сенуситского тариката в общественно-политической жизни вилайета, писал: «В Триполи живет турецкий вали, в стране расположен целый турецкий корпус, и турецкие броненосцы иногда качаются на рейде Триполи, но на самом деле обширной пустынной страной управляют уже не Порта и не чиновники, а невидимый, но могущественный шейх ордена сенуситов»[21].

Ливии, состоявшей из разрозненных кочевых племен, не считая узкой береговой полосы, относительно активно развивавшейся по сравнению с внутренними районами, необходима была такая религиозно-политическая сила, которая смогла бы защитить ее экономические (имущественные) интересы, стабилизировала положение в стране и способствовала бы развитию торговли. Такой религиозно-политической силой и стало братство сенуситов, которое сумело приспособить свою деятельность к условиям племенной раздробленности, заложило основы феодальных отношений. Братство сенуситов было рассчитано главным образом на жителей пустыни и внутренних оазисов.

При размещении и строительстве завий принимались во внимание политико-экономические и стратегические факторы. В Киренаике, Феззане и Триполитании они были построены таким образом, чтобы по возможности влиять, а затем и контролировать все наиболее значительные племена и их подразделения. Как правило, завии строились на главных караванных путях, а также на побережье небольших морских заливов с целью контроля над каботажной торговлей. Места расположения завий одновременно были выгодными опорными пунктами в случае обороны. При выборе территории большое внимание обращалось на пригодность ее для оседлой жизни и занятия сельским хозяйством. Арабский политический деятель эмир Арслан Шекиб писал: «Большинство завий расположено в прекрасных местах, на плодородных землях, где имеются колодцы, которые не осушаются из-за обилия воды.

В Эль-Джебель-эль-Ахдаре они расположились у родников и чистых ручейков... В садах завий произрастают различные фруктовые деревья»[22].

Основной административный аппарат, выполнявший руководящую роль в ордене сенуситов, следил за точностью выполнения феодальных повинностей завий. В начале организации братства его руководство содержалось за счет доходов завий, у которых накапливались излишки сельскохозяйственной продукции; с течением времени подобные подношения стали регулярными, хотя формально считались добровольными и по-прежнему назывались садака. Позднее полное обеспечение центральной завии стало вменяться в обязанность всех остальных завий. Если завии не посылали садаку центральной завии, то шейхам напоминали об их прямых обязанностях. Завии прибрежных районов направляли в Джагбуб, а затем в Куфру целые караваны, груженные местной продукцией (шкуры, шерсть, зерно, масло, мед, мясо), а также импортными товарами (рис, чай, сахар, одежда), с караванами пересылались и деньги[23]. По мере увеличения богатств завий их поставки в центральную завию возрастали. В конце XIX в. дань центральной завии все чаще уплачивалась в денежной форме.

Борьба между членами рода ас-Сенуси за влияние на отдельные завии и за получение все больших доходов привела к тому, что каждый член рода стал требовать индивидуальной доли доходов. Если раньше браки членов рода ас-Сенуси использовались для сплочения и централизации власти, то в XX в., когда представители рода ас-Сенуси и другие шейхи завий превратились фактически в феодалов патриархального типа, родственные связи стали играть большую роль в образовании феодальных группировок среди самих сенуситов. За несколько лет до итальянской агрессии все завии были фактически распределены между сенуситскими элитарными кланами. Определенные завии должны были платить дань уже одному, определенному члену разросшегося рода ас-Сенуси. Так, феодальная группировка Мухаммеда Абида и его брата Али аль-Каттаба была связана родственными узами с шейхами завий и ихванами, размещенными в Барка-эль-Бейде и в Феззане. Там их родственники по женской линии из семьи Ашхаб были

влиятельнейшими шейхами завии. Член рода ас-Сенуси, Сафи ад-Дин, возглавлял феодальную группу шейхов завии, которые территориально находились в Барка-эль-Хамре, где привилегированное положение занимала семья Махджуба. Другой член рода ас-Сенуси, Мухаммед Хилаль, был связан с районом Мармарики, завии которой платили ему дань. Наиболее представительным феодальным родом там была семья Пурш. Значительную феодальную группу представляли Идрис ас-Сенуси и его брат Мухаммед ар-Рида, связанные с влиятельными семьями Бу Сейф и Гомари. Завии этих семей находились на центральном плато Киренаики. Ахмед аш-Шериф по материнской линии был связан с крупным племенем авакир, фракции которого кочевали в районе Злитена[24].

Создав политическую надстройку над племенной организацией, братство сенуситов ускорило социальное расслоение племенного общества, способствовало развитию феодальных отношений. Итальянский юрист и историк Энцо Саварезе так охарактеризовал положение в стране: «Статут племен-клиентов (марабутов ас-садака) во времена турецкого господства был чем-то промежуточным между клиентами древнего Рима и крепостными Западной Европы в Средние века»[25]. Умело используя религию и ее «таинственную» духовную силу (барака), руководители сенуситов отвлекали угнетенный народ от социальных проблем, акцентируя внимание на внешней угрозе со стороны колонизаторов, в том числе и на притеснении местных жителей турками.

Тем не менее мусульманское население Северной Африки рассматривало Турцию как единственную защитницу ислама. Однако события XIX в. пошатнули их надежды на Османскую империю. Война греков за независимость, потеря Алжира, реформы Мухаммеда Али в Египте показали бессилие Турции в деле объединения исламского мира.

Еще один основатель сенуситского братства Мухаммед Али ас-Сенуси, видя распространение европейского влияния в Северной Африке (где первой жертвой колониализма в 1830 г. стал Алжир), полностью утратил веру в способность турецких правителей сплотить исламский мир и укрепить религию. Со временем его недоверие все возрастало и, как отмечал

Н. Зияда, переродилось в опасение, что некоторые правители Османской империи действовали в интересах великих держав[26]. Вот почему Мухаммед Али ас-Сенуси не считал турецкого султана способным реформировать религию, хотя был официально признан Портой и удостоен различных привилегий[27].

Мухаммед аль-Махди ас-Сенуси с еще большей предвзятостью относился к султану Абдул-Хамиду II, несмотря на то что тот проявлял интерес к братству сенуситов. Используя панисламизм как политическое средство для укрепления своей власти, Абдул-Хамид II делал все, чтобы каждое религиозное движение, направленное на возрождение ислама и его реформу, подчинялось его воле. К этому времени влияние братства сенуситов приняло такой широкий размах, что Абдул-Хамид II начал понимать, какую большую выгоду для себя он может извлечь, если заручится поддержкой этого братства. Начиная с 1890 г. султан предпринял ряд попыток, чтобы привлечь на свою сторону руководителей братства сенуситов.

Создавая государство в государстве, руководители братства сенуситов отдавали себе отчет в том, что своеобразный феодально-теократический эмират, опиравшийся на племенную организацию, не мог выступать самостоятельно на международной арене; поэтому на протяжении многих десятилетий внешнеполитической линией сенуситов была политика строгого нейтралитета. В переписке с шейхами завий Мухаммед аль-Махди ас-Сенуси настаивал на необходимости придерживаться законов и правил турецкой администрации. Так, в письме к шейху племени авакир (1891 г.) он потребовал, чтобы племя прекратило сопротивление, оказывавшееся тогда турецким властям, поскольку такие выступления могли быть использованы иностранными державами в своих интересах, как это было, например, сделано в Египте, где англичане воспользовались выступлением Ораби-паши для захвата страны[28].

Мухаммед аль-Махди ас-Сенуси, будучи опытным и гибким правителем, поддерживал, насколько это было возможным, дружеские отношения с султаном. Он сознавал, что открытая вражда с ним может закончиться лишь поражением братства[29].

Интересное мнение о взаимоотношениях Османской империи и сенуситского ордена выразил Мишель Ле Галль,

работавший как с историографией сенуситов, так и с архивными документами в Стамбуле. Свои взгляды на эти отношения, которые расходились с устоявшимся мнением исследователей по истории сенуситского движения, он подробно изложил в работе «Турецкое правление и Сенусийя: пересмотр позиций»[30] и сделал несколько аргументированных выводов.

Отношения османских правителей и руководителей сенуситского братства были более сложными и проблематичными, чем это оценивалось специалистами. Остается открытым вопрос, почему турки дали ордену беспрецедентные налоговые льготы, а то, что орден их получил, является несомненным. Об этом не знали или не догадывались бедуинские вожди. Официальные и непосильные налоговые поборы действовали во всех провинциях империи. И неудивительно, что такая ситуация пробудила недовольство к сильному, независимому и богатому ордену, которым на глазах бедуинов стало сенуситское братство.

Практически нет подтверждений о сотрудничестве османского правительства с сенуситами в общей африканской политике в XIX в. До конца столетия турки имели только косвенное отношение к действиям Англии и Франции в непосредственной близости от Бенгази и очень мало использовали сотрудничество с сенуситами против политики колониальных держав. Оно расширилось только с началом боевых действий сенуситов против французов в Чаде и Сахаре, когда главой ордена стал Ахмед Шериф (1902 г.), более воинственно настроенный руководитель, чем его предшественники, и более прагматичный в делах отношений с турецким султаном. Тогда их совместным политическим амбициям стали мешать европейские державы. Но этот вопрос тоже ждет дальнейшего изучения.

И последний вывод относится к более общему вопросу панисламизма и политики централизации султана Абдул-Хамида II. Пока турецкие султаны считали, что именно они занимали лидирующее положение в исламском мире, Константинополь мало обращал внимание на то, чем занимались неоисламские тарикаты в Сирии, Ираке, Хиджазе или на севере Африки. Эти братства не были едины, и каждое из них скорее искало место обоснования, чем возможность проповедей

исламских идей. Когда эти религиозные ордена, включая сенуситов, стали все более активно заявлять о себе, османские руководители к концу XIX в. поняли, что деятельность братств надо взять под пристальный контроль. Такой контроль осуществлялся с помощью введения всевозможных правовых, а именно — налоговых льгот, скорее светских, чем религиозных. Панисламская идея о создании нового исламского халифата внутри или вне Османской империи так и не была осуществлена, и братства продолжали обособленно заниматься внутренними проблемами тех мест, где они осели. Это относилось и к деятельности сенуситов в Киренаике[31].

Мирное процветание закончилось, пришло время держать оборону

Мухаммед аль-Махди не успел до своей кончины в 1902 г. назначить преемника. Его старшему сыну Идрису в это время было двенадцать лет. Старейшины братства приняли решение, что до достижении совершеннолетия делами ордена будет управлять племянник аль-Махди Ахмед аш-Шериф. Сложная обстановка требовала, чтобы братство возглавил опытный руководитель, каким и был Ахмед аш-Шериф. А Идрис по возвращении в Куфру продолжил образование в школе Таджа, проводя свое время за изучением Корана, хадисов, тафсира, шариата, фикха, истории и математики.

В это время над сенуситским движением нависла большая опасность с далекого юго-запада: в 1900 г. началось французское вторжение в Чад. В 1901 г. произошли первые столкновения между воинами-сенуситами и французскими войсками из Западного Судана. По секретному англо-французскому соглашению, подписанному в марте 1899 г. и отражавшему тогдашние европейские устремления по захвату Африки, Франция распоряжалась на территории Центрального Судана, от озера Чад на западе до границы с Дарфуром на востоке, — районе, с незапамятных времен принадлежавшем независимым султанам. В свою очередь, Париж признал британские интересы в египетском Судане. За этим последовало соглашение между

Италией и Францией в декабре 1900 г., по которому у Италии были развязаны руки в турецких провинциях Триполитании и Киренаики в обмен на признание французских интересов в независимом марокканском султанате.

Эти соглашения по разделу Африки между европейскими державами были типичными циничными политическими сделками того времени. Они полностью игнорировали права местного населения, жившего по своим традициям и законам. В Центральном Судане Франция рассматривала сенуситское движение как главное препятствие на этой земле, открыто и фанатично выступавшее против христианского влияния. Это ложное представление было основано на рассказанных путешественниками нескольких гиперболизированных историях, абсолютно не учитывавших мирное и цивилизованное влияние учения сенуситов и приписывавших ордену военный характер и структуру, которыми он не обладал. Спеша достигнуть границ распределенной по договору 1899 г. с Британией территории, французские войска начали продвигаться со своих баз в Южном Алжире и Нигере примерно в то время, когда Мухаммед аль-Махди перебазировал свой религиозный центр в Куру (Судан). Захват завии в Бир Алали[32], сенуситского центра в Канеме в 1902 г. и убийство его главы Сиди Мухаммада аль-Барани было большим ударом для сенуситов.

Получив свободу действий в Центральной и Западной Сахаре, Франция приступила к захвату мелких исламских эмиратов, на которые сенуситы распространяли свое влияние. Одновременно Англия и Франция официально заявили о своем уважении прав турецкого султана на Триполитанию и Киренаику.

Колонизаторы постепенно расширяли свою агрессию. Продвигаясь из Египта на запад по направлению к Киренаике, Англия укрепилась в оазисах Сива, Бахария и приступила к освоению важного в экономическом и стратегическом отношении оазиса Эс-Саллум. Там ей удалось установить контроль над важными торговыми путями, которые связывали Египет, Триполитанию и Киренаику.

Французские завоеватели стали систематически разрушать сенуситский орден на обширной территории Чада и за его

пределами. За недолгие десять лет орден на этой территории был фактически истреблен. Это явилось реализацией французского плана захвата караванных маршрутов из Багирми, Нигера, Канема и Вадаи в Ливию, что в конечном счете вынудило сенуситов отбросить свои прежние разногласия с турками и вместе предстать перед лицом опасности.

Между Стамбулом и Куфрой начались переговоры с целью объединения усилий в борьбе против европейских колонизаторов. Однако сближение между ними проходило медленно, поскольку, как отмечал Эванс-Причард, «турки не верили, что лидеры сенуситского братства испытывают к ним добрые чувства, но в то же время сознавали, что если возникнет какая-либо опасность, то братство и бедуины Киренаики поддержат турок в войне против любого христианского государства Запада»[33].

Не склонные отрекаться от своей заветной независимости, сенуситы до последнего времени отказывались принимать турецких представителей в Куфре. Только в 1908 г. они подняли турецкий флаг и провозгласили турецкий суверенитет для своей защиты. Под натиском наступавших французских войск сенуситы утратили свои опорные пункты в Западном Судане. Сами сенуситы не могли официально выступить против Франции; это могла сделать только Порта. В связи с приближением французов к Куфре Ахмеду аш-Шерифу пришлось дать разрешение водрузить турецкий флаг над Куфрой и признать права турецких начальников в оазисах Джагбуб и Куфра, но при условии, что они станут членами братства[34].

Одновременно турецкие власти старались приблизить к себе Ахмеда аш-Шерифа. За уступки ему была обещана всесторонняя помощь в борьбе против европейских колонизаторов, и в 1910 г. (по предложению губернатора Киренаики Мурада Фуад-бея) ему была установлена ежемесячная субсидия в размере 4 тыс. пиастров[35] и присвоено звание полковника[36].

Поглощенные своими внутренними проблемами, турки смогли выделить лишь немногочисленные силы для защиты отдаленных границ, и Ахмед аш-Шериф был вынужден искать поддержки у могущественных союзников для спасения своих территорий. Борну и Тибести, включая Куру и Ваджангу, были целиком под французским контролем, и Ахмед аш-Шериф

обратился с просьбой к лорду Китченеру в Каир[37]. Британское правительство, зная, что Куфра является османским владением, все-таки вмешалось вовремя, чтобы предотвратить французское вторжение. Французские войска достигли Сарры, что в 350 км южнее Куфры. В 1910 г. они отвели войска до Текро, которое было официально признано границей между Ливией и Чадом.

В 1910 г. Турция вынуждена была подписать соглашение с Францией о размежевании границы между Тунисом и Триполитанией и уступить Тунису ряд оазисов, через которые пролегали караванные пути из важных стратегических и торговых центров Сахары[38].

Турецкий султан Абдул-Хамид II заявил, что Османская империя рассматривает нападение на сенуситов как вызов исламу в целом. Однако, учитывая реальное соотношение сил в этом районе, турки старались избежать открытого противоборства с Францией. Сенуситам пришлось самим нести всю тяжесть войны с Францией в течение десяти лет. Турки же ограничивались лишь увеличением контингента своих войск в вилайете Триполи, послав незначительные подкрепления в Гарьян, Мурзук и Гат.

Наибольшую заботу турецкие власти проявили к закреплению за собой области Тибести, что позволило им снова распространить свое влияние на Барку и тем самым оказать поддержку сенуситам, продолжавшим вести бои в этом районе. Под давлением Ахмеда аш-Шерифа султан Вадаи возобновил военные действия против французов, которым был нанесен ряд чувствительных ударов. Однако сенуситские войска несли еще большие потери. Французы разрушали завии и убивали их обитателей. В боях с французами участвовал также Омар аль-Мухтар, ставший в 1920-х гг. организатором национально-освободительной борьбы в Киренаике.

В 1909 г. французские колонизаторы заняли столицу Вадаи — Абеше. После этого сенуситы, хотя и продолжали оказывать сопротивление, вынуждены были отойти к Куфре.

Укрепившись в сенуситских цитаделях в Куфре и Джагбубе, турецкое правительство подписало соглашение с Францией об установлении определенных границ на севере между

Тунисом и Триполитанией. Однако на юге вилайета Триполи турки продолжали сдерживать продвижение французов. Незадолго до нападения в 1911 г. итальянских колонизаторов на вилайет турецкие военные отряды продвинулись вглубь Центральной Сахары[39].

После занятия Барки турками туда же были стянуты французские колониальные войска. Под давлением французов турецкие власти согласились осенью 1911 г. начать переговоры в Триполи с целью урегулирования границ между вилайетом Триполи и французскими владениями в этом районе. Однако начавшаяся агрессия Италии не только сорвала намечавшиеся переговоры, но и заставила сенуситов прекратить военные действия с французами и сосредоточить все свои силы на севере для борьбы против итальянских захватчиков.

ГЛАВА IV

НАЧАЛО ИТАЛЬЯНСКОЙ ЭКСПАНСИИ. ВОЙНА 1911–1912 гг.

Обстановка накануне войны

К началу XX в. Италия по сравнению с другими европейскими державами была более слабой в военном и экономическом отношении, и Риму приходилось вести напряженную дипломатическую борьбу, чтобы в развернувшемся переделе мира удержать за собой хотя бы часть африканского материка.

Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Испания и Франция обязались воздержаться от каких-либо притязаний на Триполитанию и Киренаику, получив взамен обещание Италии не мешать осуществлению их экспансионистских планов.

Поскольку Рим не надеялся на заверения европейских держав, занимавшихся в то время дележом североафриканских территорий, он в обстановке строгой секретности снарядил и держал наготове экспедиционный корпус численностью в 30 тыс. человек[1]. Корпус был готов к отправке в Ливию в случае, если Франция, установившая протекторат над Тунисом в 1881 г., попытается захватить и Триполитанию или если Франция и Испания развяжут между собой войну из-за Марокко, чем можно было бы воспользоваться для ввода войск в Триполитанию и Киренаику под предлогом «обеспечения безопасности» Италии. Однако надежды Рима не оправдались: из-за противодействия Великобритании Франция не решилась на захват Марокко, а это удержало Италию от посылки своих контингентов на север Африки.

Италия признала французские притязания на Марокко, в то время как Франция не возражала против осуществления итальянских захватнических планов в отношении Триполитании

и Киренаики. Соглашение 1902 г., заключенное между Италией и Францией, определяло, что каждая из договаривавшихся сторон имеет свободу действий по расширению сфер влияния по ту сторону Средиземного моря, когда сочтет нужным, и будет соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них станет объектом нападения (имелось в виду со стороны Германии) или вследствие прямого вызова окажется вынужденной принять на себя инициативу объявления войны[2].

Потепление франко-итальянских отношений насторожило Германию и Австро-Венгрию, с которыми Италия входила в Тройственный союз, заключенный еще в 1882 г. Для удержания Рима в этом военно-политическом блоке Германия довела до сведения итальянского правительства, что тоже не будет создавать препятствий Риму в осуществлении его планов захвата Триполитании. Это вызвало соответствующую позитивную реакцию правящих кругов Италии, на что и рассчитывали в Берлине. Успокоить Австро-Венгрию было труднее, поскольку она имела свои интересы в юго-восточной части Средиземноморья и с беспокойством следила за итальянской активностью в этом районе.

В результате серии закулисных обменов мнениями в рамках Тройственного союза стороны пришли к соглашению как о возобновлении этого договора, так и о взаимной поддержке его участников. Италия, в частности, дала обещание не противодействовать австро-венгерской экспансии на Балканах против Боснии и Герцеговины, получив в ответ заверения о дипломатической поддержке своих притязаний на Триполитанию и Киренаику[3].

Фактически дипломатическая активность Рима в начале XX в. привела к тому, что такие европейские державы, как Италия, Франция и Австро-Венгрия, разделили сферы своих экспансионистских действий на Средиземноморье путем взаимных политических уступок, но они не учли еще одного конкурента — Великобританию, имевшую самый большой опыт колониальных захватов. К тому времени Лондон уже заключил соглашение с Берлином (1886, 1890 гг.), закрепившее раздел Восточной Африки между Англией и Германией, и договоры с Парижем (1890, 1898, 1899 гг.), разграничившие сферы влияния

Англии и Франции в западных, восточных и центральных областях Черного континента. Подобные же документы были подписаны и с Италией (соглашение от 24 марта 1891 г., протокол от 15 апреля 1891 г., договор от 5 мая 1894 г.) о разграничении сфер влияния в Восточной Африке[4]. Лондон пока наблюдал за действиями конкурентов в Северной Африке. В начале XX в. Великобритания уже готовилась к решающей схватке с Германией как с самым опасным своим противником и поэтому предпринимала маневры по «размыву» Тройственного союза, чего не могли не видеть в Риме. Итальянское правительство в своей борьбе за овладение Триполитанией и Киренаикой (это было главной его целью), с одной стороны, делало вид, будто остается в Тройственном союзе (нейтрализовав таким образом Германию и Австро-Венгрию), а с другой — заигрывало с Францией и Англией, обещая им нейтралитет на случай нападения Германии, что не могли не учитывать в Париже и Лондоне.

В действиях Великобритании все больше и больше проявлялась тенденция к улучшению отношений с Италией, приведшая к подписанию 13 декабря 1906 г. в Лондоне англо-франко-итальянского соглашения о разделе сфер влияния в Эфиопии, и к признанию Англией в 1907 г. особых прав Италии в Северной Африке[5].

Так, используя противоречия более сильных конкурентов, Италия, ставившая ограниченные «посильные» цели, сумела получить дипломатические санкции на захват Триполитании и Киренаики и теперь ждала удобного случая для претворения в жизнь своих планов.

Складывавшаяся в первом десятилетии XX в. обстановка, однако, не позволяла Риму осуществить агрессию немедленно, хотя экспедиционный корпус был сформирован и ждал сигнала. Поэтому, не теряя времени, Италия в широких масштабах развернула там экономическую и шпионско-разведывательную деятельность.

Проникновение итальянского капитала в Триполитанию и Киренаику началось еще в XIX в. В феврале 1873 г. по договору с Османской империей Италия наравне с другими европейскими странами получила там право наибольшего благоприятствования. Воспользовавшись этим, Рим усилил проникновение

в Триполитанию. Были открыты итальянские школы, построена больница, открыли итальянскую почту. В 1880 г. в Бенгази была учреждена первая итальянская торговая контора, в 1881 г. открыта специальная торговая миссия, под крышей которой тут же приступили к работе и спецслужбы, что подробно исследовал ливийский историк Халифа Мунтасер[6]. Постепенно сеть нелегальных групп была создана во всех крупных городах Киренаики и Триполитании. Они изучали обычаи и нравы арабов, сближались с родоплеменными вождями и видными общественными деятелями, выясняли их отношение к турецким властям, доказывали необходимость сближения с Италией.

Русский ученый-востоковед А.В. Елисеев, побывавший на территории современной Ливии в 1884 г., еще тогда обратил внимание на активную деятельность там итальянцев, которые «смотрели на “итальянский север Африки” как на настоящую колонию», — писал он позже, и они «до сих пор не могут примириться с совершившимся фактом занятия Туниса французами и продолжают смаковать Триполи как лакомый кусочек, который они никогда и ни за что не могут уступить»[7].

Это особенно стало заметным, когда в Триполи в качестве консула прибыл один из опытнейших деятелей министерства иностранных дел Галло, депеши которого стали объектом особого внимания премьер-министра Джолитти.

После изучения одного из докладов, представленных в Рим группой Галло, было решено открыть в Триполи филиал «Банко ди Рома», ставший главным орудием итальянского экономического проникновения в Триполитанию и Киренаику и полулегальным центром шпионско-разведывательной деятельности, хотя официально его объявили институтом, призванным способствовать развитию местной экономики[8]. В 1905 г. кроме Триполи отделения банка были открыты в Бенгази и Дерне. Они подчинялись консулу Галло и развили столь широкую разведывательную активность, что даже итальянское правительство (при премьер-министре Соннино) вынуждено было отозвать Галло и издать в 1906 г. приказ об ограничении деятельности «Банко ди Рома» только финансовыми операциями[9]. Нельзя сказать, что тем самым была свернута шпионская деятельность. Эти функции, скорее, были переданы более

компетентным органам, так как увлеченное военно-дипломатическим обеспечением намечавшегося вторжения в Триполитанию и Киренаику итальянское правительство хотело гарантировать себя от возможного скандала в случае, если тайные операции стали бы достоянием гласности. Поэтому спецслужбам было предписано работать более гибко, зато экономическим резидентам — активизировать свою деятельность. Это было выгодно и итальянскому капиталу, и усиливало приготовления к войне.

В кратчайшие сроки коммерческие агентства банка появились еще в 12 городах Триполитании и Киренаики, где они занялись финансированием торговли, строительством, развитием инфраструктуры. Только в 1907–1910 гг. было произведено коммерческих операций на сумму около 245 млн лир[10], что способствовало усилению позиции итальянцев на местных рынках, куда они экспортировали мануфактурные изделия, ткани, мрамор, вина, сахар, рис, сыр, бумагу. Уже в 1908 г. в торговле с этими североафриканскими областями Италия вышла на второе место после Англии[11].

Немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что «Банко ди Рома» фактически находился в руках лиц из правящей элиты Италии того времени. Президентом банка был Э. Пачелли, дядя будущего папы римского Пия XII, вице-президентом — Р. Титтони, брат министра иностранных дел Т. Титтони, который сам являлся крупным акционером банка. В правление банка входили или состояли акционерами другие высокопоставленные деятели государства, и, естественно, ведя крупную военно-дипломатическую игру в интересах итальянской элиты и побуждая правительство к захватническим действиям в Триполитании и Киренаике, они преследовали и личные корыстные цели[12].

По данным, опубликованным советским исследователем Н.И. Прошиным, итальянцы развернули беспрецедентную шпионско-разведывательную деятельность, которую с 1906 г. (после возвращения в 1906 г. к власти в Италии правительства Джолитти) возглавил бывший консул в Триполи Галло, отозванный в 1905 г. (тогдашним премьер-министром Соннино) за «разбазаривание государственных средств», а год спустя назначенный на пост министра юстиции. В ведение Галло были переданы

все звенья итальянской разведки в Триполитании и Киренаике и поставлена задача обеспечить подготовку и проведение намечавшегося захвата североафриканских территорий. Галло в Риме и Паисекке, ставшему во главе шпионского аппарата в Триполи, были предоставлены самые широкие полномочия. Они стали подотчетны только премьер-министру, им предоставлялась возможность производить неограниченные расходы с целью создания глубоко законспирированной и разветвленной агентурной сети не только на севере Африки, но и в Турции[13]. Кроме правительственных ассигнований итальянская разведка получала в свое распоряжение также средства, выделявшиеся на местах филиалами «Банко ди Рома», что позволяло оперативно обеспечивать деньгами агентуру и разведывательные операции[14].

В те годы в Триполи и Киренаику отправились самые опытные агенты, которые смогли создать мощную нелегальную сеть и расширить круг сторонников Италии[15]. Они действовали под видом банковских служащих или иммигрантов, якобы прибывших для поиска работы. Широкие масштабы приобрела вербовка итальянцев, давно проживавших в городах Триполитании и Киренаике, а также в арабских вилайетах, находившихся под властью Османской империи. С помощью различных специалистов, участвовавших в осуществлении проектов экономического и социального развития, итальянской агентуре удалось проникнуть в правительственные учреждения Порты, и в Рим потекла информация о внутренней и внешней политике Турции, о положении в ее вилайетах, о возможности подкупа или привлечения на сторону Италии государственных деятелей Османской империи[16]. Бесценными для тогдашнего Рима стали такие разведчики, как Вольпи (возглавлял агентурную сеть в Азиатской Турции), Грассо (действовал в арабских вилайетах, находившихся под властью Османской империи), Ногер (работал с видными государственными деятелями Стамбула), Фара (отвечал за привлечение на сторону Италии местных арабских деятелей) и др.[17], много сделавшие для обеспечения захвата Италией Триполитании и Киренаики. «Итальянские агенты, — сообщал в 1908 г. из Стамбула русский посол Зиновьев, — в сношениях с местными властями держатся

вызывающе... дабы внушить населению понятие о могуществе Италии»[18].

Однако на этом невидимом фронте у итальянцев не все шло гладко. Агентура насчитывала немало продажных лиц, нередко передававших ради получения вознаграждения вымышленные сведения, перепроверить которые не представлялось возможным. Часто донесения содержали факты, выдававшие желаемое за действительность в угоду тем высокопоставленным деятелям в Риме, которым хотелось ускорить развитие событий в их пользу. В результате такое событие, как младотурецкая революция в 1908 г., оказалось для Рима почти неожиданным: к власти пришли «не те лица» (в том числе и новый султан в 1909 г.), и среди них пришлось заново создавать агентуру. Не увенчались успехом усилия итальянской разведки и при работе с местным населением Ливии. Все попытки итальянского резидента Фары, в частности договориться с лидерами сенуситского братства или местными вождями племен, потерпели фиаско, хотя между ними и турками были натянутые отношения. Из этого Фара как опытный разведчик сделал вывод, доложенный им в одном из донесений, что в осуществлении своих планов Риму нельзя полагаться ни на сенуситское братство, ни на местное население. Соображения Фары стали одной из причин принятия Римом «силового» решения, несмотря на то что некоторые ответственные сотрудники «Банко ди Рома» на местах (например, Пароди из Триполи) не исключали возможность разрыва отдельных племенных вождей с сенуситами и перехода их на сторону итальянцев, о чем тоже докладывалось в Рим[19].

Усиленная экономическая экспансия и активная подрывная деятельность Италии в Триполитании и Киренаике не могли не вызвать тревогу как в столице Османской империи, так и среди местного населения, боровшегося за национальное освобождение.

Для турецкой правящей элиты отторжение последней североафриканской провинции было не только ударом по внешнему престижу, но и значительно дестабилизировало внутреннюю обстановку, где назревал в те годы политический взрыв. Поэтому слабевший султанский режим, проводивший политику лавирования и уступок великим державам, решил не уступать

итальянским притязаниям, хотя в начале XX в. все ощутимее чувствовалось, что социально-экономическое развитие Ливии входит в противоречие с военно-политической зависимостью от османской метрополии: продолжался упадок хозяйственной жизни, росли антитурецкие настроения, причем чаще стали повторяться прямые выступления против турецкого владычества, поскольку, как отмечал арабский исследователь Н. Зияда, «каждый чиновник от паши до заптия (полицейского) продолжал вести себя как мародер в отношении местного населения»[20].

В 1904 г. главным турецким наместником (вали) был назначен Раджаб-паша, наиболее яростно выступавший против итальянской экспансии. Свои усилия он направил против деятельности «Банко ди Рома», особенно в части, касавшейся приобретения земель и другой недвижимости, осуществляя даже юридические санкции против отделений банка. Но ощутимых результатов Раджаб-паша не добился, так как экономическое положение страны было тяжелым и капиталы, вкладывавшиеся банком, преподносились проитальянскими элементами как помощь и спасение от нищеты[21]. На самом деле кредиты, выдававшиеся «Банко ди Рома» под гарантию землей или другой недвижимостью, во многих случаях не возвращались, и это позволяло банку забирать себе собственность должников. К 1910 г., например, в руки банка перешло около 60 тыс. га плодородных земель, которые были розданы итальянским колонистам[22]. Когда Раджаб-паша, указания которого нередко обходились, пригрозил закрытием отделений банка, то в ответ в Риме было объявлено, что это повлечет за собой передачу капиталовложений и имущества банка европейскому иностранному капиталу со всеми вытекающими отсюда последствиями, на что турецкие власти пойти не могли. Раджаб-паша был отозван (младотурецкое правительство назначило его военным министром), и вместо него губернатором Триполитании стал генерал Хасан Хясни, проводивший проитальянскую политику.

Противодействие итальянскому проникновению пытался оказать и губернатор Киренаики Ибрагим-паша, так же безуспешно боровшийся против филиалов «Банко ди Рома». Несмотря на крутые меры, вплоть до отдачи под суд тех, кто совершал

сделки с банком, ему не удалось ни приостановить, ни даже ослабить влияние «Банко ди Рома» в Киренаике[23].

Несколько замедлила, но не остановила итальянскую экспансию и младотурецкая революция 1908 г., свергшая деспотический режим султана Абдул-Хамида II и провозгласившая конституционную монархию, однако не изменившая феодального строя Османской империи. Не без участия новой турецкой администрации в Ливии началось движение против итальянского проникновения. Так, в Хомсе в 1910 г. состоялась конференция представителей городов Триполитании, на которой было принято решение прекратить всякие отношения с «Банко ди Рома» и всячески препятствовать итальянской колонизации страны[24]. Результаты работы конференции были широко обнародованы, о них публиковались материалы даже в европейских газетах. После окончания конференции начал работать специальный комитет по претворению решений в жизнь. Был сменен проитальянский губернатор. Среди местного населения развернулась работа по подготовке вооруженного сопротивления итальянским колонизаторам, в котором приняло участие и сенуситское братство, несмотря на противоречия, имевшиеся между лидерами сенуситов и вождями местных племен.

Это не означало, однако, что арабская общественность того времени выступала за сохранение османской власти, как утверждают некоторые американские историки, в частности М. Хаддури в книге «Современная Ливия». По сравнению со своими предшественниками младотурки начали проводить по отношению к арабам еще более шовинистическую политику. Они разогнали «Общество арабо-османского братства», созданное арабскими умеренными националистами в Стамбуле в 1908 г., и пришедший ему на смену «Литературный клуб». Поэтому вряд ли правильно утверждение М. Хаддури, будто национализм в Ливии... «зародился не как реакция против османского господства, что было характерно для арабского мира к востоку от Египта, а в полной гармонии и при сотрудничестве с османской властью»[25]. Бедуинам североафриканских эмиратов (Феззана, Триполитании, Киренаики), если быть точными, в те годы пришлось вести борьбу одновременно и против угрозы итальянской колонизации, и против турецкого господства за свою

независимость, да еще и согласовывать свои действия с сенуситами, укрепившимися на просторах ливийской пустыни и тоже претендовавших на место под африканским солнцем.

К сенуситам, располагавшим организованными и вооруженными отрядами, итальянцы были более внимательными, так как боялись их и поэтому проводили по отношению к ним двойственную политику, заигрывая с лидерами братства и одновременно настраивая аборигенов против религиозных сенуситских догм. Но итальянцам так и не удалось ни привлечь на свою сторону сенуситов, ни ослабить их. Риму было известно, что «турецкие гарнизоны в Триполи, Дерне, Бенгази были невелики и поэтому не могли оказать сопротивления намечавшемуся итальянскому вторжению», как напишет позже в своих мемуарах бывший премьер Джоллити[26]. Сенуситское братство представляло собой реальную силу, с которой надо было считаться. И именно это вынудило Джолитти, когда он был во главе правительства, принять меры по увеличению численности итальянского экспедиционного корпуса до 41 тыс. человек и дополнительному оснащению его артиллерийскими орудиями, автотранспортом и даже самолетами[27].

Все это в совокупности дает основание утверждать, что Рим, нацелившийся на север Африки еще с конца XIX в., предпринимал активные военно-политические и экономические акции, намереваясь заполучить себе Триполитанию и Киренаику еще до того, как усугубятся колониальные противоречия между ведущими европейскими державами, приведшими к Первой мировой войне.

К 1911 г. на севере Африки стала складываться обстановка, вызвавшая тревогу Италии. Весной вспыхнул второй марокканский кризис, в результате которого Германия, как считали в Риме, в случае неудачи в конфликте с Францией могла попытаться компенсировать это захватом Ливии (немцы даже объявили о своем намерении соорудить военно-морскую базу в Тобруке), а Франция после захвата Марокко отказалась бы от своих обязательств по сохранению нейтралитета, принятых в 1902 г.[28]

Но Рим беспокоился зря. Европейские державы, знавшие о намерениях Италии, больше заботились о своих колониальных интересах. Это только подталкивало итальянскую элиту

на захватнические действия. В развернувшейся схватке за север Африки Россия, как свидетельствуют рассекреченные теперь архивные материалы, высказывалась на всех дипломатических встречах и переговорах того времени за сохранение «статуса-кво» и суверенность Ливии. Но поскольку эта территория находилась под властью Османской империи, Россия преследовала и свои цели. Общественное мнение России выступало против завоевательной итальянской авантюры. Даже русские правые газеты в 1911 г. с возмущением писали о наглом нарушении Италией международного права, о разбойничьих действиях Рима[29]. Однако паруса войны уже надувались.

Итало-турецкая война 1911–1912 гг.

В 1910 г. против гнета османов восстали племена Йемена. В результате турецкое командование было вынуждено отправить в Юго-Западную Аравию значительное количество войск, находившихся в двух африканских провинциях империи. Вследствие этого на территории Ливии осталось 3 тыс. солдат (по другим сведениям — 4 тыс.). Тогда же были сняты со своих постов вали Ибрагим-паша и командующий Реджеб-паша, известный своей храбростью и энергией. Таким образом, в Триполитании и Киренаике не осталось ни войск, ни командира, ни губернатора.

23 сентября 1911 г. Италия, направив турецкому правительству ноту по поводу «возбуждения» в Триполи, якобы угрожавшего безопасности итальянских граждан, потребовала прекратить переброску туда оружия. 26 сентября, когда в Триполи прибыло судно «Дерна», доставившее военное снаряжение, итальянцы выразили официальный протест. Для интервенции Италия решила следовать примеру Франции, потребовавшей от Марокко проведения внутренних реформ в стране. А 28 сентября итальянцы предъявили великому визирю И. Хакки-паше 24-часовой ультиматум, в котором уведомлялось о намерении Рима «прибегнуть к военной оккупации Триполи и Бенгази… жизненно необходимых для итальянских интересов из-за близости этой страны к берегам Италии»[30]. В ноте говорилось

также о том, что этого требуют интересы цивилизации. Далее подчеркивалось, что османское правительство до сих пор не принимает пожелания итальянского правительства и что все итальянские планы в этом районе встречали противодействие со стороны местных властей. Королевское правительство согласилось на переговоры, однако сейчас не полагает возможным пойти на это. С другой стороны, Италия видит, что в Триполи и Бенгази произошло нападение на итальянских подданных, и в этой связи итальянское правительство должно принять необходимые меры предосторожности. В следующей фразе разъяснялась необходимость того, что нужно сделать. Для этого было желательно осуществить военную оккупацию Триполи и Бенгази. После этого оба правительства договорятся о положении в стране.

Турецкое правительство в ответной ноте выразило готовность урегулировать конфликт мирным путем и обещало не препятствовать экономической деятельности Италии в североафриканских провинциях Османской империи. В частности, в ноте подчеркивалось, что оно никогда не меняло мнения в вопросах экономического сотрудничества и впредь намерено идти по этому пути. По мнению турецкого правительства, последнее предложение, сделанное Италии и расширявшее сферу экономического сотрудничества, являлось примером на этот счет. Что касается общественной безопасности, то правительство повторяет свои прежние заявления, что в вилайете нет никаких следов волнений, которые представляли собой угрозу итальянцам. Что касается судна «Дерна», то на нем не находилось ни одного солдата. Османское правительство предложило итальянцам изложить свои требования. В заключение ноты говорилось, что Высокая Порта предлагает решить проблему путем переговоров. Но это не остановило Рим. 29 сентября он объявил о разрыве дипломатических отношений с Османской империей и о состоянии войны с ней[31].

Это был вооруженный конфликт, подготовленный и развязанный правящими кругами Италии при молчаливом попустительстве «остальной» Европы. И царской России тоже.

События, которые в полной мере касались европейских стран и России, находили живое отражение в зеркале общественной

мысли — в периодической печати того времени, в аналитических трудах, в публичных выступлениях общественных и политических деятелей Европы. Российская печать освещала западноевропейскую политику как в официальных изданиях, так и в публикациях российских политэмигрантов, эсеров, анархистов, большевиков. Каждое издание давало свой политический анализ и сравнение с ситуацией в России, но наибольшей критике колониальная политика подвергалась со стороны российской социал-демократической партии и ее руководителей. В частности, В.И. Ленин охарактеризовал эту войну как побоище, вызванное «корыстью итальянских финансовых тузов и капиталистов, которым нужен новый рынок, нужны успехи итальянского империализма»[32].

Османская империя не была готова к войне, о чем было хорошо известно Риму. Она являлась средством захвата провинций, вся вина которых заключалась в том, что они были расположены поблизости от Италии. «Мы знали, — писал в своих мемуарах Джолитти, — что в портах Ливии не было современных оборонительных укреплений, за исключением очень старых крепостей, которые не в состоянии были оказать сопротивление нападению европейского флота. Турецкий военный флот был малочислен и состоял из старых кораблей. Турецкие гарнизоны в Триполи, Дерне, Бенгази, Тобруке, Мисурате были невелики и поэтому не смогли бы оказать сопротивления нашим солдатам при их высадке...»[33] В Турции действовали различные политические партии, борьба между которыми подрывала Турцию. В Османской империи продолжались восстания — в Йемене, Албании, Джебель Друзе и Ираке, — отвлекавшие внимание Стамбула. В меджлисе росло недовольство политикой И. Хакки-паши. Раздавались голоса, обвинявшие его в измене, поскольку он распорядился вывести накануне итальянской атаки войска из двух африканских провинций. Депутаты потребовали предать великого визиря суду. Впрочем, их предложение было передано в комиссию и там похоронено. Кабинет И. Хакки-паши ушел в отставку и был сменен великим визирем К. Саид-пашой.

Османская администрация показала свою неспособность в организации обороны Триполитании и Киренаики, что

граничило с предательством и заговором против арабского народа, в чем два триполитанских депутата, Садык и Наджми, обвинили правительство Хакки-паши в специальной петиции, направленной председателю турецкого парламента. В петиции были раскрыты вопиющие факты бездеятельности и слабости колониальной администрации перед лицом итальянского вторжения: часть регулярных войск была отослана для подавления восстания в Йемене и не успела вернуться, не было налажено обучение резерва из местного населения, из Ливии были отозваны офицеры и чиновники, хорошо знавшие арабский язык. Некоторые виды оружия, в том числе 40 тыс. винтовок «Шнейдер», были вывезены в Стамбул под предлогом их замены на новые образцы. Ничего не сделало турецкое правительство и для оказания помощи местным жителям, пострадавшим от четырехлетней засухи (1907–1911), в результате которой 200 тыс. человек эмигрировали, а оставшиеся влачили жалкое существование[34].

В такой обстановке Рим, пользуясь попустительством европейских держав и тяжелым внутренним положением Турции, еще до объявления войны 23 сентября 1911 г. направил к городу Триполи эскадру под командованием адмирала Фаравелли. Итальянский флот обладал превосходством над турецким флотом. В момент объявления войны он имел 9 броненосцев, 6 броненосных и 17 легких крейсеров.

В день объявления войны турецкое правительство даже не знало, где находились корабли ее военно-морского флота, и не смогло вовремя предупредить их о столь резком изменении внешнеполитической обстановки[35]. Российский военный агент генерал Хольмсен писал: «Турция даже думать не может о серьезной обороне Триполиса, где у нее всего одна дивизия и 12 слабых батальонов, 1 кавалерийский полк и 8 батарей, численностью около 6 тыс. человек (по другим данным, из-за отправки части войск в Йемен там находилось только 3–4 тыс. человек). Старинной постройки форт в Триполи для обороны входа в порт вооружен слабой устаревшей артиллерией. Не имея достаточно сильного флота для обеспечения морских сообщений, Турция не имеет возможности поддерживать борьбу в крае. Серьезное сопротивление, таким образом, немыслимо»[36].

27 сентября 1911 г. вторая итальянская эскадра под командованием адмирала Фаравелли блокировала побережье Триполитании и Киренаики.

После объявления войны Турция направила европейским державам телеграмму, подписанную султаном Мехметом Рашидом, в которой он призывал их убедить Италию отказаться от беспричинной войны. Одни государства отклонили просьбу, другие — попросту не ответили.

29 сентября с обстрела Триполи, Хомса и других городов прибрежной зоны начались боевые действия. Тем не менее турки решили сопротивляться. Османское правительство приказало судам в Бейруте, Восточном Триполи и на острове Арвад переправить в Триполитанию и Киренаику оружие. И моряки выполнили задачу. Кроме того, в две африканские провинции через Каир и Тунис прибыли турецкие офицеры — бригадный генерал Эдхем-паша аль-Халеби (руководивший операциями в Тобруке), подполковник штаба Фатхи-бей, подполковники Нашаат-бей, И. Знвер-бей, М. Кемаль и Муса аль-Ямамани (командовал операциями в Зуаре). Турецкое сопротивление, поддержанное отрядами Триполитании и Киренаики, длилось с сентября 1911 по октябрь 1912 г. Во время войны в этих двух провинциях впервые в истории применялись самолеты и дирижабли.

В ночь на 5 октября итальянский морской десант (около 1600 чел.) высадился в районе Триполи и Хомса, а к 11 октября туда подоспел и экспедиционный корпус под командованием генерала К. Каневы. В его составе было 35 тыс. человек, 72 орудия, которым противостояли небольшие гарнизоны турецких регулярных войск Триполитании (около 5 тыс. чел.) и Киренаики (около 2 тыс. чел.), а также отряды местного населения[37]. Несмотря на неравенство сил, бои носили упорный характер. Особенно сильными были неожиданные атаки арабских отрядов. Так, на рассвете 23 октября они напали на итальянский лагерь в оазисе Хенни-Шара-Шатт и нанесли ему ощутимые потери. 26 октября таким же дерзким нападкам подверглись итальянские части, дислоцировавшиеся в районе Сиди-Месри-Завия.

В течение ноября–декабря 1911 г. проходили бои в районах Айн-Зара, Бир-Тобраз, Гаргареш, Занзур. С 4 по 18 января 1912 г.

были атакованы итальянские гарнизоны в Таджуре и Гаргареше. В июне и сентябре отмечались вооруженные стычки в Занзуре и Сиди Биляле. Это заставило итальянское командование вывести свои части из отдаленных районов Триполитании и разместить их только в прибрежных крупных населенных пунктах, оставив фактически остальную территорию под контроль бедуинов.

Захват Киренаики начался с середины октября, когда итальянцы осуществили высадку своих войск на побережье. Атаки с ходу им не удались, и только 14 октября они сумели овладеть Тобруком, а 17 октября вступили в Дерну. Для овладения столицей Киренаики Бенгази итальянцы дополнительно направили морскую эскадру под командованием адмирала Орби в составе 7 кораблей и 20 транспортов с подразделениями пехотной дивизии[38].

18 октября морская армада подошла к Бенгази, где оборонявшиеся турецко-арабские подразделения насчитывали 200 солдат, 80 конников и 18 орудий. Им был вручен ультиматум с требованием прекратить сопротивление до 8 утра 19 октября, но он был отвергнут. Тогда итальянские боевые корабли начали артиллерийский обстрел, в результате которого в Бенгази были разрушены многие мечети, включая Великую мечеть, помещения некоторых миссий, в том числе британского и итальянского консульств, а также жилые кварталы, что привело к многочисленным жертвам. Вслед за обстрелом был высажен десант, который только к исходу 21 октября после ожесточенных боев сумел овладеть городом. Защищавшие Бенгази подразделения отошли в район Бенина, что в 25 км от столицы, и оставались там вплоть до апреля 1912 г., беспокоя агрессоров атаками. Только к лету 1912 г. столица Киренаики окончательно перешла в руки итальянцев, но им потребовалось еще 20 лет, чтобы завоевать провинцию[39].

В течение октября 1911 — апреля 1912 г. итальянские агрессоры установили контроль лишь над приморскими городами страны. 18 октября была взята Дерна, 20 октября — Хомс, 2 ноября — Тобрук. В результате, если не считать Триполи и Бенгази, итальянцы захватили все побережье от Саллума до тунисской границы протяженностью 2500 км, не встретив никакого

сопротивления. Их попытки проникнуть на юг, несмотря на превосходство в силах и жесткие репрессии, не увенчались успехом. На помощь местным отрядам прибыли добровольцы из Туниса, Алжира, Египта. Против захватчиков развернулась партизанская борьба, и, понеся потери, итальянцы вынуждены были перейти к обороне.

Война приняла затяжной характер, и это заставило итальянское командование довести численность своих войск к маю 1912 г. до 100 тыс. человек, выделить 35 самолетов, несколько дирижаблей и много другой боевой техники[40]. Вплоть до октября 1912 г. итальянцы пытались перехватить инициативу, овладели оазисами Занзур и Лебда.

По данным итальянского издания «Пополо Романо», военные расходы Рима, с начала войны по август включительно, по военному и морскому министерствам составили 403 млн лир[41].

Архивы царской России о войне

Одним из источников информации, затрагивавших непосредственно эту войну, были рапорты консульского отдела российского посольства в Риме.

Эти документы хранятся в Архиве царской России в Москве[42] и являются важным источником для исследования современной истории Ливии. Они охватывают важный исторический период начала XX в. Подчеркнем при этом, что европейские и арабские исследования базировались в основном на данных европейских архивов, без учета документов, хранящихся в архиве царской России.

Донесения военной разведки

Документы содержат точные статистические данные об итальянских войсках в Ливии и их вооружении. Они были составлены под наблюдением Генерального штаба русской армии с помощью группы офицеров, специально посланных в Триполи для всестороннего освещения итальянского похода в Ливию.

В донесениях Генеральному штабу из Ливии через русское посольство в Риме регулярно приходили рапорты русских агентов о ведении военной кампании в Ливии. Такие рапорты были переданы о боях при Айн-Заре 13 (26) — 21 ноября (3 декабря), Бир-Тобразе 6 (19) декабря, у Бенгази 28 ноября (11 декабря), у Дерны 11 (24) ноября, у Хомса 18 ноября (1 декабря), в Тобруке 9 (22) ноября 1911 г. В каждом рапорте было дано подробное описание численности и положения войск с обеих сторон, хода военных действий, потерь в технике, офицерах и солдатах[43].

Приведем для примера рапорт о боях за оазис Айн-Зара, где расположились арабо-турецкие войска. Итальянское командование рассматривало захват Айн-Зары как необходимую меру не только с военной и политической точки зрения, но и с морально-психологической, отвечавшей общественному мнению, а также это соответствовало указу об аннексии Ливии, подписанному 5 ноября 1911 г. Кроме того, захват оазиса позволил бы итальянцам контролировать враждебные караваны, так как в этом оазисе были многочисленные водные источники[44].

Рапорт указывает на важное стратегическое расположение Айн-Зары. «Айн-Зара, — подчеркивалось в документе, — небольшой, но обильный колодцами оазис, лежит в трех с половиной верстах от южной окраины Триполийского оазиса на соединении путей из Каср-Гарьяна со стороны Каср-Тархуны, которые, в свою очередь, составляют важные узлы путей в горы (Гебел). Главный холм господствует над дорогами из Айн-Зары в Триполийский оазис, кругом холма дюны, понижающиеся к северу и облегчающие устройство обороны»[45].

Арабо-турецкие войска использовали этот природный фактор и сделали из оазиса базу для своих военных действий против итальянцев, особенно в местности между Триполи и Таджура, а именно на правом фланге итальянской армии на случай нападения на востоке[46].

Ко времени описываемого боя в Триполи было сосредоточено почти три дивизии[47], и к середине ноября было завершено формирование четвертой дивизии для отправки в Барку. Таким образом число захватнических войск достигло примерно 80 тыс. человек[48].

«Войска эти долгое время находились почти в бездействии, так как овладели за целый месяц незначительным пространством перед восточным фронтом. Это небольшая доля возвращения утерянных с 10 по 23 октября позиций.

Нельзя считать эту деятельность достаточной для таких сил. Каждый нижний чин не мог не видеть огромного численного превосходства итальянских войск над противником. Для поднятия духа надо было, наконец, дать людям расстаться с траншеями»[49].

Все это свидетельствует о сложном положении итальянцев в первые недели похода в Ливию, падении духа солдат и офицеров после многочисленных поражений в сражениях при Аль-Хани, Шара-аш-Шат и Сиди-аль-Месри 23–26 октября 1911 г. Эти поражения от арабов сильно озлобили итальянских солдат на арабское население[50].

Рапорт российского разведчика обратил внимание на оборонительные сооружения, возведенные арабами и турками для сопротивления при возможных нападениях итальянцев[51].

«Точных сведений об укреплениях, возведенных в Айн-Заре турками, не имеется. Линия окопов начиналась против Бумелиана, шла к востоку, перерезая все пути из Айн-Зары и Ментии, а затем сворачивала на север. Расстояние между этой линией и итальянскими окопами было всего около трех-четырех верст. На центральной части этой линии находилось до 2500 человек, большей частью регулярной турецкой пехоты при 75-мм орудиях, как говорят итальянские источники, в бою участвовало, кажется, только три горных орудия, на фланговых участках было в каждом до 2000 человек»[52].

Такие же обстоятельные рапорты были переданы и о других важных сражениях, упомянутых выше. Критические выводы о действиях итальянских войск, которые сделали авторы рапортов, говорили сами за себя.

«В Триполи, в Хомсе, в Бенгази, в Дерне, в Тобруке — у итальянцев все то же: отсутствие разведки, неясная цель действий и отсюда непланомерность их. Недостаток наступательного духа: встретив сопротивление, сейчас же окапываются; все как бы проникнуты мыслью, что победить без превосходства в силе невозможно.

Штаб-офицеры и ротные командиры проявили удивительную непредусмотрительность. Свойственная итальянцу быстрота мысли точно исключает способность спокойного суждения. Идут вперед, но куда? Зачем? — над этим как-то мало задумываются. Психологической загадкой является и то, куда в бою исчезает природная живость и порывистость — пыл точно испаряется в возбужденном ожидании боя; в бою его хватает лишь на одиночные проявления самопожертвования; последние дела не меняют; но, удовлетворяя национальное чувство, мешают итальянцам видеть, как войска мало подготовлены для решительных и согласованных наступательных действий.

Если бы случаи необдуманных действий, подобно указанным, явились эпизодами непрерывного ряда первых дней, нельзя было бы произнести упрек. Итальянцы при начале каждого своего наступления находятся как бы на маневрах мирного времени: они вольны выбирать и день, и час, имеют возможность спокойно обдумать предстоящие, весьма несложные действия. И тем не менее всегда одно и то же: непредусмотрительность до наступления опасности, а пред лицом ее — пассивность»[53].

Российскому военному агенту в Риме было дано указание собрать данные о введенных Италией во время войны с Турцией военной цензуре и правилах для военных корреспондентов. Относительно самой цензуры в отчете сказано, что она воевала «во славу отечества с журналистами успешнее, чем итальянцы с турками». По поводу лиц, привлеченных непосредственно к цензуре, агент не без иронии замечал, что «цензура на театре войны, по крайней мере в Триполи, была представлена в лице одного капитана карабинеров и другого полуграмотного капитана», которые, «не справляясь со смыслом написанного, без зазрения совести вычеркивали все казавшиеся им подозрительные в телеграммах сведения и искажая смысл до того, что большинство телеграмм ... представляли собой требующий разгадки ребус»[54]. Вторую цензуру вести с фронтов войны проходили в Риме.

Телеграфный чиновник пересылал сомнительную, на его взгляд, телеграмму в одну из больших центральных телеграфных контор (Рим, Неаполь, Турин, Милан и др.), дирекция которой определяла, можно ли телеграмму отправлять,

и, если нельзя, извещала отправителя. Правил о том, какие сведения подлежат представлению по начальству, не существовало, телеграфные чиновники руководствовались «здравым смыслом». На практике дело обыкновенно сводилось к тому, что отправитель соглашался опустить слова, не понравившиеся чиновнику. Во второй инстанции главная работа по проведению цензуры падала на Римскую телеграфную контору, так как по общему правилу всякие телеграммы, отправляемые за границу, пересылались сначала в Рим. Случалось так, что петербургские газеты от своих корреспондентов получали сведения на неделю позже сицилийских. Телеграмма, цензурой не пропущенная, будучи пересланная по почте, помещалась в итальянской газете беспрепятственно. Действительных средств борьбы с неосмотрительностью печати не существовало: конфискация газеты была возможна только по решению суда, т. е. с опозданием в несколько месяцев. Таким образом действия военной цензуры почти не препятствовали оглашению полезных противнику известий[55].

Во избежание разглашения военных сведений итальянской военной цензурой было предусмотрено, что «ни один корреспондент газеты или телеграфного агентства ни под каким предлогом не может получить разрешения следовать за войсками»[56]. Чтобы легче было наблюдать за деятельностью корреспондентов, они были допущены только в Триполи. Просьбы посетить Бенгази, Хомс и прочие пункты отклонялись под предлогом отсутствия безопасности. В Триполи одно время находилось до 84 корреспондентов. Телеграммы о передвижении войск и военных действиях пересылались только через Италию, где они могли подвергнуться дополнительной цензуре. Первоначально разрешение посылать телеграммы по кабелю давалось только тем корреспондентам, которые письменно подтвердили, что не будут использовать другой источник доставки. Но после того, как группа корреспондентов наняла небольшой пароход, возивший их телеграммы на Джербу, Мальту или Египет, было запрещено посылать телеграммы иначе, чем по кабелю[57]. Корреспонденты, не выполнившие это требование, были высланы из Триполи.

Одно время корреспонденты свободно посещали траншеи и бивуаки, но, по сообщениям из Триполи, в конце января 1912 г. положение их стало затруднительным. Доступ в расположение войск был разрешен только группами в сопровождении офицеров, фотографирование было запрещено. В Риме телеграммы подвергались цензуре не только в отношении их правдивости, но и с точки зрения того впечатления, которое они могли произвести на общество. Например, долгое время не пропускались известия об истязании арабами пленных. Все корреспонденции в газеты из Триполи задерживались на 24 часа.

Если в начале войны в донесениях русских агентов отмечалась несогласованность и непоследовательность в действиях итальянцев, то в апреле–мае 1912 г. указывалось на их возросший военный опыт и как результат — достижение определенных успехов. Из числа генералов назывались Гариони, Амельо и Рейзоли, действия которых «выделяются наступательным духом и планомерностью». В сражениях у Бенгази и на о. Родос было достигнуто согласованное действие трех родов войск. Наступление вглубь страны считалось возможным. Для этого предполагалось использовать автомобили[58].

В донесении русского резидента в Риме В. Волконского Генеральному штабу указывалось, что в Риме обнародован первый официальный список итальянских потерь с начала войны по 18 февраля (2 марта) 1912 г.: убито и умерло от ран офицеров — 34, нижних чинов — 403; пропало без вести: офицеров — 1, нижних чинов — 323 (большей частью 2-го берсальерского полка), всего 761 человек. Русский резидент при этом подчеркнул, что данные сильно занижены[59].

Всего, по данным Генштаба российской армии, к 5 мая 1912 г. в Ливии (не считая морских частей) находилось не менее 89 батальонов пехоты, 13 эскадронов, 244 полевых и горных орудий, 56 орудий полевой тяжелой артиллерии и 3 инженерных батальона[60].

Между тем итальянцы несли немалые потери. Даже по их официальным данным, за 12 месяцев войны были убиты в боях 1432 человека, ранены 4220[61].

Кроме отчетов о ходе военных действий в Ливии российскими агентами была собрана информация о состоянии

итальянских войск и их боеспособности к ведению возможной войны на европейской территории.

Весной 1912 г., одновременно с возобновлением крупных военных операций в районе Бенгази и Зуары, резко усилилась активность итальянского военно-морского флота. 18 апреля 1912 г. 8 итальянских крейсеров и флотилия миноносцев под командованием адмирала Вьяле бомбардировала форты при входе в Дарданеллы. С оккупацией в апреле–мае 1912 г. греческих островов Стампалия, Родос, Колки, Симис, Кастеллориццо и др. итало-турецкая война вступила в новую и завершающую фазу. Но перенос военных действий в Эгейское море не устраивал правящие кабинеты Европы. Угроза Турции закрыть проливы вынудила их оказать политическое давление на итальянское правительство, и Джолитти отменил приказ о расширении масштабов боевых действий[62].

Вследствие отправки в Ливию около ста тысяч военных лучшего состава оставшаяся в Италии часть войск оказалась почти неготовой к боевым действиям. Это не могло не отразиться на обучении молодых солдат, срок подготовки которых был сокращен. Такой же небоеспособной оказалась оставшаяся в стране артиллерия. Для решения стратегических — военно-политических задач — в условиях надвигавшейся мировой войны вооруженные силы Италии оказались весьма ослабленными. Это вынудило власти Италии считаться с реальностью не менее, чем с общественным настроением в начале войны, столь враждебным по отношению к Австро-Венгрии. Низкий уровень боеспособности сухопутных сил Италии не давал никаких шансов для того, чтобы Рим считался равноправным игроком Тройственного союза. Дипломатам Италии поэтому оставалось искать возможность продать Австро-Венгрии свое согласие остаться в Тройственном союзе за более дорогую цену. Иным представлялся только случай, что результат войны после одного-двух лет будет более благополучным для Рима. Там еще оставалась уверенность, что армия выйдет из войны численно и качественно более сильной[63].

Дипломатическая активность царской России

Интерес России к обстановке на севере Африки проявлялся не только в получении оперативных данных с места событий, которые позволяли самостоятельно оценивать силы обеих воевавших сторон, но и в возможности использовать информацию своих агентов для ведения международной дипломатической игры. Россию, в частности, в то время более всего волновал не урегулированный с Турцией вопрос о проливах. Обсуждение этого вопроса нашло отражение в дипломатической переписке посла России во Франции А.П. Извольского со своим министерством иностранных дел.

Как одна из великих держав, Россия имела секретные соглашения с европейскими государствами по разграничению сфер своего влияния. Связанная с Францией определенными интересами и мало заинтересованная в событиях на северо-западе Африки, куда со своими притязаниями устремилась Франция, Россия имела определенные основания надеяться, что Париж заранее откажется от оппозиции или вмешательства в урегулирование вопроса о проливах, который предстояло решать с турками, а в связи с итало-турецкой войной и с позицией Италии.

По заключенному в Ракониджи секретному соглашению с Италией в 1909 г.[64] Россия обязалась не препятствовать свободе действий итальянцев в Триполи, взамен чего Италия, со своей стороны, обещала невмешательство в российскую политику в проливах. Военный конфликт Турции с Италией давал возможность использовать политическую ситуацию как способ давления на турецкое правительство.

Благожелательная Италии позиция российской дипломатии в итало-турецкой войне была отнюдь не бескорыстна. Еще до объявления Римом войны Турции развернулась оживленная дипломатическая переписка между Петербургом и дипломатическими представителями России в Риме, Париже, Стамбуле и других европейских столицах. Общее мнение, высказанное Извольским, Чарыковым, российским послом в Стамбуле, и другими российскими послами, было таково, что в силу соглашения в Ракониджи не приходится оспаривать действия итальянской дипломатии по существу. Можно лишь говорить

о своевременности аннексии североафриканских областей и стремиться локализовать конфликт, не допустив его распространения на Балканы и другие европейские территории[65].

Накануне объявления войны и высадки итальянского десанта в Ливии А.П. Извольский писал в министерство иностранных дел России: «В предположении, что итальянское выступление неизбежно, мне кажется, что нам следовало позаботиться не только о наилучшем способе сохранить мир и порядок на Балканском полуострове, но также и о том, чтобы по возможности извлечь из надвигающихся событий наибольшей выгоды для собственных наших интересов. В течение последних лет, несмотря на все оказанные нами Турции услуги, Оттоманское правительство систематически уклонялось от разрешения в благоприятном для нас смысле различных стоящих на очереди вопросов... Наступающая конъюнктура представляется мне весьма удобной для решительной попытки с нашей стороны урегулировать... эти вопросы»[66]. В том же письме Извольский напоминал, что «следовало... в той или другой форме заручиться заявлением Италии, что, осуществляя ныне предусмотренные соглашения с нами права свои в Триполи, она продолжает считать себя в будущем связанною по отношению к нам в вопросе о проливах».

Эти проекты получили в Петербурге полное одобрение, и вскоре Нератов направил Чарыкову специальные инструкции для переговоров с турецким правительством по интересующим Россию вопросам[67]. Была поддержана и идея, выдвинутая Извольским и Чарыковым — добиться от Италии в подтверждение и развитие соглашений в Ракониджи нового письменного признания относительно русских интересов в Босфорском и Дарданельском проливах[68].

Извольскому был направлен подготовленный Нератовым следующий проект письма итальянского министра иностранных дел: «В дополнение к письму итальянского министра иностранных дел, переданному в замке Ракониджи 24 (11) сентября 1909 г., я имею честь с одобрения его величества короля, заявить вашему превосходительству, подтверждая все пункты, содержащееся в этом письме, что Италия осуществила свой проект оккупации Триполи и Киренаики, обязуется не препятствовать

осуществлению проектов, которые могла бы иметь Россия касательно проливов Босфора и Дарданеллы и прилегающих к ним территорий. Разумеется, что настоящая нота остается секретной и не может быть сообщена третьей державе без обоюдного согласия»[69].

Получив одобрение из России, российский посол встретился с послом Италии во Франции Т. Титтони и представил ему этот проект. Т. Титтони выказал удовлетворение и готов был ехать в Рим, чтобы лично изложить Джолитти и Сан-Джулиано аргументы в пользу этого плана[70]. Россия настолько уверенно чувствовала себя на дипломатическом поле, что могла позволить предъявить другой стороне проект такого заявления, который она желала бы от этой стороны получить. Однако то ли по вине Титтони, то ли ввиду нежелания римского кабинета связать себя таким обязательством, разговор на этом и закончился, и никакого дополнения к соглашению в Раккониджи не последовало[71].

Вскоре состоялась встреча Извольского с де Сельвом, министром иностранных дел Франции, на которой он изложил позицию России по «наиболее важному и трудному вопросу о проливах». В Европе, и в особенности в бассейне Средиземного моря, произошли существенные политические изменения: Франция утверждала свое владычество над Марокко, Италия приобретала Триполи и Киренаику, Англия укрепляла свое положение в Египте и, как следовало из объявления о нейтралитете этой страны во время итало-турецкой войны, не стеснялась соображениями о ее юридической принадлежности к Османской империи. Что касается России, то, не будучи прямо заинтересованной в этих вопросах и руководствуясь общим характером отношений с Францией, Англией и Италией, она вполне лояльно относилась ко всем этим действиям и, кроме того, прилагала усилия к тому, чтобы удержать от воинственных выступлений Балканские государства. Но в то же время Россия думала о собственных интересах и о том, чтобы избавиться от наложенных на нее при других обстоятельствах и ныне совершенно устарелых ограничений. Российский посол выражал уверенность, что со стороны Франции России будет обеспечено сочувственное отношение в вопросе о проливах, тем более, что появление

российского черноморского флота в Средиземном море может лишь усилить положение французских сил в этих водах. Ввиду совершающихся на этом театре формальных перемен, России необходимо позаботиться о таком же формальном закреплении своих прав и интересов, и она надеется, что французское правительство так или иначе оформит свое отношение к шагам, которые российское правительство найдет нужным рано или поздно предпринять касательно проливов и прилегающих к ним территорий[72].

В российских дипломатических кругах высказывались опасения, что позиция «статус-кво» в проливах может оказаться несовместимой с ее нейтралитетом по отношению к итало-турецкой войне и вызовет антагонизм со стороны Италии. Но Извольский приводил аргументы: антагонизм Италии может быть устранен тем фактом, что итальянское правительство заявило о своем намерении ограничить военные операции территорией Триполи. Поэтому, если бы Россия дала Турции гарантию (о сохранении «статуса-кво» в проливах), то можно было бы разъяснить Италии, что гарантия эта не направлена против нее, а имеет в виду возможные посягательства на Константинополь и проливы со стороны балканских государств[73].

Пока на территории Ливии между итальянцами и турками с арабами еще только разворачивались военные действия, европейские дипломаты уже обсуждали возможное развитие событий и условия заключения мира между воевавшими сторонами. На очередной встрече российского посла в Париже с де Сельвом разговор шел именно об этом. Де Сельв не имел никаких сведений о дальнейших намерениях Италии и о том, где и какого рода удар Рим замышляет нанести Турции, дабы заставить ее искать мира. Титтони тоже не смог сообщить Извольскому никаких подробностей и ограничился лишь заверением, что Италия ни в коем случае не посягнет ни на проливы, ни на какую-либо другую часть территории европейской Турции, чтобы не вызвать нежелательных осложнений на Балканском полуострове. Заинтересованные европейские дипломаты продолжали думать, что вероятным объектом действий Италии будет Смирна. Рифаат-паша высказывал мнение, что бомбардировка или даже занятие Смирны будет весьма мало

чувствительно для Турции, а высадка в этом пункте вряд ли может быть произведена без чрезвычайно крупных потерь. Греческий король Георг высказывал противоположное мнение — он полагал, что занятие Смирны нанесет чрезвычайно крупный финансовый ущерб Турции, так как Смирнская таможня являлась одним из главных источников ее доходов. Кроме того, в Смирне было оставлено очень мало войск, так как почти все военные турецкие силы были стянуты в Македонию[74].

После заявления турецкого посольства в России о возможности закрытия проливов, считая это как средство защиты, которое Турция могла бы применить ввиду ожидаемого нападения Италии, российское правительство сочло нужным высказать европейским державам свою точку зрения на это заявление. Для этого российским послам в Париже, Лондоне, Риме, Берлине, Вене и Стамбуле была направлена специальная телеграмма, в которой обращалось внимание, что право навигации нейтральных государств через проливы было гарантировано пунктом 3 Лондонской конвенции 1871 г., подписанной Турцией, и что всякая мера, склоняющая к фактическому стеснению этого права, противоречила бы договору и нарушала интересы нейтральных государств. Такая точка зрения никоим образом не исключала возможности для воюющих сторон принимать технические военные меры нападения или защиты, которые они полагали бы необходимыми[75]. Ввиду отсутствия единогласия по отношению к противоборствующим в Ливии сторонам европейские державы предлагали изложить российское мнение турецким послам в указанных странах, с тем чтобы они донесли его до сведения Порты.

Исходя из желания прекратить итало-турецкий конфликт, как один из военных очагов, мешающих сохранению всеобщего мира и являющегося причиной дестабилизации обстановки вблизи европейского континента, великие державы обсудили возможные способы примирения воюющих сторон путем определения взаимных уступок и компромиссов. На этом фоне возникли предположения о якобы «посредничестве» России в урегулировании конфликта между Турцией и Италией. В связи с этим 5 января 1912 г. российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов направил секретную телеграмму российскому

послу в Стамбуле, в которой отрицал слухи о посредничестве и излагал свои предложения: «...Я вступил с Великими державами в обмен мыслей в целях найти такое решение, которое, считаясь с фактически созданным действиями Италии положением и всеми признанной невозможностью для Турции восстановить “статус-кво” в отношении двух африканских провинций, в то же время щадило бы самолюбие Турции и избавило ее от необходимости официального признания совершившихся фактов. В обсуждении как формулы, так и способов выполнения всем желательного при таких условиях примирительного воздействия, я охотно соглашусь на всякий “модус процеденди”, одобренный всеми державами»[76]. После обмена мнениями с европейскими послами в Стамбуле выяснилось, что тот момент не являлся подходящим для подобного выступления как вследствие парламентского кризиса в Турции, так и ввиду нежелания Порты считаться с фактическим положением.

На одном из дипломатических приемов в Париже в феврале 1912 г. турецкий посол Рифаат-паша высказал мнение президенту Пуанкаре, что турецкое правительство охотно приняло бы предложение дипломатического союза европейских держав при условии, что от Турции не потребуется признания декрета о присоединении Триполи к Италии. Рифаат-паша добавил, что Франция могла бы при этом сыграть особенную роль. На что Пуанкаре ответил, что Франция охотно окажет содействие восстановлению мира, но непременно в полном единении с Россией и Англией[77].

Дальнейшее развитие событий на дипломатическом театре показало, что минимум условий Италии все еще был отдален от максимума уступок, на которые могла бы согласиться Турция. Итальянское правительство не могло отказаться от подтвержденного парламентом присоединения в полном объеме Триполитании и Киренаики. Единственное, что Италия могла допустить — это признание духовного главенства султана и денежную компенсацию. Турция на тот момент не была расположена довольствоваться этим. Сенатор Бустани, председатель турецкой межпарламентской группы арбитража, будучи в Париже представленным в дипломатических кругах, высказал желание турецкого правительства и турецких парламентских

кругов достичь мира, но не иначе как на следующих условиях: непременное сохранение турецкого суверенитета и, в крайнем случае, признания итальянской оккупации в портах Триполитании, но не Киренаики и не всей триполитанской провинции. Пуанкаре предложил поддержать предложение Сазонова — державы одновременно и коллективно осведомятся в Риме и Стамбуле о крайних пределах взаимных уступок и затем обсудят между собой, каким образом согласовать эти условия[78]. Франция строго придерживалась правила — прежде всего искать полного согласия с русским и английским правительствами. Россия, в свою очередь, следовала тем же правилам и принимала все меры для устранения всяких слухов в европейских газетах, даже о видимости разногласий с Францией.

Пуанкаре не скрывал от российского посла в Париже, что многие парламентские деятели обращались к нему с запросами о том, правда ли, что между Россией и Францией существует разница во взглядах на турецко-итальянскую войну и что Россия следует в этом вопросе совершенно особой политике. Пуанкаре делал все от него зависящее, чтобы дезавуировать такие предположения, которые весьма искусно распространялись из Рима. С другой стороны, Россия тоже давала авторитетные разъяснения, в том числе и с трибуны Государственной Думы[79]. Действия итальянского флота у входа в Дарданеллы в Париже считали чистой случайностью, поскольку итальянское правительство отрицало намерение со своей стороны блокировать проливы. От итальянцев ожидали занятия большего количества островов с тем, чтобы они могли использовать их в качестве аргументов при заключении мирного соглашения с турками. Тем не менее Порта закрыла проход через проливы, чем создала напряженную ситуацию.

На запросы европейских стран об открытии проливов для прохода нейтральных судов Турция давала уклончивый ответ, как бы вымогая у нейтральных держав оказать давление на Италию для получения ручательства о ненападении Италии на Дарданеллы. В своей телеграмме послам российский министр иностранных дел просил выяснить, «не признали ли бы державы уместным сделать Порте, каждая в отдельности и в форме, какую считает наилучшей, заявление о том, что

закрытие Дарданелл, не оправдываемое более необходимостью обороны и не согласное с оговоренной трактатами свободной торговли нейтральных [государств], является лишь мерою враждебной по отношению нейтральной торговли, причиняющей огромные убытки всем... и вследствие сего никак не способной расположить державы в пользу турецкой точки зрения на вопрос»[80]. Несомненно, что российская торговля от закрытия проливов страдала больше всего. 19 апреля 1912 г. Дарданеллы были открыты для прохода судов.

Лозаннский мирный договор 1912 г.

Великобритания, установившая в это время полный контроль над Египтом, приняла ряд мер в поддержку Италии. Так, были подавлены выступления египтян в защиту двух африканских провинций Османской империи. Англичане также закрыли египетско-киренаикскую границу. Лондон подстрекал Рим подчинить себе Триполитанию и Киренаику и тем самым ослабить арабский национализм, начавший беспокоить англичан.

Европейские державы продолжали прилагать усилия, способные положить как можно скорее конец военным действиям между Италией и Турцией, от которых страдали не только итальянские, но и общеевропейские интересы. Необходимо было изыскать такую форму соглашения, которая в одинаковой степени оградила бы самолюбие как Италии, так и Турции. В качестве образца предварительного соглашения Извольский предлагал Сазонову взять за основу соглашение 1884–1885 гг. между Францией и Китаем, столкновение между которыми из-за Тонкина до некоторой степени было аналогично с итало-турецким конфликтом из-за Триполи. В то время стороны начали с того, что заключили предварительную конвенцию, в которой были тщательно обойдены все щекотливые вопросы. Некоторые статьи, искусно отредактированные, могли послужить, как писал Извольский, образцом для будущей итальянско-турецкой конвенции[81]. Об этом он сообщил министрам иностранных дел Италии и Франции, которые проявили живой интерес. Турецкий посол самым энергичным образом отрицал

всякую возможность для Турции искать выход из непримиримого положения, но тем не менее он интересовался у Пуанкаре и у Извольского о возможности проведения в Петербурге международной конференции по вопросу о Триполи, которая так и не состоялась[82].

О направленной дипломатической игре того времени свидетельствует один из документов тогдашней переписки российского посла в Париже А.П. Извольского с министерством иностранных дел России. Приведем текст полностью.

«Секретная телеграмма Российского Посла в Париже А.П. Извольского Мин-ру Ин. Дел С.Д. Сазонову. Париж, 30 сентября / 13 октября 1912 года, № 244.

Вчера Титтони сообщил Пуанкарэ, что задержка в мирных переговорах происходит от новых и неприемлемых требований Порты и что Италия назначила последний срок для окончательного ответа Турции на будущий вторник, после чего она энергично возобновит военные действия. При этом Титтони от имени своего Правительства спросил, не согласится ли Франция поддержать в Константинополе следующую новую комбинацию, могущую, может быть, явиться исходом из настоящего политического положения. Мирный договор вовсе не коснется вопроса об аннексии и предусмотрит лишь прекращение военных действий с отозванием турецких войск, но вслед за этим все державы, за исключением Турции, формально признают суверенитет Италии в Ливии. Пуанкарэ ответил, что Франция, в силу существующих соглашений с Италией, вполне готова как можно скорее признать аннексию, но под условием: 1) чтобы на это одновременно согласились другие державы, а 2) чтобы Турция заранее выразила, что подобная комбинация для нее приемлема. По-видимому, Италия обратилась с подобным же запросом к другим кабинетам. Извольский»[83].

Чтобы принудить Турцию отказаться от своих владений в Северной Африке и пойти на заключение мирного соглашения, итальянское командование все-таки начало активные боевые действия в Эгейском море и одержало победу. Правда, 19 апреля 1912 г. флот появился перед Дарданеллами, надеясь прорваться к Стамбулу, но был отогнан огнем османских береговых батарей. Но 5 мая 1912 г. эскадра захватила Родос и другие

принадлежавшие Турции острова. Кроме того, в Красное море были направлены итальянские корабли для нападения на прибрежные районы Османской империи. Флот подверг бомбардировке Ходейду, Салиф, Миди и Лухайю. Итальянцы помогали оружием и деньгами Али аль-Идриси, правителю г. Себая, выступившему против турок. Оккупация островов нанесла новый удар по престижу турецкого правительства, заставив его отказаться от своих североафриканских владений.

Однако победа Италии в значительной мере была одержана не силой оружия, хотя она и обладала известным превосходством в военно-морских силах и вооружении над Турцией. Успех Италии в аннексии Триполитании и Киренаики был обеспечен вмешательством европейских держав, которые опасались, что затягивание итало-турецкой войны создаст немалые трудности в решении ближневосточного вопроса в тот момент, когда к его решению они еще не были готовы. При этом Италия весьма умело использовала противоречия между Антантой и Тройственным союзом и желание каждого из этих двух блоков иметь ее на своей стороне.

Подписание мирного договора между Турцией и Италией ускорило события на Балканах. Неспособность Турции отстоять свои североафриканские владения, утрата островов Эгейского моря и угроза итальянского нападения на малоазиатское побережье Турции заставили большинство ее государственных деятелей считать, что заключение мира с Италией, даже ценой потери Триполитании и Киренаики, позволит укрепить позиции правительства.

В марте 1912 г. послы Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии посетили министра иностранных дел Италии А. Патерно-Кастелло и предложили ему сообщить мирные условия итальянского правительства для передачи их Высокой Порте. А. Патерно-Кастелло заявил, что мир с Турцией будет заключен лишь в том случае, если Османская империя признает присоединение двух провинций к Италии. В ответ Рим обязуется пойти на уступки в гражданских делах, в финансовых вопросах и в отношении таможенных тарифов. Османская империя не приняла этих условий. Однако 12 июля 1912 г. турецкое правительство начало переговоры мирные переговоры

с Италией в Швейцарии. Переговоры продолжались до сентября, но завершились неудачей, поскольку обе стороны проявили упорство. Но в октябре 1912 г. Греция, Болгария, Сербия и Черногория объявили Османской империи войну. Вследствие этого Стамбул дал указание своим представителям заключить мирное соглашение с Италией.

После длительных переговоров 15 октября 1912 г. в пригороде Лозанны Италия и Турция подписали предварительный договор, условия которого обе стороны обязались сохранять в тайне до официального заключения мира. В первой статье договора говорилось, что они направят своих представителей с тем, чтобы они обеспечивали прекращение огня. Согласно договору, турецкий султан был обязан в течение трех дней издать фирман о предоставлении автономии Триполитании и Киренаике, а итальянское королевское правительство — согласиться с назначением султаном религиозных руководителей (судей) в Ливии и определить их денежное содержание в специальном соглашении между двумя сторонами, причем численность мусульманского духовенства не должна была превышать довоенную. В течение трех дней после опубликования фирмана султана итальянскому правительству следовало вновь подтвердить декрет об аннексии Триполитании и Киренаики, и только после этого султан вторым фирманом должен был признать этот декрет и принять на себя обязанность, согласно ст. 6 договора, больше не посылать в Триполитанию и Киренаику оружие, снаряжение, солдат и офицеров.

Первый султанский фирман (прил. № 1 к Лозаннскому договору) был опубликован 16 октября 1912 г. в виде манифеста султана к жителям Триполитании и Киренаики[84]. Фирман султана о предоставлении автономии Триполитании и Киренаике был истолкован арабами как признание их права на полную независимость. Однако уже 17 октября король Италии Виктор Эммануил III подписал манифест к жителям Триполитании и Киренаики (прил. № 2 к Лозаннскому договору), в котором говорилось: «Действуя на основании закона 38, изданного 25 февраля 1912 года, который полностью подчинил Триполитанию и Киренаику абсолютному господству Италии, и желая ускорить восстановление мира в этих двух областях, по предложению Совета

министров объявляется всеобщая амнистия жителям Триполитании и Киренаики, принимавшим участие в военных действиях или совершившим какие-либо политические проступки (ст. 1), провозглашается свобода отправления мусульманского культа, разрешается постоянное упоминание имени султана как халифа мусульман в коллективных молитвах, гарантируется неприкосновенность духовного имущества (вакуфов), признаются полномочия назначаемого султаном его религиозного заместителя (ст. 2), предусматривается назначение королевским указом комиссии, частично составленной из жителей страны, для выработки гражданского и административного устройства в соответствии с либеральными принципами (ст. 3)»[85].

18 октября 1912 г. султан издал второй фирман, в котором, ссылаясь на якобы выраженное населением Триполитании и Киренаики желание, давал свое согласие на их переход под управление Италии. В тот же день в Лозанне между Италией и Турцией был подписан мирный договор. Согласно договору, повсеместно прекращались боевые действия (ст. 1); обе стороны обязывались безотлагательно вывести вооруженные силы: турецкие — из Триполитании и Киренаики, итальянские — с оккупированных островов Эгейского моря (ст. 2); предусматривался скорейший обмен пленными и заложниками между двумя сторонами (ст. 3); подтверждалось решение о политической амнистии жителям Триполитании, Киренаики и островов Додеканес (ст. 4); сообщалось о вступлении в силу всех трактатов, конвенций и обязательств, действовавших ранее в отношениях между Италией и Турцией (ст. 5)[86]. После подписания договора османское военное министерство отдало приказ, предписывавший турецким офицерам вернуться на родину.

Предварительно, до подписания мирного договора, итальянское правительство в соответствии с достигнутой ранее договоренностью обратилось к европейским державам с просьбой как можно скорее одобрить декрет об аннексии Триполитании и Киренаики. 19 октября 1912 г. Франция, Австро-Венгрия, Великобритания, Германия официально уведомили итальянское правительство о признании ими факта аннексии Италией североафриканских владений Турции.

Подписанием договора в Лозанне и признанием европейскими державами суверенитета Италии над Триполитанией и Киренаикой был «по-европейски» исчерпан военный конфликт 1911–1912 гг. между Италией и Турцией. Фактически же договор превратил две области в итальянскую колонию, которой в Риме дали название «Ливия». Но итальянцы, несмотря на принятые ими обязательства, не ушли с островов в Эгейском море. Они оставались под властью Италии вплоть до конца Второй мировой войны, когда союзники передали их Греции.

Однако после ухода с ливийских территорий Османской империи итальянцам понадобилось 20 лет борьбы, чтобы подавить освободительное движение. Руководители патриотов Триполитании после ухода турецкой армии провели в Джебель аль-Гарби, в провинции Феззан и в Вурфале ряд совещаний, на которых решили добиваться независимости. О планах по созданию нового государства было доведено до сведения султанского наместника Шамс ад-Дина-бея и европейских держав. Более того, в Киренаике продолжалось сопротивление агрессорам, под руководством верховного шейха сенуситов Ахмеда аш-Шерифа ас-Сенуси.

ГЛАВА V

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЛИВИЯ

В 1914 г. между двумя коалициями европейских держав вспыхнула широкомасштабная война, вызванная крайним обострением противоречий в ходе борьбы за сферы влияния, за передел мира и колоний, за мировое господство. Два «центра силы» возглавляли старейшие державы — Великобритания и экономически усилившаяся в начале XX в. Германия. На первом этапе в войну было втянуто 8 европейских государств, со временем в нее вступили 38 стран (в том числе в поддержку Антанты — 34) с населением свыше 1,5 млрд человек 16 (29) октября 1914 г. на стороне Германии в войну вступили Турция, 10 (23) мая 1915 г. к Антанте примкнула Италия, входившая ранее в Тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией[1].

Ливия в пекле войны

Ливия в этой войне оказалась под прицелом обеих коалиций, каждая из которых стремилась установить свое господство на территории, занимавшей важное стратегическое положение на севере Африки. Великобритания, объявившая 18 декабря 1914 г. об отделении Египта от Турции и установлении протектората над «страной пирамид», претендовала на другие арабские территории, расположенные к востоку от Нила, но стремилась обеспечить себе тылы, почему и обратила свои взоры на Ливию. Турция, надеясь на поддержку кайзеровской Германии, намеревалась вернуть себе бывшие владения Османской империи, в том числе и Ливию. Италия же, опасаясь проиграть, делала все возможное, чтобы оставить за собой захваченные накануне ливийские земли. Что касается Германии, то она предусматривала нападение из Киренаики на Египет через Западную

пустыню и подготовку военной экспедиции в Сирии для нападения на Каир со стороны Суэцкого канала.

Сопротивление в Триполитании и Киренаике носило характер борьбы племен против внешнего противника, причем у этой борьбы были свои плюсы и минусы.

В этой борьбе за Ливию, несмотря на все старания Рима показать, что Триполитания и Киренаика находятся под его контролем, воюющие стороны стремились иметь дело не с итальянским правительством, а с местными политическими группировками, хотя те и переживали кризис. Все дело в том, что в 1912 г. эвакуация из провинций Османской империи, а затем разгром в ходе Первой мировой войны итальянских войск подняли значение местных шейхов, которые осуществляли контроль на местности и производили сбор налогов. В Мисурате сидел Р. ас-Сувейхали, в Тархуне — Ахмед аль-Мурайид, в Вуаргле — А.Н. Бельхейр, в Джебеле — С. аль-Бейруни, в Аль-Джаффаре — С. аль-Хамуди. Они превратились в феодальных правителей. Все шейхи получали помощь от турок и немцев. Так, Р. ас-Сувейхали получил 5 тыс. винтовок, 11 артиллерийских систем, огромное количество денег.

Результатом этого стало то, что восстания против господства итальянцев возглавлялись племенной знатью. Но они преследовали нередко собственные цели. Так, С. аль-Хамуди, получив от Турции в 1916 г. титул наместника султана в Триполитании, а также помощь деньгами и оружием, использовал это, чтобы захватить соседние районы. Это привело к гражданской войне между самими жителями этой провинции. В свою очередь, Р. ас-Сувейхали образовал независимое государство в Мисурате. А в 1916 г. он предпринял атаку на войска сенуситского лидера Сафи ад-Дина и одержал над ними победу в бою у Бени Валид (близ Вурафлы), что означало конец присутствия сенуситов в Киренаике.

Аналогичное положение сложилось на востоке страны. В Великобритании, например, хозяином положения в Киренаике считали не итальянских наместников, а Ахмеда аш-Шерифа, которого пытались привлечь на свою сторону всеми имевшимися средствами. Одновременно такую же работу вели германо-турецкие агенты. В самом триполитанском руководстве

не было четкого плана ведения дальнейшей борьбы. Ахмед аш-Шериф и большинство арабских деятелей болезненно реагировали на эвакуацию турецких войск из страны и прекращение Стамбулом помощи сенуситам в их противостоянии итальянской агрессии и потому шли на контакты с представителями западных держав, с помощью которых надеялись поднять новое восстание. Но имелись и такие деятели (они составляли меньшинство), которые продолжали тяготеть к туркам, надеясь на их помощь. Они считали идею восстания рискованной, поскольку в случае неудачи это угрожало оккупацией Ливии западными державами.

После вступления Турции в войну на стороне Германии Берлин поставил перед своим новым союзником задачу приковать к себе как можно больше сил русских (на Кавказе) и англичан (восточнее Египта)[2], облегчая тем самым борьбу на европейских театрах военных действий (Западном — французском и Восточном — русском). Если на Западном фронте после провала немецкого плана быстротечной войны стороны вели стратегическую оборону, то на Восточном фронте Германия стремилась всеми средствами вывести Россию из войны, но ей этого не удалось сделать ни в 1914 г., ни в 1915 г. С вступлением Турции в войну образовались фронты в Закавказье, Месопотамии, Сирии и Дарданеллах[3], у немцев появилась надежда на перехват военной инициативы. Они составили даже план удара с востока по Египту с форсированием Суэцкого канала и начали деятельную подготовку по осуществлению задуманного. Командующим экспедиционной армией, которая должна была наступать с востока, был назначен А. Джемаль-паша.

Таким образом, у границ Египта запахло войной, поскольку с востока по нему могли ударить турецкие части, а с запада — сенуситские отряды, среди которых активную антианглийскую деятельность развернули немецкие агенты[4]. Но наступление через Суэцкий канал провалилось.

У англичан, оккупировавших Египет, сложилось тяжелое положение, и они развернули лихорадочную деятельность по предотвращению возможного наступления сенуситов. Командующий английскими войсками в Египте Дж. Максуэлл по указанию Лондона затеял переписку с Ахмедом аш-Шерифом,

убеждая его придерживаться политики нейтралитета. За это сенуситскому руководству обещалась помощь Англии в борьбе за независимость Триполитании и в примирении с итальянцами. Для сенуситских отрядов англичане взялись даже поставлять снаряжение, им шили одежду[5].

В борьбе за влияние на Ахмеда аш-Шерифа турки и немцы пошли дальше. С вступлением в войну османское руководство направило к Ахмеду аш-Шерифу турецкого главнокомандующего Нури-бея с письмом от премьер-министра Энвер-паши, в котором содержался призыв к сенуситскому лидеру объявить «джихад» Великобритании, Франции и России, «повсюду, где это возможно, развернуть наступление на Египет», для чего обещались деньги, поставки оружия и боеприпасов. В письме также уведомлялось, что султан Турции Махмед Решад назначил Ахмеда аш-Шерифа заместителем халифа в Северной Африке, пожаловал ему звание первого министра и предоставил право присваивать чины и давать награды[6]. Со стороны Стамбула, предоставившего Триполитании автономию еще со времен подписания Лозаннского мирного договора, такие действия были больше демонстрацией высокомерия и былого величия Османской империи, чем исламской близости (во время молитв в Триполитании по-прежнему упоминалось имя турецкого султана). На это, в частности, обращали внимание турок некоторые ливийские лидеры, находившиеся в Стамбуле, например Башир ас-Саадави, который не только отказался от предложения сопровождать в Киренаику Нури-бея, но и считал, что вступление Ливии в войну как на стороне турок, так и на стороне Антанты не сулит ничего хорошего его народу и что уж если воевать, то только против итальянских оккупантов[7].

Но с мнением ливийских эмигрантов никто не стал считаться, и в начале 1915 г. Нури-бей на германской подводной лодке в сопровождении представителя германского генерального штаба Л. Маннесмана отправился к берегам Триполитании, чтобы лично доставить письмо Ахмеду аш-Шерифу[8]. Делегация захватила с собой небольшое количество оружия, боеприпасов и денег, предназначавшихся для лидера сенуситов. На состоявшейся встрече они доказывали Ахмеду аш-Шерифу необходимость организовать наступление на Египет, обещая содействие

в перемирии с Италией. Лидер сенуситов поддался уговорам немцев и турок, но несколько позже[9].

Борьба за влияние в руководстве ливийским сопротивлением, развернувшаяся между англичанами, с одной стороны, и турками и немцами — с другой, имела целью втянуть ливийцев в международную бойню, но она дала и возможность ливийским патриотическим силам по-новому оценить создавшуюся ситуацию.

В мировой войне Италия была слабее своих европейских конкурентов и поэтому вынуждена была считаться с ними. Увязнув в европейских делах, Италия в то же время внимательно следила за развитием обстановки на севере Африки. Она опасалась за судьбу захваченных в Ливии земель, но и не имела возможности оказать достаточную помощь своим колониальным войскам. Рассредоточенные по всей Ливии, они имели слабую связь между собой, испытывали трудности в получении подкреплений и продовольствия и оказались фактически изолированными от метрополии. В этой ситуации Рим применил тактику опоры на прибрежные города, сотрудничая с местными шейхами. Ни к чему хорошему это не привело.

Ахмед аш-Шериф разработал план блокады итальянских гарнизонов. Он решил осуществить его с территории Феззана, отделенной от Средиземноморского побережья Сахарской пустыней, через которую итальянцам было особенно тяжело снабжать свои подразделения. Там, на юге страны, в оазисе Зелла, начали скапливаться отряды сенуситов.

26 августа 1914 г. эти отряды под руководством Сафи ад-Дина (младшего брата лидера сенуситов) провели первую боевую операцию, разгромив итальянскую колонну в районе плато Хамада-эль-Хамра[10]. Это была искра, из которой вновь запылало пламя партизанской войны. Патриоты, возглавлявшиеся Сафи-ад-Дином, атаковали затем итальянские гарнизоны в оазисах Убари, Мурзук, Ваддан, Гаит. На борьбу поднялись племена тибу и туарегов. Итальянцы вынуждены были в спешном порядке покидать Феззан. Часть из них ушла в Южный Алжир под прикрытие французских войск, остальные устремились на север, к Мисурате.

Весть об успешной борьбе с итальянскими гарнизонами быстро распространилась на всю страну. Многие ливийские лидеры, занимавшие ранее по отношению к колонизаторам примирительную позицию или начавшие сотрудничать с ними, стали активными участниками национально-освободительного движения.

Дал о себе знать, например, видный лидер феззанских националистов Сейф ан-Наср. В период итало-турецкой войны он выступал за мир с итальянцами, но тем не менее был репрессирован ими за политическую деятельность. С активизацией движения сопротивления итальянцы предложили ан-Насру свободу при условии, что он добьется прекращения операций партизан. Сейф ан-Наср согласился, однако выпущенный осенью 1914 г. из тюрьмы, он поднял против итальянцев восстание. Отряды феззанских патриотов, во главе которых стоял сын Сейфа ан-Насра Ахмед, к февралю 1915 г. освободили оазисы Уаддан, Сокна, Бени-Валид и стали полновластными хозяевами территории южнее линии Мизда — Налут.

Осознали необходимость совместной борьбы с колонизаторами и многие другие местные лидеры, ранее сотрудничавшие с ними. Это Абдель Наби Бельхетер, возглавлявший группировку в Бени-Валид, Бен Султан Али Рабиа и Мабрук Мунтасер (Тархуна), Рамадан ас-Сувейхили (Мисурата) и др.

Участники национальной коалиции начали скапливать силы в районе Сирта, где намеревались дать итальянцам решительное сражение. В свою очередь, итальянское командование, знавшее о скоплении ливийских отрядов, решило разгромить их, чтобы тем самым потушить пожар народной войны.

Битва произошла 28–29 апреля 1915 г. при Эль-Кардабии, небольшом селении близ Сирта.

По данным ливийского историка М.С. аль-Кашата, посвятившего сражению специальное исследование, против ливийских отрядов, состоявших в основном из сенуситов (4 тыс. чел.), была брошена итальянская группировка под командованием полковника А. Миама, в состав которой входили и триполитанские ливийские отряды во главе с Рамаданом ас-Сувейхили (из Мисураты), Махмудом Азизом (из Зелтена) и Мабруком Мунтасером (из Тархуны) общей численностью около 14 тыс.

человек. Ливийские коллаборационисты, однако сговорившись, в ходе боя ударили не по своим соотечественникам, а по иностранным оккупантам. В результате итальянские войска были разгромлены, патриоты захватили большое количество трофеев[11]. Заслуга в том, что ливийские отряды выступили совместно против общего врага, принадлежала, по утверждению М.С. аль-Кашата, не сенуситам, а Ахмеду Сейфу ан-Насру, сумевшему своим примером непокорности «вовлечь в джихад соотечественников», примирить их и побудить к выступлению против общего врага[12]. Несомненно, это была крупная победа, показавшая ливийским патриотическим силам, что успех в борьбе может быть достигнут только при единстве действий.

После победы у Эль-Кардабии началось массовое изгнание итальянских войск из прибрежных городов и населенных пунктов страны. Летом 1915 г. они потерпели поражение в Джебель Гарбийя. К 1 августа 1915 г. в Триполитании они удерживали только Хомс, Гаср-Ахмед (Мисурата), Таджуру и Триполи. К концу 1916 г. от оккупантов была очищена вся Киренаика. Если учесть, что на это же время (май 1915 г.) относится и вступление Италии в войну на стороне Антанты, чем Рим пытался оправдать и свое поражение в Ливии, создались самые благоприятные возможности для выработки политическими группировками Триполитании и Киренаики совместных решений, касавшихся суверенитета и единства страны.

Однако на деле получилось иначе. Еще не успели отгреметь бои, как вновь дали о себе знать местничество и амбиции. Рамадан ас-Сувейхили, претендовавший на роль вождя Триполитании, с захватом 5 августа 1915 г. Мисураты приступил к формированию там местного правительства и к реорганизации партизанских отрядов в регулярную армию. Были созданы органы власти, полиция. Но этого было слишком мало, чтобы стать во главе всей Триполитании, где другие лидеры также претендовали на власть.

Противодействовали этому и сенуситы, добивавшиеся усиления своего влияния в Триполитании. Вскоре после победы у Эль-Кардабии они направили в Сирт Сафи ад-Дина, вокруг которого начали объединяться все, кому не нравилось возвышение Рамадана ас-Сувейхили. Поддержанный триполитанскими

раскольниками, Сафи ад-Дин объявил себя правителем Восточной Триполитании, обосновался сначала в Бени-Валиде, недалеко от Мисураты, затем в Тархуне.

В результате таких действий Сафи ад-Дина Триполитания не только раскололась на две области, Западную и Восточную, со своими «автономными правительствами» во главе, но со стороны сенуситского руководства, представителем которого являлся Сафи ад-Дин, это было преднамеренное вмешательство во внутренние дела соседней республики. Более того, Сафи ад-Дин начал приглашать к себе некоторых вождей племен и религиозных деятелей районов Триполитании, призывая их выступить против Рамадана ас-Сувейхили, хотя он так и не добился на это их согласия. Тогда западные триполитанцы сами взялись за оружие, напали на своих противников в Бени-Валиде, захватили и казнили многих из них. Спасаясь бегством, Сафи ад-Дин в феврале 1916 г. прибыл в Сирт. На этом и закончилось вмешательство сенуситов в дела Триполитании[13].

Триполитания была более развитым районом, чем Киренаика. Большинство населения вело оседлый образ жизни, исповедовало официальный ислам. В Триполи находилась резиденция губернатора, откуда направлялись на службу чиновники в военные и административные центры. Поэтому триполитанцы считали себя, а не сенуситов ведущей силой Ливии и не хотели уступать свое лидерство киренаикцам, во главе которых находились сенуситы, тем более не хотели распространения на себя их власти. В этом они поддержали Рамадана ас-Сувейхили, хотя его усиление нравилось далеко не всем. В Триполитании задачи продвижения позиции Стамбула были возложены на наместника султана Сулеймана аль-Баруни.

Междоусобные страсти не способствовали созданию единого фронта сопротивления и в Киренаике, где, как отмечал российский ученый Н.И. Прошин, среди лидеров сенуситского братства и родоплеменной верхушки постепенно складывались две группировки, которые отражали две тенденции в ливийском освободительном движении, а также различный подход к решению экономических и внутриполитических трудностей, возникших после итало-турецкой войны[14].

Ахмед аш-Шериф разделил страну на ряд районов, во главе которых поставил некоторых членов рода Ас-Сенуси, но это привело не к централизации сенуситской власти, к чему стремился Ахмед аш-Шериф, а к обособлению соседних районов друг от друга. Назначенный в район Зеленых гор (эль-Джебель-эль-Ахдар) Идрис ас-Сенуси собрал вокруг себя преданных ему руководителей сенуситского братства, и после битвы при Эль-Кардабии объявил о создании в столице района Аджабии независимого местного правительства.

Отсутствие единства среди сенуситских лидеров и их соперничество ослабляли движение сопротивления и давали возможность иностранным державам вмешиваться во внутренние дела Ливии. Ахмед аш-Шериф не только не сумел справиться с внутренними междоусобицами, но и оказался бессильным противостоять и немецко-турецкому нажиму с целью начать войну против англичан в Египте, хотя он понимал бессмысленность этой авантюры, как напишет потом Фуад Шукри, автор книги «Сенусизм, религия и государство»[15].

Международная ситуация тогда складывалась таким образом, что ведущие западные державы, претендовавшие на влияние в Ливии, были заняты войной друг с другом. Их представители, находившиеся на севере Африки, внимательно следили за внутренней обстановкой, плели там свои интриги, но если бы национальные силы выступили единым фронтом и развернули решительную борьбу за освобождение своей страны от иностранных оккупантов, то вряд ли Италия, Турция или Германия смогли бы затушить это пламя. В те годы, особенно в 1915–1916 гг., им было не до Ливии.

Обстановка на фронтах Первой мировой войны в 1915 г. складывалась далеко не в пользу Тройственного союза. Вступив в войну на стороне Германии, Турция попыталась добиться успеха на Кавказе, но проведенная русским командованием Алашкертская операция (26 июня/9 июля — 21 июля/3 августа 1915 г.) сорвала план 3-й турецкой армии прорвать оборону русской Кавказской армии, а в результате Хамаданской операции (17/30 октября — 3/16 декабря 1915 г.) русские войска значительно упрочили свое положение в Северном Иране. Тем временем союзники по Антанте предприняли попытку

вывести Турцию из войны проведением Дарданельской операции (19.2.1915–9.1.1916 гг.). Англо-французские силы (570 тыс. чел.) в течение 259 дней пытались сломить сопротивление 700-тысячной турецкой армии и овладеть проливами Дарданеллы и Босфор, а также столицей империи Константинополем (Стамбулом), но их действия не увенчались успехом. Важнейшим итогом кампании 1915 г. явился провал германских и турецких планов на суше и на море[16]. Берлин и Стамбул вели борьбу на два фронта, и в этих условиях их происки в Ливии и давление на Ахмеда аш-Шерифа с целью принудить его предпринять наступление в Египте были попросту авантюристическими. Ничего они не могли дать ни Германии, ни Турции, ни тем более сенуситам.

Не в пользу тех, кто претендовал на Ливию, складывалась и военная кампания 1916 г. В Европе в результате успешных действий русских войск в Галиции германо-австрийское командование вынуждено было снять с Западного и Итальянского фронтов 34 дивизии. Это значительно облегчило действия Антанты на Западе, но она так и не сумела прорвать германскую оборону, а Австро-Венгрия даже нанесла поражение Италии в Трентинской операции (15 мая — 25 июня 1916 г.) и могла бы вывести Рим из войны, если бы не победоносное наступление русского Юго-Западного фронта.

На Кавказе русская армия, проведя против турок ряд операций — Эрзерумскую (28 декабря/10 января — 3/16 февраля 1916 г.), Трапезундскую (23 января/5 февраля — 5/18 апреля 1916 г.) и Огнотскую (27 июля/3 августа — 29 августа/11 сентября 1916 г.)[17], — не только нанесла сокрушительное поражение Турции, но и значительно улучшила положение английских войск в Сирии и на Месопотамском фронте, что позволило Лондону перебросить часть своих воинских контингентов в Египет.

В результате успешных действий русских войск в 1916 г. в Европе Антанта перехватила у германо-австрийского блока военно-политическую инициативу, а на Кавказе Россия фактически разгромила Турцию, оставив тем самым неосуществленными германо-османские планы наступления в Восточном Средиземноморье в направлении Суэцкого канала.

Возможно, эти подробности военных действий на фронтах Первой мировой войны не были известны Ахмеду аш-Шерифу, но именно тогда для патриотических сил Ливии, будь они едиными, складывалась довольно благоприятная обстановка, чтобы развернуть борьбу за полное освобождение страны от иностранных войск. Но такая попытка даже не была предпринята.

Священная война в пустыне. Закат звезды Ахмеда аш-Шерифа

В 1915 г. война в Ливии превратилась в позиционную. Итальянские силы держали непрочную оборону вдоль побережья всей Триполитании и в Киренаике, от Бенгази до Тобрука. Под их слабым контролем находились горы Джебель Ахдара. Позиции сенуситов включали короткую часть побережья Киренаики, от Тобрука до египетской границы, и цепь военных гарнизонов, протянувшихся далеко от берега через южную границу Джебель Ахдара, от Мусаида до Адждабии. Эти гарнизоны играли роль сдерживающих сил, не позволяя итальянцам продвинуться во внутренние районы, но численность их была невелика, и они были неспособны на проведение сколько-нибудь значительных операций. Силы под командованием Ахмеда аш-Шерифа находились в Мусаиде и защищали небольшую часть территории побережья возле Бардии, все еще свободной от итальянской оккупации.

После вступления Турции в войну Стамбул немедленно занялся подготовкой операции против британских позиций в Египте, которые они намеревались атаковать с восточного и западного флангов. Для организации такого наступления они послали Нури-бея (брата Энвер-паши) в помощь Джаафару аль-Аскари[18] в Мусаид в феврале 1915 г. Их встреча с Ахмедом аш-Шерифом поначалу была прохладной, так как тот не желал впутывать себя в дела с британцами, и его мнение только укрепилось в этом отношении по совету Идриса, у которого сложились дружеские отношения с англичанами в Египте и который пообещал нейтралитет сенуситов во время военных действий между англичанами и турками. Ахмед аш-Шериф был,

однако, упрямый и воинственный человек и строгий приверженец исламскому обязательству вести священную войну против неверных. Он также не хотел подвести своего старого друга Энвер-пашу.

Когда до арабов дошел призыв османского султана присоединиться к священной войне против врагов Турции, Ахмед аш-Шериф склонялся поддержать их против англичан, как прежде он поддержал турок в борьбе против итальянцев. Обстановка, однако, на тот момент отличалась тем, что англичане не завоевывали и не вторгались ни на какую часть территории Ливии, а их политика в отношении сенуситов была дружественной и примирительной. Отношение к сложившейся ситуации Ахмеда аш-Шерифа поэтому не было однозначным, он колебался в принятии окончательного решения. Хотя весной и летом 1915 г. он не сделал ничего, компрометировавшего его в глазах англичан, и даже одобрил попытки Идриса через его семью в Египте наладить с ними связь и получить финансовую поддержку англичан в обмен на нейтралитет сенуситов в этой войне. В то же самое время он лояльно относился к туркам и смотрел сквозь пальцы на подготовку, которую вел Нури-бей по формированию и обучению военных сил против британцев. Ожидаемой финансовой помощи от англичан Ахмед аш-Шериф не получил и поэтому с готовностью принял ее от турок при поддержке немцев. Он был ободрен своим назначением османским визирем в Ливии и непоколебимой верой в дело борьбы за ислам против неверных, какой бы они национальности не были.

Весь 1915 г. Нури-бей и Аскари были заняты формированием и обучением местных племен, главным образом киренаикских и аулад али из западного Египта, где сильно было влияние сенуситов. Турецко-сенуситские силы были оснащены германским оружием, которое было доставлено морем из Турции. В течение этого времени Нури-бей организовал различные рискованные вылазки против британских гарнизонов в Соллуме, несмотря на сомнительное отношение Ахмеда аш-Шерифа к этой затее и поддержку дружественных отношений с британскими пограничниками. Становилось очевидным, что начало военных действий в Египте неотвратимо. Джаафар-паша аль-Аскари,

который впоследствии стал иракским послом в Лондоне, отмечал, что Ахмед аш-Шериф не был всерьез озабочен борьбой против англичан, зная, что он должен был иметь дело с итальянцами в Триполи и с французами на юге. Немецкие деньги, немецкие агенты и влияние Энвер-паши оказывали на него сильное давление и буквально втягивали в войну[19].

В 1915–1916 гг. вмешательство немцев и турок в дела Киренаики и Триполитании усилилось. Дело было связано с неудачами турецкого генерала А. Джемаль-паши организовать вторжение в Египет, в июне 1916 г. — с началом антитурецкого восстания в Хиджазе под руководством шерифа Мекки Хусейна аль-Хашими и началом переговоров Идриса ас-Сенуси с англичанами.

Искрой, воспламенившей конфликт, было дело «Тары», британского военного парохода, торпедированного немецкой подводной лодкой в заливе Соллум в начале ноября 1915 г. Немцы высадили команду «Тары» в Бардии и сопроводили ее к туркам, которые отправили их в тюрьму в Бир-Хаким, одинокое место в пустыне, под охраной сенуситов. Было невозможно игнорировать это открытое столкновение с немцами. Более того, серьезные беспорядки начались в Александрии. Они были вызваны сообщениями об угрозе турецко-сенуситского вторжения. Численность турецких войск была сильно преувеличена в сообщениях британских разведчиков. Кроме того, распространялись тревожные слухи, что вся пустыня может быть поднята по призыву сенуситов к священной войне на стороне Турции. В действительности турецкие силы на побережье никогда не превышали 2–3 тыс. человек, в то время как основные силы сенуситов были накрепко втянуты в противостояние итальянским военным гарнизонам в Киренаике. Но неизвестность всегда представляется опасной, а сенуситы имели репутацию отличных и фанатичных воинов. Существовала реальная возможность того, что сенуситское влияние со всей силой побудит неизвестное число бедуинов вторгнуться в долину Нила, стимулируя мужественных пустынных соплеменников, с рвением, замешанным на фанатизме и надежде на добычу, наброситься на процветающий Египет. Было менее вероятно, но не невозможно, что Ас-Сенуси поднимет волну религиозного чувства, которое распространится среди мирных египетских крестьян и даже

турецких солдат. Были также донесения, что султан Дарфура Али-Динар[20], который принял оружие от турков через сенуситов, может присоединиться к ним. Все эти слухи совместно с ложными разведданными привели к тому, что британская армия в составе 30000 человек была приведена в боевую готовность к защите Египта на наиболее критической стадии войны. Ахмед ас-Сенуси, прибыв в Аль-Мсиид, район, расположенный близ Соллума, начал подготовку к экспедиции.

Тогда англичане инспирировали султана Египта Хусейна Кямиля убедить его не нападать на англичан. В середине сентября 1915 г. Хусейн направил в Аль-Мсиид делегацию, которую возглавил Мухаммед аш-Шериф. Делегация встретилась с А. ас-Сенуси и вручила ему письма от египетского султана, вице-короля Египта Мак-Магона и английского главнокомандующего в Египте Д. Максуэлла. Все письма преследовали одну цель — предостеречь А. ас-Сенуси о последствиях агрессии в Египте. Но в то время, как велись переговоры, сенуситы под руководством Ахмеда аль-Мухтара напали на английские посты в Сиди Баррани. Делегация прекратила переговоры и возвратилась в Каир. Второе столкновение произошло 25 декабря 1915 г. в Бир Маджиде.

Немедленно потребовалось британское вмешательство, чтобы предотвратить опасность, которая нависла над египетской границей. Немногочисленные подразделения береговой охраны Соллума и Сиди Баррани были отведены в Мерса-Матрух, где в течение ноября силы по охране западной египетской границы под командованием генерала Уэлеса были поспешно собраны. Они состояли из смешанной бригады добровольцев, смешанной пехотной бригады, инженерного отряда египетской армии и 1-й австралийской дивизии. Тем временем руководимые турками отряды наступали и после занятия Сиди Баррани продвинулись до Мерса-Матруха. У турок было 2500 человек, из которых только 250 являлись солдатами регулярной турецкой армии, а остальные — сенуситы из бедуинских племен, прошедшие обучение под руководством Нури-паши и Джаафара аль-Аскари и вооруженные германскими винтовками, 8 горными пушками и 10 пулеметами. Английские силы, противостоявшие им, были численностью 2500, из которых 500 — кавалерия[21].

Боевые действия представляли собой борьбу стрелков среди песчаных дюн близ побережья. Английские потери были легкими. Первый бой у вади Сенаб, в 6 км западнее Мерса-Матруха, был только началом. Дальнейшие действия в вади Маджид и Халазин в декабре 1915 г. и в январе 1916 г. стали поражением для арабов, и они были вынуждены отступить. Они сражались упорно в этих боях: перестраивались по ходу боя, вели огонь из укрытий. Решающий бой произошел у Аджажии, в 24 км юго-восточнее Сиди Баррани, 26 февраля 1916 г. турецко-сенуситские силы численностью 1600 человек с тремя артиллерийскими орудиями и пятью пулеметами, соорудив траншеи, заняли хорошую оборонительную позицию среди песчаных холмов. Атакованные с обоих флангов численно превосходившим врагом, они вынуждены были отступить и окончательно были разгромлены кавалерийской атакой. Джаафар аль-Аскари был взят в плен, но Нури-паша ускользнул вместе с уцелевшими турками и переправился на корабле из Бардии в Турцию. Уцелевшие арабы ушли далеко в пустыню. Их потери составили около 500 человек убитыми.

Эта операция знаменовала прекращение боевых действий на побережье. Соллум был снова занят англичанами 24 марта 1916 г. и узники с «Тары» были спасены небольшой моторизованной группой под командованием герцога Вестминстерского. Группа совершила 200-км бросок через пустыню в Бир Хаким, одинокую сторожевую заставу, состоявшую из двух римских стен, гробницы шейха и полуразрушенного турецкого блокпоста. Британские войска возвратились в Александрию морем, оставив в Бир Хакиме гарнизон из двух батальонов, верблюдов и несколько легковооруженных военных автомобилей и самолет в Соллуме.

Тем временем Ахмед аш-Шериф после некоторой задержки и колебаний решил наконец выполнить то, что ему предписывалось турецким верховным командованием — оккупировать египетские оазисы к западу от Нила и незащищенной долины Нила к югу от Каира. Контингент, руководимый Ахмедом аш-Шерифом, который надел форму турецкого генерала, состоял из 500 воинов-сенуситов и большого количества багажа. Двигаясь медленно из Джагбуба в Сиву и затем через Фарафру и Бахарию,

Ахмед аш-Шериф достиг оазиса Дахла в 270 км западнее Нила, где окончательно остановился на все лето 1916 г. Хотя этот поход потерпел поражение в военном плане, с точки зрения турецкого командования, он имел успех, так как связал большое количество сил противника на Ниле, ослабив тем самым давление на турок в районе Суэцкого канала[22].

Затем англичане провели операцию по охвату сенуситов в кольцо, из которого Ахмеду аш-Шерифу едва удалось вырваться. Он бежал в Сиву, а в начале 1917 г. — в Джагбуб и оттуда через оазис Джало ушел с остатками своих войск к побережью Средиземного моря в район Сирта. Там обессиленный и уставший от походов Ахмед аш-Шериф раскинул свой лагерь. Силы его иссякли. Влияние упало. Уступка германо-турецким покровителям оказалась роковой. Переоценка турецких возможностей — ошибочной.

Вскоре после подписания Идрисом ас-Сенуси мирного соглашения с англичанами и итальянцами в Акроме (в январе 1917 г.) ему было передано требование полковника Тальбота о выдаче Ахмеда аш-Шерифа в течение 6 недель. Идрис немедленно отправил письмо Ахмеду аш-Шерифу, находившемуся в то время в Джагбубе. Ахмед аш-Шериф переехал в оазис Джало, а затем в Триполитанию, где пробыл еще около года. От него отвернулись многие вожди киренаикских племен и ведущие деятели сенуситов. Он попытался в районе Триполи примириться с триполитанскими местными властями, но безуспешно. Под их давлением он вынужден был отправиться в Феззан. Ахмед аш-Шериф не мог позволить себе въехать в Киренаику из-за опасения ухудшить и без того зыбкие отношения сенуситов с итальянцами и англичанами. На некоторое время он остановился в Эль-Агейле на берегу Сиртского залива, откуда послал просьбу Энвер-паше о своем перемещении в Стамбул. В августе 1918 г. турки под благовидным предлогом участия в протокольном мероприятии (коронация нового султана) отправили его из Сирта в Стамбул на немецкой подводной лодке.

Примерно в это же время, когда Идрис находился в Аз-Зуэтине, к нему прибыл Салех паша аль-Гарб с поручением от Ахмеда аш-Шерифа. Последний был уверен в поражении

Антанты в войне и решил отправиться в Стамбул, чтобы через Турцию повлиять на Германию и включить в будущий мирный договор условия о предоставлении независимости своей стране. Через своего посланника Ахмед аш-Шериф просил Мухаммеда Идриса написать на обратной стороне Корана (который подтверждал бы законность этого письма) согласие Идриса назначить Саида аль-Араби, второго сына Ахмеда аш-Шерифа, своим правопреемником. Идрис выполнил эту просьбу[23].

Сенуситский лидер достиг Турции примерно в то время, когда капитулировала Болгария, а вскоре после нее — Германия и Турция. События в мире развивались совсем не по тому сценарию, который ожидал Ахмед аш-Шериф[24].

После ухода Аш-Шерифа с ливийской сцены он продолжил бурную и драматическую жизнь в эмиграции. Его с честью встретили в Турции как друга Энвер-паши и преданного союзника. В неспокойные годы, которые последовали за поражением альянса в мировой войне, Аш-Шериф всю свою энергию посвятил поддержке Мустафы Кемаля в его борьбе по восстановлению дружеских отношений между турками и арабами. В 1921 г. ассамблеей в Анкаре он был избран на трон нового иракского королевства, но, под сильным английским влиянием, это назначение досталось эмиру Фейсалу из Хиджаза. По прошествии некоторого времени стало очевидно, что Аш-Шериф не вписывался в новый республиканский режим, пришедший на смену Османской империи. В 1926 г. Мустафа Кемаль попросил его покинуть Турцию. Подобно другим арабским патриотам, отвергнутым своими родными странами, этот человек с сильным и ярким характером получил пристанище в Саудовской Аравии у короля Сауда. Аш-Шериф провел остаток жизни в Медине как уважаемый старейшина и политический деятель в отставке, где и умер в 1933 г. В Ливию Аш-Шериф больше не вернулся[25].

Период правления Аш-Шерифа (1902–1918) отличался упорной борьбой с европейскими колонизаторами, в которой он показал себя незаурядным организатором, «выдающимся представителем зарождавшегося национализма», как потом напишет Эванс-Причард.

В отличие от двух своих предшественников на посту главы сенуситского ордена Аш-Шериф имел светские амбиции. Не обладая интуицией и сдержанностью своего младшего кузена Идриса, он легко поддавался на лесть турецких офицеров и позволял использовать себя в качестве орудия воплощения германских замыслов. Тем не менее Аш-Шериф был человеком твердых убеждений и пользовался большим влиянием среди арабов пустыни, и еще долго его имя было на устах старшего поколения киренаикцев. Он оставил несколько сыновей и дочерей в Куфре, одна из которых, Фатима, стала женой Мухаммеда Идриса ас-Сенуси.

Идрис ас-Сенуси: политический старт

На ливийской политической арене появилась другая фигура, претендовавшая на роль лидера. Это был двоюродный брат Ахмеда аш-Шерифа — Мухаммед Идрис ас-Сенуси. Он родился 12 марта 1890 г. в оазисе Аль-Джагбуб в Киренаике. Пока в Ливии шли боевые действия, Идрис в 1913–1914 гг. совершил хадж в Мекку, где его встречали с большим почетом.

С точки зрения старейшин сенуситского ордена, прямой наследник обязан был не только строго выполнять все предписания ислама и неукоснительно следовать духовным заветам своих великих предков, но и готовиться принять руководство и ответственность за дела сенуситов, а для полного соответствия главе ордена, придающего высокопоставленный статус, ему еще было необходимо совершить хадж в Мекку. События в Киренаике развивались стремительно, и не в благоприятном для сенуситов направлении. Если при Мухаммеде Али и аль-Махди ас-Сенуси орден занимался в основном созидательной деятельностью, то суровая действительность поставила перед ним задачу защиты своих интересов в условиях военного времени. Аш-Шериф на посту руководителя братства уже столкнулся с такими задачами, и решать их приходилось часто интуитивно, практически не имея опыта военной стратегии и тактики, поскольку орден сенуситов не являлся военной структурой и свои идеи распространял скорее с помощью

рычагов экономического воздействия, которые удачно подкрепляли их духовное начало. В такой ситуации молодой наследник Идрис ас-Сенуси, скорее всего, не мог принять самостоятельного решения о совершении хаджа, хотя ему было 24 года. Сенуситские шейхи решили отправить его подальше от театра военных действий, одновременно преследуя две цели: сохранить и отчасти создать ореол святости вокруг символа сенуситов, и в то же время попытаться без него удовлетворить свои амбиции, а его по возвращении поставить перед свершившимися фактами.

Вернемся в Куфру и проследим за судьбой молодого Мухаммеда Идриса. Далее следует запись из его дневника о путешествии, проделанном в период 1913–1914 гг.

«В 1912 г. (1330 по мусульманскому календарю) я достиг совершеннолетия в Куфре, и Ас-Сенуси, действуя как в собственных интересах, так и выражая интересы других представителей ордена, предложил мне выполнить завет своего отца, переданного Ахмедом аш-Шерифом, то есть прибыть в Джагбуб для того, чтобы быть ближе к своим сторонникам. Ахмед аш-Шериф готовился тогда к такому путешествию, мы были на грани войны с Италией, и поэтому я не думал, что было бы уместно покинуть его в это время. С другой стороны, я оценивал его опыт ведения дел в ордене, и как только ситуация будет стабильной, их пожелания будут приняты, и Ахмед несомненно согласится на такой вояж.

Ахмед отправился в Джагбуб, а я остался в Куфре еще на целый год, в течение которого обучался управлению и входил в курс дел, ответственность за которые мне предстояло принять в будущем. В течение этого периода Турция передала страну Италии по Лозаннскому соглашению 1912 г. Ахмед боролся против итальянцев, а я решил совершить хадж в Мекку и затем вернуться, чтобы помогать ему.

В августе 1913 г. (4 шавваля) я покинул Куфру верхом. Меня сопровождали трое ихванов* — Хадж Мухаммед Тавати (сын советника великого Ас-Сенуси), Хадж Фарадж и Хадж Али аль-Абидия (известный сенуситский вождь) — шейх Зувайи, трое слуг, включая одного суданца и погонщиков верблюдов.

* «Ихван» — дословно по-арабски «братья».

Я ехал верхом на моей лошади, а верблюды несли наш багаж. Мы шли по основному маршруту караванов — Туллаб — Рибиана — Бизаима –Зиехен — Абу-Ишка — Буттафаль, направляясь в Джало. Это заняло 21 день, из которых 16 мы реально передвигались. Мы шли ночью и отдыхали днем, как это принято при летних передвижениях. Мы провели 9 дней в Джало… затем мы проследовали в Джагбуб по пути через Кирбу, Хтмур, Терфави и Абуд-Салам. Путешествие заняло 16 дней, из которых 13 мы были непосредственно в пути.

Я провел в Джагбубе 7 месяцев в доме моего отца. Колледж, основанный моей бабушкой, все еще процветал. В апреле 1914 года (месяц Джумаа тани) я отправился из Джагбуба в Египет с теми же людьми, включая Хадж Юнеса аль-Абидия, который присоединился к нам в Джагбубе. Мы достигли побережья Бак Бак (недалеко от Соллума) через 7 дней путешествия. И там я увидел море в первый раз. Мы проследовали в Дабаа (там заканчивалась западная ветка египетской государственной железной дороги) через Мерса-Матрух, куда я был приглашен египетскими властями. По дороге мы посетили сенуситские завии в Сиди Баррани, Шаммасе, Наджаиле, Ум-аль-Рахмане и Абу-Наруне. В Дабаа нас встретил Салех аль-Харб, египетский офицер, представлявший Хедива Аббаса*, и мы продолжили путешествие на специальном поезде в Александрию, где я оставался гостем Хедива во дворце Рас эт-Тин. Я был тепло принят египтянами, которые, хотя и занимали нейтральную позицию в войне с Италией, поддерживали своих братьев-мусульман и делали все, чем они могли помочь сенуситам, обеспечивая их оружием и медикаментами. В это время британским представителем в Египте был лорд Китченер.

Мы оставались в Александрии 9 дней, ожидая почтовый пароход Хедива в Хайфу. Затем мы узнали, что пароход будет в Порт-Саиде, и отправились специальным поездом, вновь любезно предоставленным нам Хедивом. Мы сели на борт почтового парохода Хедива, покинули Порт-Саид в полдень и совершили комфортабельное путешествие в Хайфу, куда я прибыл 24 Раджаба и был с почетом принят турецким вали. Мы немедленно отбыли поездом с вокзала Хиджаза,

* Аббас II — хедив Египта в 1892–1914 гг.

где королевский поезд был отдан в мое распоряжение. Поезд в Медину курсировал 3 раза в неделю, и вся поездка занимала три дня. Основные остановки были Дераа, Амман, Табук, Медин Салех. Путешествие хотя и было медленным, но зато комфортабельным — были спальные вагоны, вагон-ресторан. В поезде было специально оборудованное стойло для моей лошади»[26].

В Медине Мухаммед Идрис заболел лихорадкой, и ему посоветовали для окончательного выздоровления отправиться в Мекку, где климат был лучше. Там он по приглашению эмира Шерифа Хусейна был приглашен для отдыха вместе с сыновьями эмира в район Таифинских холмов. После совершения хаджа Идрис еще в течение двух месяцев оставался в гостях, что позволило ему полностью восстановить силы. А в это время австрийский эрцгерцог был убит в Сараево, и разразилась Первая мировая война (1 августа 1914 г.). Из-за нарушения связей вследствие начала войны сенуситам пришлось еще на два месяца остаться в Медине. Там они присоединились к двум известным лидерам Киренаики — Рашиду аль-Кехья и Али аль-Обейди.

Пока сенуситы ожидали развития событий в Медине, в ноябре в войну вступили Великобритания и Турция. Турки, которые контролировали Хиджаз, пытались получить поддержку от арабов. Англичане делали аналогичные попытки. Шериф Хусейн придерживался нейтральной позиции и избегал прямого ответа туркам в объявлении священной войны[27]. В декабре, когда возобновилась нормальная работа железнодорожного транспорта, Мухаммед Идрис и его свита переехали в Хайфу, где турецкий правитель Абу-Шахен оказал им гостеприимство. Связи с Египтом были практически прерваны из-за того, что англичане и турки сражались близ Суэцкого канала. Великобритания декларировала протекторат над Египтом, хедив Аббас II был смещен и заменен Хусейном Камелем (его дядей) с титулом султана.

Обратимся снова к дневнику Идриса и отметим, что даже такая высокопоставленная делегация, а именно такую группу реально представляло из себя сенуситское окружение Идриса, нередко попадала в ситуацию вполне рядовых граждан, и их

высокий статус совсем не гарантировал успешного исхода их путешествия.

«Поскольку итальянский пароход курсировал между Хайфой и Неаполем с заходом в Порт-Саид, мы послали гонца узнать, является ли этот путь практически приемлемым. Получив благоприятный отчет, мы забронировали переезд на этом судне. Однако капитан не гарантировал нам высадки в Порт-Саиде, так как у сенуситов были налажены связи с турками, и автоматически они считались врагами англичан. Отношения между итальянцами и сенуситами улучшались, и позднее они пытались прийти к соглашению с Аш-Шерифом. Мы решили дать задаток капитану парохода, который отвез бы нас в Неаполь, если британцы не позволят нам высадиться в Порт-Саиде. Из Неаполя итальянцы смогли бы договориться о нашем переезде в Киренаику при любой благоприятной возможности...

По прибытии в Порт-Саид мы послали Али аль-Обейди на берег и, так как у него не возникло опасений, покинули корабль, смешавшись с толпой возвращавшихся паломников и проходив как египтяне. Ступив на берег, мы послали телеграммы султану Хусейну и генералу Макмагону, которые подчинялись лорду Китченеру как высшему британскому специальному уполномоченному (комиссару) в Египте. Получив дружественные ответы, мы проследовали в Каир, где были гостями султана Хусейна. Во время нашего пребывания мы пригласили генерала Максвелла, командира британских сил в Египте, и полковника Клейтона, суданского представителя в Каире, и обсудили с ними ситуацию и взаимоотношения сенуситского ордена с турками, итальянцами и британцами.

Эта была моя первая неожиданная встреча с британцами, и я был приятно восхищен их дружелюбным отношением и их военной силой. Для меня не было возможным принимать какие-либо обязательства в пользу сенуситов без консультаций с Аш-Шерифом. Я согласился поддерживать контакты через наши связи в Египте. Британцы пообещали мне содействие в возвращении в Киренаику.

После краткой остановки в Каире мы успели на утренний поезд в Александрию, и в тот же день сели на пароход береговой охраны, предоставленный в наше распоряжение англичанами.

Мы высадились в Солуме и продолжили путь в Мусаид, чтобы присоединиться к Аш-Шерифу, который жил со своими людьми в двух палатках. Я отсутствовал в Киренаике почти год»[28].

Отметим, что до своего возвращения в Киренаику Мухаммед Идрис считал себя связанным обязательствами с Аш-Шерифом как главой ордена, и потому не посчитал нужным принимать без него каких-либо решений.

Будучи больше, чем Аш-Шериф, информированным во внешних делах сенуситов (потому что тот вел войну в Киренаике) и более дальновидным и проницательным, Идрис ас-Сенуси, тем не менее, противился вовлечению сенуситов в войну турок против англичан, с которыми он стремился поддерживать дружественные отношения. Осведомленный о восстании арабов в Хиджазе, он понимал, что Османская империя находится накануне краха и интересы своего народа было бы лучше связать сотрудничеством с англичанами, чем поддерживать турок. Себя он представлял человеком, несущим мир, подобно его отцу, и не имел ни малейшего желания принимать участия в войне. Но, проявляя лояльность к Аш-Шерифу, он не предпринял ничего, чтобы причинить ущерб его сотрудничеству с турками. Позиция Аш-Шерифа как командующего военными гарнизонами, противостоявшими итальянцам во внутренних районах Киренаики, давала Идрису возможность дистанцироваться от турецко-сенуситской кампании в Египте и сконцентрировать усилия против итальянского завоевания и колонизации Ливии[29].

Встреча англичан в Каире с делегацией Идриса показала, что, несмотря на свой возраст, молодой наследник рода Ас-Сенуси проявил себя в переговорах умелым дипломатом и рассудительным политиком. Мухаммед Идрис выступил против войны с англичанами. По сравнению с неуступчивым и даже воинственным религиозным шейхом Аш-Шерифом, связанным к тому же дружескими узами с Энвер-пашой, Мухаммед Идрис выражал понимание ситуации и гибкость в принятии решений и был свободен от обязательств перед турками. Поэтому западные политики, в первую очередь английские, и сделали ставку на Идриса ас-Сенуси. «С этого времени, — писал английский историк Эванс-Причард, — англичане стали оказывать

ему (Идрису ас-Сенуси. — *Авт.*) покровительство в притязании на лидерство в Киренаике»[30].

Что касается итальянцев, то Идрис ас-Сенуси заключил с ними соглашение в Аз-Зуэтине от 14 апреля 1916 г., предусматривавшее прекращение огня и сохранение занимавшихся сторонами позиций. Кроме того, в соглашении говорилось, что арабским купцам разрешалось передвигаться по территории, занятой итальянцами, и внутренним районам.

Сразу же после его контактов с англичанами в Египте в феврале 1915 г. состоялись секретные переговоры представителей Великобритании, Италии и Франции, где было принято решение признать Идриса ас-Сенуси, а не Аш-Шерифа, в качестве руководителя сенуситов. Это решение было оформлено официальным соглашением трех держав от 31 июля 1916 г., и сразу же в Аз-Зуэтину была направлена англо-итальянская делегация, чтобы уведомить об этом Идриса ас-Сенуси. Как писал Эванс-Причард, англичане хотели таким маневром скорее обезопасить свои позиции в Египте, чем завоевывать Киренаику для итальянцев. И, пожалуй, даже позволяли сенуситам продолжать войну против Италии. Это свидетельствовало о том, что Лондон и Рим, действуя сообща, одновременно не доверяли друг другу[1]. Однако и тех и других устраивало, чтобы на территории Киренаики наступил мир, поскольку в Европе продолжалась кровопролитная война.

После возвращения Идриса из поездки в Мекку и Каир он присоединился к Аш-Шерифу в военном лагере около Мусаида, где они оставались в течение девяти месяцев. В течение этого времени Аш-Шериф получал указания от турецкого султана об объявлении войны англичанам. После долгих колебаний он сформировал две части военизированных сенуситов, из которых одна во главе с Нури-беем отправилась на север и была там разгромлена, а второй он руководил сам и отправился в египетские оазисы. Но поход на юг тоже оказался безуспешным. Оставшуюся часть сенуситов он передал под командование Мухаммеда Идриса. Весть о поражении Нури-бея Идрис получил во время инспекционной поездки по своим гарнизонам в Киренаике.

Ситуация в Киренаике была доведена до отчаяния. После поражения от англичан арабам приходилось продолжать войну с итальянцами. Блокада побережья отрезала морские пути снабжения, и в первую очередь — продовольствием, положение усугублялось засухой. Племена одно за другим сдавались итальянцам, чтобы избежать голода. В результате войны Аш- Шерифа с англичанами египетские торговые пути тоже были перерезаны. Киренаикцы обращались к Идрису с просьбами спасти их от ситуации, в которой они оказались. Им было уже все равно, каким путем это может быть достигнуто — коллаборационистским соглашением с итальянцами или англичанами — лишь бы заключение мира спасло их от голода.

Летом 1916 г. Мухаммед Идрис принял решение вступить в переговоры с итальянцами и англичанами о прекращении войны. Он известил об этом Аш-Шерифа, находившегося в то время в Дахле, который согласился на мир с англичанами, но не с итальянцами. Аш-Шериф понял к тому времени, что невозможно добиться победы военным путем, что прекращение борьбы и вступление с врагом в мирные переговоры для того, чтобы спасти людей от голода, становится настоятельной необходимостью. Однако переговоры с противником представляли для Аш- Шерифа самую трудную задачу, потому что гордый и ревностный сенусит считал, что протянуть руку врагу своей страны можно, если только она держит меч[32]. Поэтому право ведения переговоров он предоставил Идрису, сохраняя при этом свою гордость и свои незыблемые религиозные принципы. Идрис согласился, ему также было важно, что Аш-Шериф, к которому он испытывал искреннюю преданность и величайшее восхищение, мог сохранить свое лицо и неуязвленное самолюбие.

Таким образом, было согласовано, что отъезд Аш-Шерифа из Киренаики никак не должен был указывать на заключенный договор между ними. Первостепенную важность имело и то, что соглашение оставалось секретным и для сыновей Аш-Шерифа, так как были опасения, что если враги узнают об этом, то будут настаивать на том, чтобы Аш-Шериф присутствовал на мирных переговорах, либо требовать одобрения им мирного соглашения, которого Идрису удастся достичь. Это создало немало

проблем Идрису, разжигало вражду и неприязнь к нему, подрезало его усилия, вызывало слухи и подозрения, в том числе и ложные обвинения в присвоении роли лидера Аш-Шерифа и изгнания его из Киренаики[33].

Необходимо отметить, что отсутствие письменного документа о таком секретном соглашении между двумя высокопоставленными сенуситами позволило как в западных, так и арабских, а вслед за ними и российских работах по истории Ливии утверждать о разногласиях между двумя сенуситскими шейхами и их взаимных претензиях на лидерство. Но утверждение Эрика Кондоля вносит ясность в историческую ситуацию и позволяет иначе объяснить и оценить действия лидеров сенуситов, которые понимали, что ордену сложно будет возродить былую мощь и славу, и поэтому шли на хитрость в надежде выиграть следующий раунд на историческом ринге.

Идрис поспешил встретиться с Нури-беем, турецким главнокомандующим, находившимся с остатками своих войск в районе Батван (восточнее залива Бомба), чтобы уговорить его не выступать против англичан. Сложилась довольно странная ситуация: Аш-Шериф еще считался турецким наместником в Ливии, Нури-бей возглавлял турецкий воинский контингент, находившийся в состоянии войны с Англией и Италией, а Идрис ас-Сенуси в качестве «третьей силы» выступал за мир, за передышку. Нури-бей отверг поначалу сотрудничество с Идрисом. Он попытался поднять против него часть недовольных им сенуситов и даже создал свой лагерь в Аджабии, но Идрис, предупрежденный Сафи ад-Дином о планах Нури-бея, окружил его войска (ему помог в этом Омар аль-Мухтар) и предложил им сдаться или уйти в Мисурату. Часть турок во главе с командующим отправилась на родину, отдельные группы были высланы в Джагбуб и Куфру, и в итоге Киренаика была навсегда потеряна для Стамбула[34].

У немцев и турок, правда, теплилась еще надежда закрепиться в Западной Триполитании, где их военно-морские силы прочно обосновались в Мисурате. Там они развернули активную политическую деятельность вокруг известного триполитанского лидера Сулеймана аль-Баруни, находившегося в эмиграции в Турции. В апреле 1916 г. ему был вручен фирман османского

султана о назначении его губернатором Триполитании и лидером сил, участвовавших в «священной войне» против Италии, хотя еще чуть больше годом ранее, в июле 1915 г., такой же фирман был вручен Аш-Шерифу. Турки, теряя свои позиции в Ливии, цеплялись в данном случае за любой островок надежды, используя внутренние распри ливийских лидеров, но не особенно, видимо, разбираясь в действительной расстановке политических сил в стране. Тем не менее османский фирман был принят, и в апреле 1916 г. аль-Баруни, которого турки доставили из Стамбула в Мисурату, возглавил правительство Триполи.

Получилось так, что по состоянию на лето 1916 г. на территории Ливии существовало, по крайней мере, шесть «правительств»: три в Триполитании (Сулеймана аль-Баруни в Триполи, Рамадана ас-Сувейхили в Мисурате и Сафи ад-Дина в Сирте), два в Киренаике (Идриса ас-Сенуси в Аджабии, Ахмеда аш-Шерифа в Джагбубе) и еще правительство Мухаммеда Абида — в Себхе (Феззан). Кроме того, имелись целые районы, особенно в центральной и южной областях страны, где верховодили вожди местных племен, не признавая никакой внешней власти, кроме как в отдельных случаях, формальной власти турецкого султана (а не итальянцев).

В этих условиях новый наместник Османской империи Сулейман аль-Баруни (хотя и Ахмед аш-Шериф считался тоже наместником, но находился в Киренаике) 17 октября 1916 г. выпустил воззвание о присоединении Триполитании к другим турецким вилайетам[35]. Одновременно он обратился с призывом к ведущим лидерам Ливии, в частности к Идрису ас-Сенуси и Рамадану ас-Сувейхили, провести общенациональное совещание, на котором предложил создать единое правительство и выработать план борьбы с Италией до победы. На этот призыв откликнулся только Идрис ас-Сенуси. 4 ноября 1916 г. он направил аль-Баруни послание, в котором поддержал идею союза между киренаикцами и триполитанцами, ратовал за мир между двумя братскими провинциями (после чего на их границе действительно установилось временное затишье), но на созыв общенационального совещания ливийских лидеров Идрис не согласился, как и не поддержал идею сформирования единого ливийского правительства[36].

«Мирное послание» Идриса ас-Сенуси устраивало Сулеймана аль-Баруни, так как он надеялся использовать мирную передышку для закрепления своей власти в Триполитании, а соответственно турки и немцы — своего влияния там. С другой стороны, Идрису ас-Сенуси надо было показать себя в новой роли лидера сенуситов.

Идрис обратился с письмом о мирных переговорах к генералу Макмагону, представителю английского короля в Египте, который ответил согласием, но при условии, что итальянцы также будут принимать участие в них. Встреча состоялась в Аз-Зуэтине. Главным требованием ливийцев было открытие портов Соллума, Дерны и Бенгази для торговли, поскольку киренаикцы были вплотную поставлены перед угрозой голода в стране. В свою очередь, они были готовы освободить удерживаемых итальянцев и выслать всех турецких офицеров из Киренаики. Соглашение с англичанами в лице полковника Тальбота не вызвало затруднений. Итальянский дипломат Бригатини отказывался от принятия ранее достигнутых договоренностей, ссылаясь на указания из Рима. Переговоры зашли в тупик и были прерваны в начале октября 1916 г. Британские и итальянские представители вернулись ни с чем.

Основной причиной провала переговоров в Аз-Зуэтине была открытая враждебность между итальянцами и сенуситами. Итальянцы ставили более тяжелые условия сделки, чем англичане, настаивая на передаче всех заключенных итальянцев и роспуске всех сенуситских лагерей.

Во время переговоров Идриса Аш-Шериф был в Дахле, слишком далеко, чтобы повлиять на усилия Идриса. Его прибытие в Сиву сделало настоятельным достигнуть урегулирования прежде, чем Аш-Шериф вернется к киренаикским племенам и сделает ведение мирных переговоров невозможным.

Поздней осенью 1916 г. Мухаммед Идрис направился из Адждабии в Марасас в Восточной Киренаике, откуда он снова обратился к английскому комиссару в Египте с просьбой о возобновлении переговоров, которые состоялись в январе 1917 г. в Акроме.

Полковник Тальбот представлял англичан, полковник ди Вита и Дотторе Луиджи Пинта — итальянцев. Идрис прибыл

с группой советников, в числе которых был Мухаммед Шериф Идрис, осуществлявший связи между сенуситами и англичанами в Египте. Позиция сенуситов была довольно сложной. Разгром армии Аш-Шерифа в Египте оставил сенуситов без какой-либо военной поддержки, и Идрис вынужден был вести переговоры с позиции военной слабости, его единственным активом была преданная поддержка киренаикских арабских племен. Проницательный и обходительный переговорщик, Идрис «таскал каштаны из огня» и умело вел стороны к какому-нибудь компромиссу[37]. Обсуждение продолжалось три месяца и закончилось принятием двух отдельных соглашений между англичанами, итальянцами и Мухаммедом Идрисом. Британское соглашение, следуя пунктам, оговоренным в Аз-Зуэтине, включало освобождение всех пленных Тройственного союза и египтян, вывод сенуситских войск с территории Египта и запрещение их пребывания близ египетской границы. В ответ Соллум открывался для торговли, но дорога Александрия — Соллум оставалась единственной, по которой товары могли поступать в Киренаику из Египта и на условии запрета попадания грузов в руки Германии и Турции или использования ими этого пути. Сенуситские завии на территории Египта закрывались. Собственность Идриса в Египте ставилась под контроль, оазис Джагбуб оставался под его управлением.

Переговоры с итальянцами были гораздо более сложными. Было предложено не менее четырех предварительных вариантов, прежде чем окончательное соглашение было достигнуто. Итальянцы признали Идриса ас-Сенуси эмиром Киренаики. Своей столицей он сделал город Аджабия. Важными пунктами были прекращение военных действий, свобода торговли сенуситских племен с Бенгази, Дерной и Тобруком и признание политической власти Идриса во внутренних районах Тобрука. Стороны обязались не вторгаться на контролировавшиеся ими территории, подтвердили сохранение шариатского суда и коранических школ на территории сенуситов и невозможность восстановления завий в итальянской зоне. Племенам разрешалось сохранить оружие, и Идрис пообещал полностью разоружить их позднее. Вопрос о расформировании военных лагерей был отложен на будущее.

Урегулирование соглашений в Акроме было во многом обязано большому опыту британского полковника Тальбота, который в 1896–1905 гг., находясь на службе в Судане, заслужил уважение арабов. Переговоры были также личным достижением Мухаммеда Идриса, повысившим свою репутацию в глазах киренаикцев и укрепившим свою позицию как главы ордена и фактического правителя внутренней Киренаики. После акромских соглашений в лице Идриса ливийцы впервые получили признание Запада в существовании их национальной власти, тогда как прежде европейцы рассматривали эту область как просто отвоеванную у Османской империи. Начав с довольно слабой позиции разбитых и деморализованных сил и поставленных итальянцами на грань голода киренаикцев, Идрис ас-Сенуси добился делавшего ему честь соглашения, которое принесло мир стране, а в его лице — признание политической и религиозной власти. В то же время необходимо подчеркнуть, что соглашение было предварительным и содержало в себе неопределенные позиции. Для британцев не оставалось проблем, так как их основная цель — обеспечение безопасности египетской границы — была достигнута. Для итальянцев соглашение хотя и означало мир во время европейской войны, тем не менее оставляло им возможность настаивать на более жестких условиях в будущем.

Переговоры продолжались три месяца, и окончательные соглашения были подписаны 14 апреля 1917 г. Сам Идрис так оценивал акромские соглашения: «...для итальянцев это был предварительный договор, который подлежало ратифицировать в будущем. Он оставлял будущий статус страны неопределенным, но в любом случае он не представлял собой капитуляцию перед итальянцами»[38].

Финал мировой войны для ливийцев: предательство Запада и уступки Италии

6 апреля 1917 г. в войну на стороне Антанты вступили Соединенные Штаты Америки, что делало положение Германии и ее союзников крайне затруднительным. Но праздновать победу

Антанте было еще рано. Накануне в мире заговорили о еще более важном событии, чем поспешное стремление Вашингтона занять место в дележе «победного пирога», несмотря на то что США изменили соотношение сил в пользу Антанты.

В феврале 1917 г. в России произошла буржуазная революция, расхолодившая русского солдата как в европейских окопах, так и на Кавказском фронте. Ему больше не захотелось воевать за чужие интересы. Хотя Временное правительство и объявило о намерении продолжать войну до победного конца, Минтавская операция и июньское наступление русской армии провалились. Также неудачным оказалось и апрельское наступление союзников с целью вывести Германию из войны.

Руководителям Антанты, привыкшим «загребать жар» от побед русского солдата на фронтах Первой мировой войны, такой поворот событий явно не нравился, и они с опасением следили за переменами в России и за обстановкой на других фронтах, где теперь Антанте предстояло надеяться на себя, а не на уставшую от войны русскую армию.

Это наложило отпечаток и на действия Великобритании и Италии в Ливии, где им пришлось применять методы не только «кнута», но и «пряника», чтобы не осложнять обстановку, поскольку перебросить туда дополнительные воинские контингенты было неоткуда.

Великобритания и Франция начали провоцировать Идриса ас-Сенуси на ведение боевых действий против Триполитании, где стремились закрепиться немцы и турки. Видя неспособность Рамадана ас-Сувейхили договориться с другими политиками, Стамбул в мае 1918 г. вместо него назначил на пост губернатора Триполитании турецкого эмира Османа Фуада, что было согласовано с немцами. По прибытии в страну новый наместник пытался сплотить триполитанских лидеров вокруг Аш-Шерифа, находившегося в Сирте, но этого ему не удалось сделать, как и не удалось добиться их полного доверия к Турции. Противоречия между ними в борьбе за власть зашли слишком далеко, что еще больше развязывало руки итальянцам в соседней Киренаике.

К концу 1918 г. сенуситы ввели новую административную структуру, разбив страну на три части — западную, центральную

и восточную, — во главе которых были поставлены назиры (инспектора), подчиненные Идрису ас-Сенуси. И хотя назирами были известные деятели сенуситов (Али-паша аль-Абдия в Адждабии, Омар аль-Мухтар — в Эль-Абъяре и Такнисе, Сафи ад-Дин — в Мараве, Хавлане и Акроме), итальянцы при поддержке Великобритании и США все больше и больше прибирали Киренаику к рукам, создавая свою параллельную администрацию, постепенно сужавшую власть сенуситов.

Между тем подходила к концу Первая мировая война, на завершение которой особенно повлияли события в России. Если Временное правительство, пришедшее к власти в результате Февральской буржуазно-демократической революции, еще выступало за войну до победного конца, то большевики во главе с В.И. Лениным разоблачали эту политику. Летом 1917 г. в России сложилась революционная ситуация, а в октябре свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Первым декретом Советского правительства был Декрет о мире. Практическим шагом, имевшим целью поднять народы колоний против тех, кто их разделил между собой, стала денонсация и обнародование Советом Народных Комиссаров тайных договоров царского правительства и, в частности, англо-франко-русского соглашения Сайкс — Пико о разделе Турции и сфер влияния на Среднем Востоке, что вызвало на Западе невиданный переполох.

Соглашение Сайкс — Пико было оформлено за закрытыми дверями обменом нотами между Францией и Россией 13 (26) апреля 1916 г., между Францией и Великобританией — 16 мая и получило название по имени соавторов проекта соглашения британского дипломата М. Сайкса и его французского коллеги Ф.Ж. Пико. 6 (19) ноября к соглашению присоединилась Италия.

Этот секретный сговор предусматривал создание пяти условных зон: «синей», включавшей Западную Сирию, Ливан и Киликию с частью Юго-восточной Анатолии, которая отходила в непосредственные владения Франции; «красной», включавшей Южный и Центральный Ирак и палестинские порты Хайфу и Акку, которая переходила к Великобритании; в «коричневой» зоне (остальная часть Палестины) устанавливалось международное управление по согласованию с Россией и другими

странами. Восточная Сирия и Мосульский вилайет входили в сферу влияния Франции (зона «А»); Заиорданье и северная часть багдадского вилайета — в сферу влияния Великобритании (зона «В»)[39].

Соглашение находилось, мягко говоря, в резком противоречии с обязательствами Великобритании перед арабами по так называемому соглашению между британским комиссаром в Каире Мак-Магоном и правителем Мекки великим шерифом Хусейном ибн Али аль-Хашими, достигнутому в июне 1915 г. — марте 1916 г. (т. е. за месяц до соглашения Сайкс — Пико). Хусейн обязался поднять арабов на восстание против Турции, Великобритания — признать независимость арабов. Обязательств перед арабами Великобритания не выполнила, хотя они и восстали в июне 1916 г. против турецкого господства[40].

Это вынудило политических лидеров Европы и США маневрировать. Поначалу они, отказавшись от предложений Советского правительства о заключении мира без аннексий и контрибуций, попытались решить вопрос силой, но этого им не удалось. Тогда Германия, с которой Советская Россия заключила тяжелый Брестский мир, предприняла на Западном фронте наступление, но из-за отсутствия резервов вынуждена была приостановить его. В ответ союзники при содействии США провели в течение 1918 г. ряд операций, приведших к поражению Германии и ее союзников: 29–30 сентября подписали перемирие Болгария и Турция, 3 ноября капитулировала Австро-Венгрия, 11 ноября — Германия. Окончательные условия мирных договоров были выработаны позже на Парижской мирной конференции в 1919–1920 гг., куда представителей Советской России даже не пригласили.

Тем не менее соглашение Сайкс — Пико подверглось ревизии в основном в пользу Великобритании. Арабские страны были переданы под мандаты Лиги Наций, и различие между «цветными» зонами, отходившими в непосредственное владение Великобритании и Франции, и зонами «А» и «В», представлявшие «сферы влияния», было практически стерто.

Окончание Первой мировой войны не принесло облегчения ливийскому народу. Вчерашние союзники по коалиции, Великобритания и Италия, боясь вспышки пламени народной

войны в Ливии, пытались по-своему закладывать фундамент послевоенного мира на севере Африки. Тезис «разделяй и властвуй» нашел здесь яркое воплощение на практике: Великобритания взяла под свое нераздельное правление Египет, Италии была предоставлена возможность прибрать к рукам непокорную Ливию, откуда выдворялись побежденные Антантой турки и немцы.

В июне 1919 г. в Триполитании был утвержден «Основной закон», по которому гражданская и военная власть сосредотачивались в руках губернатора, назначаемого Римом. В октябре его действие распространилось и на Киренаику. Закон вводил особую форму итальяно-ливийского «гражданства» и наделял всех таких граждан правом голоса в выборах в местные парламенты (палаты депутатов). Такие граждане освобождались от воинской повинности, а их налоги оставались в распоряжении местного парламента. «Основной закон» также обеспечивал назначения в местные советы: 10 человек, рекомендовавшихся итальянским губернатором, и 8 ливийцев, выбиравшихся парламентом. Власть на местах передавалась вождям племен[41].

Положения «Основного закона» обсуждались с политическими деятелями Киренаики, что привело к подписанию в 1920 г. в Эр-Раджме нового соглашения взамен Акромского. Идрис ас-Сенуси был объявлен эмиром всей Киренаики, но территория страны разделялась на две части, прибрежную и внутреннюю, где первая отдавалась в распоряжение итальянцев, и лишь во второй (в оазисах пустыни Сахара) административное управление оставалось за сенуситами.

В Киренаике Идрис поддерживал свои связи с большой осторожностью и тактом. Ему удалось наладить хорошие отношения с итальянским губернатором Конте Джакомо ди Мартино. Мухаммед Идрис был представлен ему Омаром-пашой Мансуром аль-Кехья, способствовавшим в 1908 г. установлению контактов между турками и сенуситами. Переговоры в 1920 г. длились несколько месяцев. Идрис был искренне убежден в необходимости дружественного и долговременного урегулирования с итальянцами. Те, в свою очередь, признавали, что влияние сенуситов способствует поддержанию мира в стране, так как в Киренаике были племена, воевавшие против

итальянцев и не разделявшие взглядов Мухаммеда Идриса и его сторонников, а часть твердолобой оппозиции рассматривала любое соглашение с Италией как акт о капитуляции. Молодой Идрис, которому еще не было и тридцати, должен был вести себя крайне аккуратно. Перед ним стояла сложная задача убедить оппозицию в необходимости признать итальянскую власть.

Как уже отмечалось, 20 октября 1920 г. переговоры закончились подписанием соглашения в Эр-Раджме. Мухаммед Идрис признавался эмиром Киренаики, ему было дано разрешение на создание автономной администрации в Джагбубе, Джало, Куфре, Ауджиле и Аджабии[42]. Органы управления в Аджабии, по сути, стали первым правительством Киренаики. Было разрешено иметь свой флаг; Аджабия стала вторым официальным местом после Бенгази (местопребывание губернатора Киренаики). Эмир назначал своих представителей в органы управления, полицию и армию, которая не превышала 1000 человек. Также итальянцами было назначено финансовое содержание: эмир получал ежемесячно 63 тыс. лир (685 англ. фунтов) и в дальнейшем 2600 тыс. лир (28305 англ. фунтов) ежегодно на общие расходы и 93 тыс. лир (1000 англ. фунтов) ежемесячно для членов семьи эмира. Итальянцы оплачивали содержание полиции и армии и шейхов племен и завий. Со своей стороны, эмир должен был в течение восьми месяцев распустить военные лагеря и другие сенуситские организации политического, административного или военного характера[43].

Позже, 20 января 1949 г., каирская «Аль-Ахрам» опубликовала меморандум триполитанского комитета, созданного в 1943 г. в Каире, где была дана оценка соглашению в Эр-Раджме: «Эмират являлся орудием, которое итальянцы и англичане использовали для того, чтобы расколоть единство народа и разделить страну. В договоре с Италией от 1920 г. (Эр-Раджма) Идрис ас-Сенуси признал раздел Ливии на две части — Киренаику и Триполитанию, согласившись с захватом итальянцами киренаикских городов и побережья»[44]. На это заявление можно привести такое возражение. До итальянской колонизации две ливийские провинции всегда существовали как две отдельные страны. И власть сенуситов, которую представлял в то время Мухаммед Идрис, никогда не распространялась

на Триполитанию — большинство сенуситских завий находилось на территории Киренаики — и поэтому достаточно сложно обвинять его в причастности к соглашению о «разделе» Ливии. Более того, даже во внутренних районах Киренаики сенуситы не располагали абсолютной властью — часть бедуинских племен так и оставалась независимой и отстаивала только свои территории и вела «войну против всех». Не «соглашаться с захватом прибрежной части» Идрис не мог, так как военные отряды сенуситов были разгромлены. В целом все же следует признать соглашение в Эр-Раджме положительным для обеих сторон. Италия получила долгожданную мирную передышку, а лидер сенуситов фактически подтвердил свой «статус-кво», который признали итальянцы, и получил денежную компенсацию.

Подписание соглашения в Эр-Раджме вызвало ликование официального Рима. 1 мая 1919 г. было объявлено, что «Основной закон» введен в действие. Повсеместно были проведены выборы, и в апреле 1921 г. в Бенгази даже состоялась первая сессия палаты депутатов, председателем которой был избран Сафи ад-Дин.

Но в Риме радовались преждевременно. Идрис ас-Сенуси выражал интересы только определенной, хотя и достаточно большой части ливийцев, и это особенно ярко проявилось на совещании шейхов племен в Эль-Абъяре, где присутствовало около 100 человек. Большинство шейхов осудило вмешательство итальянцев в дела страны и отказалось распустить военные лагеря, на чем настаивала Италия. Лавируя, чтобы не обострить обстановку, Рим предложил создать смешанные военные формирования сенуситов и итальянцев, о чем был даже заключен специальный договор (в Бумаръяме), утвержденный советом министров Италии 15 октября 1921 г. Но и в этих лагерях не удалось достичь согласия: итальянцы пытались командовать ливийцами, а те отказывались им подчиняться. Возникали стычки, порой серьезные. Безрезультатными были и сессии палаты депутатов (таких сессий состоялось пять до марта 1923 г.), на которых не было принято ни одного закона. В конце концов парламент был распущен, и снова возобновились военные действия.

ГЛАВА VI

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ЛИВИЙСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ (1918–1931 гг.)

После отъезда Аш-Шерифа в эмиграцию Мухаммед Идрис стал безоговорочным лидером киренаикцев. Он был признан итальянцами политическим правителем, так же как и главой сенуситского ордена. Однако его власть распространялась только на Киренаику, а события в Триполитании развивались совсем в другом направлении. Нури-паша был послан турками в 1917 г. в Триполитанию, чтобы стимулировать сопротивление племен колонизаторам, а также усилить враждебность к мирным переговорам Идриса с англичанами и итальянцами. Таким образом, в двух провинциях сложилось два движения — движение правителей племен в Триполитании и движение сенуситов в Киренаике. Отношения между Киренаикой и Триполитанией были недружественными, как раз в то время, когда необходимо было сплотиться перед лицом колониального порабощения и вести совместные действия. Итальянцы, истощенные войной в Европе, не имели ни сил, ни желания продолжать колониальную войну и были готовы заключить мирное соглашение с триполитанцами, так же как они сделали это с киренаикцами.

Вместо того чтобы принять политику сотрудничества с киренаикцами, триполитанский лидер Рамадан ас-Сувейхили проводил изнуряющие атаки против сторонников сенуситов в районе Сирта. Сознавая опасность, Идрис обратился за помощью к итальянскому губернатору в Бенгази, который помог деньгами и оружием организовать линию обороны у Агейлы. Анархия, воцарившаяся в Триполитании между племенными вождями, стремившимися к единоличной власти, делала урегулирование

с итальянцами такой же сложной проблемой, как и сотрудничество с киренаикцами.

Декларативная Триполитанская республика 1918–1922 гг.

Сопротивление итальянцам не ослабило противоречий между триполитанцами. Например, можно было бы привести сделанное в 1913 г. шейхом Вурфалы Абдель Наби Бельхейром предложение полковнику Миани объединить силы в борьбе с шейхом Мухаммедом аль-Бусифи. Весной 1916 г. вспыхнула продолжавшаяся шесть лет война в Джебель аль-Гарби против Султана бен Шаабана, связанная со стремлением Аль-Махмуди посадить своих людей, в частности Ису бу Сахмина в Зуару, Мухаммеда аль-Махмуди в Набиле, Ахмед-пашу аль-Махмуди в Ефрене и Ауна биль-Хаджа аль-Махмуди в Аль-Дауше. Но окончание Первой мировой войны привело к частичному пересмотру ими своих взглядов.

На фоне перемен, происшедших в мире, триполитанские лидеры выступили с требованием о предоставлении их вилайету независимости. Эти требования они изложили представителям итальянского командования 14 ноября 1918 г. в Хомсе, поскольку турецкий наместник Осман Фуад должен был возвратиться в Стамбул, как это было предусмотрено мирным договором[1].

Триполитанские лидеры были уверены, что в период, когда Османская империя была повержена, а Италия ослаблена войной, они могут получить независимость без особого труда. Они даже начали обсуждать, какую форму государственности принять в Триполитании. В частности, идея создания республики обсуждалась на встречах эмира Османа Фуада, Рамадана ас-Сувейхили, Сулеймана аль-Баруни, Абд ар-Рахмана Аззама и Мухтара Каабара. Но к единому мнению они опять не пришли. Одни выступили за монархию, т. е. за власть сенуситов во главе с эмиром, другие — за республику (или против господства сенуситского братства). Для выработки окончательного решения 16 ноября 1918 г. в Эль-Куссабате (Массалате) в мечети Аль-Муджабира было созвано совещание вождей

и влиятельных лиц страны, на котором большинство выступило за создание республики. Было принято заявление об учреждении Триполитанской республики. К принятию такого решения их подтолкнуло признание Италией 11 апреля 1917 г. в соответствии с Акрамским соглашением самоуправления сенуситов в Киренаике. Кроме того, к реализации подобного шага их вынудило выступление президента США В. Вильсона с призывом предоставить право самоопределения народам. Более того, члены совета Триполитании направили В. Вильсону послание, в котором говорилось об объявлении республики. Были избраны Совет Триполитанской республики в составе Рамадана ас-Сувейхили, Сулеймана аль-Баруни, Ахмеда аль-Мурайида, Абдель Наби Бельхейра, Совещательный совет в составе 24 человек из числа знати и шейхов и шариатский совет улемов[2]. Правда, с назначением членов Совещательного совета и шариатского совета их деятельность, по существу, прекратилась. Возникли одновременно сложности с выбором президента. Сначала эту должность предложили Осману Фуаду, но он ответил отказом. Египтянин А.Р. Аззам выступал за создание национального правительства, однако эта идея была отвергнута, поскольку ее предложил иностранец. Первая декларация правительства была подписана киренаикцем Абд аль-Кадиром аль-Гани, однако присутствовавшие на совещании не решились избрать его президентом, чтобы он, будучи выходцем из другой провинции, подчинил себе ополчение. Вообще присутствовавшие хотели бы избрать такого человека, на которого вожди могли оказывать влияние. Но все дело было в том, что они поддерживали разные кандидатуры. В конце концов из-за соперничества ряда группировок вопрос о выборе главы республики отложили до стабилизации обстановки в стране. Было решено, что столицей республики будут Аль-Азизия на морском побережье и Гарьян в Джебель аль-Гарби.

В декларации, обращенной к населению, извещалось о принятых решениях: «Народ Триполитании, — говорилось, в частности, в документе, — наконец-то обладает независимостью, которой он добился кровью своих сыновей, проливаемой в течение семи лет. Народ счастлив достижением этой цели, которая приближает его к тому, чего уже достигли в своем развитии другие

народы»[3]. Одновременно в адрес Италии, а также других стран, были направлены послания, извещавшие об образовании Триполитанской республики. В ноте в адрес Италии содержался призыв признать независимость Триполитании и «прекратить всякие действия, которые вынуждают ее продолжить войну для осуществления своих законных требований»[4].

Итальянцам были также направлены условия, на которых триполитанцы соглашались заключить мир с Римом. Эти условия включали 8 пунктов, предусматривавших обязательства Италии не проводить военные, торговые и другие действия во время ведения переговоров, а также не стеснять свободу контактов Триполитании с теми правительствами, которые имели свои представительства в Триполи. Турецкие и германские военнослужащие, находившиеся в стране, объявлялись гостями Триполитанского правительства, и их отъезд связывался с «выполнением долга по отношению к населению»[5]. Ответственный за финансы М. Каабар выехал в Хомс, чтобы передать послание итальянцам. Были направлены послания в адрес В. Вильсона и премьер-министрам Великобритании Д. Ллойд-Джорджу и Франции Ж. Клемансо, в которых сообщалось о создании республики и содержались требования признать ее.

Факт созыва совещания триполитанских лидеров в Эль-Кус-сабате и принятые там решения были, несомненно, следствием новой обстановки, сложившейся в мире. Вместе с тем было бы наивно предполагать, что Италия без боя откажется от своих намерений. Дело осложнялось тем, что тут же после окончания закрытием совещания четыре избранных руководителя в Совет Триполитанской республики инициировали гражданскую войну друг с другом. В Италии предполагалось возобновление военных действий, и итальянцы начали наращивание своих войск в двух ливийских провинциях.

Находившиеся в Хомсе представители военного командования Италии, которым были вручены нота и условия переговоров, заявили, что Рим не признает создание Триполитанской республики и будет вести войну до победного конца. Хотя это заявление итальянских военных было скоропалительным, не согласованным с Римом, оно отражало точку зрения

военных, находившихся в Триполитании. Заявление способствовало тому, что национально-патриотические силы Триполитании начали сплачиваться для совместных действий, отбросив на задний план прежние разногласия. В течение декабря 1918 г. триполитанские лидеры провели ряд встреч между собой, хотя они и оставались по-прежнему в зонах своего правления: Рамадан ас-Сувейхили — в Мисурате и Массалате, Сулейман аль-Баруни — в Эль-Азизии в районе Джебель Друз, Абдель Наби Бельхейр — в Бени-Валиде в Вурфала, Ахмед аль-Мурайид — в Тархуне, Халифа бен Аскер — в Налуте, Мухтар Каабар — в Гарьяне. Возникла даже идея примирения с руководителями сенуситского братства. Это предложил, в частности, Рамадан ас-Сувейхили, самый ярый противник сенуситов, отправивший письмо Идрису ас-Сенуси[6], а Сейф ан-Наср взял на себя функцию посредника.

Между тем итальянское командование продолжало наращивать силы. В конце 1918 г. Рим назначил в Триполи нового губернатора Гариони. Численность итальянского экспедиционного корпуса к марту 1919 г. была доведена до 80 тыс. человек[7]. Однако Гариони, сделавший по прибытии ряд угрожающих заявлений, после ознакомления с обстановкой пришел к выводу о нецелесообразности развертывания боевых действий.

Обстановка действительно была не в пользу Италии ни внутри страны, ни в Триполитании. Война стоила итальянскому народу больших жертв, и как только общественности стало известно о намерении продолжать боевые действия на севере Африки, это вызвало бурю негодования.

И итальянское правительство стало маневрировать. Оно, во-первых, оказало нажим на турецкого султана, чтобы тот отозвал своих военнослужащих из Триполитании, и во-вторых, началась усиленная обработка ливийских лидеров с целью склонения их на сторону Италии. Как писал министр иностранных дел Италии К. Шанцер, после окончания великой войны в итальянском правительстве наблюдалась ориентация на начало новых переговоров с Западным Триполи.

Относительно отзыва турецкого военного персонала, который, как считали в Риме, являлся главным союзником ливийцев, были использованы условия Мудросского договора

о перемирии, предусматривавшего немедленную демобилизацию османской армии. Под нажимом Италии в Триполитанию был послан бывший османский губернатор Раджаб-паша с целью возвращения турецких офицеров в Стамбул. Одновременно Раджаб-паша пытался уговорить некоторых триполитанских лидеров, в частности Сулеймана аль-Баруни, покинуть родину. Но это предложение было отвергнуто.

Наряду с этим итальянские представители по указанию правительства Италии провели серию контактов с триполитанскими лидерами, большинство из которых выразило склонность к проведению официальных переговоров. Эти переговоры прошли в марте 1919 г. в Хилаз-Зейтуне. Делегация Триполитанской республики потребовала равноправия арабов и итальянцев при решении всех политических, социальных и экономических вопросов управления страной. При этом триполитанцы ссылались на «решения республики». На самом деле они выражали точку зрения Р. ас-Сувейхили, С. аль-Баруни, А.Р. Аззама и М. Каабара. Представители Италии ответили отказом. Переговоры были сорваны, но ни та ни другая стороны не спешили с развязыванием боевых действий, и контакты продолжались. В этом сказывалась неуверенность Италии в успехах силового давления, но это давало возможность и Триполитании демонстрировать стойкость и даже угрожать продолжением партизанских действий, что было нежелательным для итальянского правительства.

В результате взаимных уступок 14 марта 1919 г. Италия приняла решение гарантировать триполитанскому народу введение конституции и предоставление гражданских и политических прав, а перед этим триполитанское республиканское руководство согласилось на оставление итальянских гарнизонов в Триполи, Хомсе и Зуваре. На таких условиях 21 апреля 1919 г. в Суан-Бен-Адеме стороны подписали соглашение, объявлявшее о прекращении состояния войны и заключении мира, в соответствии с которым Триполитания получила автономию. Делами страны ведал правительственный совет, 8 человек которого избирались триполитанцами, а 2 человека назначались генерал-губернатором. Во главе правительственного совета стоял генерал-губернатор, назначаемый итальянским королем.

Сразу же в Тархуне было созвано совещание триполитанских вождей, где был избран Правительственный совет Триполитанской республики в составе восьми человек, среди которых руководящую роль стал играть Рамадан ас-Сувейхили

1 июня 1919 г. был обнародован «Основной закон» молодой республики. Он признавал правительство Триполитанской области. Закон утвердил гражданство жителей района как итальянско-триполитанское. Таким образом, население Триполитании превращалось из подданных в граждан. Как писал позже Тагер аз-Зави, «перед триполитанцами расширились политические горизонты, им представилась возможность предъявлять свои требования, направленные на расширение сферы их общественной и государственной деятельности»[8]. Выборы восьми членов правительства проводились Советом Триполитании. Глава правительства, который отвечал за гражданские и военные дела, назначался королем Италии. Закон не предопределял, какой должна быть национальность правителя — является ли он триполитанцем или итальянцем. В республике создавалась армия, подчинявшаяся главе правительства. Налоги собирались только по решению Совета. Равным образом Совет решал, какие налоги, принятые итальянскими властями в Триполи, распространялись на территорию Триполитанской республики. Вакуфы управлялись с согласия исламского совета. Создавался шариатский совет, назначавший судей. При этом признавались два языка — арабский и итальянский. Обучение наукам провозглашалось свободным и находилось под контролем правительства. Триполитанец и итальянец декларировались равными в правах. В соответствии с Законом итальянцы обязались не вводить свои войска на территорию республики. Для наблюдения за претворением Закона в жизнь, особенно за соблюдением прав триполитанцев, 26 сентября 1919 г. был создан Комитет национальных реформ. Вся полнота гражданской и военной власти по этому «закону» оставалась за итальянским губернатором, но в своей деятельности он должен был опираться на правительственный совет и считаться с мнением палаты депутатов триполитанского парламента и с местными обычаями, в том числе и с решениями шариатских судов, рассматривавших гражданские дела. Османские бумажные денежные знаки

заменялись итальянскими: в населенных пунктах, где отсутствовали итальянские войска, мог находиться только один итальянский офицер для связи между арабами и итальянскими властями, лишь незначительное число местных жителей могло быть призвано в армию, и то — для несения службы на территории Ливии. Правда, между триполитанцами и итальянцами возникли разногласия по этому пункту. Если жители провинции настаивали, что правительственный совет обладает законодательной властью, то итальянские представители полагали, что он предназначен только для консультаций. Представители Италии относились к парламенту весьма настороженно, считая, что он был призван мобилизовывать на борьбу с их присутствием в Триполитании. Не подписали «Основной закон» А.Н. Бельхейр, Х. Каабар и Аль-Хейтуни.

Для триполитанского народа, находившегося в состоянии войны с 1911 г., это была победа, хотя и не такая уж полная. Для итальянского правительства это была необходимая уступка, которую в Риме рассматривали в качестве временной меры, так как возможностей подавить ливийцев силой явно не хватало, а итальянская общественность требовала мира.

Вскоре после подписания соглашения в Эр-Раджме Идрис по приглашению губернатора Бенгази отправился с визитом в Италию. В состав группы сопровождения входили Омар паша аль-Кехья, шейх Абдул Азиз аль-Иссави, шейх Химаида аль-Махджуб, Мухаммед аль-Фейзани, Али паша аль-Абидия, Шериф аль-Гариани, Хасан бу Хадра, Абдул Кадер Фаркаш, Мухаммед Саквизли в качестве секретаря и Ибрахим Шелхи — телохранителя[9]. В Риме на банкете Мухаммед Идрис имел беседу с итальянским королем Виктором Эммануилом. В январе 1921 г. Идрис вернулся в Аджабию[10].

В Киренаике итальянцы настаивали на немедленном разоружении военных лагерей, хотя предусматривалось вести этот процесс постепенно. Киренаикские племена, которые несли основную тяжесть сопротивления итальянцам, отказывались разоружаться. После дальнейших консультаций Идриса с Мартино было решено на первых порах расформировать пять военных лагерей в Эль-Абъяре, Такнисе, Слонте, Акроме и Мечили. Эти лагеря должны были управляться совместно. Это было

согласовано пактом в Бу Маръяме в ноябре 1921 г., однако соглашение практически не работало.

Междоусобные распри

По случаю принятия «Основного закона» в Триполи была проведена широкая манифестация (под надзором итальянских солдат), и губернатор встретился с триполитанскими лидерами. Но потом началось то, на что рассчитывали в Риме: между местными вождями разгорелась ожесточенная борьба за власть, позволявшая итальянцам не торопиться с выполнением «Основного закона». Правительственный совет стал собираться на заседания в Триполи, но далеко не все ведущие лидеры участвовали в его работе. Сулейман аль-Баруни, например, заявил, что он является членом турецкой палаты шейхов, отказался от сотрудничества с итальянцами и уехал в Стамбул. Рамадан ас-Сувейхили, почувствовав неприязнь со стороны отдельных лидеров и угрозу ареста итальянцами, убыл в Суан-Мушатт, где у него были свои воинские формирования. Видя это, итальянцы принялись всячески обхаживать противников этих двух лидеров, пытаясь углубить раскол между ними. Одновременно они начали прибирать к рукам находившиеся под их руководством отряды, но те не послушались — часть ушла на соединение с Рамаданом ас-Сувейхили, который к этому времени перебрался в Мисурату, подальше от иностранцев, другие ушли в горы — в Тархуну и Гарьян.

Разногласия между вождями и рассредоточение местных воинских формирований привели к тому, что правительственный совет, по существу, распался, а итальянцы начали буквальную охоту за всеми, кто противился их власти, натравливая одновременно одних местных вождей на других. Противники итальянского произвола стали группироваться вокруг Рамадана ас-Сувейхили, в то время как против него самого выступил Абдель Наби Бельхейр, очень болезненно реагировавший на усиление влияния соперника. Более того, Р. ас-Сувейхили решил присоединить к себе районы Тархуны и Варглы. В горах вспыхнула война между С. аль-Баруни и Бен Аскером против

шейха ар-раджиян Махмуда Факини и шейха аз-зантан Али аш-Шанта. В августе 1920 г. возобновились сражения в районе Джебель аль-Гарби, где Халифа бен Аскер и С. аль-Баруни противостояли Ахмеду аль-Бадави, Али бен Тантушу и Аль-Азаби бен Ибрагиму. В целом в этой войне член Совета Триполитанской республики С. аль-Баруни сражался с тремя избранными в состав совещательного совета Фикини, А. бен Тантушем и А. аль-Бадави. Причина военного конфликта заключалась в отказе представителей племен дать согласие на назначение Х. бен Аскера вождем Джебель аль-Гарби. В результате, когда Р. ас-Сувейхили решил возглавить отряды, чтобы вытеснить соперника из района Бени-Улид, он был убит сторонниками Абдель Наби Бельхейра в одном из боев с ними в августе 1920 г.

Гибель Р. ас-Сувейхили, которого газета «Аль-Лива ат-Тараблюси» назвала «великим из величайших мусульман»[11], была на руку итальянцам, хотя это и усугубило недоверие местного населения к ним. Борьба за лидерство среди триполитанских лидеров разгорелась с новой силой. В сентябре 1920 г. они собрались в Азизии, близ Триполи, на «национальный совет», где было решено провести в ноябре национальную конференцию, местом которой был избран Гарьян[12]. В это время представители Триполитании, Киренаики и Феззана поняли, что, опираясь на разрозненные регионы, война с Италией будет окончательно проиграна, если регионы не объединятся для совместной борьбы. Кроме этого, на их решение повлияло заявление президента США В. Вильсона о том, что все народы имеют право на самоопределение. Одновременно эти годы знаменовались началом перехода регионального сопротивления к общенациональному. В этой связи А.Р. Аззам призвал к созыву конференции, предприняв попытку преодолеть образовавшийся разрыв.

На этой конференции, открывшейся 4 ноября 1920 г. в Гарьяне, присутствовали представители всех районов страны, включая вождей берберов и оккупированных итальянцами территорий, а также шейхи Ахмед аль-Мурайид, С. аль-Баруни и А.Н. Бельхейр. Не приехал только Сулейман аль-Баруни, мэр Триполи, считавший себя наместником Османской империи. На открытии конференции выступил бывший член правительственного совета Абдель Рахман Аззам. Заявив, что Рим

находится накануне революции, он сделал вывод о возможности ведения Италией только оборонительной войны в Ливии, что, по его мнению, давало возможность триполитанцам добиваться полной независимости[13]. «При молчаливом согласии эмиров, не проронивших на конференции ни одного слова, — напишет позже английский историк Дж. Райт, — большинством голосов 18 ноября 1920 г. была избрана Центральная организация реформ в составе 47 человек, которая стала правительством Триполитании»[14]. Это правительство, как говорилось в решении конференции, «должно было руководствоваться законами шариата и возглавляться мусульманином, осуществлять гражданскую и духовную власть в пределах всей территории триполитанской родины и исключить засилье итальянцев»[15].

Возглавили правительство Ахмед аль-Мурайид (председатель), Абдель Рахман Аззам и Башир ас-Саадави (советники). Конференция приняла важное решение назначить мусульманского правителя, которым, по данным итальянских исследователей, стал И. Сенуси.

Большое значение имело возвращение из Советской России ливийской делегации во главе с Мухаммедом Халедом аль-Гарагани, которая участвовала в работе Первого съезда народов Востока, состоявшегося в сентябре 1920 г. в Баку. Около половины участников этого съезда, включая триполитанцев, не были коммунистическими (в Ливии даже не было марксистских групп) и представляли демократические и национально-освободительные движения колоний и полуколоний[16].

Текст Манифеста Первого съезда народов Востока, переведенный на арабский язык, был зачитан на конференции в Гарьяне. С его содержанием ознакомили жителей селений и воинских формирований. Простым мусульманам не верилось, что где-то есть смелые и мужественные люди, сумевшие сплотиться и завоевать свободу и независимость.

Аль-Гарагани и другие участники поездки в Советскую Россию выступили и на заседании правительства Триполитанской республики, после чего было решено сосредоточить усилия на укреплении единства всех патриотических сил, создании армии, развертывании борьбы за получение независимости. Естественно, не все в правительстве были едины, да и сил

было явно недостаточно, но ряд практических мер был предпринят. 18 сентября советом была принята общая декларация. Из Гарьяна в другие города страны отправились делегации, которые должны были рассказать о создании Триполитанской республики и призвать к единству в борьбе с итальянскими колонизаторами. Действительно, несмотря на все недостатки, работа «национального совета» стала первым шагом на пути к объединению населения Триполитании, Киренаики и Феззана в борьбе против Италии. Более того, ранее, 10 августа 1921 г., под патронажем совета состоялось примирение между суннитскими и ибадитскими племенами, которые являлись основными участниками восстания в Триполитании.

В Рим по поручению А. Мурайида была отправлена делегация в составе 5 человек во главе с М. аль-Гарагани с поручением передать итальянскому правительству декларацию Гарьянской конференции и потребовать отказаться от интриг и проволочек с предоставлением независимости. В то же время в инструкциях делегации содержалось требование установить контакты с «подлинным итальянским народом».

Делегацию вначале принял министр по делам колоний, но ознакомившись с целями ее миссии, он прервал переговоры. Италия заняла непримиримую позицию относительно решений совета. Ей вторили голоса итальянских колонистов из Триполи, подчеркивавших, что они не признают решений, принятых в Гарьяне.

Началась закулисная возня вокруг М. аль-Гарагани и его коллег, продолжавшаяся 9 месяцев. И хотя они получили поддержку со стороны итальянских коммунистов, социалистов и других оппозиционных партий, официальный Рим сделал все возможное, чтобы дезавуировать посланцев Гарьяна. Были установлены контакты с «давним итальянским другом» Хасуной-пашой аль-Караманли, мэром Триполи, при помощи которого сформировали другую делегацию, якобы представлявшую население прибрежной части страны и берберов Западных гор (Эль-Джебель-эль-Гарба)[17].

Хасуна-паша аль-Караманли, прибывший в начале 1921 г. в Рим во главе этой делегации и встреченный с большой помпой, немедленно обрушился на М. аль-Гарагани, упрекнув его

в том, что тот не представляет большинства народа Триполитании и занимается шантажом и подстрекательством. В результате делегация М. аль-Гарагани была вынуждена уехать из Италии, что вызвало в Триполитании волну протеста. Было ясно, что одними переговорами с Италией получить независимость не удастся, нужно было создавать единый национальный фронт борьбы, поскольку междоусобица была явно на пользу колонизаторам. Все осложнялось тем, что в Триполитании продолжалась гражданская война. Так, 24 августа произошла битва к востоку от замка Вурфала между отрядами Р. ас-Сувейхали и А.Н. Бельхейра, причем последнего поддержали итальянцы. Позже Италия выступила посредником между Р. ас-Сувейхили и А.Н. Бельхейром. Более того, итальянцы пригасили к себе сенуситского лидера Аш-Шерифа, который находился у них в период с 26 ноября 1920 г. до 16 января 1921 г. Акцент ими был сделан на признании его светским и духовным главой Киренаики, которой предстоит поддерживать тесные отношения с Италией. Однако эта операция не удалась.

Но Италии удалось 3 ноября 1921 г. в Бу Марьяме договориться с И. Сенуси. В соответствии с договоренностью эмир рассматривался Римом как владыка Киренаики, признав в то же время суверенитет Италии. Одновременно итальянцы делали шаги, чтобы упрочить свое господство над Киренаикой. 11 ноября 1921 г. они подписали в Бу Марьяме договор относительно того, что сенуситы признали власть Италии. Это соглашение явилось последним из заключенных двумя сторонами договоров.

По мере ухудшения положения дел в Киренаике триполитанцы вносили свой вклад в разлад отношений с итальянцами. Провалив попытки договориться с итальянскими властями, триполитанские лидеры обратились за помощью к Идрису. Обратиться к И. Сенуси их побуждали непреодолимые разногласия и противоречия между теми, кто хотел верить обещаниям, данным в Аркубе, и сторонниками фактов. Это могло иметь успех тремя годами ранее, но на тот момент стало невозможно. Осведомленные о соперничестве триполитанских лидеров, итальянцы совершенно не собирались придать такой же статус Триполитании, как Киренаике. Более того, в итальянские

планы входило управление каждой из провинций в отдельности, и они не шли ни на какое соглашение, которое могло бы привести к объединенной Ливии.

Исходя из побуждений национального объединения, Центральная организация реформ (которая являлась национальным правительством) направила в Киренаику делегацию в составе семи видных триполитанских деятелей, которые встретились в Сирте с пятью представителями сенуситского руководства. Переговоры проходили в течение декабря 1921 — января 1922 г. и закончились подписанием 21 января 1922 г. соглашения, согласно которому основные усилия было решено направить на прекращение внутренних распрей и объединение в борьбе против итальянской интервенции. Статья 5-я соглашения гласила: «Обе стороны считают, что интересы совместной обороны против коварного врага требуют объединения руководства всей страной и поэтому ставят своей задачей избрание эмира-мусульманина, который будет обладать религиозной и светской властью в рамках конституции, одобренной народом»[18]. Стороны договорились до проведения организационных мероприятий обменяться представителями для согласования всех текущих вопросов, и если начнется война с Италией, власть которой они не признали, то принять в ней участие, создав единое руководство. Башир ас-Саадави был назначен представителем Центральной организации реформ в Киренаике, Абдель Азиз аль-Исави — таким же посланником в Триполи.

Итальянское правительство настороженно следило за усилением юнионистских тенденций в ливийском движении сопротивления, пытаясь воспрепятствовать этому. В июле 1921 г. в Триполитанию был назначен новый губернатор Д. Вольпи, сторонник применения силы, который без санкции Рима (в конце 1922 г. там к власти пришли фашисты) решил атаковать Мисурату — базу снабжения триполитанских отрядов. Сначала итальянцы установили в марте 1922 г. блокаду Мисураты и предложили жителям согласиться на переговоры. они проходили в гостинице «Аш-Шериф», но в апреле были прерваны, поскольку итальянцы настаивали на капитуляции мисуратцев.

Далее начались боевые действия, названные впоследствии «семнадцатидневной войной». Ахмед аль-Мурайид объявил

«джихад», но патриоты были явно захвачены врасплох, оборонительные укрепления отсутствовали, не хватало оружия. Тем не менее партизанские отряды были подтянуты к Мисурате, защитники которой находились на грани сдачи, а также к городам Триполи, Эль-Азизия, Эз-Завия, где разгорелись упорные бои. 9 февраля 1922 г. триполитанцы перерезали железную дорогу, соединявшую Триполи с Эль-Азизией, где находилось около 10 тыс. итальянских солдат. 19 марта была прервана железнодорожная связь между Триполи и Зуварой, итальянский гарнизон которой насчитывал 1 тыс. человек[19].

К концу марта итальянцы фактически были окружены, сохраняя за собой только Триполи, Хомс и Зувару. И хотя они имели более совершенное оружие и численность войск (15,5 тыс. чел.), намного превышавшую местные отряды (у них было 4,3 тыс. воинов), их положение было почти критическим, тем более что на состоявшейся чрезвычайной встрече представителей Триполитании и Киренаики сенуситское руководство обещало оказать немедленную помощь.

Но вместо организации разгрома оставшихся плацдармов колонизаторов среди триполитанцев снова начались распри. Воспользовавшись этим, в апреле итальянцы заняли Эль-Азизию и Зуару. Некоторые вожди (например, Абдель Наби Бельхейр) отказались от борьбы, другие согласились на предложенные губернатором Д. Вольпи переговоры. В результате Ахмед аль-Мурайид объявил о прекращении огня сроком на один месяц и вместе с Баширом ас-Саадави вступил в контакты с итальянскими представителями в Фундук-аш-Шерифе, в 30 км южнее Триполи[20]. Они состоялись 25, 28 и 30 марта и 5 апреля 1922 г.

Переговоры были упорными. Ливийцы настаивали на соблюдении итальянской стороной условий соглашения, заключенного в Суан-Бен-Адеме, а итальянцы, обеспокоенные результатами переговоров в Сирте, старались расколоть единый фронт патриотов, заявив, что они признают правительство Ахмеда аль-Мурайида, если оно расторгнет договор с сенуситами. В разгар дебатов триполитанцы получили послание Идриса ас-Сенуси с одобрением соглашения, подписанного в Сирте, и тогда представители Центральной организации

реформ поставили вопрос о провозглашении лидера сенуситов эмиром обеих территорий, а также о признании единства Ливии со стороны Италии и создании совещательных органов, на что представители Рима потребовали дополнительное время «для изучения вопроса»[21].

Началось откровенное затягивание переговоров. Итальянцы изредка возобновляли их, но они не были и не могли быть конструктивными, поскольку фашисты, пришедшие к власти в Риме, уже настраивались на потопление в крови ливийского сопротивления. У Муссолини просто в то время не хватало сил, чтобы сделать это немедленно, а ливийцы по-прежнему уповали на получение независимости мирными средствами, путем переговоров.

Для того чтобы в этих переговорах с итальянцами выступить единым фронтом, руководители Центральной организации реформ интенсифицировали усилия по претворению в жизнь соглашения в Сирте об объединении с Киренаикой. При этом Ахмед аль-Мурайид и его сторонники надеялись получить от сенуситского руководства конкретную военную помощь, в то время как Идрис ас-Сенуси рассчитывал на ослабление давления итальянцев, добивавшихся в то время разоружения племен и роспуска военных лагерей, хотя Рим и не думал выполнять собственные обязательства, предусмотренные договором в Эр-Раджме.

По взаимной договоренности в апреле 1922 г. в Аджабии для встречи триполитанских представителей собрались шейхи ведущих киренаикских племен, которые должны были участвовать в подготовке церемонии по принесению присяги эмиру Идрису. Но все свелось к взаимным упрекам о невыполнении сиртского соглашения, и дата принесения присяги была отложена[22].

Инициатива о признании Идриса эмиром обеих провинций исходила от лидеров Триполитании, осознавших необходимость объединения. Просьбой триполитанцев Идрис был поставлен в весьма затруднительное положение. С одной стороны, он был связан итало-сенуситским соглашением[23] и не хотел портить отношения с итальянцами, с другой — он понимал, что объединение Триполитании и Киренаики поставит взаимоотношения

ливийцев с колониальной администрацией совершенно на иной уровень. Как всегда, он решил действовать методом переговоров и информировал об этом итальянцев. Те, однако, ответили ему отказом, даже в делах посредничества между двумя провинциями.

Идрис ас-Сенуси тогда отправился на встречу с итальянским министром колоний Амендолой, состоявшуюся в Эль-Джебель эль-Ахдаре. На этой встрече итальянцы, выясняя дальнейшие планы эмира, сделали все возможное, чтобы уговорить лидера сенуситов склонить триполитанцев к «взаимопониманию с итальянскими властями», и они добились своего. После встречи с Амендолой Идрис направил триполитанским лидерам специальное послание, склоняя их принять предложение Рима[24].

Положение, в которое попали лидеры Триполитанской республики, оказалось незавидным. Из-за нехватки сил и внутренних раздоров они вынуждены были проводить соглашательскую политику, которая не облегчала, а усугубляла их трудности, не приближала, а удаляла их от главной цели — получения независимости. С одной стороны, тянули время итальянцы, ведя закулисную игру и одновременно накапливая войска для решающего удара. С другой стороны, Идрис, не возражая против распространения своей власти на Триполитанию, не торопился с оказанием ей помощи в борьбе против колонизаторов: он не располагал достаточными военными силами для такой помощи, да и опасался, что такой шаг отрицательно повлияет на договоренности, с таким трудом достигнутые с итальянцами. В июле 1922 г. делегация Центральной организации реформ вернулась из Киренаики, по существу, ни с чем. Но вместо того, чтобы поднять народ на борьбу, пока итальянцы удерживали «островки» Триполитанской территории и были временно бессильны, лидеры Гарьянской республики последовали совету Идриса ас-Сенуси и решили продолжать переговоры. Комитет совета собрался 28 июля 1922 г. и принял Декларацию, предлагавшую И. ас-Сенуси стать одновременно эмиром Киренаики и Триполитании.

Одновременно 28 июля 1922 г. была оформлена письменная клятва на верность Идрису ас-Сенуси как эмиру Киренаики

и Триполитании, подписанная 26 видными триполитанскими лидерами[25]. Для передачи документа была снаряжена делегация, которая добралась до Аджабии лишь в ноябре 1922 г.

Полный текст документа приводится ниже.

Клятва верности

Его королевскому Высочеству Эмиру ас-Саиду Мухаммеду Идрису аль-Махди ас-Сенуси, да защитит его Аллах!

Ваше Высочество осведомлено о разногласиях между нами и итальянским правительством, которые все еще существуют и которые состоят в их намерениях в разрушении наших правовых, политических и гражданских прав. Итальянское правительство с позиции силы манипулирует нашим будущим и нашими национальными правами. Мы являемся одной из лучших наций человечества, кто не приемлет несправедливости и не позволит ни лишить нас нашего шариата, ни допустить любого вида порока в нашу совершенную религию. Обстоятельство, которое поставило нас лицом к лицу к опасности и силой втянуло нас в непрекращающиеся войны и является несправедливым, будет тяготить нас до тех пор, пока мы не достигнем наших национальных устремлений — это создание конституционного правительства, возглавляемого мусульманским эмиром, представляющим три ветви власти: религиозную, политическую и военную, с палатой представителей, избираемых народом. Тогда наша страна будет в безопасности, наши религиозные дела станут совершенными, законы будут выработаны и провозглашены и наш шариат будет защищен. Это не противоречит целям, поставленным Италией, и планам, осуществляемым ее лидерами, но только в том случае, если они не оккупируют нашу страну с намерением эксплуатации, но пресс международной политики на Средиземноморье уже положил начало таким намерениям. Если бы их декларированные цели были искренними, то наша страна не была бы подвергнута такому варварскому разрушению, имеющему целью с помощью силы разделить страну и посеять хаос. Италия пытается различными путями разделить нацию, но Аллах не позволил бы ничего, кроме как соединить цели двух государств и вновь сплотиться вокруг Эмира, признаваемого обоими государствами. Поскольку Ваше Высочество происходит из знатного рода

и из одной самых благородных семей, а также сочетает в своем характере черты, достойные высокой похвалы, Центральная Организация реформ, которая представляет власти, избранные на конференции в Гарьяне, и которая представляет триполитанскую нацию (в результате действительных выборов), находит в Вас, Ваше Высочество, того Эмира, кто тверд и в состоянии объединить нацию, в кого верят и любят все. Поэтому Организация выражает свою преданность и дает клятву верности Вашему Высочеству и просит стать Эмиром обеих провинций, Триполитании и Киренаики, и повести их к реализации своих величественных исламских целей. Для нас является честью и гордостью предложить Вам нашу преданность. Наше общее желание было подписано представителями двух государств в Сирте. Причиной отсрочки нашей задержки были опасности войны, которые причиняют страдания и беспокойства каждому члену Организации и всем людям нашего государства, широкие районы которого охвачены войной. С признанием в нашей преданности (да пожелает Аллах!) становитесь любимым Эмиром обеих провинций. И позвольте, когда Вам угодно, нанести визит (согласно пожеланию нации), сплотиться вокруг позиции Вашего Высочества, что будет выражением и демонстрацией нашей преданности и верности.

Да позволит Аллах дать Вам дух свой и одарит Великий дом Сенуси своим благоденствием (дом, созданный по повиновению Всевышнего и для совершения хороших дел).

3-го числа месяца хиджры, 1341 года

Подписи:

Глава Центральной организации реформ Ахмед аль-Мараид, *Секретарь Ассоциации* Абдул Ар-Рахман Аззам.

Члены: Башир ас-Саадави, Хуссейн Бен Джабер, Мохаммед Фархат, Абдул ар-Рахман Збидах, Мохаммед ат-Тайиб, Салем аль-Бахбах.

Отман аль-Джезани, Омар абу-Даббуз, Мохаммед ас-Саддик бен аль-Хадж, Мохаммед Муктар Капар, Мохаммед Фкини, Аль-Свайе аль-Хайтони.

Представители общественности: Мохаммед ад-Диб, Мохаммед Суф, Омар Хабиль, Ахмед Штейви, Фархат аль- Хади, Халид аль-Гарагани, Ахмед ас-Сонни, Аль-Багдади бен Майуф, Мохаммед ас-Сагир аль-Мариад.

Командующий национальной армией Мохаммед Саадун[26].

Между тем итальянский губернатор Конте де Мартино, с которым Идрис наладил хорошие отношения, умер, и на его место был назначен другой, менее либеральный, который не испытывал никаких симпатий ни к сенуситам, ни лично к Идрису. К тому же Италия выразила недовольство объединением Триполитании и Киренаики, поскольку планы Рима строились на принципе «разделяй и властвуй». Сенуситы почувствовали, что политика итальянцев по отношению к ним начала резко меняться.

Характеризуя особенности политического устройства Триполитанской республики, американский исследователь новейшей истории Ливии Л. Андерсон отмечает четыре главных принципа, которыми руководствовались триполитанские националисты: достижение полной независимости, самоопределение, антиимпериализм и курс на продолжение арабского возрождения[27].

Непродолжительный период существования Триполитанской республики (1918–1922), которая была одной из первых попыток создания в Северной Африке национального суверенного государства, принес свои плоды в развитии социального и культурного обновления страны, прерванного в 1911 г. Росту патриотических настроений способствовала деятельность первой в стране политической партии — Партии национальных реформ, в печатном органе которой газете «Аль-Лива ат-тараблюс» («Триполитанское знамя», 1919) публиковались материалы, пробуждавшие у молодежи интерес к старинному наследию — средневековой культуре Триполи. Этим задачам служили читательские конкурсы, популяризовавшие творчество средневековых триполитанских литераторов, как, например, организованный в 1920 г. конкурс на лучшее тематическое развитие известной стихотворной строки Ибрагима аль-Ваддани (1042–1121) «Кто купит у меня день за ночь...»[28].

Значительным общественно-литературным явлением в это время стала деятельность родоначальника национальной драматургии, одного из ведущих представителей Триполитанской республики — Джемаль ад-Дина аль-Миляди (1882–1963), известного своими острокритическими статьями и патриотическими стихами, публиковавшимися в журнале «Аль-ислах»

(«Реформа»). Познакомившись еще в начале XX в. с просветительской драматургией Египта и Сирии, а также с переводами и переработками Корнеля и Мольера, аль-Миляди первым среди деятелей триполитанской нахды осознал особое значение театра как средства непосредственного общения с народными массами и донесения до них своих идей.

Аль-Миляди, ученик Мухаммеда Камиля Мустафы, руководствуясь задачами нравственного и патриотического воспитания молодежи, в начале 1920-х гг. организовал при одном из медресе Триполи театральный кружок. 26 августа 1920 г. по случаю окончания учебного года силами учащихся медресе была поставлена одноактная пьеса на стихи аль-Миляди «Жалоба страны» («Шаква аль-биляд»), которая сопровождалась хоровым пением. Эту дату принято считать днем рождения национального театра. В первой постановке аль-Миляди и последующих его сценических работах («Вечное счастье в религиозных беседах» — «ас-Саʿада аль-абадийа фи-ль-мухавара ад-динийа» и др.) поднималась тема любви и служения родине, готовности к самопожертвованию во имя ее блага и процветания и, главное, верности религиозному долгу и исламским предписаниям.

В начале 1920-х гг. большую популярность получили также песни аль-Миляди на антиколониальные сюжеты.

Новая социально-политическая обстановка в Триполитании вызвала к жизни и такое характерное для арабского просветительства явление, как переводческая деятельность. Внук известного триполитанского поэта XIX в. Ахмеда аль-Факиха Хасана, его полный тезка, Ахмед аль-Факих Хасан (1895–1975), знаток двух европейских языков — французского и итальянского, пытался организовать в г. Хомсе некое подобие бюро переводов «полезных книг» — научной и учебной французской и итальянской литературы. По его инициативе в городе также были созданы литературный клуб и вечерняя школа, которая была открыта для всех желающих получить образование и пополнить свои знания[29].

Успехи триполитанских республиканцев в борьбе за суверенитет и автономию активизировали движение патриотических сил в самом большом из городов Киренаики — Бенгази, где прогрессивная интеллигенция сплотилась вокруг основанного

в 1920 г. еженедельника «Аль-Ватан» («Родина») — органа сторонников радикальных политических реформ. Именно в этой газете начался творческий путь крупнейшего ливийского поэта XX в. Ахмеда Рафика аль-Махлави (1898–1961), на произведениях которого в колониальный и постколониальный периоды истории страны воспитывались и закалялись патриотические чувства широких народных масс.

Хотя деятели ливийской демократической общественности пытались по-своему реагировать на обстановку, политики вели свою игру, в которой каждый считал себя правым...

Эмиграция Идриса и ее последствия

Установление в Италии в 1922 г. фашистской диктатуры Б. Муссолини прервало мирный этап развития национально-освободительного движения ливийского народа. Антиколониальная борьба вновь, как и десять лет назад, приобрела характер открытой конфронтации с итальянскими оккупантами. Большинство лидеров Триполитанской республики и активных участников патриотического движения в Киренаике, в том числе Сулейман аль-Баруни, Джемаль ад-Дин аль-Миляди и Ахмед Рафик аль-Махдави, вынуждены были эмигрировать в Турцию, Египет и другие арабские страны, что нанесло большой урон социальному и культурному развитию страны.

Рим потребовал от И. ас-Сенуси не принимать присяги триполитанцев и отказаться от сотрудничества с ними. Идрис не согласился на это. Такой ответ настроил против него Италию. Вслед за этим она потребовала, чтобы он отобрал оружие у арабских племен. И. ас-Сенуси отказался сделать это, сославшись на то, что у бедуина оружие ценнее жизни. Но Идрис ас-Сенуси по-прежнему колебался, опасаясь обострения отношений с итальянцами, но одновременно понимал, что его отказ может оттолкнуть от сенуситов часть симпатизировавших им триполитанских лидеров. К тому же резко менялась международная обстановка. Итальянские фашисты не скрывали, что намерены не церемониться с ливийцами. Война становилась неизбежной. Как предлог итальянцы использовали Декларацию

комитета от 28 июля 1922 г., позволившую им начать военную кампанию против «предателей». Людей, входивших в состав комитета, преследовали и арестовывали.

И 22 ноября 1922 г. под большим давлением своих советников Идрис ас-Сенуси принял под свою власть Триполитанию, о чем уведомил их в ответном послании. «Считаю своим долгом, — написал он, в частности, — пойти навстречу вашей просьбе и возложить на себя бремя великой ответственности за всю нацию... Я намереваюсь оставить все дела в таком положении, как они есть, пока не соберется национальная ассамблея и не определит строй страны...»[30]

Триполитанцы надеялись, что Идрис немедленно окажет им военно-политическую поддержку, пришлет продовольствие и оружие, объявит войну Италии... Но ничего этого не случилось. Окружение эмира раскололось на две группировки, из которых одна выступила за начало военных действий против итальянцев и действительно организовала несколько стычек с ними[31], другая настаивала на продолжении сотрудничества с итальянскими властями и заняла выжидательную позицию в отношении триполитанцев, особенно в части, касавшейся выполнения перед ними взятых обязательств. Эмир не нашел достаточно аргументов и средств, чтобы противопоставить им свое мнение или предпринять какие-то действия со своей стороны. Оттяжка в оказании помощи Триполитании грозила подрывом авторитета Идриса в глазах как триполитанцев, так и киренаикцев. Объявление новой войны Италии было бессмысленным, так как армия Идриса не была боеспособной, да и у власти эмир удерживался не за счет наличия у него сильных воинских формирований, а за счет политического лавирования как в отношениях с итальянцами, так и с местными лидерами. На сей раз излюбленный Идрисом метод компромиссов исчерпал себя, но пойти на решительные действия он не отважился.

В результате после консультаций со своими советниками и Абдул Рахман аль-Аззамом в декабре 1922 г. Идрис ас-Сенуси принял решение уехать из страны, так как считал, что он уже не в состоянии что-либо изменить. Кроме того, предыдущие семь лет напряженной жизни требовали хоть какой-то передышки, и он объявил, что нуждается в лечении, и отправился

сначала в оазис Джагбуб, а затем в Каир (откуда он вернется через 20 лет)[32]. Кроме лечения, И. ас-Сенуси намерен был встретиться с египтянами, рассказать им о положении в Киренаике и попросить помощи.

Неожиданная эмиграция Идриса вызвала неоднозначную оценку как его современников, так и потомков. Триполитанцы были разочарованы его поступком. Это было «бегство и предательство национальных интересов», как потом напишет ливийский историк Тагер аз-Зави[33]. Киренаикцы, особенно те из них, кто знал, сколько усилий он приложил, чтобы предотвратить их подчинение иностранным завоевателям, отнеслись с пониманием, не отвернулись от него. С точки зрения сохранения национальных сил и возможности продолжения борьбы мирными средствами в эмиграции — поступок Идриса был политически разумным. За шесть лет до этого то же был вынужден сделать и Аш-Шериф. Вместо себя Идрис оставил членов сенуситской семьи — своего младшего брата Мухаммеда ар-Рида в Киренаике и Сафи ад-Дина в Адждабии. Но они не обладали тем авторитетом, который был у И. ас-Сенуси.

Решение об отъезде Идриса из Киренаики в Египет было принято им добровольно. Однако причина этого лежала в проблемах с итальянским правительством, которые он не мог преодолеть. Договор в Эр-Раджме оказался неудачной попыткой урегулирования отношений между итальянцами и сенуситами, который, по существу, так и не был реализован. Более того, не было никакой надежды на его действие после прихода к власти фашистов.

Сенуситскому эмиру не было места при фашистском режиме: оставаясь в Ливии, Идрис подвергнулся бы аресту и пересылке в Италию. А возглавить партизанское движение он был не в состоянии. Его значение для ливийцев состояло в его престиже в глазах арабского мира как главы сенуситского ордена, опытного политика и мастера ведения переговоров. Высылка Идриса в Италию означала бы конец сенуситского движения, быстрое покорение Киренаики и подчинение ее Италии. Его присутствие в Египте служило источником поддержки для киренаикцев, воодушевляло на сопротивление и сохраняло хотя и призрачную, но надежду на свободу[34].

Оставшиеся в Адждабии члены триполитанской делегации (в их числе был и Башир ас-Саадави) добились согласия эмира на создание до его отъезда Центральной организации Киренаики (наподобие Центральной организации реформ Триполитании), и она была даже образована из вождей племен во главе с шейхом Мухтаром аль-Гадамси. Это был чисто формальный акт. Старая междоусобная война лидеров Киренаики за власть после отъезда Идриса вспыхнула с новой силой, и уже никто из них не думал о совместных выступлениях против итальянцев. А они, воспользовавшись сложившейся в стране обстановкой, возобновили военные действия, захватили сначала Ефрен, а в ноябре 1922 г. и Гарьян, считавшийся столицей республики. Триполитанские вооруженные отряды ничего не могли сделать с превосходившим противником, численность которого была доведена до 30 тыс. человек[35].Они начали рассеиваться по стране, образуя очаги сопротивления. Члены Центральной организации реформ, уйдя из Гарьяна, сумели добраться до Гаср-Бу-Хади, однако между ними возникли серьезные разногласия, преодолеть которые так и не удалось.

В конце января 1923 г. итальянские войска, получив значительное подкрепление, приступили к ликвидации очагов сопротивления и расширению зоны своего влияния в Триполитании. Были захвачены Гаср-Хияр, Бу-Аркуб, Тархуна. 20 февраля оккупанты овладели Злитеном, 26 февраля — Мисуратой. В декабре 1923 г. итальянцам удалось занять Вурфалу. В середине 1923 г. слова «Триполитанская республика» больше не произносятся. Наступление итальянцев требовало принятия коллективных контрмер, но ливийских лидеров словно загипнотизировало местничество. Прибывший в июле 1923 г. в Вади-Нафр Сафи ад-Дин пытался совместно с Баширом ас-Саадави организовать единый фронт борьбы с итальянцами, наступавшими на Сирт, но и они столкнулись с большими трудностями из-за неразберихи и упрямства многих местных вождей. Находившийся в Бени-Улиде Абдель Наби Бельхейр, например, вообще открыто сотрудничал с итальянцами. Сейф ан-Наср, отдав свои войска в распоряжение Башира ас-Саадави, уехал в Сирт, а оттуда — в Эль-Джофр. В Эль-Вашку отправился и Ахмед аль-Мурайид, формально остававшийся руководителем Триполитанской

республики. О своем нейтралитете объявили вожди некоторых племен, словно наступление итальянцев их не касалось. Их войска подходили к Сирту, а племена, населявшие этот район, по-прежнему враждовали между собой.

В этих условиях итальянцы, подавляя отдельные очаги сопротивления, в течение 1923 г. оккупировали все основные населенные пункты Триполитании, заставив тех, кто пытался воевать с ними, уйти во внутренние районы Сахары, где они не представляли опасности для оккупантов. Сафи ад-Дин вернулся в Киренаику. Уехала из страны и группа ведущих лидеров Триполитании. Вслед за Идрисом разбежались и другие вожди, испугавшись за собственную безопасность и фактически оставив бедуинов пустыни одних перед оккупантами.

А укреплению их позиций в Ливии способствовала и международная обстановка. 24 июля 1923 г. состоялось подписание Лозаннского мирного договора представителями Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, с одной стороны, и Турции — с другой. Договор провозгласил мир между Турцией и державами Антанты, установил свободный проход военных и коммерческих судов через Дарданеллы и Босфор и в военное время, а также демилитаризацию указанных проливов.

Над пустынными просторами Ливии повеяло холодным ветром фашистской оккупации. Отметим, что перед лицом серьезной опасности ливийцы впервые предприняли практические шаги по национальному объединению Триполитании и Киренаики. В обеих провинциях были сформированы правительства и начали предприниматься меры по координации борьбы с общим врагом. В любом случае крах Триполитанской республики был в значительной степени предопределен разногласиями между ее лидерами.

Омар аль-Мухтар — последняя надежда муджахедов (1923–1931 гг.)

После установления в октябре 1922 г. фашистской диктатуры в Италии уже в январе 1923 г. из Рима прибыл новый, теперь уже

фашистский, губернатор Киренаики генерал Л. Бонджиованни, которому Б. Муссолини приказал во что бы то ни стало подавить сопротивление арабского населения[36]. К моменту прибытия нового наместника итальянцы удерживали только 20 опорных пунктов в прибрежной полосе, а остальная часть провинции находилась в руках сенуситов. В начале марта Бонджиованни пригласил к себе Мухаммеда ар-Рида ас-Сенуси, выполнявшего обязанности главы братства после отъезда Идриса, и потребовал ликвидации военных лагерей киренаикцев, на что получил отказ. Тогда 6 марта итальянцы напали на лагеря в Эль-Абъяре, Такнисе, Слонте, Эль-Мичили и Акроме и арестовали всех находившихся там сенуситов.

Крупные воинские части итальянцев двинулись на Аджда-бию и 21 апреля захватили ее, а также атаковали другие населенные пункты, находившиеся в 40–50-километровой прибрежной полосе. При этом итальянцы разрушали дома, убивали местных граждан, сбрасывали бомбы на караваны, стремясь, как писал Эванс-Причард, «вселить ужас в сердце скотоводческого населения Киренаики»[37].

24 апреля 1923 г. Л. Бонджиованни объявил, что Италия расторгает в одностороннем порядке все соглашения, заключенные с сенуситами, а 3 мая об этом был уведомлен находившийся в Египте эмир Идрис ас-Сенуси[38].

Патриоты стали подтягиваться к Завиет аль-Атуфу, находившемуся к югу от столицы. Тогда итальянцы направили туда военную экспедицию в составе 5 тыс. солдат, 100 броневиков и тяжелой артиллерии. Под Завиет аль-Атуфом произошел бой с ливийскими племенами, и итальянцы отступили.

Начались боевые действия, в которые оказались втянуты все кочевые киренаикские племена. Поскольку на открытом пространстве в пустыне и в оазисах Сахары воевать с итальянцами было трудно, центром сопротивления стал большой лесной массив Зеленых гор (Эль-Джебель эль-Ахдар), где сопротивление бедуинов возглавил видный киренаикский деятель, участник боев с итальянцами в 1911–1916 гг. и сенуситский назир (инспектор) в Эль-Абъяре и Такнисе Омар аль-Мухтар.

Он родился в 1862 г. в небольшом селении Джанзур, в 90 км восточнее города Тобрук, где провел детство и юношеские годы.

Когда Омару было 16 лет, умер его отец Ахмед аль-Гарьяни аш-Шамиси — видный местный религиозный деятель. В 1878 г. Омар аль-Мухтар переехал в оазис Джагбуб, где в течение 8 лет совершенствовал религиозное и светское образование. Затем он был послан в отдаленный оазис Куфра, где ему было поручено возглавить сенуситскую завию. Там он впервые получил боевое крещение, участвуя в боях с французскими колонизаторами. В 1902 г. Омар аль-Мухтар, вернувшись в Эль-Джебель-эль-Ахдар, был назначен шейхом одной из завий. В 1911 г. он активно включился в борьбу с итальянцами, стал ведущим деятелем сенуситов и национального сопротивления. За его голову итальянцы еще тогда обещали большие деньги[39]. Омар аль-Мухтар был бесстрашным и непоколебимым старым воином, который стал легендарным героем сенуситского сопротивления в 1923–1931 гг. Партизаны, которыми он командовал, были из киренаикских племен — абид, авакир, брааса, дорса, убейдат, хаса и махарба — все они гордились своим арабским происхождением. Они были костью в горле итальянской экспансии, достигали больших успехов и никогда не были завоеваны. Они считали себя свободными людьми, защищавшими свою страну от иностранных агрессоров, которые отнимали у них землю и свободу. Наиболее известными из них были Фадиль Бу Омар, Юсиф бу Рахи аль-Масмари, Осман аль-Шами, Иса аль-Вахвах, Салех паша аль Атейвиш, Мухаммед бу Наджва, шейх Абдул Хамид аль-Аббар, Хусейн аль-Джувафи и Ахмед Сейф аль-Наср. Многие из них погибли в боевых действиях, некоторым удалось добраться до Египта, чтобы позднее присоединиться к арабским силам в 1940 г.[40]

Будучи сторонником сенуситского движения, Омар аль-Мухтар отстаивал принципы единства, выступал против местнических тенденций, считая, что главной задачей является борьба с иностранной интервенцией, а не соперничество одного клана сенуситов с другим. Назначенный в Эль-Абъяр и Такнис на должность назира сенуситов в те годы, когда сенуситское движение пошло на убыль, он чувствовал, что спад национально-освободительного движения за независимость является временным, и готовился к новым сражениям. По его инициативе создавались небольшие подвижные формирования,

рассредоточенные по всей территории Зеленых гор, которые и стали играть основную роль в партизанской войне против итальянцев.

Омар аль-Мухтар был среди тех сенуситов, которые выехали вместе с Идрисом в Египет. После нескольких месяцев пребывания в эмиграции и обсуждения всех возможностей Идрис пришел к выводу, что политические усилия были бы бесполезны и не имели бы отзвука на международной арене до тех пор, пока в стране нет масштабного и мощного сопротивления. Омар аль-Мухтар сам вызвался на роль организатора такого сопротивления в Киренаике, что соответствовало его личности, возможностям и устремлениям. Он вернулся в Ливию после заключения договора с Идрисом о распределении обязанностей и детального плана их совместно разработанной стратегии — Омара аль-Мухтара по организации сопротивления внутри страны, Идриса — по принятию политических решений за ее пределами[41].

Возвращение Омара аль-Мухтара в Ливию означало возрождение и поддержку военного сопротивления колонизаторам на уровне, достаточном, чтобы привлечь внимание международного сообщества и дезорганизовать итальянцев столь долго, сколько это окажется возможным. Национальное сопротивление должно было обеспечить Идриса таким политическим весом, который позволил бы ему вывести ливийский вопрос на международный уровень переговоров об освобождении страны от итальянской колонизации. Омар аль-Мухтар был умным и прагматичным человеком и понимал, что в сложившейся ситуации необходимы совместные усилия на военном и дипломатическом фронтах[42]. Он сознавал, что роль военного сопротивления формирует очень важную составляющую их общего плана по освобождению страны.

Открытым остался вопрос о распределении обязанностей между Мухаммедом Идрисом и Омаром аль-Мухтаром в принятом плане по освобождению страны. Младшему из двух сенуситских лидеров — Идрису — было тридцать с небольшим лет, а старшему — на двадцать лет больше. Почему более сложную дипломатическую часть, успехи в которой приходят с опытом и возрастом, взял на себя Идрис с согласия Омара? Возможно,

молодой сенуситский лидер принадлежал к новой формации политических деятелей XX в., которые кроме глубоких внутренних религиозных убеждений еще и осознавали место своей национальной идентичности среди других...

Международная обстановка к тому времени складывалась таким образом, что вчерашние союзники по Антанте, разделив сферы влияния на севере Африки, начали активно укреплять там свои позиции. К окончательному удару по патриотическим силам Ливии приготовилась и Италия. Казалось, никто не мог этому помешать. Но такая помеха нашлась — это была Советская Россия. Ее голос был единственным, но твердым, и он звучал не только из Москвы, но, пробив политическую обструкцию Запада, вышел на международную арену.

Это случилось на Лозаннской конференции, проходившей с 20 ноября 1922 г. по 24 июля 1923 г. по вопросам Ближнего Востока. Впервые после Октябрьской революции участвовала советская делегация, заявившая, что намерена придерживаться принципов поддержки права наций на самоопределение[43], и подвергшая резкой критике Севрский договор, навязанный Турции силой со стороны Антанты. Советская делегация отказалась признать те статьи Севрского договора, в которых закреплялось колониальное господство Италии над Ливией, а Великобритании и Франции — над другими бывшими владениями Османской империи, что вынудило в конце концов западные державы изъять из Лозаннского договора положения о формальном признании колониальных протекторатов в Северной Африке[44].

Омар аль-Мухтар был уверен, что его соотечественники воспрянут духом, продолжат борьбу. Он взял на себя смелость возглавить национальное движение за независимость, имея на этот счет только устное соглашение и общий план действий с эмиром, хотя некоторые западные историки (например, М. Хаддури) пытались позже утверждать, будто он имел и письменное соглашение с Идрисом[45].

В ответ на тактику выжженной земли, которую применило итальянское командование, и на зверские расправы оккупантов над местным населением, Омар аль-Мухтар поднял на борьбу против врага все население Киренаики, поддержавшее призыв

к народному сопротивлению, к отмщению — кровь за кровь. Он принял такой план. О. аль-Мухтар укрепляется в горах Джебель аль-Ахдар (Зеленые горы), шейх Салих аль-Атъюш создает базу в Аль-Бурейке и создаются военные центры в Дерне, Шемаше, в горах Джебель аль-Ахдар и в Аль-Хаджаре.

Борьба продолжалась. Произошли бои в Ар-Рухейбе и Акыдат аль-Матмуре, закончившиеся поражением итальянцев. Это повысило авторитет О. аль-Мухтара среди населения. Рим направил в качестве главнокомандующего генерала Р. Грациани. Он разработал следующую программу подавления восстания: окружить основную базу восстания в Джебель аль-Ахдаре и захватить ее, прервать всякую связь восставших с внешним миром, захватить оазис Джагбуб и окружить его барьером из колючей проволоки.

Хотя итальянцы и господствовали на большей части Киренаики, Зеленые горы стали для них крепким орешком. Там хозяевами были патриоты, возглавлявшиеся мужественным и смелым вождем. Он разрабатывал и координировал операции, осуществлял административные функции, даже собирал налоги с населения, чтобы на полученные деньги приобретать оружие и продовольствие в соседнем Египте. Во главе отрядов, численность которых не превышала 300 человек, были поставлены известные местные вожди, которых знал народ, и они были неуловимы. Итальянцы, окружившие весь массив гор, решили медленно сжимать кольцо, методически бомбить места скопления населения. В занятых ими населенных пунктах они установили драконовские порядки. Но ливийцы были непокорны, и война явно затягивалась. Только к концу 1924 г. итальянские части установили контроль над западными склонами Зеленых гор. В апреле 1925 г. началось их продвижение вглубь Эль-Джебель-эль-Ахдара, к югу от Бенгази, но военные успехи были явно мизерными, что вынуждало Рим отправлять на север Африки все новые и новые воинские контингенты. Со стороны Италии, подписавшей 24 июля 1923 г. Лозаннский мирный договор, это был открытый разбой, попрание международных прав, что в те годы непримиримо разоблачалось только Советским Союзом. «Фашизм есть метод создания откровенной... неприкрытой буржуазной диктатуры военного образца...,

твердой власти, которая необходима капиталу для преодоления экономического и социального кризиса», — писала «Правда» 4 ноября 1922 г.

В отличие от Киренаики, упорно боровшейся за свою независимость, Триполитания досталась итальянцам гораздо меньшими усилиями. К 1925 г. Италия установила полный контроль над северной частью Триполитании. В Киренаике генерал Момбелли организовал линию укрепленных позиций вдоль границы пустыни с целью обеспечения базовых пунктов для колонн, которые продолжали атаковать арабские лагеря и захватывать большое количество домашнего скота. В результате этих операций итальянцы подчинили несколько племен. Однако киренаикцы не только не смирились с этим, как это сделали триполитанцы, но и организовали партизанское сопротивление, которое держало в напряжении хорошо вооруженные итальянские силы общей численностью 20000 человек. Противостоявшие им отряды киренаикских племен никогда не превышали 2000 человек. Они были вооружены винтовками старого образца и не имели должного обеспечения и оборудования, но были в состоянии сопротивляться этим силам в течение нескольких лет, воодушевленные сенуситскими идеями и твердым и независимым моральным духом. Киренаикцы, не в пример триполитанцам, так и не сумевшим преодолеть местнические распри, были объединены сенуситами в борьбе за национальное освобождение.

Омару аль-Мухтару и руководимым им партизанским отрядам, состоявшим в основном из неграмотных бедуинов, было, конечно, нелегко сражаться с европейской армией, применявшей самое современное вооружение, включая самолеты и танки. Фашисты создали ряд фортов вокруг Зеленых гор, организовали патрулирование на дорогах Киренаики, перекрыли пути снабжения патриотов оружием и продовольствием. К операции по изоляции непокоренных племен Эль-Джебель-эль-Ахдара можно отнести и план захвата оазиса Джагбуб, колыбели сенуситов, что должно было сломить сопротивление, как полагал новый губернатор Момбелли, сменивший в 1924 г. Бонджиованни. В этой связи Италия обратилась в 1924 г. к Великобритании с просьбой заставить правительство Египта уступить

Италии оазис Джагбуб, который с давних времен был египетским. Уговорить короля Фарука пойти навстречу требованиям Рима не составило труда, ибо он был итальянцем по духу, чувствам и мыслям. Премьер-министр Ахмед Зивар-паши передал оазис Италии. 6 декабря 1925 г. было подписано соглашение с Египтом о передаче Джагбуба под управление Италии, которое заменило договор, заключенный между Италией и Великобританией в 1921 г. и подтверждавший, что граница между Ливией и Египтом проходит через Джагбуб[46]. Со стороны Рима это был захватнический акт, рассчитанный на обуздание сенуситского руководства, с одной стороны, и блокирование караванных путей — с другой, с целью нанесения «удара в спину повстанцев в Ливии», как напишет позже египетский историк М. аш-Шанити[47]. Уступка оазиса ущемляла интересы Египта, но это было безразлично Великобритании, хозяйничавшей на берегах Нила и одновременно лояльно относившейся к действиям Италии на территории Ливии.

Момбелли начал подготовку к захвату Джагбуба, а сменивший его в конце 1926 г. генерал Теруцци отправил туда 2,5 тыс. солдат, 8 взводов бронеавтомобилей и 12 самолетов, чтобы претворить план в жизнь[48]. 5 февраля итальянский самолет сбросил над Джагбубом листовки с призывом к населению сложить оружие и с обещанием, что за это будут сохранены сенуситские «святые места». 6 февраля в оазис без сопротивления вошли войска оккупантов, где они разыграли фарс с поднятием итальянского флага, что было сделано в присутствии некоторых именитых сенуситских лидеров, которые сотрудничали с колониальными властями[49].

Итальянцы на границе поставили заграждения из колючей проволоки, пропустив через нее ток. Их целью было прервать контакты между освободительным движением Киренаики и Египтом. Затем итальянские механизированные колонны направились для захвата вади Эль-Куфра, являвшегося главной артерией, питавшей партизан Эль-Джебель-эль-Ахдара с юго-востока. Но итальянцы встретились там с довольно организованным сопротивлением, и только после 80 дней упорных боев они сумели (к лету 1927 г.) оккупировать этот район, оттеснив партизан к югу. К этому же времени итальянское

командование установило контроль и над дорогой Бенгази — Дерна, что значительно облегчало снабжение войск, действовавших против отрядов Омара аль-Мухтара в центре Зеленых гор.

Осада Эль-Джебель-эль-Ахдара, потеря Джагбуба и Эль-Куфры, питавших повстанцев, весьма осложнили их положение и их борьбу. Поредели и отряды патриотов, потерявшие только в период с апреля по сентябрь 1927 г. около 1100 человек[50]. С помощью облав и полицейских акций итальянцам только с мая 1927 г. по февраль 1929 г. удалось изъять у местного населения 37755 единиц стрелкового оружия[51]. Однако праздновать победу в Риме не торопились, так как Омар аль-Мухтар продолжал борьбу, нанося более редкие, но зато чувствительные удары, чем поддерживал веру населения в то, что сопротивление не сломлено.

К тому времени в действиях итальянских войск стала наблюдаться тенденция побыстрее установить контроль над всей территорией Ливии, оставив пока изолированными те районы, где находился непокоренный Омар аль-Мухтар. Борясь с сопротивлением в северной части страны, оккупанты и раньше стремились как можно глубже проникнуть на юг. В Триполитании они к 1924 г. вышли на линию 31-ой параллели, почти не встретив организованного сопротивления, причем контратаки со стороны отдельных племен подавлялись очень жестоко, вплоть до применения отравляющих веществ и газовых бомб. В Киренаике главной целью захватчиков было установление контроля над прибрежной зоной, граничащей с Зелеными горами, чтобы полностью отрезать от нее Омара аль-Мухтара. Одновременно они пытались овладеть и югом страны, хотя особого беспокойства от него они не испытывали.

К осени 1927 г. военные действия по подавлению сопротивления в восточных районах Триполитании, в районе Сиртики, свелись к ударам вдоль моря с целью отсечения оазисов Эль-Джофра и Джало. Продвижение носило название «Операционная линия 29 параллель». План начал осуществляться с января 1928 г. Одна итальянская колонна двинулась из Буэрат-эль-Хсун (80 км западнее Сирта), вторая из Адждабии. Организовать отпор итальянцам было некому, так как Мухаммед ар-Рида,

оставшийся за Идриса ас-Сенуси, сначала бежал из военного лагеря Джало, а затем сдался в плен в Аджабии[53]. Другие бежали дальше, в оазис Куфра, откуда посылали гонцов с письмами к итальянцам в надежде на их снисходительность. У членов семьи Ас-Сенуси, претендовавших на сенуситский престол, не оказалось, как писал Эванс-Причард, даже обычной бедуинской гордости, не говоря уже о том, что они просто предали своих подопечных[54].

13 января 1928 г. итальянские войска овладели Рас-Лануфом, применив против защищавшихся ливийцев самолеты и бронемашины и превратив в руины их жилища. В феврале они заняли оазисы Эль-Джофра и Джало, окружив таким образом беспокойные районы Сиртики, и устремились дальше — к оазисам Тазербо и Куфра. За пять месяцев 1928 г. итальянцы захватили территорию около 150 тыс. кв. км[55], но это не означало, что они стали ее полновластными хозяевами.

Бедуины, хотя и были разрозненны, дрались с оккупантами храбро и отчаянно. Даже в районе Сиртики, где итальянцы создали 8 военных баз[56], патриоты проводили дерзкие операции. Так, 25 февраля 1928 г. они напали на колонну итальянцев около Магрифета (100 км севернее Зелла), в которой находился командующий экспедиционным корпусом генерал Р. Грациани. Бой длился 7 часов. Ливийцы потеряли 250 человек убитыми[57], но они нанесли чувствительный удар итальянцам. После этого Р. Грациани уже не решался на столь рискованные «прогулки», хотя и продолжал докладывать в Рим о «полном торжестве итальянского оружия в Ливии», вызывая неописуемую радость фашистского руководства[58].

Между тем активную партизанскую войну вели не только патриоты прибрежных районов, но и глубинных областей Триполитании и Киренаики, особенно в оазисах Тазербо и Куфра, на юге Гибны и Хаммады-эль-Хамры, в вади Эш-Шати, а также в Гате, Туммо и Мурзуке[59]. Итальянцам пришлось там отказаться от практики посылки колонн для захвата определенных пунктов или оазисов (на них часто нападали бедуины), и они открыли «сахарский фронт», линия которого протянулась с запада на восток, от Гадамеса (он был захвачен еще в 1923 г.) через Сохну, Аужилу до Джагбуба.

Конечно, если бы силы бедуинов были объединены, то они добились бы большего. Это пытался сделать, в частности, Сейф ан-Наср в вади Эш-Шати, откуда он с вождями местных племен хотел организовать контрнаступление с целью освобождения Джебель-Нефуса. Но неоткуда было получить ни помощи, ни оружия, пока собирались — упустили время. В течение 1928–1929 гг. итальянцы создали в Южной Триполитании ряд укрепленных районов, перебросили туда подкрепления, самолеты и бронемашины, блокировали караванные пути, в пустынных районах отравили колодцы, разоружили непокорные племена. К лету 1929 г. район Хамада-эль-Хамра был оккупирован, 26 мая в битве при Эш-Шувейрефе (юго-западнее Бу-Нджема) потерпели поражение и отряды Ахмеда ан-Насра, которые были вооружены лишь легким стрелковым оружием, да и то в недостаточном количестве. Сам Ахмед ан-Наср с остатками сил ушел на юг[60].

В марте 1929 г. в Ливию прибыл маршал П. Бадольо, начальник генштаба Италии[61]. Он впервые был назначен единым губернатором Киренаики и Триполитании и главнокомандующим всех оккупационных сил. Ему предписывалось в кратчайший срок завершить оккупацию Ливии, где Италия уже почти два десятилетия вела колониальную войну. Его первыми словами после вступления на ливийскую землю были: «Надо, чтобы каждый из местных жителей твердо усвоил, что мы здесь и что останемся здесь навсегда»[62]. Бадольо выпустил листовки с призывом к местным племенам сдаться на милость итальянцев и с угрозами в адрес тех, кто будет продолжать борьбу. Тысячи таких листовок были разбросаны по всей территории страны[63]. Одновременно он заявил, что намерен завершить «последний этап» колонизации Ливии.

Апогей сенуситской драмы

Этот этап начался с захвата южных районов Триполитании и Феззана, где итальянская колониальная машина давно буксовала в песках. В ноябре 1929 г. началось наступление из Эш-Шувейрефа. На юг направилась 2,5-тысячная колонна войск

во главе с Р. Грациани, на пути которой находились 1,5 тыс. обессиленных, измотанных походами бедуинов. Кое-где они пытались оказывать сопротивление, но силы были явно неравными. 5 декабря итальянцы заняли Брак, 14 декабря — Себху, 9 января 1930 г. — оазис Умм-эль-Аранеб. 13 января в районе Вади-эль-Кебир произошло сражение с воинственным племенем аулад сулейман, которое было разгромлено. 20 января колонна Р. Грациани достигла Мурзука, столицы Южного Феззана, откуда начинались безжизненные пески пустыни Идехан-Мурзук.

Вторая колонна итальянских войск выступила из Дерджа в направлении Эдри и, преодолев пустыню Хамада-эль-Хамра и пески Идехан-Убари, прибыла 21 января 1930 г. в конечный пункт, откуда выступила на Убари и в феврале достигла его.

Из Мурзука и Убари итальянцы, соединившись, двинулись на юго-запад, к границам Алжира, и 15 февраля достигли пограничного пункта Гат. Наступая далее вдоль границ с Алжиром и Нигером через пески Идехан-Мурзук, итальянские войска в течение марта оккупировали район Харрук и Туммо[64] — крайние южные точки Ливии, около которых уже находились французские части, молчаливо, но бдительно наблюдавшие за действиями своих бывших союзников по Антанте, находясь в полной готовности пресечь разыгравшиеся колониальные аппетиты итальянских фашистов. С французами Рим, естественно, вступать в конфронтацию не собирался (позднее, 1 июля 1935 г., между Италией и Францией было заключено соглашение о разграничении французских, в Чаде, и итальянских, в Ливии, колониальных владений, которое подтвердило итало-французское соглашение по этому вопросу от 9 августа 1919 г.)[65].

На этом была закончена операция итальянских войск на юге Триполитании и в Феззане, в результате которой они оккупировали 250 тыс. кв. км ливийской территории[66]. Многие бедуины, жители песков Идехан-Убари и Идехан-Мурзук, которых П. Бадольо, кроме листовок, пытался принудить к сдаче еще и силой оружия, но для которых пустыня Сахара была родиной, так и не сдались на милость победителям, а ушли в Алжир, Тунис, Нигер и Чад, откуда продолжали борьбу, нередко предпринимая дерзкие набеги на гарнизоны оккупантов. Однако сопротивление их пошло на убыль.

Итальянцы торжествовали победу, утопив в крови борьбу патриотов Центральной Сахары, но это была только часть территории Ливии. В Зеленых горах Киренаики еще сражался Омар аль-Мухтар...

После того как Мухаммед ар-Рида, назначенный Идрисом вместо себя перед отъездом в 1922 г., добровольно сдался итальянцам в 1928 г.[67], Омар аль-Мухтар стал официальным (хотя до этого являлся фактическим) главой сенуситского братства, и даже падение Сирта не поколебало его непримиримости к оккупантам.

Но силы были неравными. Итальянские самолеты буквально зависли над районами действий партизан, пытаясь определить их сосредоточение. Были блокированы все дороги и пути снабжения. Зеленые горы покрывались колючей проволокой и военными фортами. Оценив обстановку, Омар аль-Мухтар перенес свои действия в дебри лесов Шнайшана и Вади-Махаджа, сорвав тем самым план его окружения и разгрома, но этим он только временно достиг облегчения своего положения. Партизанские отряды, отбиваясь от преследования, уходили вглубь Зеленых гор или, наоборот, пытались прорвать блокаду и уйти в пустыню. Между ними нарушилась связь и согласованность действий. Они были истощены и измучены. Из-за боевых действий поля оставались незасеянными, урожай — несобранным, а скот отбирали оккупанты. Возникли недовольство, а с ним и распри между повстанцами. Явно наметился спад борьбы.

В этих условиях Омар аль-Мухтар испытал на себе двойное давление. Одно исходило от П. Бадольо, который 1 марта 1929 г. предложил ему как руководителю сенуситов договориться об условиях мира, рассчитывая на выигрыш времени. Для Омара аль-Мухтара эта тактика итальянцев была не новой, но и он, видимо, надеялся, что перемирие позволит ему перегруппировать свои силы. Неожиданно дал о себе знать и Идрис ас-Сенуси. Эмир предложил Омару аль-Мухтару приехать хотя бы на время в Египет. На это Омар аль-Мухтар ответил: «Я не покину Эль-Джебель-эль-Ахдар, пока я живу. И я не дам покоя итальянцам здесь до тех пор, пока мой прах не будет погребен в земле»[68].

Учитывая, однако, безвыходность своего положения, Омар аль-Мухтар решил пойти на переговоры с П. Бадольо, выдвинув ряд условий, содержавшихся в «Основном законе» для Киренаики и в соглашениях, заключенных в Акроме и Эр-Раджме, которые в свое время не были соблюдены итальянцами и на выполнении которых теперь настаивал вождь повстанцев. П. Бадольо согласился с этими условиями, и 19 июня 1929 г. в Сиди-Рахиме, недалеко от Барки, состоялась их встреча. Арабские и европейские источники по-разному оценивают их результаты. Э. Кондоль указывает на арабское изложение тех переговоров: предложения ливийцев содержали требования о невмешательстве итальянцев в мусульманские районы, признание арабского языка, открытии религиозных и частных школ, в которых в равной мере преподавание велось бы на арабском и итальянском языках, возвращении всей конфискованной собственности, разделении государственных назначений между итальянцами и арабами и свободном владении оружием. Эти предложения были зачитаны вслух, и Бадольо пообещал согласиться с ними.

Итальянцы утверждали, что список их предложений был передан Омару аль-Мухтару, которые он нашел приемлемыми, но впоследствии отверг, и ничего не говорили о предложениях сенуситов. Чья версия ни была бы верной, не вызывает сомнения, что официальный итальянский отчет о встрече вводил в заблуждение, так как утверждал, что Омар аль-Мухтар признал безоговорочную капитуляцию[69]. Ливийские историки Абдель Хафез аль-Мийяр и Ахмед аль-Язури, переводившие «Историю Ливии» Дж. Райта на арабский язык, утверждают, будто бы «переговоры о мире зашли в тупик из-за разногласий по вопросу о будущем Идриса», которого Омар аль-Мухтар отказывался считать главой Ливии[70]. Итальянцы в те же дни выпустили листовку, в которой П. Бадольо объявил, будто Омар аль-Мухтар согласился признать требования правительства Италии, если оно объявит амнистию всем жителям Киренаики[71], что было сделано, по-видимому, специально с целью подрыва престижа руководителя повстанцев.

Определенная договоренность, вероятно, была достигнута, так как примерно через месяц состоялась встреча Омара аль-Мухтара с вице-губернатором Сичилиани, на которой было

согласовано место подписания «мирного соглашения» — Бенгази. По поручению Омара аль-Мухтара это соглашение подписывал Хасан ар-Рида ас-Сенуси, которого итальянцы склонили на свою сторону. Но, как выяснилось, Хасан ар-Рида ас-Сенуси подписывал совсем другой документ, а не тот, который был согласован между Омаром аль-Мухтаром и П. Бадольо. В нем, в частности, не только отсутствовали пункты, оговоренные Омаром аль-Мухтаром на встрече с Бадольо, но и предписывалось ливийцам сдать оружие и перейти в подчинение итальянских офицеров. Итальянская сторона, в знак признательности за капитуляцию, обязалась ежемесячно выплачивать Хасану ар-Риде ас-Сенуси 50 тыс. франков и соорудить ему мечеть с минаретом и жилой дом в завии Кусур[72].

Эти подробности опущены в арабском тексте «Истории Ливии», изданной в 1972 г., однако, известно, что Омар аль-Мухтар отказался признать соглашение, подписанное по его поручению Хасаном ар-Ридой ас-Сенуси, и обратился с воззванием к ливийскому народу, которое было опубликовано в каирских газетах 3 января 1930 г. В нем была изложена правда о переговорах, содержалось желание вести их, если итальянцы удовлетворят законные требования патриотов, но было высказано и предостережение, что ливийцы не сложат оружие, если их условия не будут выполнены. «Пусть же образумятся те лица, которые стремятся уничтожить нас», — так заканчивалось послание Омара аль-Мухтара[73]. Это означало, что руководимые им отряды патриотов, несмотря на трудное положение, были намерены продолжать борьбу и что их лидер по-прежнему держал инициативу в своих руках.

Конечно, воинственность Омара аль-Мухтара, его пренебрежение опасностью, политическая гибкость и недюжинные организаторские способности поднимали людей на борьбу, привлекали новые силы. Одно только его имя приводило в трепет итальянские посты и конвои. Но силы были слишком неравными. Омар аль-Мухтар объявил о начале военных действий с 24 сентября 1929 г., фактически они возобновились с ноября. Партизаны несли очень большие потери, их положение ухудшалось, 11 января 1930 г. генерал Р. Грациани был назначен вице-губернатором Киренаики, и официальный Рим поручил

ему покончить с повстанцами. Итальянские войска буквально вцепились в Зеленые горы, пытаясь огнем и железом уничтожить там партизан. 28 января они оказались у лагеря, где находился Омар аль-Мухтар. Патриоты сумели уйти, но потеряли в бою 150 человек, был ранен и сам Омар аль-Мухтар.

Кроме чисто военных акций Грациани создал сеть концентрационных лагерей, куда сгонялись (и погибали от голода) бедуины вместе со своими семьями и скотом. Создание концлагерей началось в 1929 г., когда туда было помещено население Джебель аль-Ахдара, чтобы лишить местных жителей связи с повстанцами. 100 тыс. человек было сосредоточено в концлагерях, где десятки тысяч из них умерли от болезней. Любые попытки побега из концлагерей пресекались пулеметными очередями. Это были фашистские лагеря смерти, которые описал позже К. Холмбое, датский мусульманин-путешественник, в книге «Встречи в пустыне». После посещения одного такого лагеря близ Эль-Марджа он, например, отметил: «Лагерь громадный, в нем размещается 1500 палаток с населением 6–8 тыс. человек. За нами бежали дети, голодные, истощенные, в тряпье... Бедуины выглядели невероятно оборванными. Многие казались больными»[74]. В такие лагеря сгонялись все, кто отказывался сложить оружие или выполнять предписания оккупационных властей. К 1934 г. концлагеря после умиротворения Киренаики были ликвидированы.

Итальянцы заставили служить на себя переметнувшихся на их сторону изменников, в том числе и членов рода Ас-Сенуси. Так, Хасан ар-Рида помог окружить и уничтожить отряд Халада бу Каливана (соратника Омара аль-Мухтара)[75]. От имени Мухаммеда ар-Рида в июне 1930 г. с самолетов сбрасывались листовки с призывом прекратить вооруженную борьбу и не подчиняться приказам Омара аль-Мухтара[76].

Для того чтобы лишить повстанцев каких бы то ни было связей с Египтом, Грациани приказал соорудить по линии всей границы, пересекавшей Ливийскую пустыню с севера на юг, от Средиземного моря до оазиса Джагбуб, полосу из колючей проволоки длиной 300 км, шириной до четырех метров и высотой три метра, вдоль которой было установлено воздушное и наземное патрулирование, и где убивали любого замеченного

там бедуина. Эту полосу Грациани назвал «великой китайской стеной», хотя потом и признался журналистам, что от нее не было пользы[77].

Важной базой снабжения ливийских патриотов был оазис Куфра, через который из Каира и Судана поставлялись оружие и снаряжение.

Перемещение сенуситов на побережье Киренаики, изменение деятельности ордена с мирной на военную, закрытие караванного пути в Вадаи из-за французской оккупации — все это уменьшило значение Куфры, которая пришла в упадок. Мохаммед аль-Абид, брат Ахмеда аш-Шерифа, был оставлен во главе Куфры с женщинами и детьми сенуситского рода, которые продолжали образование в школе Таджа. Защищенная огромной пустыней, окружавшей ее, Куфра была последней сенуситской цитаделью, жизнь в которой практически не изменилась за предыдущий десяток лет. События на побережье мало коснулись ее. Безмятежное спокойствие имело, к сожалению, весьма трагический конец. Мохаммед аль-Абид был всего лишь номинальным главой и не обладал ни одним из качеств своего воинственного и решительного брата. Когда итальянцы оккупировали Джало в 1927 г., он думал лишь о собственной безопасности и, без консультаций с Идрисом и местными вождями, предпринял попытку примирения с итальянцами. Те были обрадованы такой возможностью и направили миссию под командованием капитана Форнари в малоизвестный оазис. Когда вожди племен Зувайи узнали об этом, они были разгневаны поступком Аль-Абида и, как только итальянская группа достигла Бир Зиегена, пришельцы были захвачены в плен и перевезены в Куфру. Мухаммед аль-Абид был немедленно осужден своими соплеменниками за сепаратный сговор с оккупантами, и ему была дана неделя на то, чтобы он покинул Куфру[78].

После отъезда Аль-Абида управление делами сенуситов в Куфре перешло к Сидику, сыну Мухаммеда ар-Рида, который, вконец рассорившись с вождями Зувайи, отправился в Сиву, а затем обосновался в оазисе Бахария. Шамс ад-Дин, двадцатилетний юноша, вместе со своим младшим братом Хасаном принял на себя руководство сенуситами. В 1929 г. они объединились с Салехом аль-Атайвишем из племени магарба и шейхами

из семейства ан-Наср в Феззане. Организовать сопротивление в Куфре было некому. Единственное, что должным образом смогли обеспечить сенуситы — это эвакуацию женщин и детей, и то не всех, а только лидеров сенуситских вождей, в том числе и семейство Ас-Сенуси. В конце 1930 г. итальянцы провели аэроразведку для подготовки операции по захвату Куфры. За неделю до начала атаки караван с женщинами и детьми вышел из Куфры и через 700 км пустыни благополучно достиг оазиса Сива.

Для захвата базы сенуситов в Куфре итальянское командование направило две механизированные колонны, одна из Адждабии, другая из Зеллы, которые в январе 1931 г. соединились в районе оазиса Тазербо, что на подступах к Куфре. По пути итальянцы почти не встречали сопротивления, так как малочисленные местные отряды уклонялись от открытого боя, обеспечивая эвакуацию населения в Судан и Египет. 19 января 1931 г. состоялось решающее сражение у оазиса Хаври, которое возглавлял Сейф ан-Наср (у него было 600 воинов) и в котором патриоты, хотя и потерпели поражение, показали, что остались несломленными. В отместку за это итальянцы, водрузившие свой флаг 20 января над Эт-Таджем, устроили жестокую расправу над населением оазиса Куфра.

Эритрейские батальоны, составлявшие основу итальянского экспедиционного корпуса (5000 солдат), при поддержке кавалерии, военной техники и авиации развернули широкомасштабные операции против мирного населения и сенуситского ордена. Началось повальное разрушение завий, плантаций, ирригационных сооружений. Все, кто попадался на пути — мужчины, женщины, дети, — подвергались экзекуции: мужчин убивали, женщин насиловали и вместе с детьми отправляли в концентрационные лагеря.

Хотя казалось, что Омар аль-Мухтар полностью окружен, Грациани признал позже в своих мемуарах, что за 20 месяцев, в течение которых он являлся вице-губернатором Киренаики, арабы провели 263 боевых операции[79], что свидетельствовало о продолжавшемся упорном сопротивлении патриотических сил экспансии фашистской Италии.

Между тем эти силы таяли и редели. Весной 1931 г. у раненого Омара аль-Мухтара осталось около 100 бойцов, расположившихся лагерем в районе Эйн-Лафа, южнее Бейды. Там у местечка Слонта 13 сентября 1931 г. состоялся его последний бой с оккупантами. Силы итальянцев состояли из двух эритрейских батальонов и киренаикского 7-го кавалерийского отряда. Под ним была убита лошадь, затем он получил ранение в руку, его схватили и связанного и плененного отправили в Бенгази. Узнав об этом, генерал Грациани прервал свой отпуск в Европе и прибыл в Бенгази, чтобы присутствовать на суде. Секретный военный трибунал приговорил 70-летнего национального героя Ливии к смертной казни. 17 сентября 1931 г. приговор был приведен в исполнение в Солуке в присутствии 20 тыс. бедуинов, которых итальянцы согнали со всех окрестных поселений[80].

Омар аль-Мухтар был великим патриотом, возглавившим действительно национальную войну в защиту своего отечества. Хотя по происхождению он был выходцем из высокопоставленной семьи и сам стал шейхом, еще с юношеских лет он активно включился в антиколониальную борьбу своего народа. В течение длительного времени шейх Омар аль-Мухтар был близок к руководству сенуситов, но своей решительной борьбой с колонизаторами, своей непримиримостью к предателям заслужил доверие народных масс, возглавил их и вдохновил на борьбу. Ради осуществления принципов свободы и независимости он принес и себя в жертву, обессмертив тем самым свое имя.

После гибели Омара аль-Мухтара партизаны, которых возглавил Юсеф бу Рахиль аль-Масмари (у него было около 700 воинов), еще в течение четырех месяцев совершали боевые операции, но итальянцы перекрыли все дороги, стянув в район их действий крупные силы.

Две группы под командованием Юсефа бу Рахиля аль-Масмари и Абдель Хамида Абара пошли на прорыв в надежде добраться до Египта, но тщетно. По пути их встретил итальянский патруль, и они погибли. Последним коммюнике, опубликованным в итальянской прессе об окончании партизанской войны, было: «Шейх Юсеф и трое других его воинов вступили в бой и были уничтожены. После прекращения огня лейтенант

Бриндизи направился к их позиции и нашел четверых мертвых мужчин, сжимавших свои еще не остывшие винтовки»[81]. В 1932 г. правитель Триполитании и Киренаики П. Бадольо объявил о конце ливийского сопротивления. Правда, вылазки отдельных отрядов продолжились до 1933 г. Потом все закончилось. На целых десять лет.

Никогда не забудется ливийцами мрачная статистика колониальной итальянской войны: только за период 1923–1929 гг. были казнены 4329 человек, согнаны с родных мест или убиты 141766 (не считая погибших в боях)[82].

Национально-освободительное движение в Ливии было подавлено, но оно показало решимость народа к сопротивлению, его горячее стремление к свободе и независимости. Именно там, в Ливийской пустыне, уже в то время обозначилась линия конфронтации между внешними силами, стремившимися к господству на севере Африки, с одной стороны, и между патриотическими силами, возглавлявшимися после окончания Первой мировой войны Омаром аль-Мухтаром в Киренаике, — с другой. Итальянские колонизаторы всячески поддерживались другими европейскими державами, что уже тогда решительно разоблачалось на страницах советской прессы. «Уступки» Запада колониальным притязаниям Муссолини журнал «Международная жизнь» еще в 1926 г. охарактеризовал как «один из первых платежей Чемберлена за участие Италии в Локарно»[83]. Другой советский журнал «Военный вестник», разоблачая лицемерные рассуждения фашистской пропаганды о «цивилизаторской роли Италии в Африке», подчеркивал в 1928 г., что «великие» военные походы в Триполитанию и Киренаику для «усмирения» местного населения фактически представляют собой попытки доказать западным союзникам Италии, как она способна «управлять» колониями[84]. И Рим начал показывать это на деле.

ГЛАВА VII

«ЧЕТВЕРТЫЙ БЕРЕГ» ИТАЛИИ (1931–1941 гг.)

Результаты кровавой двадцатилетней войны, которую итальянцы вели в Ливии, оказались плачевными: страна была не только оккупирована, но и опустошена до предела. На начало 1931 г. ее население составляло 700 тыс. человек, или уменьшилось на 800 тыс. (по сравнению с 1911 г.), из которых 250 тыс. находились в эмиграции и 550 тыс. человек стали жертвами агрессии[1]. Целые селения были разрушены или сожжены, хозяйство пришло в упадок, замерли караванные пути, через которые раньше шла бойкая торговля. Все это было известно официальному Риму, но абсолютно не беспокоило колониальную администрацию. Итальянцам нужна была земля, которую они еще в начале XX в. назвали своим «четвертым берегом», надеясь превратить его в свой мощный военно-экономический плацдарм. На местное население они смотрели как на дешевую рабочую силу по образу и подобию древнеримской империи.

Экономическое закабаление

В течение 20 лет, пока шла эта колониальная война, ливийский «земельный бум» уже охватил Италию. Еще 20 ноября 1911 г. был издан декрет, запрещавший ливийцам продавать свою землю. 2 сентября 1913 г. декретом № 1099 предусматривалось предоставление итальянским губернаторам Ливии права экспроприации любого недвижимого имущества местных граждан. Декрет от 15 мая 1916 г. разделил Ливию на четыре военные зоны, командующие которых получили право секвестрировать имущество тех, кто прямо или косвенно участвовал в борьбе против колонизации. Перемирие и переговоры с итальянцами

несколько отодвигали земельную колонизацию, но не останавливали ее.

С приходом к власти в Италии фашистов захват и дележ ливийских земель развернулся с невиданным размахом. Целью колонизаторов было переселить население двух провинций вглубь страны, а освободившиеся земли отдать итальянским колонистам. В Ливию прибыло 140 тыс. колонистов из Италии. К началу Второй мировой войны итальянцы составили 10% от населения страны. Так, декретом от 18 июля 1922 г. губернатор Д. Вольпи узаконил государственную собственность на всю необрабатывавшуюся землю, которая передавалась специально созданному земельному управлению. Декретом от 26 января 1923 г. он запретил сделки, касавшиеся тех наделов, владельцы которых не были установлены земельной регистратурой. Декрет от 10 февраля 1923 г. предусматривал экспроприацию земли, если владелец не вел на ней мелиоративных работ. Декрет от 11 апреля 1923 г. лишал земли и имущества «мятежников и лиц, уличенных в оказании им помощи». По декрету от 15 ноября 1923 г. экспроприировалась вся земля, на которой в течение трех лет не производились посевы или посадки.

В результате этих декретов только вокруг Триполи в 1912–1925 гг. было конфисковано в пользу итальянцев 75 тыс. феддановов (1 феддан=0,42 га) земли, в 1926–1929 гг. эта цифра достигла 160 тыс.[2]

Прежде всего лучшие конфискованные участки делили между собой те, кто составлял верхушку фашистской власти. Это семья и окружение Муссолини, генералы и губернаторы и им подобные. В Киренаике, например, имение Грациани занимало площадь 1700 га, плантации Вольпи — 5,5 тыс. га[3]. Часть земель получили участники боев в Ливии и итальянские землевладельцы. Семьям таких категорий предоставлялись фермы с площадью 20–25 га земли на одну семью, которые обустраивались за счет государства и размещались так, чтобы составлять поселение, располагавшееся вокруг какого-либо административного центра.

По свидетельству Э. де Кондоля, правительство Италии, заполучив в Африке «четвертый берег», в первую очередь

приняло меры к разрушению структуры племен — главной опоры сенуситского ордена. Все завии подверглись разрушению или были преобразованы под другие нужды, принадлежавшие им земли конфискованы, институт шейхов упразднен. Несмотря на то что официальные фашистские структуры заявляли о лояльности к исламу и бедуинским обычаям, на руководящие посты в промышленности, торговле, сельском хозяйстве были поставлены только итальянцы. 30 ноября 1938 г. был опубликован закон, по которому в Королевство Италия на правах префектур были включены четыре ливийские провинции: Триполи, Мисурата, Бенгази и Дерна. В 1939 г. лучшие земли этих «новых» провинций (около 121000 га) были дополнительно конфискованы и переданы итальянскому государству. Нуждавшимся крестьянским семьям Сицилии и Южной Италии было рекомендовано принять участие в программе демографической колонизации Киренаики. Эта программа предусматривала создание сельскохозяйственных ферм, для чего предоставлялись участки в размере до 50 акров. Для каждой колонии создавались административный и социальный центры с церковью, школой, больницей и офисом. В 1939–1940 гг. для итальянцев была организована 81 начальная школа. К концу 1939 г. более 1700 итальянских семей переехало на таких условиях в Киренаику[4]. Там они обустроились, провели ирригационные работы и начали выращивать неплохие урожаи оливок и фруктов. Всего же к 1940 г. у ливийцев было отобрано 800 тыс. га, из которых итальянским гражданам было роздано в концессии или продано 231 тыс. га[5]. Получили землю и переселились в Ливию около 110 тыс. итальянцев, в том числе 3960 глав семей, занимавшихся сельским хозяйством, и 23919 членов этих семей[6].

Наряду с этим значительная часть бедуинского населения продолжала оставаться в концентрационных лагерях, развернутых между городами Бенгази и Эль-Агейла. Люди бедствовали от нищеты и, как подсчитали киренаикские лидеры, каждый десятый умирал[7].

Население ливийских городов хотя и испытывало меньшую нужду (многие горожане устроились на работу в оккупационные структуры), относилось новыми властями ко «второму

сорту» и обязано было нести всякие повинности, включая военную службу, по законам метрополии. На этом основании, когда началась Вторая мировая война, ливийцы призывались в армию и участвовали в боях (так, 230 из них погибли, например, в сражении у Эль-Аламейна и похоронены на итальянском кладбище в Эль-Аламейне в Египте). Официальным был объявлен и итальянский язык, на нем издавались документы, преподавали в школах, что привело к тому, что к началу Второй мировой войны многие молодые ливийцы не умели читать и писать по-арабски[8].

В целях оказания помощи колонистам в решении организационных вопросов, связанных с их переездом и обустройством, итальянские власти создали в Ливии ряд государственных корпораций: национальное объединение по устройству колонистов (ЭНТЕ), Национальный институт социального обеспечения (ИНПС), полуправительственная Итальянская табачная плантация (АТИ) и др. По прибытии итальянский колонист в течение одного-двух лет, работая на ферме, получал жалованье от ЭНТЕ (4–10 фунтов стерлингов в месяц), но выращенный урожай обязан был сдать этому объединению. Затем в течение 5 лет ЭНТЕ финансировало работу колониста, а сельскохозяйственная продукция уже делилась между ними пополам. И наконец, колонист получал ферму в свое распоряжение на 25 лет «условно» до погашения долгов и ссуд и только после этого становился полноправным владельцем полученного участка[9].

В этой связи, заметим, что хотя лучшие земли, экспроприированные у ливийцев, были захвачены высшими кругами итальянского правящего класса, значительная доля «четвертого берега» отводилась и для распределения среди менее обеспеченных социальных групп, которые должны были влиться в итальянскую колонию на севере Африки — в качестве естественных попутчиков итальянской правящей верхушки. Именно для этой категории итальянских колонистов и предназначалась в основном система вышеназванных госкорпораций. В ней была заранее предусмотрена эксплуатация властями тех малоимущих и «средних» итальянцев, которые поддались призыву и отправились в Ливию в поисках своего счастья. Подобных

колонистов было немало, и они фактически в первые годы пребывания в Ливии оставались такой же наемной силой, какой были у себя дома. Но со временем Рим надеялся сделать из них «товарных фермеров», или кулаков, которые были бы опорой не только колониальной администрации, но и метрополии. Так было задумано — так и делалось.

К началу Второй мировой войны местное население составляло 85% жителей Ливии. Но арабы были низведены до положения граждан второго сорта. Роль основной, почти бесправной и дешевой, рабочей силы колонизаторы отводили местному населению. То, что они оставляли во владении арабов, выглядело мизерным по сравнению с фермами «средних» или даже «малоимущих» итальянских колонистов. Участки арабов в прибрежной полосе и в оазисах не превышали 1 га, что было явно недостаточно для ведения прибыльного хозяйства. В начале 1939 г. генерал-губернатор опубликовал декрет, ограничивший кочевое скотоводство местных берберов и одновременно расширивший пастбищные концессии итальянцев. Это вынудило ливийских феллахов оставлять свои наделы и жилища и становиться батраками итальянских колонистов. К 1940 г. число ливийцев-батраков составило 30 тыс. человек, причем их эксплуатация не регулировалась никакими законами[10]. Ливия постепенно превращалась в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

Конечно, далеко не всем итальянцам нравился фашистский режим, и потому они стремились поддерживать с арабами неконфликтные отношения, особенно на совместных работах и объектах, сооружавшихся в Ливии. То же делали и на бытовом уровне. Постепенно в Триполи даже были восстановлены старые мечети, построены школы с обучением на арабском языке, была основана высшая школа исламского образования. К 1939–1940 гг. появилось 97 начальных школ. У ливийцев появилась возможность получать среднее образование, они были допущены в административные органы, некоторые даже получили назначения на посты мэров в небольших городах. К началу 1940-х гг. в Киренаике для арабов были открыты две сельскохозяйственные фермы на побережье Рас аль-Хиляль, названные Фиорита и Альба, где были построены мечети,

школы, предприятия по переработке сельхозпродукции. В Эль-Джебель-эль-Ахдаре были восстановлены пастбищные угодья, а римские цистерны даже восстановили и оснастили насосами, которые поднимали воду в цементные резервуары для обеспечения скота водой[11].

Однобоким, только в интересах итальянского капитала, выглядело и промышленное развитие колонии. Италия делала вложения в экономику Итальянской Ливии, но все они были направлены на развитие страны в пользу Италии. С созданием крупных плантаций возникла необходимость в обрабатывающей промышленности с тем, чтобы поставлять в Италию не сырье, а полуфабрикаты. Строились в основном мелкие предприятия с примитивными орудиями труда. До 1941 г. их было сооружено 426, включая зернохранилища, винные погреба, торговые точки. Тем не менее к 1940 г. большинство сельскохозяйственных угодий Ливии было приватизировано итальянцами[12]. По утверждению американского исследователя С.Ж. Серже, в 1940 г. из 110 тыс. итальянских колонистов только треть занималась сельским хозяйством[13], что совпадает с данными де Кондоля.

Политика кооперации итальянцев с арабами имела относительный успех только в Триполитании, где мирные условия жизни были достигнуты гораздо раньше и где ливийцы могли получить хоть какую-то выгоду от итальянской цивилизации. Но это соучастие было основано больше на подчинении, чем на добровольных чувствах — образцы сотрудничества были продиктованы больше прибылью для итальянских поселенцев, чем для местного населения. В Киренаике боль, вызванная жестокими мерами Грациани, была слишком острой, и муки перенесенных страданий слишком свежими, чтобы пойти на сотрудничество с фашистским режимом.

Итальянцы не заботились о подготовке из среды арабов специалистов или служащих, не отпускали средств на развитие образования, здравоохранения, не позволяли местным гражданам овладевать даже самыми несложными профессиями. Это был мрачный период, когда итальянцы пытались выкачать из Ливии все, что возможно, мало что давая взамен.

Одновременно шла подготовка Ливии к войне. Было построено 20 аэродромов и взлетно-посадочных полос, в том числе первоклассная военная база в Аль-Эдеме в 27 км от Тобрука. Были реконструированы или сооружены новые стоянки для кораблей в Триполи, Зуаре, Бенгази и Тобруке.

Визит Муссолини в 1937 г.

Как социалистический агитатор Бенито Муссолини, находившийся в 1911 г. в тюрьме, гневно протестовал против итальянского вторжения в Триполитанию и Киренаику. Как фашистский диктатор он посетил итальянскую колонию трижды — в 1926, 1937 и 1942 гг. В 1926 г. Муссолини сопровождал короля Виктора Эммануила III, который выезжал в Сахару, чтобы подбодрить там итальянских солдат и заодно посмотреть на захваченные земли, которые предстояло передать колонистам. В июне 1942 г. Муссолини хотел лично найти себе место во время намечавшегося триумфального входа итало-немецких фашистских войск в Александрию. Дуче три недели терпеливо ожидал торжественный момент около Эль-Аламейна, но германские войска потерпели у этого египетского городка позорное поражение, и итальянский диктатор срочно ретировался оттуда[14].

Визит 1937 г. был самым успешным. Муссолини находился на своем «четвертом берегу» 11 дней (12–22 марта), и под дулами орудий ливийцы приветствовали его в качестве воссоздателя Римской империи. Его целью было представить себя «защитником престижа Рима, общей матери всех средиземноморских народов», или, как написал об этом римский корреспондент газеты «Таймс», «визит должен был послужить подтверждением возросшего престижа Италии и демонстрации ее военно-морской силы»[15].

Визит Муссолини явился публичным одобрением трехлетнего губернаторства маршала авиации Бальбо. Это был харизматический лидер итальянских фашистов, родом из Феррары, что на северо-востоке Италии, который организовал марш на Рим, приведший к власти фашистов в октябре 1922 г. Безусловно

успешный авиатор и организатор, Бальбо не считался близким другом дуче[16]. Муссолини прибыл в Ливию не столько для того, чтобы выразить поддержку Бальбо, сколько высказать удовлетворение работой итальянских колонистов, закончивших сооружение стратегической магистрали, проложенной по средиземноморскому побережью Ливии и соединившей Тунис с Египтом[17].

В течение своего пребывания в губернаторском кресле Бальбо попытался наладить отношения между итальянцами и ливийцами после горьких лет завоевания и «усмирения». С 1934 г. он прилагал усилия, чтобы сделать из Ливии, итальянского «четвертого берега», место фашистского колониального достижения. «Новая Римская империя» приобретала очертания в элегантных, современных формах белого армированного бетона. Это была «ярчайшая жемчужина» в итальянской имперской короне, несмотря на очарование и видимые потенциальные возможности Эфиопии, которую Муссолини так никогда и не посетил. Ливию намеревались сделать образцом уникального социального, экономического и политического эксперимента «демократической колонизации», поселением для безземельных итальянских крестьян и потенциальных солдат для дальнейших африканских завоеваний.

Официальной целью визита Муссолини было открытие «Литораней» — берегового шоссе вдоль всего побережья Ливии. Это строительство демонстрировало одно из самых впечатляющих достижений фашистского режима — «триумф организации над природными трудностями»[18]. В середине 1930-х гг. простейший путь между Триполитанией и Киренаикой был морским. Работы начались в конце 1935 г. строительством двух отрезков от Зувары до Мисураты в Триполитании и от Дерны до Аджабии в Киренаике, причем 500 км было проложено через безводную область Сиртики. Все это было сделано за полтора года[19]. К 1940 г. сооружение магистрали было закончено. Она протянулась от египетской до тунисской границы протяженностью в 1,9 тыс. км. На юг от нее были сделаны ответвления, соединившие все важные пункты Ливии. Движущей силой строительства магистрали была война, которую итальянцы вели в Эфиопии. Они нуждались в быстрой переброске своих сил либо

к египетской границе в случае интервенции англичан, либо к тунисской Бизерте в случае конфликта с французами. Хотя итальянцы настаивали, что шоссе проложено для развития туризма, римский корреспондент «Таймс» выразил несомненную уверенность в том, что магистраль «построена для военных целей»[20].

«Литоранеа» была торжественно открыта Муссолини 12 марта 1937 г. в районе Амсита, у пограничного пункта с Египтом, где шоссе резко обрывалось в бескрайнюю пустыню. На церемонии открытия Муссолини сказал собравшимся журналистам, что магистраль поможет развить экономические и другие связи между Египтом и Италией и назвал ее, в более позднем интервью корреспонденту «Дэйли мэйл», «хайвеем цивилизации»[21].

Действительно, во время Второй мировой войны дорога стала трассой обоюдного вторжения в Ливию. В 1940, 1941, 1942 гг. итало-германские войска выдвигались в сторону Западного Египта, а английские экспедиционные силы атаковали по этой трассе Итальянскую Ливию в кампаниях 1940–1941, 1941–1942, 1942–1943 гг. По иронии судьбы, последнее вложение в 1 млн фунтов стерлингов было включено в итальянский бюджет 1943–1944 гг., через год после того, как британские войска вошли по этой дороге в Ливию.

От Амсита Муссолини направился в Тобрук, где воскликнул, что «шоссе — удивительное сооружение, по которому легко можно пробежать тысячу миль до Туниса»[22]. Из Тобрука дуче вылетел в Дерну, где продолжалось «открытие» трассы и где местный кади приветствовал дуче от «имени 400 миллионов мусульман мира»[23].

После Дерны Муссолини, пересев в автомобиль, поколесил по Киренаике, понаблюдав, как реставрировался древнегреческий город Кирена, где итальянцы, кстати, не тронув колоннады, оставили без голов почти все каменные изваяния древнегреческих богов, появившихся позже в музеях Рима. Следующим пунктом маршрута была восточная «столица» провинции Бенгази, а 15 марта дуче отправился в Триполи. В пустыне у обочины трассы зрителей было значительно меньше, но группы

бедуинов, наслышавшиеся о Муссолини, все-таки пришли на него посмотреть.

По мере приближения Муссолини к Триполи визит стал принимать характер спектакля в стиле барокко, хотя части церемонии были заимствованы из Британской Индии. Один журналист, глубоко пораженный организованным туром и согласованием по времени, отметил, что колония больше напоминает Германию, чем арабскую страну[24]. Вечером 16 марта на площади в центре Триполи, где возвели арку в честь Муссолини из прутьев римского ликтора, дуче въехал в переполненный, залитый светом город. «Все было, как в истинно романские времена», — написала об этом «Таймс»[25].

На следующий день была открыта международная ярмарка с огромной статуей Цезаря, которая чем-то напоминала Муссолини. Диктатор обратился к собравшимся с речью, в которой заявил, что «его визит не носит какого-то скрытого смысла или агрессивных целей против кого-либо. Италия хочет мира для всех и ее политика проникновения в ислам (!) находится вне пределов доминиона»[26]. Слова его были насквозь ложными, поскольку за месяц до его визита началась резня в эфиопской Аддис-Абебе.

18 марта стало апофеозом торжеств. Состоялась экстраординарная церемония с участием 2000 ливийских кавалеристов. Всадник приветствовал Муссолини как «основателя империи» под троекратный военный клич. Двое воинов, выбранных из ливийских героев эфиопской кампании, под пушечный салют вручили ему в ножнах «саблю ислама». «Основатель империи» вошел в раж, пытался целовать «героев», вручивших ему этот символ. Муссолини воинственно размахивал подарком, обещая сокрушить врагов. Газета «Пополо италиа» написала: «Поза дуче, освещенная лучами солнца, была похожа на золотистое каменное изваяние. Две тысячи конников замерли, как перед сражением. В отдалении звучала пушечная канонада. Это был поистине военный церемониал»[27].

Муссолини вдруг рванул коня с места и, размахивая саблей, в облаке пыли галопом поскакал в направлении Триполи (церемония происходила в окрестностях Триполи на специально выбранной отдельно стоящей песчаной дюне). За ним

устремились 2000 всадников, одетых в черное с золотыми фашистскими знаками. Муссолини с его «саблей ислама» выглядел счастливым человеком, выполнившим свое предназначение. Он всегда с удовольствием принимал лесть от окружавших его, но именно Бальбо дал ему почувствовать себя «основателем империи»[28].

На площади Пьяцо Кастелло[29] всадник остановился и обратился к собравшейся толпе, все еще размахивая саблей:

«Мусульмане Триполи и Ливии! Giovani Arabi del Littorio! Мой августейший повелитель, его величество Витторио Эммануил III, король Италии и император Эфиопии, еще раз прислал меня сюда через одиннадцать лет, чтобы я поднял на этой земле трехцветный флаг и получше изучил ваши проекты и желания… Я вернусь в Рим и все выполню. Я открою новую страницу истории Ливии. Вы увидите и почувствуете лояльность Италии к себе, увидите выдержку Италии, дистанцирующуюся от войны. Но, если потребуется, тысячи ваших волонтеров, я уверен, помогут одержать победу. Мусульманам Ливии я желаю мира, как этого желал Пророк. Я выражаю симпатии к исламу, мусульманам и их ценностям. Скоро на основе этих ценностей Рим покажет, как он будет заботиться о вашем процветании. Мусульмане Триполи и Ливии! Передайте мои слова во все города и селения, в палатки всем бедуинам в пустыне. Вы знаете, что я всегда держу свое слово и выполняю свои обещания полностью!»[30]

Это была церемония и риторика фашистов, а «сабля ислама» — эпизод дешевого театра, режиссер которого Бальбо вообразил, что точно подобрал стиль для публичного церемониала «Новой Римской империи», хотя все почему-то переводилось на английский, а не на арабский язык.

Несмотря на театр и умение итальянцев подать «товар лицом», вояж Муссолини, тем не менее, привел в шок мировую общественность. «Никто не забыл ужасы завоевания Киренаики», — написала Элизабет Монро в 1938 г. — Об этом помнят улемы Алжира, дустуровцы Туниса, таксисты Сирии, и приводят в дрожь не одного египтянина. Истинное лицо фашизма не забудется»[31].

Стремительное завоевание Эфиопской империи в 1935–1936 гг. привело под итальянское правление множество

мусульманских народов: их численность в Эритрее, Сомали, Ливии и Эфиопии к 1936 г. оценивалась в 9 млн человек. Италия, таким образом, становилась лидирующей «мусульманской» властью, сознающей, что имперские позиции создают положение усиления или уязвимости ее политики в исламском мире, особенно в возраставшем национализме арабских стран. Более того, способность проводить зрелую и международную «приемлемую» имперскую исламскую политику, основанную на параллельном, но совершенно отдельном развитии итальянского и африканских народов (в форме фашистского «апартеида»), конечно, усиливало итальянские амбиции по расширению империи в Африке и в Средиземноморье[32].

Также очевидно было намерение предложить контрпример французской колониальной политике в мусульманской Северной Африке и британской — в Египте и Палестине. Привлечение эпизода с «саблей ислама» показало, что Италия готова предложить беззащитным мусульманам действительного романского «героя» против «малодушного колониализма» двух лидирующих западных демократий.

Фактически политика «лицом к арабам», как и передачи римской арабоязычной радиостанции «Радио Бари», не могли затмить того, что колониальные итальянские власти делали на практике: им нужны были исполнители их экспансионистских планов — рабочие, возводившие здания, клерки в административных аппаратах и солдаты в новых войнах.

В 1934 г. Триполитания и Киренаика были объединены Италией в одну колонию под названием «Ливия». К 1937 г. Ливия стала одним из четырех направлений итальянской экономической, политической и военной стратегии в средиземноморском бассейне. Остальные три — это Албания, острова в центральном бассейне Средиземного моря (Мальта и Пантеллерия), а также Додеканесские острова к юго-западу от Турции. Италия занимала важную стратегическую позицию в Средиземном море, а Ливия представляла собой выгодный плацдарм для войск, которые могли выдвинуться в Египет или Тунис, в то время как корабли и самолеты, базировавшиеся в Тобруке, контролировали 200-мильный коридор между Киренаикой и Критом. Италия

усиливала свою ливийскую группировку, когда хотела оказать давление на соперника[33].

В конце своего визита Муссолини провел два дня в Триполи, посетив Налут и оазис Гадамес, важный центр сахарской торговли, и познал также, что такое «гибли» — сахарский самум, настигший его на обратном пути.

«Сабля ислама» не стала для Муссолини счастливым сувениром. Он надеялся поднять эту «саблю» в 1942 г. в Александрии, но потерпел фиаско, а в середине 1943 г. ему было не до ливийского подарка, который был украден и больше его никто не видел[34]. Его претензии стать «защитником ислама» никогда не были осуществлены, да и сам визит в марте 1937 г. выглядел драмой, вызвавшей антагонизм его потенциальных врагов (Англии и Франции) и недоверие ливийцев. Мусульмане вообще и такие средиземноморские страны, как Турция, Египет, с недоверием отнеслись к мусульманоподобным фальсификациям Рима, а европейская пресса с возмущением разоблачала лицемерие Италии.

Тем не менее визит Муссолини навел фокус на Ливию как на важный стратегический африканский и средиземноморский объект борьбы за влияние. Это предопределило и место Ливии во Второй мировой войне. В течение двух с половиной лет ливийская территория была ареной жестоких сражений, потому что те, кто там воевал, знали, что борются не за территорию как таковую, а за стратегический контроль в центральном Средиземноморье.

Национальная культура и европеизация Ливии

В оправдание безжалостного подавления очагов сопротивления, расположенных в основном за прибрежной средиземноморской полосой и контролировавшихся сенуситским орденом, фашистский режим пытался всеми средствами внедрить в общественное сознание миф об особой культуртрегерской миссии «сынов и дочерей Древнего Рима» в своей заново обретенной африканской провинции. Провозглашая свое культурное превосходство над «индиджено» — местным арабским населением,

итальянцы сосредоточили свои главные усилия в захваченных территориях на насаждении (или, как вытекало из логики колонизаторов, «возрождении») собственной, романской, культуры и цивилизации. Показательно, что одной из первых акций колониальной администрации в этой области стало санкционирование археологических раскопок античных городов Сабраты и Лептис-Магны, расцвет которых приходился как раз на период римского господства. Коренной ломке подверглось все школьное образование, где арабскому языку и связанным с ним дисциплинам отводилась второстепенная роль. Взамен учащиеся были обязаны постигать азы итальянского языка и штудировать учебники по древнеримской истории. Портреты короля Италии и Муссолини, которые висели в каждом классе, должны были прививать ученикам любовь и верноподданнические чувства к метрополии.

Большое внимание колониальная администрация уделяла деятельности арабской молодежной профашистской организации «Джиовенту Араба дел Литторио», которая в духе официальной пропаганды Рима внедряла в массовое сознание идеологию фашизма, а также образ жизни и поведенческие нормы колонизаторов[35].

Одним из главных направлений основанного в 1931 г. в Бенгази «Института фашистской культуры» было ознакомление образованных ливийцев с творчеством выдающегося итальянского поэта XX в. и одновременно одного из апологетов колониальной политики Габриэле д'Аннунцио (1863–1938), поэзия которого была проникнута ницшеанскими мотивами, а также Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1944) — «отца» итальянского футуризма и одного из идеологов фашизма[36].

Будущее Ливии колонизаторам виделось в успешной реализации программы полной ассимиляции и акультурации страны. «Вместо ливийцев, — говорил один из единомышленников дуче, маршал Бальбо, — будут католики-итальянцы и мусульмане-итальянцы»[37]. Самонадеянность подвела итальянских фашистов. Ливийцы веками жили на своей земле хозяевами, несмотря на все превратности истории, и они остались ими.

Характеризуя колониальный период Ливии, российский исследователь Ф. Асадуллин выделил две разнонаправленные

тенденции в духовной жизни страны: с одной стороны, итальянский колониализм стал причиной заметного регресса национальной культуры, нанеся колоссальный ущерб потенциалу развития ливийского народа, с другой — этот прямой и непосредственный контакт с цивилизацией колонизаторов вел Ливию к европеизации, которая, как известно из опыта других североафриканских стран, имела не только отрицательные стороны, на что иногда делают упор современные ливийские ученые, но в чем-то оказалась плодотворной.

Это нашло отражение прежде всего в появлении переводов на арабский язык величайших произведений итальянской и мировой литературы, на которых отчасти воспитывались вкусы молодой национальной интеллигенции. Так, в 1936 г. в Триполи была издана «Божественная комедия» Данте Алигьери, впервые переведенная на арабский язык выпускником итальянской королевской школы в Бейруте ливанцем Аббудом Абу Рашидом. В переводе она получила рифмованное название «ар-Рихля ад-Дантийа фи-ль-мамалик аль-илахийа» — «Путешествие Данте в божественные царства».

Большую просветительскую работу выполняла «Ассоциация Данте» («Сосьета д'Данте»), которая устраивала лекции, вечера и конкурсы на лучшую декламацию или лучшее знание поэзии великого флорентийца. Ассоциация стала своеобразным клубом национальной интеллигенции, получившей образование в учебных заведениях метрополии или в итальянских школах на родине.

Одним из самых активных членов Ассоциации был выпускник Римского университета Саид Тукдамир (род. 1906), который, серьезно занимаясь итальянской литературой эпохи Возрождения (в частности, поэзией Данте), проявлял интерес к проблемам культурных взаимовлияний арабской и европейской цивилизаций. По свидетельствам современников, С. Тукдамиру принадлежали удачные опыты в создании новелл на итальянском языке, часть которых, отмеченная критикой метрополии, печаталась в римских газетах и читалась по радио[38].

Заметный след в культурной жизни страны в 1930-е гг. оставили такие видные деятели Ассоциации, как автор стихотворений на итальянском языке Абд ар-Рахман Бу Нахиль (род. 1905),

театральный постановщик и драматург Мустафа аль-Уджейли (род. 1916), основавший в 1936 г. при Школе искусств и ремесел профессиональную труппу актеров, литературный критик и поэт Абд Раббихи аль-Ганай (род. 1920).

Колониальные власти с согласия правительства Б. Муссолини неоднократно организовывали ознакомительные поездки в Италию лояльно настроенных представителей ливийской творческой интеллигенции, например старейшего поэта страны Ахмеда аш-Шерифа, который в те годы был удостоен высокого титула «ша'ир аль-кутрейн» («поэт двух стран», т. е. Триполитании и Киренаики). Хотя цели таких поездок имели откровенно пропагандистский характер и были направлены на поиск сторонников тесного сотрудничества с колонизаторами, знакомство с достоянием итальянской культуры, посещение музеев и достопримечательностей Рима, Генуи и Неаполя играли в целом положительную роль, поскольку расширяли кругозор ливийских писателей, обогащали их творчество новыми впечатлениями.

В Триполи при кофейнях «Сорди» и «Корсо» действовало некое подобие артистических салонов, где по вечерам собиралась творческая молодежь и устраивались так называемые «литературные беседы» и поэтические турниры любителей версификации. Широкую известность приобрели постановки итальянской любительской труппы «Л'допо лаворо» («После работы»), существовавшей в 1925–1936 гг., в состав которой кроме итальянских колонистов входили получившие образование в колониальных школах ливийцы. На подмостках «Л'допо лаворо» как исполнитель второстепенных ролей дебютировал известный впоследствии поэт и литературовед Ахмед Каннаба (1898–1968), который вместе с Мустафой Уджейли стоял у истоков национального профессионального театра. Почти одновременно с «Л'допо лаворо» в г. Дерне возникла и с успехом выступала труппа, руководимая Мухаммедом Абд аль-Хади (1882–1953), позднее известным как актер и режиссер. В 1928 г. им была осуществлена постановка первой в стране игровой пьесы в комедийном жанре «Эх, если бы я был царем» («Ах, лав кунту маликан»). С именем Абд аль-Хади связано много славных страниц ливийского театра[39].

Среди периодических изданий 1930–1940-х гг., большинство из которых служило целям и задачам итальянского колониализма («Аль-Адль» — «Справедливость», изд. с 1921 г.; «Ар-Ракиб аль-атид» — «Неусыпный страж», изд. с 1922 г. и др.), особое место занимал литературно-художественный журнал «Либийа аль-мусаввара» («Иллюстрированная Ливия»), основанный в 1935 г. На его страницах время от времени публиковались статьи о творчестве (иногда сопровождавшиеся переводами) писателей Италии, например о поэзии Франческо Петрарки, Джакомо Леопарди и Луиджи Пиранделло.

Важным аспектом деятельности итальянцев в Ливии было страноведение. В 1920–1930-е гг. благодаря собиранию в Ливии рукописного и этнографического материала такими известными учеными-востоковедами, как Е. Гриффини (1878–1925), Ф. Беджино (1879–1953), Э. Росси (1894–1955) и К. Наллино (ум. 1968), было положено начало комплексному изучению истории, языка и культуры ливийского народа.

В 1936 г. Э. Росси перевел на итальянский язык историческую хронику Ибн Гальбуна «ат-Тазкар», большая часть которой позднее была использована ученым в его фундаментальном труде «История Ливии».

Серьезный вклад в изучение фольклора Ливии — собирание и публикация сказок, легенд, песен и составление комментариев к ним — внесли исследовательницы Э. Панетта и Д. Чербелла. Результаты полевых изысканий африканиста Ф. Мори, археолога П. Грациози и лингвиста-берберолога Ф. Бегино регулярно публиковал издававшийся в Неаполе специальный журнал «Ориенте модерно» («Новый Восток»).

Для нужд колонистов было налажено издание учебных пособий по разговорному языку Ливии, информативных справочников по истории и обычаям коренного населения страны. Тем не менее, в отличие от литературы других стран Магриба, ливийская, за редкими исключениями, развивалась и продолжает развиваться в рамках арабо-берберской и общеарабской культурной и языковой традиции.

Длительное сосуществование арабского и итальянского языков привело к появлению в Ливии особой разновидности двуязычия — так называемого итальянского адстрата, сущность

которого заключается в том, что оно сложилось прежде всего на основе арабского языка с незначительным включением итальянской лексики и фразеологии. Присутствие этого типа двуязычия можно обнаружить в поэзии Ахмеда Рафика аль-Махдави, Али Сидки Абд аль-Кадера и Ибрагима Мухаммеда аль-Хуни.

Из современных ливийских писателей редко кто, наравне с арабским, пишет на языке бывшей метрополии. Назовем известного деятеля национальной культуры Фуада аль-Каабази (род.1922), автора многочисленных переводов итальянской литературы, и поэта-лирика Д. Леопарди («Одинокий соловей» и др.), а также крупнейшего литературоведа и критика Халифа ат-Тлиси (род.1930), чья серия поэтических зарисовок, написанных по-итальянски, была даже удостоена специальной премии на традиционном поэтическом конкурсе в Палермо в 1976 г.[40]

ГЛАВА VIII

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЛИВИЯ

Это была крупнейшая в истории война, развязанная теми международными кругами, которые жаждали еще раз переделать мир. В войну была втянута 61 страна, более 80% населения земного шара, военные действия велись на территории 40 государств. При этом погибло более 50 млн человек, общая стоимость уничтоженных материальных ценностей превысила 316 млрд долл.[1]

Развитие событий между двумя мировыми войнами шло таким образом, что правящие круги ведущих западных держав — Великобритании, Франции и США — способствовали появлению и утверждению у власти фашизма сначала в Италии, затем в Германии, поскольку видели в нем главное орудие борьбы против СССР и мирового национально-освободительного движения. Политика поощрения, например, итальянских агрессоров наблюдалась не только в Ливии, но и в Эфиопии, захваченной Италией в 1936 г.

Великобритания и США пытались не видеть в Муссолини врага, всячески поощряли его, считая, что он не затронет их геополитических интересов. Если бы они противодействовали Риму в Ливии и Эфиопии, то фашистский режим, испытывавший растущее сопротивление внутри Италии, мог бы даже пасть, но у власти тогда бы оказались коммунисты, как о том трубили правящие круги Великобритании и США, а этого они никак не хотели допустить. Вот почему руководители тогдашней Великобритании «превратили Муссолини в значительную силу», как напишет потом в мемуарах А. Иден[2], а Лондон и Вашингтон призывали «согласиться с умеренными требованиями Италии»[3].

Их попустительство привело к тому, что события начали развиваться стремительно, и не в их пользу. 10 февраля 1939 г. Гитлер, выступая перед командным составом армии, так сформулировал конечную цель фашизма: «а) господство в Европе; б) мировое господство на столетия»[4]. Его союзница Италия, называвшая себя «пленницей Средиземного моря», заговорила о перекройке карты всей Африки и Ближнего Востока в свою пользу и пользу Германии, что она намеревалась осуществить только через тесный союз с Берлином, рассматривая его как «основополагающую историческую необходимость»[5]. Германский фашизм не мог не поддерживать захватнических амбиций Муссолини, и за Италией, согласно секретному формуляру Риббентропа от 20 августа 1940 г., признавалось преимущество при «новом политическом оформлении арабского пространства»[6].

Почувствовав, что окрепшие германские и итальянские фашисты становятся неуправляемыми, Великобритания и Франция начали предпринимать меры по укреплению позиций в тех своих колониях, над которыми нависла угроза захвата со стороны Германии и Италии.

Франция активизировала свою деятельность к западу и югу от Ливии, Великобритания — в Египте и Судане.

10 июня 1940 г. Италия объявила войну Великобритании и Франции. Одной из ее целей был захват английских и французских колоний в Африке.

Возвращение эмира Идриса в политику

Уехав в 1923 г. из Киренаики, эмир Идрис до 1939 г. вел жизнь обычного эмигранта, занимаясь своими личными делами. Египетские власти относились к нему с почтением, как к находившемуся в эмиграции принцу. Он снимал небольшую виллу на острове Замалек, что в центре Каира, где вместе с ним постоянно жили его секретарь (Ибрагим Шелхи, будущий королевский царедворец) и двое слуг. Спортклуб Гезира, где Идрис играл в теннис, был его единственным развлечением. Он не участвовал в политических дискуссиях, сторонился

социальных проблем, никого не принимал, не пил, не курил, вел весьма строгий, почти аскетический образ жизни.

Египетская администрация не баловала Идриса вниманием, но ценила его религиозность и после 1930 г. даже не возражала против его намерений совершить еще один хадж в Мекку. Туда он все-таки не поехал, так как надо было принять египетское гражданство и иметь египетский паспорт, на что он не согласился.

В 1931 г. Идрис женился на своей кузине Фатиме, дочери Ахмеда Шерифа, и переехал жить в местечко Хаммама, что в окрестностях Александрии.

К тому времени в египетской элите уже начали забывать об эмигранте-эмире Идрисе. Ни король Фарук, ни его двор не проявляли к ливийскому лидеру никакого интереса и не строили в отношении него никаких планов. Только некоторые из давних друзей Идриса (Абдель Саттар Бассель из Фаюма и Абдалла Ламмум-паша из Асьюта) изредка навещали его в Хаммаме. Да еще британский резидент Дж. Брамлей, давний знакомый эмира, не выпускал его из своего поля зрения, поскольку, по его оценке, действия итальянских фашистов уже выходили за рамки европейских договоренностей[7]. Чутье британского разведчика подсказывало, что связи с Идрисом могут снова пригодиться, так как международная обстановка с середины 1930-х гг. явно накалялась.

В принципе эти выводы, особенно после захвата Италией Эфиопии в 1936 г., стали подтверждаться, и министр иностранных дел Великобритании А. Иден уже заговорил о предстоящей новой войне с Италией, поскольку она начала открыто высказывать претензии на территорию всей Северной Африки. В 1939 г. находившийся в Каире итальянский маршал Бальбо потребовал от египтян пересмотра своего договора с Великобританией, что было расценено как еще один шаг Италии навстречу войне, и она разразилась в сентябре 1939 г., дав импульс действиям и ливийской эмиграции в Египте, а ими были многие шейхи и вожди племен[8].

20 октября они собрались в Александрии, чтобы обменяться мнениями и выработать позицию как относительно итало-германского альянса, так и отношений с Египтом

и Великобританией. Были направлены делегации в Каир к премьер-министру и британскому послу. Одновременно шейхи и вожди племен Киренаики официально подтвердили, что считают Идриса ас-Сенуси своим эмиром. Такое же заявление со ссылкой на клятву от 1921 г. сделали и триполитанские лидеры. Вместе они еще раз объявили Идриса своим эмиром и попросили его представлять страну на международных форумах и решать все внутриливийские проблемы[9].

Обратимся теперь к дневнику Идриса тех лет. Он записал:

«Когда Италия объявила войну Британии 10 июня 1940 г., генерал Вильсон, командовавший английскими войсками в Египте, нанес мне визит в Хаммаме и попросил выступить совместно против итальянцев. Я обратился к ливийским лидерам и предложил собраться в августе в Каире для обсуждения наших действий и участия в войне. Киренаикцы выступили за войну против итальянцев, заявив, что "нам нечего терять". Позиция триполитанцев была более сдержанной. Они высказали опасения, что антинацистские силы, объединившись, могут создать фронт против итальянцев и тогда Ливия станет ареной конфронтации. Персонально я выступил за поддержку Британии и за объединение с ней наших усилий. Дискуссия была жаркой (некоторые триполитанцы выступали против), но в конце концов было принято решение о сотрудничестве с британским правительством и о признании меня официальным представителем ливийцев на переговорах о формировании Ливийской армии, которую мы предложили назвать "Ливийские арабские силы", для борьбы вместе с англичанами против итальянцев. Я немедленно издал инструкции о рекрутировании в армию всех ливийцев, находившихся в Египте. Британский офицер, полковник Брамлей, который имел опыт сотрудничества с арабскими силами в Ираке, был назначен командиром добровольцев со штабом в каирском отеле "Семирамис". Вместе с ним начал работать полковник Андерсон, прекрасный арабист, долгое время живший в Египте. Его знания языка и опыт оказались весьма ценными при формировании армии (до этого Андерсон был профессором исламского права в Лондонском университете). Мой офис был открыт на улице Баракат, сам

я переехал в квартиру на улице Хикмет-паши на Замалеке, где одна английская семья предоставила мне комнату.

Ливийские арабские силы, состоявшие из рекрутов, должны были направляться из Египта в Киренаику для участия в боях против итальянцев. Было сформировано четыре пехотных и один моторизованный батальон. Тренировочный лагерь для них был развернут в районе пирамид. Я полностью погрузился в дела нашей армии, сталкиваясь с многочисленными частными проблемами, но ставя единственную цель как можно быстрее направить наших воинов в бой.

После первого поражения итальянской армии Грациани под Сиди Баррани в декабре 1940 г. тысячи ливийцев, находившихся в составе итальянских войск, либо дезертировали, либо в качестве военнопленных были направлены в военные лагеря, развернутые на Суэцком канале. Я посетил эти лагеря, пытаясь пополнить за счет пленных Ливийские арабские силы, но большинство триполитанцев отказывалось от предложений, боясь, что итальянцы расправятся за это с их семьями, хотя они и благодарили Аллаха, что перестали воевать. Тем не менее, после дополнительной военной подготовки, бывшие солдаты итальянской армии стали солдатами наших арабских сил и были отправлены на фронт в составе двух батальонов, которые участвовали в обороне Тобрука в 1941 г.»[10]

Здесь уместно уточнить, какими средствами располагал эмир Идрис, чтобы организовать участие ливийцев в войне. Это делалось при британской поддержке, о чем дал комментарий один из британских офицеров связи с Идрисом. «Саид Идрис получал по гранту 1200 англ. фунтов в год плюс ему оплачивался наем жилья — 360 англ. фунтов ежегодно. Несколько членов его семьи получали от 180 до 250 англ. фунтов в год. Все они жили очень скромно. Сам Идрис был весьма щепетильным, ничего не требуя лишнего. Я находил его всегда ответственным, понимающим, целеустремленным и полагающимся на связь со мной»[11]. Денежную дотацию получали и другие ливийцы, сотрудничавшие с англичанами.

Такой поворот в положении Идриса и в поддержке, которую ему оказывали англичане, нашел живой отклик у киренаикцев, и у них снова появилась надежда на возвращение на родину

с помощью Великобритании и при участии Ливийских арабских сил.

Вместе с тем италъянцы не сидели сложа руки. Правительство Муссалини постановило в 1933 г., что на военную службу могут призываться не только итальянские граждане, находившиеся в двух провинциях (число которых достигало 110 тыс. человек), но и арабы. На основании этого решения на военную службу было призвано 20 тыс. итальянских колонистов и 70 тыс. ливийцев. Итальянцы формировали такие же ливийские батальоны из ливийских коллаборационистов, тренировали их в лагерях в пустыне, отправляли на фронт. Только в боях под Эль-Аламейном погибло 230 ливийцев, похороненных на итальянском кладбище после войны[12].

Между тем англичане продолжали играть свою игру с Идрисом. В январе 1942 г. А. Иден выступил в палате общин, где высказал удовлетворение сотрудничеством с Идрисом ас-Сенуси и заявил, что британское правительство «по окончании Второй мировой войны поддержит право Ас-Сенуси на Киренаику и не допустит, чтобы этот эмират снова стал итальянской колонией»[13]. В этом заявлении не было сказано о предоставлении независимости Киренаике, но тем не менее содержался намек на это, что позитивно было воспринято ливийцами.

Боевые действия на территории Ливии

13 сентября 1940 г. итальянская 10-я армия в составе 6 дивизий под командованием генерала И. Берти начала наступление из района Тобрука и вскоре завязала бой с английской армией «Нил» под командованием генерала А. Уэйвелла, которая насчитывала 2 дивизии и 2 бригады. 9 декабря 1940 г. англичане, получившие подкрепление, начали наступать и перешли границу с Ливией. В конце января 1941 г. Тобрук стал ареной кровопролитных боев между противоборствовавшими сторонами и был взят британскими частями. Развивая наступление, армия «Нил» совместно с подразделениями ливийских патриотов-антифашистов, сформированными на территории Египта, в начале февраля заняла Бенгази. Одновременно войска «Сражающейся

Франции», наступавшие из Западного Судана (в их составе также были ливийские подразделения), заняли крупный оазис Куфра. Взятием Куфры противник лишился промежуточного аэродрома, без использования которого невозможно было осуществлять воздушное сообщение между Ливией и Итальянской Восточной Африкой.

В подразделения, участвовавшие в боях с фашистскими войсками, вступали не только эмигранты, но и сдавшиеся в плен ливийцы, которые были мобилизованы в итальянскую армию. Численность ливийского военного контингента достигла 14 тыс. человек, в том числе 120 офицеров. Кроме того, английским войскам, расположенным вдоль средиземноморского побережья, и французским подразделениям, вступившим на территорию страны с юга и юго-востока, помогало местное население оазисов. Бедуины устраивали фашистам засады и предпринимали дерзкие набеги на позиции и лагеря итальянцев. Нередко раненых англичан и французов выхаживали в бедуинских шатрах.

В течение зимы 1940–1941 г. вся Киренаика, наиболее обжитая провинция Ливии, была освобождена от итальянских оккупантов. 25 тыс. их солдат и офицеров (в том числе 79 генералов) оказались в плену, остальные были полностью деморализованы. Италия обратилась за помощью к Гитлеру. Германия направила в феврале 1941 г. в Северную Африку танковый корпус в составе танковой и пехотной дивизий под командованием тогда еще никому не известного генерала Э. Роммеля[14]. Начиная кампанию, Роммель вряд ли думал, что проиграет сражение за Африку. Более того, к началу 1941 г. резко осложнилась обстановка в Европе, и англичане, опасаясь немецко-фашистского наступления на Балканах, в феврале 1941 г. приостановили свое продвижение в Ливии, начав переброску части своих войск в Грецию. Этим и воспользовался Роммель.

Объединенные итало-германские войска под командованием Роммеля перешли в наступление и в середине апреля появились в окрестностях Тобрука. В течение двух недель Тобрук героически отражал натиск врага. Вместе с англичанами в боях участвовало все взрослое население города, а также ливийский батальон, личный состав которого почти полностью

погиб. Город неоднократно переходил из рук в руки, бои шли за каждый метр земли, силы были неравными, но защитники Тобрука не сдавались. Фашистское командование вынуждено было принять решение обойти его и двигаться дальше в Египет. А Тобрук выдержал восьмимесячную осаду.

В ноябре 8-я британская армия, возглавлявшаяся генералом А.Г. Каннингемом (в ее составе к тому времени было семь дивизий, пять бригад, свыше 900 танков, около 1300 самолетов), начала наступление против войск Роммеля, имевшего десять дивизий, свыше 500 танков и около 500 самолетов. Активизации действий англичан способствовала изменившаяся военно-стратегическая обстановка, сложившаяся в результате вероломного нападения Германии на Советский Союз. Именно героическая борьба Красной Армии уже в самом начале войны заставила Германию перебросить на Восточный фронт дополнительное число дивизий, в том числе и с африканского театра военных действий, что не только спасло англичан от разгрома в Египте, но и дало им возможность подготовить новое наступление, вернуть себе часть ранее потерянных позиций, включая снятие блокады с Тобрука.

В январе 1942 г. войска Роммеля нанесли, однако, внезапный ответный удар, выбили англичан из Бенгази и вышли на рубеж Эль-Газаля — Бир-Хаким, что в центре Киренаики. Создалось временное равновесие сил, а с ним и наступило затишье, давшее возможность Роммелю начать подготовку ко второму походу на Египет, на что у него ушло четыре месяца.

В мае итало-германские войска возобновили сражение и, прорвав оборону англичан, двинулись на восток. Неожиданно для немцев и итальянцев они были остановлены 2 июня 1942 г. под Бир Хакимом, который оборонялся 1-й бригадой «Свободной Франции», насчитывающей 3,5 тыс. человек при 88 орудиях и 44 минометах и находившейся под командованием генерала П. Кенига. Лишь в ночь с 9 на 10 июня П. Кениг отдал приказ оставить позиции, к чему его вынудила нехватка воды. 2/3 его бригады удалось пробиться на соединение с англичанами. Но бой под Бир Хакимом стал тем камешком, падение которого порождает сход лавины. Задержка немцев у него дала 8-й армии возможность выскользнуть из сжимавшегося вокруг нее

кольца. Не меньшее значение имело то, что на атаки на этот укрепленный пункт ушло драгоценное горючее.

21 июня итало-германские войска захватили Тобрук и к концу месяца, пройдя почти беспрепятственно 400 км по египетской земле, достигли небольшого селения Эль-Аламейн, расположенного в 103 км от Александрии, от которой открывался путь к Суэцкому каналу. За эту операцию Э. Роммелю было присвоено звание генерал-фельдмаршала. Но именно здесь у фашистов иссякли силы, а новые подкрепления не поступали, так как почти все ресурсы Германии и ее союзников поглощал советско-германский фронт. Неся огромные потери под Сталинградом, фашистское верховное командование вынуждено было лишать африканский корпус Роммеля даже тех небольших резервов, которые ему предназначались, и отправлять их на Западный фронт. «Вследствие возросших потребностей на восточном фронте в Африку отправлялось лишь незначительное количество вооружения», — свидетельствовал К. Типпельскирх. Но и те немногие из транспортов подвергались ударам подводных лодок и авиации, базировавшимся на Мальте и в восточной части Средиземного моря. Трудность представляли и растянувшиеся коммуникации армии Роммеля. И он приказал остановиться, перейти к обороне и ждать лучших времен. Фашисты окопались в сахарской земле, но дни их уже были сочтены.

По замыслу верховного командования Великобритании и США сначала предусматривалось нанесение удара по армии Роммеля в Египте (силами 8-й армии), затем вторжение десантных войск двух стран на территорию Марокко и Алжира и в последующем — захват всей Северной Африки, включая Ливию. Операция получила кодовое наименование «Торч» («Факел»).

Генерал Б. Монтгомери решил дать главный бой армии Роммеля на правом, приморском, фланге в районе юго-западнее Эль-Аламейна у местечка Сиди-Хамид. Для того чтобы ввести фашистов в заблуждение, на левом фланге в тылу был оборудован район, где англичане имитировали сосредоточение танковых колонн, строили макеты складов, другие ложные объекты. Этого требовали условия ведения войны в пустыне,

где местность открытая, и разведку врага нужно было увести по ложному следу. Кстати, штаб Роммеля, судя по данным военного музея в Эль-Аламейне, имел довольно разветвленную агентурную сеть. Самой результативной была шпионская группа «Альма-матер», деятельности которой музей посвятил отдельный стенд. Группу возглавляли Джон Эплер и Петер Монкастер, которые, одеваясь в форму английских офицеров, регулярно объезжали позиции 8-й армии, бывали в египетских городах, добывая ценные сведения. Несмотря, однако, на такие «силы», Роммель узнал об истинных планах Монтгомери только на третий день боев, а англичане, в свою очередь, недооценили оборону противника...

Когда 28 октября 1942 г. над пустыней опустилась ночь, более тысячи орудий открыли огонь по фашистским позициям на приморском фронте. В 22 часа за огневым валом последовали танки и пехота 30-го корпуса. Но огонь артиллерии оказался недостаточно эффективным, и атака англичан захлебнулась. Завязался упорный бой. На вторые сутки Монтгомери ввел в сражение три бронетанковые дивизии 10-го корпуса, которые находились во втором эшелоне фронта. Это тоже не привело к перелому. Более того, Роммель, определив направление главного удара англичан, перебросил на приморский фланг свои основные танковые силы. В этой обстановке английское командование решило произвести перегруппировку своих войск, что и было сделано в течение 27 октября — 1 ноября.

На рассвете 2 ноября войска 8-й армии возобновили наступление. С моря их поддерживали корабли ВМС, а ВВС обеспечили полное господство в воздухе. Фашисты, стремясь не допустить прорыва своей обороны, во второй половине дня предприняли танковую контратаку, но понесли большие потери, которые Роммелю нечем было восполнить. Всю ночь 4 ноября в пустыне факелами пылали танки (Роммель потерял их около 200), а к утру 4-я индийская дивизия пробила наконец-то брешь в центре обороны противника на участке в 8 км, и туда незамедлительно устремились главные силы англичан. Над приморской группировкой фашистских войск нависла угроза окружения, и Роммель начал спешно отводить свои соединения на запад.

Британские войска 8 ноября заняли Мерса-Матрух, 13-го Тобрук, 20-го — Бенгази. 27 ноября они в третий раз достигли рубежа у ливийского селения Эль-Агейла, где до этого были дважды остановлены противником. На сей раз длительной задержки не произошло. Роммель, в глубоком тылу которого (в Алжире и Тунисе) уже высадились англо-американские войска, не решился удерживать этот подготовленный к обороне рубеж и 12 декабря возобновил отход. 23 января 1943 г. фашистские войска покинули Триполи, а в первой половине февраля отошли к «линии Марет», еще одному оборонительному валу, сооруженному на территории Туниса, к югу от острова Джерба. Тем временем Феззан перешел под контроль Соединения «Л» «Свободной Франции», которая заняла с 16 декабря 1942 г. по 27 января 1943 г. все южные провинции Ливии. Перед Роммелем была поставлена задача задержать на «линии Марет» наступавшие войска Монтгомери и сохранить за собой хотя бы Тунис как важный стратегический плацдарм в Северной Африке. Но у фельдмаршала к этому времени уже не было ни сил, ни средств[15].

В марте 1943 г. англо-американские войска начали наступление на «линию Марет» с северо-востока, тесня части Роммеля, у которых к концу апреля оставалось всего 120 танков и 500 орудий, тогда как западные союзники имели 1100 танков и около 2000 орудий, а их ВВС — 3000 самолетов[16]. Дни фашистской группы армий «Африка» были сочтены. 13 мая 1943 г. она, брошенная Роммелем, капитулировала. Западные союзники объявили, что они якобы взяли в плен до 240 тыс. человек, но это было опровергнуто позже английским историком А. Тейлором, писавшим: «Союзники взяли в плен около 130 тыс. человек, но после войны эта цифра была раздута до четверти миллиона»[17].

Сфальсифицировано было не только это. Во многих исследованиях, вышедших на Западе, можно прочитать, будто победа союзников на севере Африки явилась чуть ли не «поворотным пунктом» во Второй мировой войне. Несомненно, победа имела для них большое морально-политическое и военное значение, но она не оказала решающего влияния как на снижение боевой мощи фашистского блока, так и на продолжавшееся наращивание его вооруженных сил на советско-германском фронте. Советскому Союзу понадобилось еще два года тяжелых боев,

прежде чем наступил долгожданный день разгрома фашистской Германии.

Описания боевых действий в Ливии взяты из официальных военных сводок того времени и, конечно, представляют собой лишь самые заметные акты драмы, разыгравшейся на североафриканских просторах в 40-х гг. XX в.

Есть один важный аспект североафриканской кампании, который выпал из внимания исследований. Вплоть до начала 70-х гг. в Консульский отдел Посольства СССР в Алжире заходили пожилые русские. Во время гражданской войны они, будучи младшими офицерами либо юнкерами, сражались в рядах Белой армии. Оказавшись после ее разгрома в эмиграции, они вступили во французский Иностранный легион. Они продолжали ненавидеть большевиков и советскую власть, но 22 июня 1941 г. для них стало главным то, что их Родина — Россия — подверглась нападению Германии. Дезертировав из Легиона, эти бывшие белые офицеры присоединились к «Свободной Франции». После войны некоторым из них, кто этого захотел, за участие в войне с фашистами было предоставлено советское гражданство. После выхода в отставку многие из них остались в АНДР. Они получали пенсию от французского правительства и при этом имели советские паспорта.

Был сформированный в основном из русских Истребительный эскадрон (Demolition Squadron) № 1, которым командовал майор В. Пеньяков. Им был разгромлен аэродром под Тобруком, где было уничтожено 20 самолетов противника, осуществлялось минирование в тылу немецких и итальянских войск, взрывались склады горючего и боеприпасов, из концлагерей освобождались военнопленные. Узнав о жестоких казнях заподозренных в сотрудничестве с англичанами ливийцев, которых подвешивали за челюсть на крюк и оставляли умирать на солнце, В. Пеньяков направил письмо командующему итальянскими войсками в Киренаике генералу Патти, предупредив, что за каждого замученного араба он будет расстреливать одного итальянского офицера, и казни прекратились.

Между тем союзники по антигитлеровской коалиции и их противники не только воевали между собой за владение неким пространством, но их войска еще и нещадно бомбили с воздуха,

утюжили танками, рыхлили снарядами и начиняли минами беспокойную ливийскую землю, обитателей которой они называли не иначе как «дикарями» и не считали за людей.

А эти «дикари» выстояли. Через 8 лет после окончания войны они первыми на севере Африки в 1951 г. обрели свободу и независимость. И еще через 30 лет восстановили по крупицам истинную картину происходившего и предъявили вчерашним агрессорам счет за содеянное. Счет, который так и остался неоплаченным.

Самую большую лепту в эту поисковую работу внес триполийский Центр по изучению ливийского «джихада» (священной войны), издавший в 1981 г. «Белую книгу» об ущербе, нанесенном Ливии державами, воевавшими на ее территории во время Второй мировой войны.

Мы были бы необъективными, если бы не придали широкой огласке и ливийскую оценку событий тех минувших дней.

По ливийским данным, за годы Второй мировой войны на территории страны произошло 127 сражений, в которых приняли участие полтора миллиона человек. Города и населенные пункты 3128 раз подвергались воздушным и морским бомбардировкам, во время которых было использовано 16 млн кг взрывчатых веществ. Полностью были разрушены 3 города и 12 деревень. Частичным разрушениям подверглись все населенные пункты, пострадали природный ландшафт и животный мир. Практически полностью исчезло овцеводство[18].

Воевавшими сторонами были созданы обширные минные поля, на которых было установлено более 300000 различных мин. Самым крупным минным полем в мире, по мнению специалистов, стало пустынное пространство в районе Буэрата. Оно простирается по широкой фронтальной части на 45 км. Эта треугольная область Буэрат (на побережье) — Геддахия (на западе) — Бу Нджем (на юге) являлась наиболее удобной для минирования, что, по расчетам Роммеля, должно было остановить продвижение британских войск или надолго задержать их. Однако эти расчеты не оправдались.

В конце войны в Северной Африке на минных полях находилось более 150000 мин и, вероятно, такое же количество еще осталось в земле. Изъятием мин занималась

специализированная фирма в Триполи. Начиная с 1959 г. она обезвредила более 100000 мин. Ежегодно, по ливийским данным, от мин погибали с 1943 по 1964 г. до 100 человек, с 1965 по 1975 г. — до 50 человек, с 1976 по 1996 г. — до 40 человек[19].

Отстаивая справедливость и свои суверенные права, Ливия не раз обращалась на международных форумах с призывом к воевавшим на ее территории державам о компенсации ущерба, нанесенного во время Второй мировой войны, технического и экономического содействия в уничтожении мин, оставшихся после войны. Об этом, в частности, поднимался вопрос на конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран в Лиме, Перу (25–30 августа 1975 г.); на заседании экономической комиссии ГА ООН (25 ноября 1975 г.); на 7-й исламской конференции министров иностранных дел в Стамбуле (12–15 мая 1976 г.); на конференции неприсоединившихся государств в Коломбо, Шри-Ланка (16–19 августа 1976 г.); в течение работы 5-й сессии управляющего совета программы по защите окружающей среды ООН в Найроби, Кения (9–25 мая 1977 г.); на конференции министров иностранных дел исламских стран в Исламабаде (22 мая 1980 г.); на ГА ООН (5 декабря 1980 г.) и др. Однако до конца XX в. ни одна из воевавших стран так и не ответила на требования Ливии о компенсации ущерба и о содействии в обезвреживании мин, за что многие ливийцы поплатились жизнью.

Из этого калейдоскопа фактов, цифр и действий вырисовывается довольно неприглядная правда о той войне, которую на Западе успели назвать даже освободительной.

На самом деле ведущие западные державы, любуясь собственным величием и одновременно воюя между собой, так и не смогли осуществить свои истинные планы по ту сторону Средиземного моря. Фактически обе противоборствовавшие группировки вели не «освободительную войну», а зарились на чужую землю и надеялись превратить ее обитателей в рабов. Но — увы! Их ждало жестокое разочарование. «Дикари пустыни» — ливийцы (а с ними и их соседи — египтяне, тунисцы, алжирцы) отстояли свое право на существование, а агрессоры — эти «цивилизованные дикари», как их называли бедуины, в конце концов вынуждены были ретироваться восвояси,

оставив после себя многочисленные кладбища как память и назидание потомкам.

Таковы «ливийская версия» и ливийская оценка событий тех грозных 40-х гг. XX в. Станет ли это уроком для человечества XXI в.?

Война окончилась. Свобода не наступила

Одержав победу на севере Африки, союзники по антигитлеровской коалиции поспешили закрепиться на захваченных территориях, заботясь не об освобожденных народах, а о сохранении своих собственных позиций и интересов. На обстановку внутри страны оказывали громадное давление внешние силы, не желавшие уступать свои позиции в Ливии. Английская и французская колониальные администрации внутри страны и ведущие мировые державы на международной арене делали все возможное, чтобы оттянуть предоставление Ливии независимости.

В период войны ливийцы оказывали Великобритании и Франции значительную помощь. Одни сражались на фронте в составе вооруженных сил, другие в составе «командос» действовали в тылу противника. Всячески помогало союзникам местное население, за что тысячи ливийцев были замучены и расстреляны фашистами, а их жилища разрушены.

В уже упоминавшейся нами «Белой книге», подготовленной Центром исследований ливийского «джихада», констатировалось, что «каждая ливийская семья потеряла одного или более своих членов в этой войне или в результате ее последствий, и до сего дня ливийские матери продолжают оплакивать своих трагически погибших сыновей»[20].

Пока ливийцы боролись и гибли в борьбе с фашизмом, их весомый вклад в дело освобождения своей родины отмечали и союзники. «Мы приветствуем их (ливийцев. — *Авт.*) союз с королевскими английскими войсками с целью разгрома общего врага», — заявил, например, в палате общин 8 января 1942 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден[21]. Но он же и добавил, что вопрос о независимости Ливии может

быть решен только после полного освобождения Киренаики и Триполитании[22], давая этим понять, что Великобритания не намерена заранее вести переговоры о будущем страны, хотя в благодарность за оказанные услуги находившийся в эмиграции эмир Идрис ас-Сенуси и был возведен в ранг полномочного представителя британской короны в Ливии[23].

Через месяц, в феврале 1942 г., британское правительство отвергло предложение Идриса провести переговоры о предоставлении независимости отдельно Киренаике, о чем с Лондоном он имел секретное соглашение[24]. Тогда англичане еще не предвидели, во что выльется североафриканская кампания против германо-итальянских войск, и потому подписали соглашение, дававшее возможность использовать ливийцев в борьбе с фашизмом, но когда победа была уже не за горами, Великобритания без особых церемоний отказалась от этого соглашения с Идрисом — дипломатия уступила место силе.

11 февраля 1942 г., т. е. за год до освобождения Ливии, британский генерал Б. Монтгомери в обращении к ливийскому народу объявил, что вся территория страны перейдет под управление британской военной администрации «до окончания мировой войны, а не до окончания боевых действий на севере Африки», как это было заявлено ранее[25]. Генерал при этом добавил: «Военная администрация не намерена заниматься такими политическими вопросами, как будущее страны, но она будет руководствоваться принципами справедливости, отвечающими интересам ливийского народа»[26].

Через месяц, в марте 1942 г., штаб британской военной администрации, разместившийся в Аджабии, объявил, что он распространяет свое управление не только на Киренаику, но и на Триполитанию.

В январе 1943 г., т. е. накануне полного освобождения Ливии от фашистской оккупации (это произошло 27 января), командующий 18-й группой англо-американских войск британский генерал Александер и командующий войсками «Сражающейся Франции» генерал Леклерк (в то время он командовал бронетанковой дивизией, участвовавшей в боевых операциях в Тунисе) подписали соглашение о переходе территории Ливии под контроль двух военных администраций — британской и французской[27].

«Принципы справедливости», о которых говорил предшественник Александера генерал Монтгомери, были теперь попросту отброшены.

Все это было решено без ливийцев, и поэтому премьер-министр Великобритании У. Черчилль, прибывший в Триполи 4 февраля 1943 г. на празднование освобождения Ливии, был «монументален и невозмутим». «Рядом с ним, — пишет английский исследователь Дэвид Рольф, — стоял Монтгомери и смотрел, как под звуки оркестра... маршируют самые знаменитые шотландские полки... На вершине триумфальной арки Муссолини, под которой проходили войска, неподвижно стоял солдат в килте. Это был настоящий спектакль, у премьер-министра выступили слезы, так он был растроган... После завтрака Черчилль отправился на встречу с солдатами 2-й новозеландской дивизии, где произнес одну из своих типичных зажигательных речей: "Противник выброшен из Египта, из Киренаики, из Триполитании. Он почти исчерпал свои средства борьбы, и предстоит решающая схватка в Тунисе"».

Генерал-лейтенант Фрейберг так вспоминал об этом: «... Это был самый впечатляющий парад за годы моей службы». Но на других, например на лейтенанта Борда, торжества впечатления не произвели: «Мы собрались послушать, что скажет премьер-министр, надеясь услышать что-нибудь о нашем будущем после окончания Тунисской кампании. Но мы были разочарованы. Кроме поздравлений и обещаний более тяжелых боев мы не услышали ничего»[28].

Ливийцев даже не пустили на этот парад, проходивший в их столице, в освобождении которой они тоже принимали участие.

Правящие круги Запада «забыли» свои обещания относительно предоставления независимости многострадальному народу Ливии за его вклад в общую победу над фашизмом. Английские войска остались в Киренаике и Триполитании, французские оккупировали Феззан. На помощь к ним подоспели американские «командос», оборудовавшие себе базы на ливийской земле... для защиты «жизненно важных интересов» США... Одни колонизаторы были повержены, но их место заняли другие.

ГЛАВА IX

ОТ РАЗРУХИ ШАГОМ ПОД БРИТАНСКИМ ФЛАГОМ

Британские и французские войска, оккупировавшие Ливию в 1943 г., получили в свое распоряжение совершенно разоренную и разрушенную страну. Полувековая борьба с итальянским экспансионизмом и военные действия на территории Ливии в период Второй мировой войны принесли ливийскому народу неисчислимые бедствия. Были полностью или частично разрушены все крупные населенные пункты. Покидая 21 июня 1942 г. Тобрук, фельдмаршал Э. Роммель констатировал, что в городе «все здания сровнены с землей или представляют собой кучи обломков»[1]. 18 ноября 1942 г. немецко-фашистские войска, отступая из Бенгази, взорвали порт и его сооружения, вывели из строя все крупные здания и «навели ужас, — как записал тот же Роммель, — на население этого бедного городка»[2]. Пепелища и развалины оставили фашисты в Триполи, что позже в 1953 г. подробно опишет английский историк М.Х. Исмаил в книге «Вторая мировая война на Средиземном море»[3].

Были разрушены дороги, мосты, электростанции, больницы и школы, источники водоснабжения, сельскохозяйственные фермы и промышленные предприятия. Общий ущерб, нанесенный Ливии в период Второй мировой войны, по данным ЮНЕСКО, составил 605 млн ливийских динаров, или 2 млрд долл.[4]

Большинство ливийцев влачило жалкое существование. Среднегодовой доход на душу населения составлял в 1945 г. 15 долл.[5], т. е. был одним из самых низких в мире. Свыше 90% местных граждан было неграмотно, почти отсутствовало медицинское обслуживание, около 10% составляли слепые[6]. Если до начала Второй мировой войны итальянцы, применявшие наемный труд, пытались создать фермерские хозяйства и фабрично-заводское

производство, то после поражения и ухода итало-германских войск картина изменилась: часть итальянских владельцев уехала, некоторые из них передали (или продали) свою собственность (всего у итальянских колонистов находилось 230 тыс. га, или 10% всех обрабатываемых земель[7]) богатым ливийским семьям, сотрудничавшим с колонизаторами, но в основном производство было свернуто, а угодья пустовали.

В отличие от итальянцев, рассматривавших Ливию как свой «четвертый берег», а потому развивавших ее, британские и французские оккупационные власти, а также подоспевшие туда американцы начали считать захваченные ими ливийские территории прежде всего в качестве военных плацдармов, хотя им и предстояла большая работа по восстановлению всей инфраструктуры страны. В этой связи хотелось бы возразить английскому историку Дж. Райту, автору «Современной истории Ливии» и арабским переводчикам этого труда А.Х. аль-Мийяру и А. аль-Язури, утверждавшим, будто «СССР тоже проявлял в те годы “интерес” к Ливии и потому согласился на оккупацию страны»[8]. Вышеназванным авторам, хотя они во многих случаях объективно излагают историю Ливии, по-видимому, известно, что в то время как Великобритания, Франция и США обосновались на севере Африки, строя в отношении освобожденных от оккупантов территорий неоколонизаторские планы, СССР продолжал вести тяжелую войну против Германии, и советскому народу было тогда не до «интересов» в Ливии. Но даже в те тяжелые дни на состоявшейся 28.XI — 1.XII.1943 г. в Тегеране конференции глав трех держав (СССР, США, Великобритания) по инициативе Советского Союза была достигнута договоренность о послевоенном справедливом мире и сотрудничестве, на основании которой СССР после окончания войны настоял на обсуждении вопроса о судьбе итальянских колоний, в том числе и Ливии.

Просенуситская Киренаика

По правилам Гаагской конвенции англичане несли ответственность за управление Киренаикой как оккупированной вражеской территорией. Положение Киренаики было несколько

необычным, так как суверенные власти Италии практически покинули страну — армия, полиция, административные структуры и колонисты разбежались перед прибытием 8-й армии в ноябре 1942 г. Не осталось никого, кто мог бы представлять итальянские гражданские органы власти, административные и юридические организации и функционировать под британским контролем. Основное отличие Киренаики от других итальянских колоний состояло в том, что ее жители не боролись вместе с итальянцами против англичан. Наоборот, все, кто был в состоянии, сражались на британской стороне. Киренаикцы с большой надеждой ожидали прихода англичан, потому что они не сотрудничали с оккупантами и были глубоко разочарованы, когда узнали, что по условиям все той же Гаагской конвенции англичане были обязаны сохранять итальянский «суверенитет» и не предпринимать никаких конституционных изменений, влияющих на будущий статус страны.

В течение первых лет английской оккупации Идрис ас-Сенуси оставался в Египте и его визиты в Киренаику были нечастыми. Ливийская элита, состоявшая почти исключительно из сенуситов и вождей племен, во время войны находилась в эмиграции, концентрируясь вокруг Идриса. Он занимался главным образом репатриацией ливийских эмигрантов, из которых около 20 тыс. вернулись из Египта, Судана и Палестины в первые месяцы после победы войск союзников под Эль-Аламейном[9]. Его отношения с британской администрацией в тот период были весьма сдержанными. Идрис не участвовал в антибританских интригах, исходивших из Каира. Посвятив свою жизнь борьбе ливийцев против колонизации, он считал главным поддержку арабской солидарности и независимости. Он не верил в искусственные границы между арабами с их общей религией, языком и развитием по единому пути. В то же время, принадлежа уже к новому поколению религиозных лидеров, которые в большей степени стали политиками, Идрис не одобрял методов запугивания, разрушения и подрывной деятельности против империализма, поскольку, с его точки зрения, они шли вразрез с учением ислама и были несовместимы с его представлением о мире и религии. В равной мере он не признавал попыток одной части арабского мира установить свой

контроль над другой, так как такие амбиции усиливали враждебность и беспорядки и могли только ослабить арабское общество в целом. За тесное сотрудничество с англичанами арабские националисты считали Идриса английской марионеткой, хотя в воспоминаниях англичан, лично знавших его, он характеризовался как убежденный и непреклонный борец за свободу арабов, их полную независимость от иностранного правления[10].

Ливийцы, несмотря на свою бедность, были возбуждены одержанной победой, в воздухе витали оптимизм, возвращение к традиционному укладу, жажда новой жизни. С приездом эмигрантов воссоединялись семьи, земли возвращались их бывшим владельцам, поголовье домашнего скота постепенно увеличивалось. К английским солдатам ливийцы испытывали скорее чувство признательности.

Целью военной администрации было в первую очередь восстановление работы общественных служб и обеспечение населения продовольствием. Необходимо было заполнить вакуум в административных органах после итальянской эвакуации. Эту работу возглавил бригадный генерал Дункан Камминг с группой английских офицеров, которым помогали арабы из Ливийских арабских сил или имевшие опыт административно-хозяйственной деятельности при итальянцах. Их было не так много. На первых порах Киренаикой управляла административная группа, состоявшая из сотни британских офицеров и десятка арабских чиновников. Некоторые из англичан имели колониальный опыт, но в основном это были военные из действовавших подразделений. Арабские должностные лица включали таких ливийцев, как Хусейн Мазик, Абдул Салам бу Шейкри, Мухаммед бу Кувейтин, Сенуси аль-Атейуиш и Али Джераби, которые позднее вошли в состав правительства независимой Ливии[11].

В добавление к проблемам восстановления мирной жизни много трудностей создавали мины. В связи с многочисленными несчастными случаями среди местного населения пришлось вновь открыть четыре бывших военных итальянских госпиталя в Бенгази, Дерне, Барке и Массасе. Туда же отвозили больных оспой и лихорадкой, туберкулезом и трахомой, большим был процент болевших венерическими болезнями. Невозможность

создания надлежащих условий стерильности являлась причиной высокой детской смертности. Врачи были в дефиците, уход обеспечивали медсестры и священнослужители-католики — единственные категории оставшихся итальянцев. За все время правления английской администрации они составляли основной костяк медицинской службы в больницах.

Гражданские службы обеспечения электричеством, водой и санитарных условий были полностью разрушены. Здания представляли собой развалины камней, заселенных крысами. И если даже имелись материалы и техника для восстановления водных и сточных магистралей, то сделать это было невозможно, так как они были намеренно подорваны, а планы пролегания всех коммуникаций уничтожены.

Единственное, что не составляло проблемы — это поддержание общественного порядка, которое взяли на себя Ливийские арабские силы, преобразованные для этих целей в жандармерию под названием Силы безопасности Киренаики. Благодаря им за все время английского присутствия уровень преступности был незначительным, несмотря на то что на руках у гражданских лиц было много оружия, оставшегося после военных действий. Администрация сознательно не шла на их разоружение, помня о бедуинской гордости владения оружием.

Относительно небольшая численность населения была важным фактором в восстановлении нормальной жизни на территории Киренаики. Как было указано выше, число ливийцев значительно уменьшилось еще при итальянской колонизации. В начале войны численность итальянской армии в два с половиной раза превышала арабское население. Английский офицер, майор Эванс-Причард, позднее — профессор антропологии Оксфордского университета и автор фундаментального труда «Сенуси Киренаики», по долгу службы изъездил всю Киренаику, и, по его оценкам, число бедуинов и жителей оазисов составляло 150 тыс., сюда можно было добавить еще 30 тыс. обитателей только четырех или пяти городов и деревень[12]. Перед англичанами стояла довольно сложная задача по восстановлению разрушенного хозяйства страны, и если английские солдаты и офицеры, работавшие в контакте с местным населением, налаживали с ними дружественные отношения, не задумываясь

о государственном устройстве освобожденной ими страны, то политики строили свои стратегические планы о закреплении захваченных позиций.

Западные страны не признавали Ливию единым государством и пытались управлять ею раздельно в каждой из провинций, чтобы легче было организовать подчинение своим интересам. В стране были нарушены традиционные внутренние экономические и торговые связи, а в каждой провинции были даже введены различные денежные знаки.

Британская военная администрация находилась в подчинении своего верховного главнокомандования на Ближнем Востоке, назначившего в 1944 г. бригадного генерала Блэкли главным военным начальником Триполитании, а бригадного генерала Камминга — Киренаики. Последний заявил, что он военный, а не гражданский деятель, и потому «политика — это не та сфера, в которой следует действовать»[13].

Киренаика была вначале разбита на семь районов, затем укрупнена до трех — Дерна, Эль-Джебель-эль-Ахдар, Бенгази, — где английские офицеры возглавили местные администрации. На службу было принято около 450 местных чиновников, среди которых было много итальянцев (за исключением лиц, сотрудничавших с фашистами)[14].

В отличие от Триполитании, оказавшейся несколько удаленной от важных политических перекрестков послевоенного периода, Киренаика граничила с Египтом, где находились многие видные ливийские эмигранты, включая Идриса ас-Сенуси, поддерживала связи с арабским Машриком, оставалась цитаделью сенуситского движения. Положение Мухаммеда Идриса было затруднительным. Весьма проницательный в политическом праве, он оценил, что возвращение в Киренаику в ином качестве, чем признанным эмиром (каким он стал в 1921 г.), ослабит его позицию в случае получения независимости: это будет равносильно подчинению иностранной власти. Это узаконит отречение от тех фундаментальных принципов, за которые киренаикцы боролись в течение тридцати лет. На приглашение британцев вернуться в Киренаику со всеми почестями, которые соответствовали бы ему как правителю, он ответил вежливым отказом, мотивируя тем, что до тех пор,

пока его позиция не будет четко определена, такое положение будет ущемлять его правление и, возможно, усложнит действия военной администрации. За такое отношение к сотрудничеству с англичанами Идрис подвергался критике, но его позиция была неизменной — независимость Ливии и признание мусульманского главы государства при первой же возможности.

А в Киренаике тем временем развернули активную деятельность радикально настроенные политические группировки. Сразу после изгнания фашистов, 4 апреля 1943 г., было объявлено об открытии в Бенгази спортивного клуба имени Омара аль-Мухтара. Под его вывеской начали вести борьбу многие патриотически настроенные деятели страны, образовавшие этот «клуб», еще находясь в составе ливийских воинских частей, сформированных на территории Египта и участвовавших в освобождении Ливии от фашизма[15]. 6 июня 1943 г. вышел первый номер газеты «Барка ар-Риядия», с августа стал издаваться ежемесячник «Маджаллат Омар аль-Мухтар» — печатные органы клуба. В этих изданиях, а также в поддерживавшей их частной газете «Аль-Ватан» публиковались статьи, требовавшие установления в Киренаике республиканской формы правления и поддерживавшие юнионистские устремления триполитанцев[16].

Деятельность клуба, получившая значительный размах и поддержку в Киренаике, была направлена явно против коллаборационистского сенуситского руководства, и это обеспокоило Лондон. Только Идрис ас-Сенуси, как считали в Великобритании, мог сдержать усиливавшийся накал антиколониальной борьбы или хотя бы направить его по нужному для англичан руслу, и эмиру было предложено вернуться из эмиграции. Сам Идрис ас-Сенуси вел политику лавирования с учетом интересов западных держав — США, Великобритании и Франции, но основную ставку он сделал на Великобританию. 1 марта 1949 г. он при английской поддержке провозгласил независимость Эмирата Киренаики.

Визит Мухаммеда Идриса в Киренаику в июле 1944 г. был событием большого значения, поскольку он находился в эмиграции 22 года. Киренаикцы выказали ему почтение, которое они сохранили к нему как к главе сенуситского ордена и лидеру

борьбы против итальянцев. В городах молодые ливийцы, выросшие при колонизаторах, приспособили все что можно от прошлых официальных церемоний по случаю важной встречи. Повсюду в городах и деревнях использовались крылатые фразы арабского национализма, показавшие влияние большого числа арабов, вернувшихся из эмиграции из Египта и других арабских стран. Идрис обратился с призывом к объединению и поддержке военной администрации. Он высоко оценил действия англичан по восстановлению страны. Бригадный генерал Камминг оказался хорошим администратором и дальновидным человеком, обладавшим к тому же большой энергией и вовлекавшим в дело восстановления самих киренаикцев.

По прибытии в Бенгази Идрис ас-Сенуси призвал народ к сплочению с британской администрацией через создание различных обществ и партий, видя в этом путь к «счастливому процветанию». Членам клуба имени Омара аль-Мухтара он пожелал успехов не в политической деятельности, а в развитии спорта, чем и порекомендовал им заниматься[17]. По существу, в этой речи содержался призыв к объединению вокруг Идриса ас-Сенуси всех монархических и просенуситских элементов против тех, кто ратовал за республику и за объединение с Триполитанией.

Возвращение Идриса ас-Сенуси обострило противоречия между политическими группировками Киренаики и привело к поляризации сил, выступавших за монархию и за республику. Это вызвало и раскол среди членов клуба имени Омара аль-Мухтара, одна часть которых начала ратовать за независимость только Киренаики и утверждение в ней власти эмира, а другая — стала еще непримиримее в отношении англичан, но выступила за тесные контакты с Египтом[18].

Эти действия, во-первых, имели явную сепаратистскую направленность и, во-вторых, знаменовали собой раскол в национальном движении Киренаики на монархистов и республиканцев, что, несомненно, отвлекало ливийцев от главного — от борьбы за независимость и целостность страны.

В апреле 1945 г. видный киренаикский деятель Омар Мансур Кехья выступил с планом сотрудничества с Великобританией, включая предоставление ей военных баз, если та признает

независимость Киренаики[19]. План был одобрен Идрисом ас-Сенуси и вручен в апреле 1945 г. британскому госминистру Э. Риггу. Было видно, что наиболее именитая часть киренаикских семей не против пойти на значительные уступки ради сохранения своего положения: будущее, видимо, их пугало, но Великобритания явно тянула. Тогда 26 июля 1946 г. в Аль-Байда состоялось совещание шейхов племен, на котором были выдвинуты требования о передаче им всей полноты власти и об объявлении Киренаики независимым эмиратом во главе с Идрисом ас-Сенуси.

В декабре 1946 г. в дождливый зимний день в аэропорту Бенина, пригороде Бенгази, приземлился самолет из Судана, на котором прилетел новый шеф-секретарь главы британской администрации Эрик де Кондоль. На пути от аэропорта в город единственными признаками жизни были несколько гуртов овец, жавшихся друг к другу от холодного пронизывающего ветра. Огни предместья Фуехата светились только у военного лагеря, а весь город утопал в темноте и пустоте.

За четыре года военного администрирования была восстановлена территория до мало-мальски нормальной жизни, но аскетизм и импровизация были основными моментами деятельности управленческих органов. Бенгази все еще представлял собой город с большинством полуразрушенных зданий, оставшихся от итальянцев. Бóльшая часть фашистских лозунгов была сорвана и заменена портретами сенуситского лидера Идриса. Итальянские поселенцы даже не предпринимали попыток возвращения в Киренаику — им не было места на территории, на которой имя Италии стало синонимом ненависти. Не было заключено еще никакого мирного соглашения, никто не знал, какой статус представляет собой бывшая итальянская собственность, оставленная в стране в виде беспорядочно сваленной кучи камней — скорбного свидетеля ущерба и разрушений войны. Периодические взрывы еще потрясали стоявшие здания, когда неразорвавшиеся бомбы или мины неожиданно детонировали от неосторожного обращения. Размещение людей, как местного населения, так и администрации, было проблематичным. Жилые помещения арабских кварталов оставались без света и воды, в итальянских дела обстояли

ненамного лучше. Хотя после окончания войны прошло полтора года, армия находилась в состоянии боевой готовности. Территория жила под стрессом военных условий.

Сразу после прибытия де Кондоля начались приготовления к новому приезду Идриса, находившегося в Каире, в Киренаику. В конце декабря вечером небольшая группа офицеров уже ждала эмира в Бенгази, куда он прибыл с очередным визитом. Прием был пышным. Поприветствовав гостя, все направились в бывший дворец Грациани, расположенный в центре города. Это был третий визит Идриса в Бенгази с 1921 г. Тогда на банкете у Омар-паши аль-Кехья, в то время турецкого наместника, отмечался договор, заключенный в Эр-Раджме. Теперь у дворца стояли британские и киренаикские солдаты, салютовавшие эмиру ружейной стрельбой. В большом зале дворца уже собрались именитые гости, воевавшие вместе с Омаром аль-Мухтаром, шейхи ряда племен, постаревший Омар-паша, Мухаммед ар-Рида, брат Идриса, Сафи ад-Дин и другие представители киренаикской элиты. Тут же сидели делегации триполитанских лидеров, специально прибывшие в Бенгази для участия в обсуждении перспектив создания ливийского союза.

Мухаммед Идрис ас-Сенуси, ведущая фигура церемонии, в белой одежде и в свои 50 лет выглядел словно ему было 25. Та же достойная эмира осанка, аскетический лик, острый взгляд, сдержанная улыбка. Он прошел медленно и как-то отстраненно мимо всех и затем занял место рядом с генералом Демпсеем, английским наместником в Каире, специально прибывшим на эту встречу. Присутствовавшие в зале мгновенно замолкли. Так все это описал в своих мемуарах Эрик де Кондоль[20].

В короткой речи генерал Демпсей поприветствовал Идриса, зачитав речь на английском и арабском языках. От имени короля Георга VI эмиру был вручен орден Кавалера Британской империи в знак признания его заслуг в минувшей войне. Презентация сопровождалась другими выступлениями, за что в ответном слове Идрис поблагодарил всех присутствовавших. Как написал де Кондоль, «это было “второе вхождение во власть” лидера сенуситов, сохранившего свое достоинство в период

пребывания в эмиграции. Сама церемония выглядела респектабельно: сенуситские шейхи были в бедуинской традиционной одежде, городские чиновники — в фирменных мундирах, британские офицеры — в парадной форме. На улице стояли кавалеристы, ожидая салюта»[21].

Поздним вечером Идрис в сопровождении де Кондоля отправился в отведенную для него скромную резиденцию на итальянской вилле на улице Мартино, где состоялась их первая и важная беседа обо всех ливийских проблемах. Британский представитель прекрасно владел арабским, поэтому переводчика не потребовалось.

Из этого важного разговора с Идрисом Кондоль вынес самое положительное впечатление. Чувствовалось, что Идрис был осведомлен о событиях и его интересовали различные подробности, а главное, какими путями идти, чтобы быстрее получить свободу если не для всей Ливии, то хотя бы для Киренаики. Он мастерски вел беседы, как в свои лучшие годы, делая упор на непримиримую и длительную борьбу с итальянцами и на доверие Великобритании. Он не рассчитывал на быстрый успех, не строил иллюзий. Он был против возвращения итальянцев, но не спешил с созданием чисто мусульманского правительства.

В течение короткого пребывания эмир встретился с большим числом шейхов и политических деятелей. В беседах с представителями Триполитании и Феззана он заявил, что киренаикцы поддержат идею создания объединенного Ливийского государства. «К сожалению, — отметил, в частности, Идрис, — даже через год после окончания Второй мировой войны мы так и не продвинулись вперед в реализации наших национальных устремлений»[22]. Шейхи настаивали, чтобы он остался в Киренаике, а не возвращался в Египет. В ответ на их настоятельные просьбы Идрис сказал: «Я вернусь и буду находиться в Египте до тех пор, пока не получу официального признания моего права представлять ливийцев на всех международных переговорах». Однако на требования лидеров племен о создании Национального фронта Киренаики (аль-Джагба аль-Ватанийя) он дал утвердительный ответ, добавив, что это — «дело не сегодняшнего дня, а будущего»[23].

Идрис ас-Сенуси поддержал идею создания Национального фронта — политической организации, которая должна была координировать деятельность традиционалистов и сторонников англичан[24]. 30 ноября 1946 г. Национальный фронт, насчитывавший 75 человек (в основном шейхи племен, сторонники Идриса ас-Сенуси)[25], выступил с декларацией, призывавшей англичан признать создание правительства во главе с эмиром в качестве первого шага на пути к самоуправлению.

Комментируя британские предложения в ООН о немедленном предоставлении Ливии независимости (апрель — май 1946 г.), Идрис в беседе с главой британской администрации выразил сожаление о позиции других великих держав, высказавших опасения за безопасность и порядок на ливийской территории (другие великие державы как раз опасались, что в Ливии может быть увековечено английское присутствие. — *Авт.*). Идрис еще раз подтвердил, что он против возвращения итальянцам права контроля над Ливией под каким бы предлогом это не было сделано: «Это вызовет в нашем народе всеобщее негодование — не для этого мы воевали с ними так долго»[26]. Эмир отвергал и любые формы иностранной опеки или контроля, т. е., по существу, высказал свою принципиальную позицию по всем наболевшим вопросам, интересовавшим ливийцев и англичан. Де Кондоль записал в дневнике: «В тот вечер я покинул виллу, убежденный, что Идрис ас-Сенуси именно тот деятель, который способен возглавить Ливийское государство — по чертам своего характера, эрудиции и религиозным и политическим убеждениям, крайне необходимым человеку на таком высоком посту... Я оказался притянутым к нему каким-то волшебным магнетизмом».

На следующий день, когда де Кондоля расспрашивали об Идрисе, тот ответил: «Эмир очень близок к тому, о чем мы говорим. Но он также не отказался от мысли вернуться в Египет».

В последующие месяцы своего пребывания на посту шеф-секретаря британской администрации де Кондоль имел возможность совершать поездки по стране, посмотреть, как и чем живут бедуины от побережья до суданских границ. Он нашел жителей пустыни в колоссальной депрессии,

возбужденных и опасавшихся за свое будущее. Никто их них не выпускал из рук оружия, а в глазах можно было прочитать только ненависть и недовольство. Все они говорили: «Дайте нам независимость сейчас под руководством Идриса, а в будущем мы сами решим свою судьбу». Возбужденный увиденным и услышанным, де Кондоль изложил в штабе британской военной администрации свою точку зрения на ливийскую проблему. Ее долго обсуждали и наконец в январе 1947 г. в Лондон были отправлены следующие поэтапные рекомендации:

1. Военная оккупационная администрация может быть продолжена только на короткий срок.
2. Образование арабского государства под британским патронажем и с финансовой помощью допустимо, но не менее чем на 10 лет, в течение которых нужно подготовить местные административные кадры и провести реформы в области образования и технического развития.
3. В период второго и третьего этапов движения к независимости Киренаика может быть объединена с Триполитанией в федеративную Ливию. Союз или альянс с великой державой тоже может быть рекомендован[27].

Эта программа и была взята за основу политики Великобритании в отношении Ливии. Слабость ее состояла в зависимости от ряда неопределенных факторов.

Основной задачей, решавшейся британской администрацией, было восстановление системы образования. Начиная с 1943 г. открылись около 50 начальных школ, обучение в которых шло на арабском языке. Они были размещены в зданиях бывших итальянских школ в городах и сельских центрах. Преподавательский состав — местные ливийцы, в большинстве получившие образование в Египте. В 1947–1949 гг. были открыты средние школы в Бенгази и Дерне с отделениями-интернатами. Четыре школы-интерната были открыты для мальчиков бедуинских семей в Эль-Абъяре, Куббе, Джердисе аль-Абиде и Тобруке. Школы для девочек открылись в Бенгази и Апполонии и педагогические училища для учителей этих школ, как мужчин, так и женщин, в Бенгази. Коммерческое училище было основано

в Бенгази, но ему не хватало квалифицированного преподавательского персонала, учебников и оборудования. Ситуация улучшилась с прибытием из Египта 42 учителей-мужчин и 10 женщин. Это позволяло обеспечить образование ливийцев на родном языке, а в перспективе и создать основу для системы высшего образования[28].

С первых дней работы английской военной администрации в Киренаике в аппарат управления были приняты около тысячи ливийцев, включая чиновников в шариатские и гражданские суды, учительские, сельскохозяйственные и лесные ведомства, почтовые отделения. Проведенные мероприятия стали давать первые результаты. Возобновились торгово-экспортные связи с соседними странами. В 1948 г. 10000 т ячменя было отправлено в Триполитанию и около 7000 голов крупного скота и 100000 овец — на Мальту, в Египет и Грецию.

В конце лета 1947 г. де Кондоль был проездом по рабочим делам в Каире, где встретился с Идрисом. Он рассказал сенуситскому лидеру о работах, проводимых английской администрацией, и передал пожелания от шейхов и вождей племен Киренаики о его скорейшем возвращении на родину. Идрис не был расположен давать какого бы то ни было обещания до официального признания его статуса эмира Великобританией и вновь повторил все свои условия о получении независимости. Он высказал убеждение, что события в пользу Ливии могут развиваться адекватно укреплению союза Киренаики с Великобританией, и сообщил о своем намерении прибыть с долгосрочным визитом в Бенгази в ноябре 1947 г.

Британские власти начали активно готовиться к приему Идриса. Срочно возобновилось восстановление разрушенного бомбовыми ударами дворца Манар, который вместо виллы на Мартино должен был стать резиденцией эмира во время его визита в Киренаику. Были реставрированы зал на втором этаже и две спальни. Подобрали даже повара и обслуживающий персонал. Все эти работы по поручению британской военной администрации возглавлял лично Эрик де Кондоль. Идрис выехал из Каира 3 ноября 1947 г. по шоссе на Бенгази. Вдоль всего 500-километрового пути от египетской границы до Бенгази собрались бедуины и местные жители, чтобы

приветствовать своего лидера. Существовали опасения, что могут быть провокации или попытки покушения, даже подготовили местный госпиталь на такой случай, но все обошлось без эксцессов. На дороге при въезде в Бенгази была воздвигнута триумфальная арка там, где его ожидали. Вместе с кортежем сопровождения Идрис подъехал к дворцу Манар, у которого стоял почетный караул из британских моряков и драгун и киренаикских солдат. Напротив — шейхи племен, именитая знать города, собравшиеся, чтобы продемонстрировать свое уважение эмиру. Генерал Хауг попросил де Кондоля произнести приветственную речь на арабском языке. В ней он напомнил обещание А. Идена, сделанное в 1942 г. о том, что Киренаика никогда не отойдет обратно к Италии, потому что Великобритания никогда не забудет поддержку эмиром Сенуси английских войск в минувшей войне. Э. де Кондоль призвал предпринять практические шаги сотрудничества и подготовки к самостоятельному управлению страной. Краткая речь британского представителя вызвала неожиданно бурные аплодисменты. Как он выяснил позднее у арабских лидеров, в Киренаике циркулировали упорные слухи о возможности передачи Ливии вновь под итальянскую опеку. Его слова пришлись как нельзя кстати и прозвучали опровержением этих домыслов[29].

Из Бенгази Эрик де Кондоль уехал через три месяца, и все это время он был свидетелем «хороших», по его мнению, дел Идриса, которому даже помогал в «обработке» местных лидеров, склонял их к сотрудничеству с обещанием высоких постов в будущей арабской администрации. Посредническая деятельность Идриса нравилась далеко не всем, не все соглашались вести переговоры с ним открыто, многие хотели, чтобы свои дела Идрис вел самостоятельно, без присутствия представителей английской военной администрации. Это учел и тот же де Кондоль, деликатно покидавший арабских собеседников эмира, хотя тот, в свою очередь, нередко подчеркивал, что на проводившиеся в Бенгази консультации он еще не получил мандата официально признанного британскими властями эмира Киренаики[30].

Неоднозначно встретили Идриса и представители некоторых молодежных организаций, сформированных, по мнению Э. де Кондоля, под эгидой египетского консульства в Бенгази и открывших свои представительства за несколько месяцев до описываемого визита эмира. Одна организация называлась «Молодежная лига» («Рабинат аш-шабаб»), а официально числилась как футбольный клуб имени Омара аль-Мухтара, занимавшегося решением социальных и спортивных проблем. Другая, более консервативная группа «Национальный фронт» («Джагба аль-ватанийя»), состояла в основном их тех, кто сражался против итальянских оккупантов. Обе эти организации, имевшие своих последователей в Бенгази и Дерне, хотя и были немногочисленны, открыто выступали в поддержку арабского национализма. Они, однако, не привлекали большого общественного внимания, но и не предпринимали никаких противозаконных действий. В декабре 1947 г. по настоянию эмира клуб имени Омара аль-Мухтара был закрыт и распущены все политические партии. Общественность же призывала к объединению. Поэтому в январе 1948 г. ведущие вожди племен, городские служащие, включая представителей еврейской общины (в то время в Киренаике проживало около 6000 евреев, в Триполитании — 29000, из них в Триполи — 21000[31]) создали Национальный конгресс, в который вошли и молодые горожане. Исполнительный комитет возглавил брат эмира Мухаммед ар-Рида, подготовивший программу будущего развития страны, основанную на принципах независимости эмирата под руководством Идриса ас-Сенуси.

За время своих визитов в Киренаику после эмиграции эмир сделал то, что не мог сделать раньше — он сумел смягчить внутриполитическую напряженность в стране, что дало возможность продолжать переговоры.

В общественной жизни Киренаика оказалась изолированной от Триполитании. Итальянская газета «Коррьере делла национе» писала 13 июня 1947 г.: «Триполитания и Киренаика, существовавшие ранее собственной взаимодополняющей друг друга экономикой, в настоящий момент разобщены и живут как два далеко отстоящих один от другого мира, а не как смежные районы, имеющие общую границу».

Республиканская Триполитания и бедуинский Феззан

Триполитания была разделена на три провинции — Триполи, Восточную и Центральную с центрами в городах Триполи, Мисурата и Гарьян, каждая из которых разбивалась еще на пять районов. Во главе этих районов были поставлены старшие офицеры, имевшие при себе аппараты управления, где дела вели британские колониальные чиновники, привлекавшие для службы представителей местного населения (ливийцев и итальянцев). Возглавлял органы местного управления департамент по гражданским делам[32]. Местные органы занимались в основном социальными вопросами, в частности предприняли попытку организовать школьное обучение, которое бездействовало с 1940 г. В конце 1943 г. было открыто около 100 школ, где сели за парты до 10 тыс. человек. К концу 1947 г. число учащихся в Триполитании достигло 21 тыс. человек, но по-прежнему образование было доступно только детям из аристократических семей[33].

Британские оккупационные власти оставили в силе итальянские колониальные законы (по условиям Гаагской конвенции) и пользовались услугами многих итальянцев, колония которых в 1943 г. составляла около 45 тыс. человек[34]. Вместе с тем они привлекали к управлению и представителей известных триполитанских кланов. Советниками местных администраций были, в частности, назначены Тахир аль-Мурайид, Ибрагим Шаабан, Ун Суф и др., которым выплачивались за это крупные денежные вознаграждения[35]. Однако эти семьи, во многом дискредитировавшие себя в период итальянской оккупации, не были способны помочь ни новым хозяевам — англичанам, ни тем более сдержать наметившийся после разгрома фашизма подъем национально-освободительного движения в стране.

В 1945 г. в Триполи состоялась массовая демонстрация против использования англичанами бывших итальянских чиновников, составлявших 71% численности местных органов самоуправления[36]. Демонстрация была разогнана, но она послужила сигналом к созданию политических партий.

В 1945 г. возникла Национальная партия во главе с Ахмедом аль-Факихом Хасаном, которая выступила за предоставление объединенной Ливии полной независимости. Партия начала проводить митинги, направлять британской военной администрации меморандумы с требованием увеличения в местных органах самоуправления чиновников-арабов. К 1948 г. Национальная партия (англичане признали ее в 1946 г.) насчитывала 15 тыс. членов и имела свои отделения в 15 населенных пунктах [37].

Не все члены партии были едины относительно будущего страны: одни выступали за эмират во главе с Идрисом ас-Сенуси, другие — за создание Триполитанского государства, третьи — за египетский протекторат. В 1946 г. Национальная партия раскололась, и часть ее бывших членов создала другую политическую организацию — Свободный национальный блок (СНБ), заявивший о намерении бороться за независимость единой Ливии, за вступление ее в Лигу арабских государств, но выступивший против признания Идриса ас-Сенуси главой страны. Члены новой партии (ее возглавили братья Ахмед и Али аль-Факих Хасан) выпускали листовки, протестовали против засилья итальянских чиновников, хотя численность самой партии, по данным англичан, не превышала 800 человек (лидеры блока утверждали, что в партии состоит 70 тыс. чел.)[38].

В мае 1946 г. было объявлено об образовании еще одной политической организации — Объединенного Национального фронта (ОНФ), что было уже делом рук англичан, имевших большой опыт колониальной политики. Создавая ОНФ, англичане хотели придать ему вид ведущей представительной силы всех триполитанцев и, конечно, надеялись противопоставить его другим. Англичане привлекли в ОНФ известных прозападных консервативных деятелей, выступивших за признание Идриса ас-Сенуси главой независимой Ливии, таких как Салим Мунтасер, Тахир аль-Мурайид, Ибрагим Шаабан, Ун Суф и др., представлявших интересы Триполитании на тех международных форумах, где обсуждался вопрос о судьбе бывших итальянских колоний. Естественно, необходимым условием процветания страны считался союз с Великобританией.

В декабре 1946 г. объявил о себе «Египетско-триполитанский союз», состоявший из части членов расколовшейся Национальной партии и СНБ. Эта партия, созданная Али Раджабом и Юсуфом Мишерги, богатейшими людьми Триполитании, выступила за ориентацию на Египет и провела даже несколько массовых митингов по этому поводу, как об этом сообщила 20 ноября 1947 г. издававшаяся ими газета «Ас-Сабах». Хотя лидеры партии утверждали, что они привлекли в свои ряды 30 тыс.человек, фактически, по данным англичан, численность «Египетско-триполитанского союза» не превышала 300 членов[39], их программа не пользовалась популярностью, и особого влияния на политическую жизнь они так и не оказали.

В 1947–1948 гг. было создано еще несколько более мелких партий, таких как Лейбористская (образована в сентябре 1947 г. бывшим секретарем СНБ Баширом ибн Хамзой), выступившая за провозглашение независимой объединенной Ливии, и Либеральная (февраль 1948 г.), требовавшая объединения независимой Ливии под руководством Идриса ас-Сенуси. Эти партии тоже не сыграли заметной роли в политической жизни страны, но, несомненно, вносили определенный вклад в борьбу за освобождение страны от колониального ига.

Характерно, что все политические силы Триполитании, как и до Второй мировой войны, группировались вокруг именитых ливийских семей, что предопределяло верхушечный характер их деятельности. Рабочего класса как такового в стране не было. Бедуины обширных пустынных районов Юга были изолированы от политической борьбы более развитого Севера. Оседлые феллахи были забиты и неграмотны, да и мелкие лавочники влачили жалкое существование. Эта специфическая социальная мозаика крайне отсталой Ливии, народ которой бедствовал, но в течение первой половины XX в. боролся с итальянскими оккупантами, была главной причиной, почему эксплуатируемая часть населения не смогла создать свои политические партии и организации, хотя она и являлась исполнительным орудием в руках элитарных групп, боровшихся за власть. Учитывая эту особенность ливийской действительности, англичане быстро согласились с созданием всевозможных общественно-политических организаций, видя в них своего союзника, дававшего

возможность направить национально-освободительное движение страны, которое затушить было невозможно, по неоколониалистскому руслу с учетом интересов местных элитарных кругов.

В добавление ко всему сами эти местные привилегированные семьи и кланы, оторванные от народных масс, не только не представляли собой единого целого, но и раздирались острыми противоречиями, непрерывно боролись за власть и влияние, чем широко пользовались еще турки, а затем итальянцы. Любые попытки объединения даже таких ведущих группировок, как Национальная партия, ОНФ или СНБ, как правило, заканчивались безрезультатно. К этому добавлялась внешняя неопределенность, связанная с затягиванием вопроса о судьбе бывших итальянских колоний, негативно влиявшая на ливийских лидеров, так как вызывала у них неуверенность, а с ней и склонность к компромиссу, что было уже на руку англичанам. Появились «идеи» опеки над Ливией со стороны Египта, которыми спекулировала Великобритания, ведя сложную политическую игру с целью сохранения своих позиций на Ближнем Востоке, а то и заполучения в свое распоряжение Ливии.

Учитывая давние связи с Идрисом ас-Сенуси, Лондон сделал ставку на него и всячески одобрял его действия в средствах массовой информации. Одновременно все британские пропагандистские средства были брошены на то, чтобы принизить роль триполитанцев в борьбе против итальянских колонизаторов. Основную роль в этом начал играть ОНФ, выдвинувший лозунг «Единые Триполитания и Киренаика против власти Италии». Делегация ОНФ (Махмуд Мунтасер, Тахир аль-Мурайид) в июне 1946 г. отправилась в Каир к Идрису ас-Сенуси, где предложила ему выступить от имени двух провинций и потребовать независимости страны, а в последующем — стать эмиром конституционной монархии[40]. Идрис ас-Сенуси не возражал, хотя и ответил не сразу. У него были свои проблемы в Киренаике и на международной арене, о чем еще пойдет речь. Было решено организовать встречи представителей Триполитании и Киренаики.

Такая встреча состоялась в начале января 1947 г. в Бенгази. Триполитанцы выступали за объединение, киренаикцы,

напротив, утверждали, что такая постановка вопроса является максималистской и может сорвать осуществление более скромной цели — получение независимости только для Киренаики. Глава делегации Киренаики Омар Мансур Кехья, заявив, что он не возражает против предоставления независимости Триполитании, высказал опасение, как бы это не повлияло на борьбу своих соотечественников за свободу. Киренаикская делегация требовала, чтобы Идрис ас-Сенуси был провозглашен эмиром Ливии «без всяких условий и ограничений» и чтобы триполитанцы не связывали вопрос о независимости Киренаики со своей судьбой в случае, если Триполитания будет отдана на какое-то время под опеку. Делегация Триполитании на это не согласилась, и переговоры были прерваны. Всю ответственность за это триполитанцы возложили на Идриса ас-Сенуси, который во время переговоров консультировался с англичанами, не предпринимая никаких мер, чтобы сблизить точки зрения. Поведение Идриса вызвало недовольство не только у триполитанцев, но и у части киренаикской общественности, увидевших в действиях эмира почерк «английских колонизаторов»[41]. Патриотически настроенные киренаикцы требовали единства действий с триполитанцами, доказывая, что только таким путем можно добиться успехов в получении независимости, но соглашательские тенденции все-таки брали верх.

От этих двух родственных провинций были еще отрезаны южные районы, на которые распространялась власть другой военной администрации — французской. Под управлением Франции находились юго-западные ливийские области: Гадамес, Мурзук, Себха, Брак и Гат. Французская администрация Гадамеса подчинялась командующему войсками Южного Туниса со штабом в Габесе, а район Гата в январе 1943 г. был присоединен к Южному Алжиру и соответственно находился в ведении командования французских экспедиционных сил, оккупировавших юг соседней страны. «Французы, — писала каирская газета “Аль-Ахрам”, — отгородили Феззан железным занавесом»[42]. И это было действительно так. Всю экономическую жизнь Феззана, его торговые связи они повернули на юг, ориентируя местных жителей только на французские колониальные владения. Все караванные пути, шедшие на север,

в Триполитанию, и на северо-восток, в Киренаику, были пресечены, а контрабанда жестоко преследовалась. В широких масштабах развернулись работы по развитию объектов военной инфраструктуры, особенно дорог и аэродромов. К 1950 г., по французским данным[43], число взлетно-посадочных площадок в Феззане составляло уже 27. В то же время, по тем же сведениям, 75% населения Феззана влачили полуголодное существование, а некоторые категории сельскохозяйственных рабочих (например, джеббады) были даже на положении рабов, так как являлись постоянными должниками владельцев земли[44]. На низком уровне находилось здравоохранение: одна больница в 1947 г. в Феззане обслуживала 10 тыс. человек, 80% населения болели трахомой, 25% страдали малярией и кишечными заболеваниями[45]. Еще хуже обстояло дело с системой образования: на тысячу жителей приходилось 13 учащихся[46].

Французские оккупационные власти, в отличие от англичан, запрещали любую политическую деятельность и даже контакты местных националистов со своими северными соотечественниками. В интервью газете «Аль-Ахрам» председатель национальной партии Триполитании Мустафа Мизран позднее жаловался: «Мы просили у французского администратора разрешения открыть в Феззане отделение партии, но нам в этом было категорически отказано»[47].

И все-таки французы не обошлись без помощи местных феодалов и некоторых вождей племен. Они, например, возвеличили семью Сейфа ан-Насра, отдав в ведение ее многочисленных членов решение местных проблем[48]. Это было сделано удачно: семья Сейфа ан-Насра, самая влиятельная среди других феодальных кланов, обеспечила французам «политическое безветрие» в Феззане.

Судьба Ливии в международном фокусе

В 1943 г. в Ливии заговорили о «третьей западной силе» — Соединенных Штатах Америки, когда ВВС США получили право временно, до окончания войны, пользоваться бывшим итальянским аэродромом Эль-Меллаха, восточнее Триполи. Газета

«Нью-Йорк таймс» писала, что США очень быстро оценили стратегическое значение этой базы и начали активно закрепляться на ней. Только за два года (по февраль 1945 г.) США вложили в реконструкцию этого аэродрома около 100 млн долл., переименовав его в Уилус Филд (по имени американского летчика, погибшего в Иране)[49]. США не только не ушли с этой базы после войны, но превратили ее в 1950-х гг. в форпост «холодной войны», снискавший себе самую печальную известность. Американский флаг на этой базе был опущен только 11 июня 1970 г., после свержения монархического режима.

Одно это опровергает утверждение Дж. Райта, будто США занимали в отношении Ливии «незаинтересованную позицию»[50], хотя он же в своей книге «Ливия: современная история» свидетельствовал, что Уилус Филд «знаменовала собой расширение... военной активности на территории, долгое время находившейся под европейским господством»[51]. Все дело в том, что Вторая мировая война значительно измотала европейских союзников и конкурентов США, чем не замедлил воспользоваться Вашингтон, расширивший свое влияние в послевоенном мире. Антигитлеровская коалиция распалась. США, получившие в свое монопольное распоряжение атомное оружие, начали срочно сколачивать блок против СССР. Обозначилась эта конфронтация и на Арабском Востоке.

Англо-французские колонизаторы, сменившие итальянцев, при активном участии США проводили в Ливии политику, направленную на сохранение и укрепление собственных позиций.

Активную деятельность по сохранению колониального режима в Ливии после Второй мировой войны западные державы развернули и на международной арене. В ход шло все — от запугивания «коммунистической угрозой» до затягивания процесса деколонизации и предоставления независимости ливийскому народу, боровшемуся за свою свободу в течение всей первой половины XX в. Это было сложное время, когда Советскому Союзу приходилось стоически выдерживать ледяное дуновение «холодной войны», находить и пускать в ход контраргументы тем силам, которые не скрывали своих неоколониалистских намерений. Потом, через годы, когда Ливия

наконец обрела независимость, на Западе появилось немало книг, в которых была предпринята попытка обелить неприглядные маневры США, Великобритании и Франции или поставить на одну доску с ними действия СССР.

Вопрос о судьбе бывших итальянских колоний неоднократно обсуждался на встречах представителей великих держав. На Потсдамской конференции на высшем уровне, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. и рассматривавшей в основном проблемы послевоенного устройства мира, демилитаризации и денацификации Германии, при активном участии СССР было решено поручить Совету министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции (СМИД) выработать условия мирного договора с Италией, включая предложения о будущем ее бывших колоний. По настоянию СССР было оговорено, что решения СМИД должны приниматься только единогласно[52].

Это было время полной неопределенности для Ливии. В сентябре 1945 г. в Лондоне состоялась первая сессия СМИД, на которой США представили план коллективного управления Ливией под эгидой ООН с нейтральным администратором, с советом при нем из представителей Великобритании, США, СССР, Франции, Италии и двух ливийцев. После такого 10-летнего управления Ливия и Эритрея получили бы независимость. Франция, намеревавшаяся сохранить «статус-кво» в своих колониях, предлагала план в пользу Италии. СССР отвергал все предложения такого рода, называя их неисполнимыми и цитируя при этом русскую пословицу «у семи нянек дитя без глазу». Москва предлагала, чтобы каждая из трех великих держав, за исключением Франции, осуществляла управление одной из провинций, за СССР закреплялась бы Триполитания, порты которой мог бы использовать советский торговый флот. Ни одно из этих предложений не было одобрено Великобританией, которая, с одной стороны, склонялась к уточнению американского плана, а с другой — категорически отвергала советское предложение и отказывалась допустить итальянское управление Киренаикой из-за военных обязательств перед сенуситами.

На следующей встрече СМИД в Париже в апреле 1946 г. Великобритания представила сначала свой вариант немедленного

получения независимости «большой Ливии» в составе Триполитании и Киренаики со снятием международного контроля за действиями управлявших там держав. Это «либеральное» предложение не было поддержано, так как оно рассматривалось как попытка оставить британское управление на неопределенно долгое время. СССР настаивал на управлении Триполитанией, но после нескольких недель переговоров, зашедших в тупик, отказался от своего плана, предложив в обмен отдать Триест Югославии. На самом деле, выдвигая такое предложение, СССР срывал попытки США и Великобритании добиться таких преимуществ в Ливии, что привело бы к ее превращению де-факто в колониальные владения США и Великобритании. Западные современники называли предложения СССР «циничными», забывая о «бревне в собственном глазу». Куда более циничным выглядело присутствие американцев в Триполитании и владение ими, при поддержке западных держав, авиабазы близ Триполи.

Советский Союз, отклонив британский вариант, предложил создать под эгидой ООН временный административный орган опеки над Ливией, через который можно было бы эффективно контролировать действия оккупационных властей. Путем создания при таком органе опеки консультативного совета с участием представителей местного населения подготовить условия для передачи этому совету всей полноты власти. Западные державы не согласились с этим, считая, что ливийское население еще «политически не созрело». Тогда СССР предложил создать сроком на один год Обследовательскую комиссию государств — членов СМИД для ознакомления с обстановкой на месте, против чего возражала Великобритания[53].

На третьей сессии СМИД в Нью-Йорке (1947 г.), где были в основном согласованы принципиальные позиции по мирному договору с Италией, четыре великие державы согласились коллективно в течение года после вступления в силу документа решить судьбу итальянских колоний[54].

10 февраля 1947 г. в Париже состоялось подписание мирного договора с Италией, 15 февраля он вступил в силу. Италия отказалась «от всех прав и правооснований на Ливию»

(статья 23-я Договора), а державы-победительницы пообещали в течение года определить ее окончательную судьбу[55].

В Совместной декларации четырех великих держав (приложение XI к подписанному документу) содержалось обязательство, что, в случае если они не договорятся до 15 сентября 1948 г., вопрос должен быть передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН[56]. По существу, поскольку Италия отказалась от всех прав и притязаний на свои бывшие колонии, а Турция — от договоров, подписанных в Лозанне 18 октября 1912 г. и 24 июля 1923 г., Ливия, казалось бы, освобождалась от любого иностранного господства и должна была автоматически получить независимость. Но это было только де-юре.

В связи с такой неопределенностью было неудивительно, что в ливийском обществе росло нетерпение и возмущение. Ливийцы полагали, что они должны получить независимость, как получили ее арабы Сирии, Ливана, Ирака и Иордании. Ливийцы все еще сохраняли веру в британцев как освободителей своей страны, тем не менее они болезненно воспринимали планы любого иностранного контроля. Между тем СМИД продолжал обсуждение сложной ливийской проблемы пока без достижения какого-либо согласия.

Фактически развернулась острая борьба за то, какой из западных держав доминировать в Ливии. В то время Советский Союз требовал выполнения условий мирного договора и выработки согласованных решений. Во-первых, СССР отвергал утверждения Запада, будто Ливия «не созрела для получения независимости» и настаивал на посылке в страну Обследовательской комиссии четырех держав. Во-вторых, когда западные державы начали чинить обструкции в отношении выработки решений по Ливии, что особенно явно проявилось на встрече уполномоченных четырех держав в Париже в сентябре 1948 г. (встреча была организована взамен очередной сессии СМИД), вопрос о Ливии был передан на рассмотрение ООН.

К обсуждению в ООН, где западные державы рассчитывали на послушное им «большинство», тоже нужно было подготовить соответствующие документы Обследовательской комиссии четырех держав, и потому Великобритания, США, Франция вынуждены были согласиться с отправлением комиссии

в Ливию, хотя ранее всячески затягивали начало ее работы. Обследовательская комиссия в составе представителей четырех держав, включая СССР, работала в Ливии с ноября 1947 г. по май 1948 г., но среди ее участников возникли острые разногласия относительно оценки действительного положения в стране. Эти разногласия привели к тому, что западные участники комиссии составили свой доклад, советские представители — свой.

В период, предшествовавший приезду Обследовательской комиссии четырех великих держав в Ливию и во время ее работы, англичане на севере и французы на юге страны делали все возможное, чтобы через всяких подставных лиц, партий, организаций, якобы выражавших местное общественное мнение, показать только то, что было выгодно им. А им было выгодно сохранение своих позиций, разделение Ливии и оттягивание предоставления независимости этой бывшей итальянской колонии. В поддержку Великобритании и Франции выступили США, а также и Италия, увидевшая после заключения с ней мирного договора, что старая антигитлеровская коалиция с окончанием войны распалась и что уже создается антисоветский блок, в котором определенную роль отводят и Италии. У итальянцев поэтому появилась надежда, что в Ливии не все потеряно.

В таких условиях советской делегации пришлось проделать титаническую работу, чтобы разобраться в обстановке и разоблачить истинные намерения западных держав в стране, куда до этого ни разу не ступала нога советского человека. Выводы комиссии и два документа, выработанные одновременно западными и советскими представителями, говорили сами за себя.

По Киренаике: западные эксперты утверждали, что большинство населения согласно на объединение с Триполитанией при условии, что последняя признает власть эмира Идриса ас-Сенуси, а также желает иметь союз с Великобританией. Делегация СССР констатировала, что большинство населения не знало о приезде Обследовательской комиссии четырех держав и что основную массу представших перед комиссией лиц составляли шейхи и вожди племен. Делегация констатировала, что Национальный конгресс Киренаики, руководивший подготовкой

общественного мнения, был инструментом британской военной администрации. Советская делегация поэтому докладывала, что именно британская военная администрация и просенуситские лидеры мешали ей объективно разобраться с киренаикской действительностью[57].

По Триполитании: западные державы взяли за основу требования сотрудничавшего с ними Национального совета освобождения (НСО) Ливии о предоставлении «немедленной независимости» этой области, вступлении ее в Лигу арабских государств и упразднении британской военной администрации. В документе советской стороны было записано, что на население Триполитании был оказан нажим со стороны националистических элементов и высшего мусульманского духовенства, о чем свидетельствовало более 250 писем, присланных от имени 450 тыс. местных жителей, и что определенная часть населения считала, что страна еще не созрела для независимости и ей необходим переходный период под руководством европейской державы[58].

В советском документе по обследованию Триполитании подчеркивалось, что местные различия созданы из-за искусственного политического дробления страны, что они отступают на задний план перед ее естественной и социальной целостностью и что абсолютное большинство опрошенных лиц высказывается за единство Ливии. Отвергалось и другое утверждение, а именно, будто население довольно англичанами и не согласится с итальянской опекой Триполитании, о чем уже тогда поднимался вопрос (на это, кстати, указывал и Дж. Райт[59]), но что также не соответствовало действительности. В одном из писем, полученных Обследовательской комиссией, в частности, говорилось: «Национальный совет освобождения Ливии и другие партии являются замаскированными агентами империализма... Империалисты разобщили народ с помощью арабских чиновников — своих агентов, которые вместе с ними поработили народ ради своих корыстных интересов. Такая “независимость”, которую они готовы предоставить нам, будет анархией и приведет к полному истреблению народа»[60].

В отношении Феззана советский документ опроверг выводы западных держав, будто местное население хотело иметь

у себя мусульманское правительство, а до его создания временно сохранить французскую администрацию. Представители СССР констатировали, что большинство жителей Феззана не высказало определенного мнения и что только часть туарегов выступила за французское управление. Из 700 опрошенных феззанцев 44% были за сохранение французской администрации, 26% — за любое другое правительство, 18% — за мусульманское правительство, 12% — отдали право решения вопроса четырем державам[61].

В целом делегации западных держав, входившие в состав Обследовательской комиссии, делали вывод о возможности раздела Ливии, хотя и указали на «неготовность» ее трех областей к самоуправлению, в то время как СССР выступил против сохранения военно-экономического господства колонизаторов в Ливии и отстаивал ее целостность.

Пока комиссия занималась уточнением позиций сторон, «американцы, — как писала "Аль-Ахрам", — заключили с англичанами договор против Триполитании», предоставив США «право» на сооружение в Меллахе военно-воздушной базы[62], что вызвало протесты не только местной и арабской общественности, но и других стран, в том числе СССР. В ноте Советского правительства на имя госсекретаря США от 21 января 1948 г., в частности, говорилось, что «заключенное соглашение о создании в Ливии военно-воздушной базы Соединенных Штатов противоречит мирному договору с Италией, в силу чего Советское правительство считает указанное соглашение незаконным»[63]. Такая же нота протеста была передана английскому правительству, а также в комиссию четырех держав. Это было своеволие британской военной администрации, не имевшей юридического права распоряжаться территорией, временно находившейся под ее управлением. «Произволом» назвал этот акт и лидер ливийского ОНФ Тахир аль-Мурайид[64].

В качестве предварительного условия Великобритания должна была обеспечить безопасность страны и получить согласие трех других великих держав, ответственных за управление бывшими итальянскими колониями, и во-вторых, этот план должен был получить одобрение ливийского народа. Со временем судьба других итальянских колоний, после

подписания мирного договора с Италией, могла бы стать предметом отдельных международных соглашений. В любом случае четыре великие державы должны были окончательно решить судьбу бывших колоний Италии в течение года (ориентировочно до 10 февраля 1948 г.).

Когда уполномоченные четырех великих держав Джон Е. Утхер (США), Ф.Е. Стаффорд (Великобритания), Бурен де Розьер (Франция) и Артемий Федоров (СССР) прибыли в Киренаику в апреле 1948 г., им были вручены следующие согласованные требования Национального конгресса:

1. Полное и немедленное предоставление независимости Киренаике.
2. Признание эмира Идриса королем конституционного киренаикского королевства.
3. Учитывая тесные отношения Киренаики и Триполитании, предусмотреть в будущем создание единого государства, если триполитанцы согласны принять руководство сенуситов, что даст возможность объединить ливийские территории в одно государственное образование: в любом случае Киренаика намерена сохранить свою независимость[65].

Международные уполномоченные приняли также представителей племен, высказавшихся за «независимость под руководством эмира Идриса». Когда их спросили о возможности опеки Великобритании, они подчеркнули, что она может быть только временной, а арабские националисты считали ее неприемлемой, поскольку в любом случае опека означала для них «колонизацию, с заменой итальянской тирании на английскую филантропию».

В июле — августе 1948 г. материалы Обследовательской комиссии рассматривались на встрече заместителей министров иностранных дел, которые должны были выработать рекомендации по Ливии.

Выводы комиссии были объявлены в июле 1948 г. Киренаика, наравне с другими итальянскими колониями, объявлялась независимым государством на правах протектората. Это вызвало шок у ливийцев. Они убедились в том, что четыре

великие державы преследуют собственные державные интересы в Ливии, не прислушиваясь к голосам тех, кто живет в этой стране, а их требование — предоставление независимости немедленно, без всяких условий[66].

Работа затянулась, как только в конце 1948 г. стало известно, что в районе Сирта английские геологи обнаружили нефть. Великобритания предложила передать всю Киренаику под свою опеку, а решение вопроса о Триполитании и Феззане отложить еще на один год, что поддержал представитель США. Франция под предлогом «недостаточной изученности» проблемы выступила за отсрочку на год решения в целом по Ливии. Проект СССР первоначально предусматривал предоставление независимости единой Ливии в ближайшие 10 лет, в течение которых созданный под эгидой ООН Консультативный комитет защищал бы законные праве ливийского народа от произвола западных держав, а также обеспечивал демократический характер развития страны[67]. Однако обстоятельства быстро изменились.

Здесь следует отметить, что позиция великих держав по поводу судьбы Ливии вызвала мощный политический резонанс внутри страны и среди ливийских политэмигрантов. В марте 1947 г. в Каире был создан Национальный совет освобождения Ливии, в котором активную роль стал играть Башир ас-Саадави, некогда (в 1920–1929 гг.) ратовавший за признание власти Идриса ас-Сенуси над Триполитанией, а потом пересмотревший свою позицию. НСО требовал отложить вопрос о форме правления страной до получения независимости, но он не предлагал конкретной программы действий, что вызывало настороженность как триполитанцев, так и киренаикцев, и, конечно, самого эмира Идриса.

Башир ас-Саадави, претендуя на лидерство, решил предпринять контрмеры против эмира. Он осуществлял это по двум направлениям: триполитанцам он доказывал, что их самостоятельные действия являются нарушением ранее принятых ими обязательств перед эмиром как единым главой Ливии. Киренаикским же лидерам внушалась мысль о том, что следует добиваться независимости хотя бы своей провинции, не дожидаясь, пока «созреют условия» для Триполитании.

В ноябре 1948 г. де Кондоль снова вернулся в Киренаику — теперь в качестве главы английской военной администрации. За девять месяцев отсутствия он нашел ощутимые изменения в политической атмосфере эмирата. Чувствовалась явная растерянность в дискуссиях о будущем страны, где британское поручительство над Ливией сравнивалось с итальянской оккупацией. Ситуацию осложняла и возникшая война между арабами и евреями в Палестине, хотя, казалось, Ливия была далека от того, что там происходило. Тем не менее Египет, взявший на себя роль лидера и одновременно адвоката, начал распространять националистическую пропаганду и на Ливию, где жило около 35000 евреев. Эмир Идрис неизбежно становился объектом критики. Вместе с англичанами его стали обвинять в причастности к созданию нового еврейского государства, так как эмир считался большим другом Великобритании, к которой он и на самом деле относился лояльно. В этой обстановке сам Идрис не мог ничего сделать, чтобы отвлечь внимание киренаикской общественности от палестинских проблем или повлиять на Великобританию в пользу арабов. Более того, застопорились и сами дискуссии, и само давление на британскую колониальную администрацию относительно продолжения поиска путей по предоставлению независимости Ливии. Фактически этот пыл не угасал, именитые и урбанизированные ливийские лидеры продолжали свои демарши, требуя предоставления немедленной независимости эмирату под руководством Идриса. Но те, кто это требовал, понимали, что, во-первых, нужно относиться лояльно к британской армии, благодаря усилиям которой в стране воцарилось спокойствие, и во-вторых, сами дискуссии, если их проводить в спокойной обстановке, могли бы дать больше пользы, чем настойчивое навязывание своих требований другим, в частности английской колониальной администрации. Но эмоциональная нетерпимость явно доминировала. По признанию Э. де Кондоля, британская администрация как раз не стремилась сдерживать эмоции, касавшиеся дебатов о будущем статусе страны. Более того, она считала, что такие дискуссии были полезны, поскольку только в спорах могла наконец родиться истина[68].

Выявилась и еще одна тенденция: к событиям в Ливии все больший интерес стал проявлять Египет, стремясь расположить к себе ливийцев, особенно жителей соседней Киренаики. Этому способствовало и то обстоятельство, что вернувшиеся из Египта ливийские эмигранты были настроены антиитальянски и надеялись на поддержку Каира. Те молодые ливийцы, которые получили образование в Египте, начали плести интриги теперь уже против Идриса и его сторонников, призывая бороться за свободу, но без роялистов.

Активность ливийских националистов особенно возросла в 1948–1951 гг., что вызвало необходимость принимать меры против их влияния. К этому добавлялся возросший интерес Каира к судьбе бывших итальянских колоний по окончании мировой войны. В 1945 г. Египет направил меморандум в Совет министров иностранных дел четырех держав на их первую встречу в Лондоне. В меморандуме высказывалась просьба, чтобы при решении вопроса о будущем Ливии и Эритреи были проведены консультации с Каиром, поскольку «в прошлом эти земли входили в состав Египта». Предлагалось провести, в частности, плебисцит в Ливии на предмет объединения с Египтом, и чтобы Египет представлял Ливию в Лиге арабских государств (ЛАГ).

В заслугу Идрису в данной ситуации можно поставить то, что он провел консультации с ливийскими лидерами относительно намерений Египта, которые были решительно отклонены. Но масла в огонь подлил египтянин Абдаррахман Аззам, генеральный секретарь ЛАГ, предложивший передать Ливию под египетский контроль. Эта точка зрения также нашла отражение в ряде резолюций ЛАГ в период 1945–1948 гг., когда Аззам пытался интернационализировать свою идею и даже предложил, чтобы под эгидой ЛАГ было проведено объединение Киренаики и Триполитании или, в крайнем случае, чтобы Киренаика вошла в состав Египта.

В 1948 г. антисенуситская пропаганда активизировалась в Киренаике и Триполитании. Клуб имени Омара аль-Мухтара, официально спортивный, но финансируемый египтянами, развернул активную политическую деятельность в пользу Египта. Де Кондоль по этому поводу написал: «Вскоре после

моего возвращения в Киренаику я столкнулся с совершенно неожиданной пропагандистской опасностью, связанной с деятельностью местных лидеров. Я проехал по стране, встречаясь с британскими ответственными лицами на местах, посетил ряд оазисов и населенных пунктов и обнаружил, что вопрос о бывших итальянских колониях некоторым образом подогрет искусственно, и ведется работа как против Идриса, так и против доверия к Великобритании»[69].

Когда глава английской администрации вернулся из инспекционной поездки по стране, он обнаружил, что во время его отсутствия дом, в котором он жил в Бенгази и в котором оставалась его жена, не раз становился мишенью уличных хулиганов: побитые окна, поломанные забор и деревья. Бельгийский офицер из военных сил, знавший арабский язык, рискуя жизнью, защищал дом от разгулявшихся молодых людей, пытавшихся проникнуть внутрь. При первых признаках опасности вся прислуга разбежалась, женщины в доме остались одни, пытались вызвать полицию, но безуспешно. «Куда делась вежливость, которая выражалась нам и нашим женщинам раньше? Оказалось, что все это было делом рук молодчиков из клуба Омара аль-Мухтара, и это только один из примеров неправовой деятельности этой организации, причем не только в Бенгази, но и в Дерне. Клуб поддерживался “Братьями-мусульманами”, в то время активизировавшимися в Египте. Моя первая инстинктивная реакция была запретить клуб, но тогда бы он ушел в подполье и, прикрываясь лозунгами арабского национализма, получил бы большую поддержку среди населения, а контролировать его деятельность стало бы гораздо сложнее. Остыв, я решил провести расследование и выяснил, что связаны эти действия были с обидами, негодованием и разочарованием результатами войны арабов с евреями и отсутствием прогресса в решении будущего Ливии...» — так описывал свои впечатления глава военной администрации[70].

Ситуация в Ливии в то время явно обострилась. Английская военная администрация решила ужесточить режим правления, отменив все временные «льготы» для местного населения. В Триполитании это вызвало бурю протеста. Лидеры ОНФ и СНБ осудили действия англичан и призвали к объединению

патриотических сил. В Киренаике прокатилась волна демонстраций, испугавшая англичан так, что в феврале 1949 г. они ввели в Бенгази осадное положение. Сам Идрис решил добиваться отдельного признания независимости Киренаики и отказался от урегулирования разногласий с триполитанскими лидерами, за что был подвергнут критике в местной прессе.

Даже на международной арене Триполитания и Киренаика выступали независимо друг от друга. На парижскую сессию ООН (1948 г.) Идрис ас-Сенуси послал своих наблюдателей, от имени триполитанцев туда выехал Башир ас-Саадави. Обе делегации присутствовали при обсуждении вопроса о бывших итальянских колониях, но мало способствовали успеху этих обсуждений, так как действовали разобщенно. Б. ас-Саадави пытался отдельно вести переговоры в Лондоне, координировал свои действия с ЛАГ, но добился немногого. В обстановке, когда за спиной ливийцев шел торг западных держав, триполитанцам и киренаикцам надо было действовать совместно, выступать единым фронтом, но этого, к сожалению, не было, и это давало повод Западу оттягивать решение вопроса о судьбе всей Ливии. Основной причиной этого являлась проанглийская политика Идриса ас-Сенуси в Киренаике. Несомненно, что и некоторая часть триполитанских лидеров тоже внесла в это свою лепту и не смогла подняться на уровень национальных интересов.

ГЛАВА X

ПОЭТАПНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ (1949–1951 гг.)

В связи с разногласиями между СССР и западными державами и с истечением срока (сентябрь 1949 г.) предоставления рекомендаций, оговоренных мирным договором с Италией, вопрос о судьбе Ливии был передан на обсуждение первой части III сессии Генеральной Ассамблеи ООН (осень 1948 г.), но затем, по настоянию США, перенесен на ее вторую часть (май 1949 г.). Еще во время обсуждения проблемы на первой части сессии Советский Союз, идя навстречу пожеланиям триполитанской делегации, заявил, что СССР отказывается от своего первоначального предложения и требует предоставления Ливии независимости по истечении 5 лет[1], что было позитивно встречено общественностью страны. Член триполитанской делегации в ООН Нур ад-Дин аль-Анизит, в частности, заявил: «Россия поддержала наши требования о единстве и независимости, она выступила против частной опеки, за опеку ООН»[2].

Второй эмират

С приближением даты решения судьбы бывших итальянских колоний эмир Идрис переехал на постоянное жительство в Киренаику. Поскольку он не любил городской суеты, ему подобрали изолированную виллу в Али Гадире, пригороде Бенгази, в 10 км от центра города. Дворец Манар, где он принимал гостей, стал его официальной резиденцией. Руководителем аппарата был назначен Омар-паша аль-Кехья, секретарем — Вахба аль-Бури (будущий ливийский представитель в ООН).

Первой акцией эмира было расширение состава Национального конгресса Киренаики за счет введения в него представителей от еврейской и греческой общин. В него вошли некоторые лидеры бывшего клуба Омара аль-Мухтара — Халиль Каллал, Юсеф бен Кату, Мустафа бен Амер и Мухаммед аль-Мутарди. Это было сделано для того, чтобы киренаикцы выглядели более представительно при рассмотрении ливийского вопроса в ООН.

Постоянное присутствие Идриса в Киренаике, в отличие от прошлых периодических его приездов, дало возможность британской администрации регулярно держать его в курсе различных внутренних и внешних проблем с тем, чтобы подготовить к формированию национального правительства. Особое внимание было уделено настроениям в киренаикском обществе, где антимонархические тенденции постепенно усиливались, а местная пресса критически высказывалась в адрес Идриса, на что эмир реагировал весьма болезненно. Для эмира важно было иметь имидж объединителя, чтобы во всем мире знали, что настало время для предоставления независимости[3].

Вопрос о судьбе итальянских колоний, вынесенный в сентябре 1948 г. на сессию ООН в Париже, был перенесен на апрель 1949 г. На этом форуме делегаты от Триполитании и Киренаики решили высказываться отдельно о необходимости независимости. В частности, триполитанцы считали, что независимость — это первое, что они хотят, и только на втором месте — объединение с Киренаикой. Киренаикцы: первое — это независимость, второе — эмират под руководством И. ас-Сенуси, третье — объединение эмиратов. В международном сообществе на этот счет мнения разошлись. Сильный латиноамериканский блок под влиянием католических стран был готов вернуть Ливию обратно под управление Италии. Арабо-азиатский блок требовал немедленного предоставления независимости бывшим колониям Италии. Великобритания и Франция заняли компромиссную позицию, отвечавшую их стратегическим целям в Киренаике и Феззане. Становилось ясным, что западные державы хотели таких решений, чтобы они отвечали их внешнеполитическим целям, т. е. один блок не хотел ничего уступать другому блоку. С тех пор как арабо-азиатский блок стал в оппозицию любому западному участию в Ливии, чаша весов стала

зависеть от позиций латиноамериканцев и, конечно, от США. В этих условиях английские и французские дипломаты стали искать компромиссные решения, которые удовлетворили бы интересы США в Ливии. Так появился план Эрнеста Бевина и Карло Сфорца — британского и итальянского министров иностранных дел.

Они предложили компромиссный вариант, содержавший странную комбинацию британского послевоенного обещания сенуситам не передавать их под итальянское управление в сочетании с желанием латиноамериканев частично сохранить колониальное влияние Италии. Это отвечало интересам Италии сохранить свою опеку над Триполитанией и давало возможность Великобритании оставить за собой право на Киренаику. Франция при такой политической раскладке оставляла себе Феззан. Ливия становилась независимой через 10 лет, если ООН решит, что она для этого «созрела».

К концу 1940-х гг. общая обстановка в мире явно осложнилась. 4 апреля 1949 г. по инициативе США была создана Организация Североатлантического договора (НАТО), в которую вошла и Италия. 7 апреля 1949 г., министры иностранных дел Англии и Италии при посредничестве США подписали соглашение — «План Бевина — Сфорца» — относительно судьбы бывших итальянских колоний, в соответствии с которым Киренаика передавалась под опеку Великобритании, Феззан — под опеку Франции, Триполитания — под опеку Италии[4]. Над Ливией нависла тень новой оккупации, теперь уже со стороны основных членов НАТО. 11 мая 1949 г. проект резолюции на основе этого плана был передан на рассмотрение ООН.

В Ливии такой поворот событий вызвал бурю протестов. «План Бевина — Сфорца» нескрываемо удивил ливийцев и особенно вверг в отчаяние триполитанцев. В Триполи и других городах прошли массовые демонстрации протеста. Была создана единая политическая организация — Национальный конгресс Триполитании во главе с Б. ас-Саадави, обратившимся к И. ас-Сенуси с призывом немедленно провозгласить независимость объединенной Ливии. Волнения охватили все крупные населенные пункты Триполитании, были закрыты все учреждения, магазины, школы, торговые точки. В ответ британские

власти применили силу. Тысячи демонстрантов были брошены за решетку, но англичане и их местная агентура явно потеряли контроль и ничего не могли сделать с восставшим народом. В адрес находившегося в эмиграции в Египте Б. ас-Саадави (его англичане не впускали в Ливию) шли сотни писем и телеграмм.

Киренаикцам «План Бевина — Сфорца» тоже не понравился, поскольку они не имели никакого желания вновь встретиться на пороге своего дома с итальянцами, и у них совершенно не было желания ждать еще 10 лет до получения полной независимости. Волна демонстраций прокатилась по городам Киренаики, но там недовольство народа масс сдерживалось сенуситским руководством, остававшимся верным своей договоренности с англичанами и все еще надеявшимся на их поддержку.

Для арабо-азиатского блока «План Бевина — Сфорца» выглядел циничной попыткой западных держав удовлетворить свои колониальные амбиции за счет разделения интересов в Ливии. Общее мнение убедительно сформулировал пакистанский представитель Азфрулла Хан: «Ливия стоит перед перспективой иметь в трех своих провинциях три разные администрации, использующие три различных языка, которые будут способствовать развалу ее экономики и сделают призрачными все стремления к независимости»[5]. Несмотря на утверждения отдельных западных историков (например, М. Хаддури) о том, будто народные выступления в Ливии не имели успеха[6], именно мощная волна протестов ливийцев, поддержанная и другими государствами, сорвала надуманный «План Бевина —Сфорца» в ООН[7].

План вызвал у Идриса болезненное неприятие. Не столько из-за его провокационного содержания, сколько из-за того, что это дало возможность экстремистским элементам из оппозиции взять на вооружение запущенный в пропагандистский оборот тезис, что эмир является британской марионеткой. Особенно в этом усердствовали египетские газеты, чтобы дискредитировать Идриса в глазах арабов. Король Фарук, в частности, в своей типичной манере злобного больного скептика назвал лидера сенуситов «несведущим факиром». Это вызвало у эмира редкую вспышку гнева в одном из ежедневных разговоров с де Кондолем. Он сказал, что был введен в заблуждение предшественником

Кондоля и желал бы сформировать национальное правительство Киренаики, и приглашает присоединиться к нему Триполитанию и Феззан. Эмир обратился к Великобритании с просьбой о формировании правительства Киренаики и подписании договора о сотрудничестве и обороне[8].

Киренаикский Национальный конгресс призвал своих делегатов немедленно вернуться домой. В телеграмме Генсеку ООН было заявлено, что Киренаика примет решение только о независимости и полностью отвергает любую опеку, так как она сама считает себя независимой и свободной и подпишет договоры о сотрудничестве, с кем захочет. В телеграмме МИД Великобритании было подчеркнуто: «...мы отвергаем любую опеку и готовы объявить нашу полную независимость и заключить договор о сотрудничестве с Великобританией»[9].

«План Бевина — Сфорца» был тем временем поставлен на голосование в ООН: 33 голоса — за возвращение Триполитании Италии, 17 — против, 8 — воздержались. Получилось на один голос меньше, чем требовалось для принятия решения двумя третями голосов. Таким образом, 17 мая этот план был отклонен. После провала попытки урегулировать судьбу Ливии на международном уровне стало ясно, что планы опеки отвергнуты и независимость страны становится неизбежной.

В то же время вследствие обработки делегатов стран, следовавших в ООН в фарватере западной политики, не было принято и предложение СССР о предоставлении независимости Ливии в течение 10 лет, о выводе оттуда в 1949 г. всех иностранных войск и нахождении Ливии под опекой ООН. Вопрос о судьбе Ливии был перенесен на очередную IV сессию Генассамблеи ООН[10].

Ливийский вопрос был отложен на сессию в октябре. Но киренаикцы, потерявшие веру в ООН, ждать не стали. Воодушевленные провалом опеки, Идрис и Национальный конгресс Киренаики настаивали на немедленной передаче власти в их руки. Сознавая свою изоляцию и нуждаясь в могущественной поддержке, они связывали свои требования с желанием заключить договор с Великобританией.

Тем не менее Великобритания оказалась неготовой, чтобы немедленно признать независимость Киренаики и заключить

с ней договор. Правительство Ее величества готовилось передать Киренаику под управление Идриса в качестве первого шага на пути к дальнейшей независимости и возможного присоединения к ней других ливийских территорий. Великобритания также высказала необходимость дождаться решения ООН, что было поддержано и администрацией США. Каждый в Киренаике уже знал, что формирование национального правительства во главе с эмиром Идрисом неминуемо. И только из Египта еще доносились голоса, что мир является свидетелем заговора Великобритании, стремившейся остаться в Ливии. В Каире еще надеялись, что оппоненты сенуситов в Бенгази, возможно, изменят обстановку в свою пользу. Но и эмир не дремал.

Идрис оказывал давление для скорейшего объявления независимости, чтобы удовлетворить общественное мнение Киренаики, и это было согласовано с английским правительством. Де Кондоль потом напишет в своих мемуарах: «1 июня 1949 г. я прибыл во дворец Манар, где увидел толпу из около 3000 мужчин, скандировавших лозунг “Либия вахида” (Ливия едина. — *Авт.*). В верхнем зале дворца эмир и 165 членов конгресса уже собрались. В короткой речи эмир сказал, что просит Великобританию и другие державы, включая арабские и исламские страны, признать независимость Киренаики. Это заявление было встречено бурными аплодисментами как в зале, так за стенами дворца. Идрис добавил, что желает своим братьям в Триполитании достичь успехов киренаикцев и объединиться с Киренаикой под одним руководством. За окном группа молодых людей из клуба Омара аль-Мухтара выкрикивала “Нет независимости, пока нет объединения! Мы не можем радоваться, пока Триполитания рыдает! Отменить мнимую независимость!” Эмир, не обращая внимания на крики на улице, продолжал говорить о намерении сформировать национальное правительство и призвал парламент выдвигать кандидатуры»[11].

Де Кондоль, в качестве главы английской администрации, сделал следующее заявление на арабском языке: «Британское правительство признает эмира как лидера, свободно выбранного своим народом, и главы киренаикского правительства. Британцы признают желание киренаикцев ввести самоуправление и будут предпринимать шаги по его поддержке

за пределами страны, также выражают согласие на формирование национального правительства и возложение на него ответственности за ведение международных дел. Они приглашают эмира посетить Лондон для переговоров о будущем государства. Наконец, предпринимая эти шаги, мы выражаем уверенность, что ничто не может помешать объединению Ливии в будущем в единое государство»[12]. Это заявление вызвало крики и возгласы зала в надежде на укрепление дружбы и процветания народа Киренаики.

После церемонии, когда эмир выходил из дворца, группа активистов клуба Омара аль-Мухтара, около ста человек, протестовала против принятого решения. Но полиция отнеслась к ним лояльно и надежно охраняла порядок. Было ясно, что оппозиция на этом не успокоится и будет обрабатывать молодежь. 1 июня состоялись собрания противников прошедшего мероприятия, но они были малочисленными. Национальный конгресс отправил телеграмму лидерам Триполитании с предложением о проведении переговоров об объединении. Из Триполи по собственной инициативе направили делегацию, чтобы поздравить Идриса и наметить пути к союзу двух провинций. Идриса пригласили посетить Триполи по дороге в Лондон. Омар-паша Кехья обратился к Турции и другим странам с просьбой о признании киренаикского правительства. В последующие несколько недель шли длительные дискуссии по формированию нового правительства и подготовке визита И. ас-Сенуси в Лондон. Эмир решил назначить первого премьер-министра, который мог бы сопровождать его и принимать участие в переговорном процессе. Национальный конгресс сохранялся до полного назначения Совета министров.

Идрис настаивал, чтобы семья Сенуси была полностью исключена из управляющего правительственного офиса и из дипломатического корпуса, помня британский прецедент с его собственной поддержкой и возникшие при этом проблемы. Хотя семья Сенуси была не так велика, какой она была еще полвека назад. Тогда она включала самого эмира, его единственного брата, четырех племянников и около двадцати пяти сыновей и внуков молодого поколения, прямых потомков Мухаммеда аш-Шерифа. Но если они пользовались бы своим

преимуществом по праву рождения в знатной семье, то со временем это могло привести к серьезным неприятностям. Эмир решил, что даже те члены сенуситской семьи, которые достигли значимых постов в британской администрации, не должны входить в новое правительство. Старших членов семьи, в том числе некоторых женщин, предполагалось обеспечить содержанием из личного фонда, а молодое поколение должно прикладывать собственные усилия, чтобы добиться успехов в жизни. Такая политика эмира в отношении семьи была направлена на избежание предубеждений к сенуситам вообще и для предупреждения возможной ненависти лично к нему в частности[13].

Передача власти эмиру была отложена до окончания его визита в Лондон. На должность премьер-министра был назначен Фатхи аль-Кехья, сын ветерана киренаикского нотабля Омар-паши.

Отъезд эмира был назначен на 9 июля. Но днем раньше произошло непредвиденное происшествие. Вечером Идрис услышал подозрительное движение у окна своего загородного дома. Он увидел трех молодых людей, спрашивавших эмира. Идрис решил их выслушать. Юноши заявили, что являются эмигрантами из Египта и вынуждены скрываться из-за ложного обвинения. Они требовали политического убежища, и, согласно исламским обязательствам, Идрис должен был их принять. (Позже стало известно, что все трое были членами движения «Братья-мусульмане».) Обо всем происшедшем он доложил главе британской администрации. Со своей стороны, де Кондоль выяснил, что два египетских офицера полиции прибыли самолетом из Каира, чтобы задержать трех мужчин, направлявшихся к киренаикской границе. Египтяне прибыли непосредственно в штаб-квартиру полицейского офиса Киренаики и начали поиск беглецов. Вызывало удивление, что египетское консульство или не владело информацией, или не поставило британскую администрацию в известность. Пропавших молодых людей не нашли, и египетские полицейские вернулись в Каир.

Это была довольно грубая реакция Каира на действия Идриса. Отношения с Египтом тут же стали натянутыми. Граница на следующий день была закрыта, а двое известных

киренаикцев, находившихся с визитом в Египте, были арестованы. Следующим шагом египтян было требование к англичанам о выдаче троих беглецов. В ответ глава британской администрации мог только сослаться на исламские обязательства перед просящими защиты и рекомендовать посольству Великобритании вести переговоры с египетским правительством. Таким образом, первый же шаг Идриса к независимости привел его к столкновению с египтянами. После этого инцидента де Кондоль категорически настоял на охране личной резиденции Идриса, хотя тот упорно отказывался.

Позднее де Кондоль напишет в своем дневнике: «Некоторое время спустя, будучи в Лондоне, я попросился на прием к египетскому послу и изложил ему факты, говорившие о том, что против Идриса затевалось нечто серьезное. Я просил сообщить его правительству в Каире, чтобы оно отказалось от провокационных действий, поскольку не Идрисом, а Лондоном будут предприняты адекватные контрмеры. Посол, закончивший в свое время Оксфорд, отнесся к информации с пониманием»[14]. Кажется, Каир осознал, что осложнение отношений с Идрисом чревато неприятными последствиями.

Местному правительству британские власти передали ведение всех внутренних дел, однако вопросы финансов, обороны, внешних сношений и итальянской собственности они оставили за собой[15].

Эти действия вызвали неоднозначную реакцию в Киренаике и за ее пределами. Со 2 июня 1949 г. в Бенгази и других городах Киренаики начались демонстрации и массовые протесты населения, участники которых выступали, как они считали, против самоуправства англичан и «раскольнической» деятельности сенуситского руководства. Египетские газеты по-прежнему критиковали любые действия Идриса, которые не соответствовали желаниям Каира. «Эмир превратился в орудие английской политики, — писала 8 июня 1949 г. “Саут аль-Улема”, — ради своих корыстных интересов он предал ливийский народ». Письма протеста были направлены в ООН, ЛАГ, другие международные организации.

Б. ас-Саадави и руководимый им НСО осудили провозглашение «независимости» Киренаики. В то же время муфтий

Триполитании Мухаммед аль-Алем и известный деятель Национального конгресса Махмуд Мунтасер поддержали действия сенуситского руководства. Муфтий, как писала тогда каирская газета «Ахбар аль-Яум», еще во время пребывания в Бенгази в мае 1949 г. заместителя министра иностранных дел Великобритании В. Стрэнга, готовившего коронование эмира, отправил эмиссару Лондона телеграмму, в которой просил поддержать объединение Ливии под руководством И. ас-Сенуси и от имени триполитанского народа обещал подписать договор о союзе с Англией[16]. По-видимому, местные триполитанские деятели опасались возвращения из эмиграции Б. ас-Саадави, видя в нем сильного политического соперника, да еще выступавшего за республиканскую форму правления, и потому союз с сенуситским руководством был выгоден триполитанским монархистам, да и удерживал в их руках бразды правления в Триполитании. 7 июня муфтий Мухаммед аль-Алем и Махмуд Мунтасер отправились в Бенгази на встречу с эмиром с целью «распространения власти киренаикского руководства на остальные районы Ливии», как писала об этом каирская «Аль-Ахрам»[17]. Во время беседы с ними И. ас-Сенуси не скрыл, что опасается возвращения Б.ас-Саадави в Триполитанию, так как тот может «изменить позицию триполитанцев, и они последуют за ним»[18]. Неприязнь к Б. ас-Саадави высказали и собеседники, но оба триполитанских лидера заверили эмира, что не допустят этого, и сговор между ними состоялся. И. ас-Сенуси обещал им содействие в создании автономного «государства» в Триполитании с тем, чтобы вместе с Киренаикой проводить общую внешнюю политику, направленную на обеспечение независимости Ливии[19].

События, однако, разворачивались не так, как хотели триполитанские лидеры. Они опасались не за судьбу Триполитании, а за свое собственное будущее, но не совсем учитывали, что и Б. ас-Саадави тоже поддерживал контакты с англичанами, которым было выгодно иметь дело с соперничавшими местными группировками. В такой ситуации оставались незыблемыми позиции британской короны в стране независимо от того, кто останется у власти.

Англичане решили создать федерацию путем присоединения Триполитании к Киренаике, и с этой идеей согласилось большинство триполитанских лидеров, включая Б. ас-Саадави, о чем свидетельствовали результаты их переговоров в Каире 30 июня 1949 г.[20] На том совещании Б. ас-Саадави было поручено отправиться в Триполи для организации движения за независимость и создания федеративного государства, и в июле 1949 г. он уже был там[21].

9 июля 1949 г. Идрис выехал в Лондон. Перед отправлением в Европу он прибыл в Триполи для встречи с триполитанскими лидерами. Б. ас-Саадави устроил эмиру встречу, которую триполитанская пресса назвала «исторической»[22]. Национальный конгресс Триполитании продемонстрировал преданность сенуситам, а «растрогавшийся в чувствах» Б. ас-Саадави пожелал И. ас-Сенуси успехов в его борьбе за независимость ливийского народа «под дорогой для всех короной»[23].

На этой встрече были сформулированы и согласованы с Идрисом требования триполитанцев о предоставлении независимости, которые он включил в свою программу для изложения британскому правительству совместно с требованиями киренаикцев: 1) образование триполитанского правительства по примеру киренаикцев; 2) федерация Триполитании и Киренаики под сенуситским руководством для общего развития экономики и обороны; 3) объединенная ливийская делегация из триполитанцев и киренаикцев на Генеральную Ассамблею ООН в сентябре 1949 г.[24]

В Лондоне эмир встретился с Э. Бевином, английским министром иностранных дел, которому изложил требования триполитанцев и настаивал на передаче управления двух провинций, Триполитании и Киренаики, под крыло киренаикского правительства. Также Идрис просил о передаче бывшей итальянской собственности киренаикскому правительству и высказал пожелание о заключении договора с Великобританией о сотрудничестве. В ходе визита И. ас-Сенуси встретился в парламенте с премьер-министром Клементом Ричардом Эттли и позднее — с Уинстоном Черчиллем, в то время лидером оппозиции. Программа пребывания включала прием в Букингемском дворце, где эмир и его жена были приняты

английскими королем и королевой. Также ливийская делегация посетила Оксфорд, Кембридж, Истбурн и встретилась с британскими учеными. Идрис просил не проводить широких приемов, потому что ему хотелось лично переговорить как можно с большим числом политических деятелей и влиятельных лиц. Но программа двухнедельного визита была очень насыщенной. Эмир встретился с суданским лидером Абдул Рахманом аль-Махди, который в то же время находился с визитом в Лондоне. Несколько встреч состоялось в министерстве иностранных дел по поводу обсуждения этапов образования киренаикского правительства и формы конституции Киренаики. На консультациях с премьер-министром и главой британской администрации в Киренаике было решено, что передача власти состоится путем выпуска прокламации, осуществляемой главой британской администрации по возвращении эмира. После опубликования такой прокламации новое правительство формально приступит к своей работе, а глава английской администрации станет британским представителем. Никаких трудностей обсуждения не вызывали[25].

Во время переговоров в Лондоне И. ас-Сенуси получил согласие Великобритании на провозглашение независимой Триполитании в рамках Ливийской федерации под властью эмира и на проведение в связи с этим соответствующих организационных мероприятий. В конце августа 1949 г. в Эль-Куссабате состоялся съезд Национального конгресса Триполитании, на котором была принята «Национальная хартия» и избрана исполнительная группа в составе 27 представителей различных районов провинции. Председателем конгресса был избран Б. ас-Саадави, его заместителями — муфтий Мухаммед аль-Алем, Мустафа Мизран и Тахир аль-Мурайид[26]. Многие вчерашние соперники оказались рядом. Но не все.

В соответствии с п. 5 «Национальной хартии», объявившим «антинародными и антинациональными» все ассоциации, «созданные при участии иностранцев»[27], были осуждены и отстранены от политической деятельности партия «Истикляль», созданная в 1949 г. лидером ОНФ Салимом Мунтасером при участии итальянцев (она поддерживала власть эмира, но выступала против присоединения к ЛАГ), а также эмигрантский (в Каире)

Триполитанский комитет во главе с Ахмедом ас-Сувейхили, выступавший против руководства сенуситов.

Близилось время обсуждения «ливийского вопроса» в ООН, и англичане делали все возможное, чтобы ситуация в Триполитании и Киренаике не накалилась, поскольку надо было успеть передать власть эмиру. На обратном пути из Лондона И. ас-Сенуси снова сделал остановку в Триполи, но уже все торжества были отменены.

3 сентября И. ас-Сенуси с супругой вернулся в Бенгази. С ними не оказалось назначенного эмиром до отъезда премьер-министра Ф. аль-Кехья. Он исчез после визита делегации в Лондон и больше о нем никто ничего не слышал. Через некоторое время он объявился в Александрии и возобновил юридическую практику, не давая никаких объяснений происшедшему.

7 сентября в Бенгази состоялся официальный прием во дворце Манар в связи с возвращением эмира. 16 сентября 1949 г. де Кондоль опубликовал «Прокламацию о власти в переходный период», предоставлявшей И. ас-Сенуси «право издания декрета о введении конституции», управлении всеми внутренними делами, но сохранявшей за британскими властями неограниченные полномочия в сфере внешних отношений, обороны и, по решению ООН, о бывших иностранных колониях, определение итальянской собственности и обязательное согласование вопросов финансов и права[28]. Конституция не могла быть отложена или исправлена без участия британского резидента, который до объявления полной независимости сохранял полномочия аннулировать, изменять или вносить изменения в прокламацию.

19 сентября 1949 г. была провозглашена конституция Киренаики. Эмир объявлялся главой государства и главнокомандующим. Кабинет министров назначался главой государства и отвечал перед ним. Парламент был однопалатным и состоял из выбранных и назначаемых членов, пропорции которых закреплялись декретом. Правом голоса наделялись лица мужского пола, достигшие 21 года. Судебная власть была независима от исполнительной и состояла из гражданского, религиозного и аппеляционного судов.

Конституция, по словам Дж. Райта, «дала широкие права эмиру, но не включала современных демократических принципов»[29], что разочаровало большинство населения страны. Египетские газеты печатали высказывания в прежнем духе. «Англия хочет этим политическим маневром поставить ООН перед свершившимся фактом... Это не что иное, как объявление о присоединении Киренаики к Англии и включении ее в число британских колоний», — писала в те дни газета «Саут аль-Умма»[30].

После принятия присяги эмир издал декрет, назначавший временный кабинет министров, который состоял из премьер-министра Омара Мансур-паши аль-Кехья (взамен его сына, так и не вернувшегося в Ливию), он также совмещал посты министра внутренних дел и образования; Мухаммед бу Дадджья — министр финансов; Али Джераби — министр труда; Хусейна Мазика — министр сельского хозяйства; Халиля аль-Калаля — министр здравоохранения; Мухаммеда Сакзами — министр правосудия. Али Джераби и Хусейн Мазик были опытными администраторами и занимали важные посты в английской военной администрации, остальные имели хорошее образование для работы в столь ответственном органе власти[31].

Борьба националистов и сенуситов за власть

На IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР предложил немедленно предоставить независимость Ливии, в течение трех месяцев вывести оттуда все иностранные войска и военный персонал, ликвидировать иностранные военные базы[32]. Великобритания потребовала признания независимой Киренаики, создания аналогичного режима в Триполитании и поддержки притязания Франции на Феззан. Проект резолюции США предусматривал предоставление Ливии независимости через три года, в течение которых право управления оставалось за Великобританией и Францией[33]. СССР выступил с осуждением маневров западных стран. 11 октября 1949 г. на заседании Первого комитета было принято решение о создании подкомитета № 17 (из 23 членов) для изучения всех внесенных предложений.

Подкомитет под нажимом западных стран отклонил советские предложения и выработал угодный Великобритании и США проект решения, предусматривавший предоставить независимость Ливии к 1 января 1952 г. Проект продлевал режим военной оккупации Ливии, что дало возможность Великобритании и Франции в период между IV и V сессиями Генеральной Ассамблеи ООН продолжать линию на раздел Ливии путем создания в ее трех основных провинциях режимов по типу киренаикского эмирата. 21 ноября 1949 г. Генассамблея приняла резолюцию, подчеркнувшую, что Ливия станет суверенным государством до 1 января 1952 г. СССР при голосовании при этом воздержался. На период до предоставления полной независимости Ливии 21 ноября 1949 г. решением ООН в Ливии был назначен специальный комиссар «в целях содействия... в выработке конституции и сформировании независимого правительства», как об этом было записано в пункте 4 резолюции № 289 ГА ООН[34]. Генассамблея назначила комиссаром Адриана Пельта, датчанина по происхождению, работавшего в постоянном аппарате ООН. Ему помогали 10 представителей стран — членов Организации, представители 3 провинций Ливии и 1 — представитель меньшинств.

По словам современников, Пельт был общительным космополитом, хорошо владевшим датским, английским и французским языками, но не знавшим арабского и подробно не знакомого со всеми перипетиями ливийской истории. Он осознавал всю трудность поставленной перед ним задачи — удовлетворить общим арабским требованиям, так же как и примирить различные взгляды внутри Ливии, и в то же время сохранить хорошие взаимоотношения с английским, французским и итальянским правительствами, без чьей поддержки главная цель была бы невыполнимой. Пельт прибыл с намерением вести свободное открытое обсуждение и с представлением, что ливийские взгляды на проблемы соответствуют высказываниям арабских делегатов в ООН. Он был расположен прислушаться к мнению своего египетского советника, но обнаружил, что его заявления совершенно не схожи с мнением ливийцев и что по другим вопросам, касавшимся ливийской тематики, у арабов нет единого мнения.

На месте Пельт встретился с ливийцами и представителями меньшинств. Он посетил все три провинции для консультаций с местными лидерами. В Бенгази он хотел переговорить с Идрисом, но тот дипломатично переадресовал его к Национальному конгрессу, и Пельт встретился с Али Джераби в качестве представителя Киренаики. Киренаикцы чувствовали, что на правах первых, получивших независимость, они могут предлагать свои условия для участия в объединенной федерации. Национальный конгресс выступал за ливийскую федерацию под руководством сенуситского эмира или короля, в которой Киренаика и Триполитания были бы равными партнерами. Они рассматривали как неотъемлемую часть автономию каждой из провинций с действующими правительствами и выбираемыми ассамблеями на каждой из территорий, федерацию же видели в рамках единой короны, флага и валюты. Эти взгляды киренаикцы настойчиво излагали А. Пельту, чьи аргументы в резолюции ООН так и не нашли места[35]. Как потом А. Пельт признал в своих мемуарах, он столкнулся «с противодействием Англии и Франции созданию единой Ливии»[36], но, тем не менее, в течение 1949–1951 гг. потворствовал западным державам, о чем можно судить хотя бы по его годовым отчетам[37].

В начале 1950 г. в правительстве Киренаики сложилась напряженная ситуация. Оппозиция стала претендовать на ведение дел. Омар-паша был вспыльчивым и своевольным старым управленцем, воспитанным еще на методах османских турок и неспособным принять английские стандарты управления или учесть стремления арабов. Он использовал смесь турецких подходов со средневековыми замашками и итальянскими манерами секретной полиции и системой информаторов, которые привели его к противостоянию с британской администрацией и арабским персоналом. Омар-паша проводил много времени, выслушивая шпионскую информацию, и его не оставалось на текущую рутинную административную работу. Также он имел привычку быстро засыпать после начала разговора. Вскоре он пришел к полному разногласию со своим помощником из английского окружения. Омар-паша наносил обиды и арабским коллегам своими авторитарными методами и реакционными идеями. Это привело к тому, что

Национальный конгресс выразил ему свое недоверие. Он был смещен с поста премьер-министра в марте 1950 г. и заменен министром правосудия Мухаммедом Ас-Сакзами[38].

Вскоре после урегулирования правительственного кризиса возникли новые проблемы с увеличением в стране численности английских специалистов в качестве советников. Эмир Идрис и киренаикцы рассматривали присутствие англичан в таком количестве как форму замаскированного контроля, как это происходило в Ираке и Египте. Похоже, в Великобритании не осознавали подъема арабского национализма.

В июне 1950 г. проводились выборы в Национальное собрание Киренаики по схеме один депутат от 20000 населения. Она состояла из 50 избираемых членов и 10 назначаемых эмиром. Выборы дали 44 места для сторонников сенуситов и 6 — Национальной ассоциации (бывший клуб Омара аль-Мухтара), которая заняла место оппозиции. Новое собрание состояло в основном их тех же вождей племен и городских представителей (без представителей еврейской и греческой общин). После официального открытия Национального собрания 12 июня был объявлен перерыв до 21 октября, а затем открытие отложили еще до 15 декабря.

Другой важный вопрос для правительства — распоряжение бывшей итальянской собственностью, которая находилась под британским надзором. Этот вопрос так и не был урегулирован до заключения мирного договора с Италией в 1956 г. Киренаикское правительство могло распоряжаться бывшими зданиями, находившимися в государственной собственности. Частные строения арендовались под опекой английской администрации частными владельцами и ждали своей дальнейшей участи.

В Феззане французские власти в начале 1950 г. решили создать автономное правительство, для чего сначала провели совещание с местными шейхами, а затем 12 февраля пригласили их на консультативное собрание, где избрали Ахмеда Сейфа ан-Насра, давно сотрудничавшего с французами, начальником территории Феззан. В его ведение были переданы местные правительственные учреждения, а в помощь назначены французские специалисты[40].

В Триполитании под руководством Б. ас-Саадави в первой половине 1950 г. также было создано автономное правительство.

Под руководством А. Пельта были проведены выборы в общеливийское Национальное собрание. Представителей Киренаики отбирал лично И. ас-Сенуси, Феззана — Ахмед Сейф ан-Наср. Из-за конфликта между политическими партиями в Триполитании представителей выбирал комиссар ООН после консультаций с Б. ас-Саадави. Кандидатура будущего председателя Национального собрания муфтия Мухаммеда аль-Алема была предложена британской администрацией и поддержана комиссаром ООН. От каждой из трех провинций кандидатов выдвигалось поровну, по 20 человек. Этот вопрос обсуждался в ООН. Египетский и пакистанский представители предложили выбирать членов собрания пропорционально численности населения, но подготовительный комитет решил в пользу равного представительства от каждой из провинций, хотя население Триполитании в 1950 г. составляло 750 тыс. человек, Киренаики — 270 тыс., Феззана — 50 тыс.[41]. Открытие первой сессии было назначено на 25 ноября 1950 г.

Действия Великобритании, Франции и комиссара ООН в Ливии подверглись критике на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь — ноябрь 1950 г.) представителями Советского Союза и других стран. СССР предложил проект резолюции, предусматривавший объединить части Ливии — Киренаику, Триполитанию и Феззан — в единое государство и ликвидировать военные базы[42]. Однако советский проект был отклонен, а деятельность управлявших держав и комиссара ООН в Ливии была одобрена.

Тем не менее принятые 17 ноября 1950 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции по Ливии подтверждали решения 1949 г. Они устанавливали сроки формирования временного правительства и выработки конституции, хотя и не препятствовали Великобритании, Франции и США проводить свою политику. В таких условиях открыто ставить вопрос о разделе страны они не могли, и им пришлось искать новые пути для сохранения своего господства. Отсюда и возникла идея федеративного государственного устройства с монархической формой

правления, с помощью которого Запад обеспечивал свои интересы через ведущую роль киренаикских лидеров и передавал в их руки не только пустынный бедуинский Феззан, но и более развитую Триполитанию, где у колонизаторов и у местных реакционеров возникло немало проблем.

2 декабря 1950 г. Национальное собрание одобрило эту идею. Была принята резолюция о создании «демократического, федеративного, независимого и суверенного государства, формой правления которого будет конституционная монархия»[43]. Согласно другой резолюции, И. ас-Сенуси провозглашался королем Ливии Идрисом Первым. Члены собрания предложили провести традиционный обряд посвящения — «байя», или присяги в честь коронации Идриса. Это принесение клятвы состоялось 17 декабря 1950 г. в Бенгази во дворце Манар согласно исламским традициям. На него прибыли все 60 членов Национального собрания. 7 марта 1951 г. первое ливийское правительство под председательством премьер-министра Махмуда аль-Мунтасера приступило к работе. 8 марта 1951 г. была принята конституция.

Решение Национального собрания вызвало многочисленные протесты. 19 декабря 1950 г. в Триполи состоялась демонстрация, участники которой скандировали лозунги «Долой федерацию!», «Пусть живет единство!». Выступления продолжались в течение двух последующих месяцев. Они еще более усилились, когда были учреждены автономные правительства Киренаики, Триполитании и Феззана, что вынудило Совет регентства 24 марта 1951 г. издать закон «О предупреждении преступлений», подвергавший наказанию любое лицо, «причинявшее ущерб общественному спокойствию»[44].

В создавшейся обстановке некоторые лидеры начали склоняться в пользу ориентации на США. Одним из них стал Башир ас-Саадави. Он начал критиковать проанглийскую ориентацию Идриса, выступать против королевской власти. 17 мая 1951 г. Б. ас-Саадави заключил соглашение с американским консулом о «взаимной поддержке», как об этом сообщила позже, 10 августа, газета «Паэзе».

Действия Б. ас-Саадави и некоторых других менее известных политических деятелей, начавших ориентироваться

на США, заставили Великобританию и Францию поторопиться с выполнением резолюции ООН по Ливии: с таким конкурентом, как США, им явно было не справиться, тем более что американские нефтяные компании в то время уже разворачивались в сахарских песках. 6 декабря 1951 г. А. Пельт информировал ООН, что английские и французские администрации начали передачу власти временному ливийскому правительству и что Ливия будет провозглашена независимым государством 1 января 1952 г.

У эмира Идриса было больше возможностей сохранить свое влияние и бороться за власть в Ливии, чем у его оппонентов, поскольку его поддерживала британская администрация, а в созданные ими органы местного управления вошли в основном те ливийцы, которых рекомендовал Идрис или поддерживавшие его шейхи племен. На местах они сотрудничали друг с другом, знали друг друга, и это позволяло Идрису, стоявшему во главе пирамиды власти, получать от них информацию и всевозможные советы. В свою очередь, чиновники-ливийцы, сориентированные указаниями Идриса, были более активными на местах. Располагая информацией об истинном положении в провинциях, Идрис мог опережать своих политических соперников и в то же время считаться главным союзником английской администрации, потому что часть информации он передавал и им. Об этом свидетельствуют приводимые ниже архивные документы[45].

Сохранившиеся документальные источники, проясняющие внутриполитическую обстановку в Ливии в конце 1940-х — начале 1950-х гг., красноречиво рассказывают о борьбе за власть. Чиновники-ливийцы давали информацию британским властям и одновременно Идрису. Вот, к примеру, секретный доклад губернатора провинции Дерна, датированный 31 января 1950 г. Доклад содержит подробную информацию о серьезной обстановке тех дней. Высокопоставленный ливиец докладывает своим властям и одновременно английской администрации о том, что происходит в одном из ведущих губернаторств страны — Дерне[46].

Доклад губернатора провинции Дерна

Правительство Киренаики
Резиденция
губернаторства Дерна
31 января 1950 г. Бенгази

Секретно (экз.5) № D/18/b/4
Его превосходительству
министру внутренних дел
правительства Киренаики

Копия — инспектору внутренних дел

Ежемесячный политический доклад провинции Дерна

Общее. В прошлом месяце доклад не представлялся, так как месячные итоги были сообщены в нашем уведомлении № D/1/и от 28 декабря 1949 г. по делу клуба Омара аль-Мухтара и деятельности делегации Киренаики в ООН.

В результате беспрецедентной активности этой делегации в ООН в Дерне произошло следующее:

1) в местной печати опубликовано заявление Совета министров об отношении правительства к вопросу о единстве;
2) принято официальное решение о том, что эта делегация не является выразителем точки зрения правительства;
3) отстранен от деятельности Абдель Разак Эфенди Шакмоф;
4) подал в отставку Омар Бек Шаниб;
5) правительственным служащим запрещено участие в политической деятельности и работа в обществах;
6) введены в действие новые законы по печати и функционированию клубов;
7) Лига Омара Мухтара была вынуждена изменить наименование;
8) гражданин Туниса Мохаммед Абдель Карим был назначен по распоряжению отдела просвещения учителем в Эль-Абрак.

Национальная сессия. Несмотря на происшедшее, клуб Омара Мухтара остается дезорганизованным. Все государственные служащие, его члены, считают это дело бесперспективным. Несомненно, однако, что они в большинстве своем неофициально будут поддерживать деятельность клуба. За ними будет установлено тщательное наблюдение с целью подтвердить их непрекращающееся участие в клубе.

Совещание, которое намечалось провести в Эль-Абраке и о котором мы сообщали в вышеупомянутом уведомлении, практически не состоялось, однако продолжались попытки побудить коекого из семейства Обейдов к участию в нем.

Как здесь стало известно, сессия прилагает усилия к созданию комитета с целью ведения переговоров о единстве с партиями в Триполи. В этот комитет войдет шейх Обейди, который и будет назначен президентом.

К нам поступило сообщение о возможности организации в Дерне демонстрации с конечным пунктом в Бенгази. В связи с возможными беспорядками предпринимаются все меры предосторожности.

Во всяком случае, 22 января из Дерны в Бенгази вышли 3 автомобиля с частными номерами. В машинах находилось руководство клуба: Абдель Хамид бен Халили, Мифтах Абу Турара, Хадж Абрик Тафир, Хамиль Бакир, Абду Исмаил, Фуад Шаниб. Их сопровождали жена и дочь Омара Бек Шаниба. С ними было письменное уведомление о том, что Омар Бек Шаниб является спикером сессии.

С тех пор в городе сохраняется спокойная обстановка.

25 января в Бенгази выехали шейхи Обейдов: Ас-Сальхейн Бу Салех, Саид Бу Халиль, Муса Бу Ад-Дакля, Джад Эль-Моли Мохаммед, Абдарахман Бу Акрим, Аль-Альвани Бу Хамад, Аль-Мабрук Абдалла, Шихад Сулейман Аль-Кадаини.

Шейхи Каббы. Внимание администрации привлекли забастовки и волнения, которые имели место в Каббе в начале года.

Вероятно, вам известно, что полицией предпринято расследование по вопросу петиции, предъявленной Обейдами. Цель этого — суд над уполномоченными по обвинению в фабрикации подписей для обмана администрации.

Как показал начальник полиции, имеющихся сейчас улик недостаточно для обеспечения процесса в соответствии с циркуляром 85, ст. 10б.

Дознанием установлено, что нижепоименованные отрицают подписание петиции или утверждают, что не посвящены в ее содержание: Абдель Рахман Бу Акрим, Баскари Бу Остап, Саид Бу Халиль, Маасоф Бу Джаддалла, Саид Бу Архим, Али Бу Асмид, Фади Бу Мухаммед, Али Бу Фарадж, Абдель Кадер Бу Омар.

Нижепоименованные показали, что они подписали петицию в доме Али Паши Обейди: Ас-Салехейль Бу Салех, Абдель Ваниф Мохаммед, Али Аль-Эмям, Абдель Гади Мисбах, Уд аш-Шубаки, Архим Бу Ат-Таиб, Джад эль-Моли Мохаммед, Муса Бу ад-Дакля. (Местонахождение остальных, подписавших петицию, не установлено до сих пор.) Достоверно известно, что петиция составлена Абдель Кадером Эль-Алямом. Однако его трудно уличить в этом, и пока не существует данных, могущих пролить свет на это дело.

Во всяком случае, после назначения министров и высокопоставленных чиновников в новое правительство мы не отметили попыток рассмотреть предыдущее заявление Обейдов, которые требуют большей доли в управлении государством. Период волнений прошел. Эти шейхи продолжают настаивать на своих требованиях, так как в их руках находится треть населения. Можно ожидать, что результатом нового закона о гражданстве станет отмена этого требования.

К сожалению, Хамид Эфенди Обейди продолжает оставаться под влиянием Али-паши Обейди. Я уверен, однако, что он человек с хорошим сердцем, но энергия его расходуется в скверном направлении. Думается, что именно из-за этого он оставил свою работу.

Недавно стало известно, что он опубликовал листовку, критикующую политику правительства в округе. Я потребовал от него письменное разъяснение по этому вопросу. Если ему разрешат остаться в округе, необходимо будет установить за ним негласный надзор. В настоящее время нет официальных оснований придраться к его деятельности.

Опираясь на это, я настаиваю и прошу рассмотреть проблему Обейдов, основные жалобы которых сводятся к следующему: 1) непризнание назначения старейшин и шейхов и задержки полагающегося вознаграждения; 2) непредоставление больших постов (не в смысле их значимости, а в смысле удовлетворения их чувств); 3) происшествие в доме египетских учителей от незнания подробностей.

Перемещения. Сыновья ас-Сейида Ибрагима (Камиль и Башир) отбыли из Дерны в Бенгази и направились в Египет 26 декабря. Известно, что Башир Бек ас-Саадави отбыл из Египта в Ливию сухопутным путем. Однако к нам не поступало никаких сообщений о его настоящем местонахождении. Национальная сессия

объявила, что манифестации и демонстрации по случаю визита Башира Бека запрещена. (Этот запрет был ответом на запрос, в котором Сессия выразила желание провести эти мероприятия в честь Башир Бека.)

Подпись: Губернатор провинции Дерна *Абдалла Балькун*

Из этого документа видно, что одна и та же информация шла по двум каналам: самому Идрису и британским чиновникам, что поднимало авторитет эмира среди последних. И ас-Сенуси явно владел ситуацией.

Обстановка тем временем накалялась. Она становилась взрывоопасной. Волнения происходили непрерывно. В каждом районе страны организовывались демонстрации. Народ обращался в Лигу арабских стран и различные международные организации.

Это вызвало ответную реакцию властей — ссылку группы патриотов или удаление их от центров политической активности.

По распоряжению правительства Киренаики, руководимого Мухаммедом Ас-Сакзами, была распущена Лига Омара аль-Мухтара, ее члены рассеялись по стране.

Антибританские выступления были настолько сильными, что представитель Лондона выразил официальное недовольство местным властям, особенно за случай сожжения британского флага над домом представителя английского правительства в Бенгази.

Английский представитель послал Идрису два письма. В первом он требовал вызвать в Аль-Бейда Омара Мансура-пашу и выразить ему недовольство в связи с недостаточной помощью правительству в нормализации положения и прекращения беспорядков. Мансуру предлагалось либо активизировать работу по организации поддержки правительства, либо уйти в отставку и выехать за пределы Киренаики на неопределенный срок. Во втором письме предлагалось создать комиссию по расследованию обстоятельств дела, приведшего к оскорблению британского флага.

Идрис, конечно же, не стал медлить. Он создал комиссию, руководил которой англичанин. Но этим дело не закончилось. Мухаммед Ас-Сакзами направил письмо своему сыну, премьер-министру временного правительства Махмуду аль-Мунтасеру. Он сообщил, что часть молодежи после роспуска Национальной сессии покинула Киренаику и направилась в Триполи. Большинство из них — учителя школ. Сакзами попросил сына установить над ними наблюдение, принять меры по возвращению этих лиц в Киренаику. Ниже приводится текст письма[47].

1 августа 1951 г.
№ 8/Т/6044

Канцелярия премьер-министра
правительства Киренаики
Особо секретно

Господин Махмуд Бен Мунтасер

премьер-министр триполийского правительства Триполи

После приветствий

В последние дни к нам поступили сообщения, что некоторые молодые люди, входившие в Национальную сессию (большинство из них учителя школ) после ее роспуска отправились из Бенгази в Триполи. Мы уже сообщали, что часть из них обосновалась в Триполи несколько дней назад.

Поэтому уведомляю Вас о том, что полиция Триполи должна принять соответствующие меры по наблюдению за деятельностью этих лиц и выявлению кругов, с которыми они связаны. Против них, по возвращении в Бенгази, будут приняты надлежащие меры. В первую очередь это относится к чиновникам, находящимся среди них.

Примите заявления в самом глубоком уважении.

Премьер-министр *Мухаммед ас-Сакзами*

Местные власти воспользовались роспуском Национальной сессии в Киренаике, по отношению к которой Идрис выражал недовольство, и решили отстранить кое-кого из оппозиционеров от политической деятельности.

Чтобы знать о действиях оппозиции, Идрису требовалась информация о раскладе сил политических оппонентов и их

действиях. В этом ему помогали преданные люди. И эта информация была предназначена лично Идрису, он мог пользоваться ею по своему усмотрению: делиться с властями, держать при себе или организовать определенную утечку.

Приводим доклад, который представил Идрису один из его преданных людей. Он отражает, как представляется, царившую тогда обстановку[48].

Ваше высочество, великий эмир. Храни Вас Аллах.
Мои заверения в наивысшей преданности и верности!

Для меня высочайшая честь представить Вашему высочеству великому эмиру этот краткий доклад. Я надеюсь, что он послужит общему благу, ради которого все мы боремся и к которому стремимся с рвением и преданностью. Сообщаю:

Когда Ваше высочество приказало распустить Национальное собрание, было объявлено, что эта мера является подготовительной для сформирования в ближайшее время, с позволения Аллаха, парламента.

Все с интересом ожидали этого события, связывая с ним изменения внутренней и внешней политики для того, чтобы Киренаика выстояла перед лицом тех политических событий, которые ожидаются, с одной стороны, и для укрепления независимости парламента, в который входят представители всех классов, — с другой.

Дерна является неотделимой частью Киренаики, но приготовления к этому событию приобрели здесь особые формы, так как Национальная сессия (бывшая Лига имени Омара Мухтара), особенно такие лица, как Абдель Раззак Шакмоф, Омар Шаниб и их сторонники, имеют на это противоположную точку зрения. Исходя из того, что политическая настроенность в этом городе сейчас, после роспуска местного Национального собрания и его филиалов, стала исключительно в поддержку упомянутой сессии, то люди, и особенно молодежь, взяли сторону оппозиционеров. Стало весьма вероятным и практически решенным, что от Дерны будут выбраны двое: 1) Абдель Раззак Шакмоф — представитель племени Мисрата (треть страны); 2) Ибрагим Уста Омар — представитель народности Лабиха, состоящей из следующих племен: ат-таваджир, азалитин, аль-кара-галая, ат-тавагир, аль-бирагама.

Возникает вопрос. Почему эти племена, объединившись, выбрали этих двух человек, в то время как старейшины и шейхи, главенствующие в них, вроде бы стоят на страже наших интересов и ориентируют массы в правильном направлении?

Ответ таков: Национальная сессия, объединившись с молодежной Лигой, смогла завладеть умами молодежи, за ними — большинство. Они были соблазнены культурными и спортивными мероприятиями, техническими новинками и финансовой помощью. Это привело к тому, что молодежи импонируют идеи, пропагандируемые сессией, и она полностью поддерживает ее. И я говорю с полной ответственностью: если в Дерне будут проведены свободные выборы, то победа двух вышеупомянутых людей будет неоспоримой.

А потому, учитывая, что эти люди в действительности не выражают мнение всех жителей Дерны, а навязывают от имени Дерны безрассудные идеи, в чем особенно преуспел Абдель Раззак Шакмоф, заявляющий, что его сторонники являются теми, на кого возложена обязанность воплотить идеи народа в жизнь в ожидаемом парламенте, я предлагаю Вашему высочеству великому эмиру следующее:

Ваше высочество, в соответствии с конституцией Киренаики, назначает не одного, а нескольких представителей от г. Дерны с тем, чтобы они высказались в пользу официальной политики и стали, таким образом, щитом, защищающим этот город от безрассудных течений, которые распространяются носителями зла. Я молю о прощении у Вашего высочества, что осмелился предложить ряд лиц для этой акции, в преданности которых можно быть уверенным и из которых Вы выберете достойных:

1) г-н Шейх Абдель Джавад аль-Фаритис;
2) г-н Фавзи Бадер;
3) г-н Абдель Гади Аститиг;
4) г-н Мохаммед Халифа;
5) г-н Фардж Латвиш;
6) г-н Мифтах Бузилд.

Могу заверить Ваше высочество, что если Вы окажете доверие двум или трем из них, то они будут в состоянии бороться за Дерну, защищая следующие принципы: бесконечная преданность Вашему высочеству, абсолютная верность всем Вашим указаниям,

повиновение без сомнений и колебаний, борьба, основанная на здравой логике, трезвом рассудке и влиянии на массы.

Вот в целом то предложение, которое я имею честь предоставить Вашему высочеству прежде всего, а уже потом мнение и оценка.

В конце моего доклада пользуюсь возможностью повторить заверения в верности и глубокой преданности. Да ниспошлет Вам Аллах свое благоволение и милость.

26 марта 1950 г. Вечно преданный Вам *Мубарак Салим аль-Джибани*»

Аналогичные сведения о политической обстановке и развитии событий Идрис получал и от триполитанских чиновников. Ниже мы приводим донесение агента государственной безопасности старшего лейтенанта Идриса Абдаллы об обстановке и настроениях в Триполи от 4 февраля 1951 г.

«1. Народ в Триполи в основном не согласен с планом властей о федерализации Ливии, некоторые продолжают препятствовать этому проекту и в Национальном собрании, причиной чего является деятельность египетского депутата в международном консультативном совете по Ливии Кемаля Бея Салима при посредничестве Башира Саадави.

2. В последнее время в Триполи появились слухи о том, что Б. ас-Саадави, находясь в Бенгази и проживая там в Палас отеле, подвергся нападению неизвестных лиц, которые бросили в него бомбу, однако с ним ничего не случилось. Эти слухи сильно взволновали жителей Триполи. В результате народ стал враждебно высказываться в адрес жителей Киренаики. Дело дошло до того, что радиостанция «Ближний Восток» была вынуждена опровергать слухи о покушении на Саадави. Некоторые в Триполи полагают, что покушение было подготовлено англичанами с целью посеять вражду между жителями Триполитании и Киренаики.

3. Хомс. 24 января там прошла демонстрация, которая не была санкционирована британской администрацией Триполитании. Демонстрация выступила против плана федерализации. Некоторые участники этой демонстрации были отпущены, некоторые были

оштрафованы, а некоторых приговорили к тюремному заключению. Один из организаторов демонстрации Али Мустафа аль-Мисрати был осужден на шесть месяцев тюремного заключения. Это произошло 2 февраля 1951 г.

4. 2 февраля 1951 г. в 9.20 вечера в дом офицера британской администрации Мортиторекса неизвестные люди бросили бомбу, однако никто не пострадал, так как в то время офицера не было дома. Подозрение падает на фракцию Национального Конгресса. Это произошло после того, как Мортиторекс арестовал пять сторонников Национального конгресса, которые организовали 24 января 1951 г. демонстрацию. Однако четких доказательств против них не было. Тем не менее все они были задержаны в тот же день, когда произошло покушение.

5. В последнее время в Триполитании появились слухи о том, что в связи с формированием местной администрации Триполитании и Феззана губернатор Триполитании выехал в Киренаику.

6. *Итальянцы в Триполитании*. Итальянская комиссия по выплате вознаграждений (3 тыс. лир, или 6 фунтов стерлингов) продолжала выплачивать деньги тем, кто находился в итальянской армии или был в плену во время войны. 28 января комиссия ездила в Злитен и выплатила семистам человекам по 3 тыс. лир. Деньги, однако, не выплачивались жителям Киренаики, к тому же никто из них не пришел просить этих денег до настоящего времени.

7. За последние две недели Триполитанию посетили Его Превосходительство Мухаммед Бей Буджаджа, который провел там несколько дней, а затем уехал в Италию через Тунис; а также Его Превосходительство Рашид Бей аль-Кехья, который прибыл в Триполитанию и после четырехдневного пребывания там вернулся в Киренаику. Во время своего пребывания в Триполитании он встретился с некоторыми политиками этой провинции, а также Киренаики.

8. В Триполитании сейчас говорят, что, как только вернется Учредительная комиссия из Каира, вновь начнутся демонстрации против федерализации и Учредительной Комиссии.

Ст. л-т. Идрис Абдалла»[49]

Приведенные выше документы, которых было значительно больше, свидетельствуют о сложной обстановке во всех ливийских провинциях, о взрывоопасной ситуации, которая могла быть спровоцирована любыми действиями как соседей по провинциям, так и британской администрацией. Идрису хотелось быть в курсе всех событий и стараться держать их под контролем. Для политического урегулирования ситуации Идрис не раз прибегал к помощи оккупационных властей, так как собственных средств, да и возможностей у него не было. Это, естественно, вызывало недовольство оппозиции и тех, кто считал себя соперником в борьбе с Идрисом за власть, но в то же время такая позиция эмира расширяла его влияние в стране, поскольку на местах чиновники-ливийцы, связавшие свою судьбу с патроном, надеялись, что эмир не забудет их и предоставит им достойные посты в будущей структуре государства.

Отношение арабских стран к созданию ливийской государственности

Борьба за власть, развернувшаяся в Ливии между Идрисом и поддерживавшими его англичанами, с одной стороны, и Б. ас-Саадави и стоявшими за ним радикальными националистами — с другой, не могла не повлечь за собой не только вмешательство Запада, но и повышенное внимание арабского мира, зорко следившего за событиями в Ливии.

Когда было создано Национальное Учредительное собрание, Идрис и те, кто стоял за ним, облегченно вздохнули — вроде бы им сопутствовал успех. Теперь надо было усиливать процесс создания ливийской государственности через собрание как высший орган власти в стране. За всем этим внимательно следили как внутри Ливии, так и за ее пределами, в первую очередь в арабском мире. Дело в том, что некоторые арабские страны разделяли точку зрения тех ливийских националистических кругов, которые считали создание Учредительного собрания под патронажем англичан ошибкой, могущей негативно отразиться на судьбе всего арабского мира. Ливийский вопрос был

внесен в повестку дня работы Совета Лиги арабских государств в начале 1951 г.

Там было замечено, что назначение Идриса главой государства являлось нарушением демократии, но было одновременно оговорено, что ливийский народ пошел на это, стремясь к единству и территориальной целостности родины. Идрис по-своему учел оценку ЛАГ событий в Ливии. Он поручил Учредительному собранию послать в Египет делегацию для установления связей с государствами-членами ЛАГ и послом Палестины. Идрис не забыл порекомендовать членам делегации воздержаться от встреч с англичанами и французами. В состав делегации вошли Мохаммед Аба Аль-Асад аль-Алим (глава) и Омар Шаниб (руководитель делегации Киренаики в Учредительном собрании). Сопровождал делегацию пресс-атташе собрания профессор Салех Бу Ясир. Отдельно от делегации Идрис отправил в Каир секретную миссию из трех преданных ему людей, чтобы те установили контакты с нужными лицами — друзьями эмира. Зная о трудностях, которые придется встретить при высказывании своей точки зрения делегациям арабских стран в Лиге и ответственным лицам в Египте, делегация отбыла в Каир 22 января 1951 г.

Идрис снабдил делегацию указаниями, которые категорически запрещалось нарушать. Он рекомендовал делегатам не вступать в контакт с лицами, выехавшими в Каир с секретной миссией. В частности, он требовал: 1) не вступать в контакты с английской и французской сторонами, чтобы не вызвать протеста со стороны египетского общественного мнения; 2) Размещаться отдельно от членов секретной миссии; 3) упреждать антиливийские акции ЛАГ, доказывая, что Ливия намерена перейти в будущем от принципа федерального устройства к единой государственной структуре; 4) убедить собеседников в полной свободе выбора решений о национальной организации: ливийцы, по Идрису, ни в какой степени не подвержены влиянию Великобритании или Франции. Те же, кто утверждает обратное, — враги, и их задача — преуменьшить значение учреждения госструктуры страны; 5) контакты с прессой и публикация материалов должны носить проливийский характер без оценок действий оппозиции[50].

Идрис опасался, что рассмотрение проблемы Ливии в рамках ЛАГ может задержаться, и потому просил делегатов не оставаться надолго в Египте. Омару Шанибу, например, через Ибрагима Шелхи, советника Идриса, была направлена телеграмма[51]:

Гостиница Шепард, Каир. Его превосходительству
Омару Бек Шанибу. Телеграмма от Его величества.

Его величество благодарит Вас и видит, что цель, ради которой вы направлены в Каир, именно для разъяснения нашей позиции, а не для участия в выработке решения ООН, чтобы мы могли принимать шаги, достойные нас. Думаю, что Вы не выйдете за рамки задач, Вам поставленных, так как Учредительное собрание, пославшее Вас, потребует объяснения по любому отклонению, если оно произойдет. Надеюсь, что Вы вернетесь самолетом в будущий четверг.

Ибрагим Шелхи 28 января 1951 г.

С делегацией были переданы письма к известным деятелям в исламском мире — Абдалле-паше Ляммому, члену совета старейшин Египта, от 20 января 1951 г., в котором Идрис просил его помочь ливийской делегации, и Нури-паше Саиду, премьер-министру Ирака, от 21 января 1951 г. В письме иракскому лидеру Идрис сообщал о «разрушительных планах генерального секретаря ЛАГ Абдеррахмана Аззам-паши и министра иностранных дел Египта, его поддерживавшего», направленных против действий Ливии по созданию своих правительств, и разъяснял истинное положение дел и также просил поддержки[52].

По возвращении делегации Идрису был представлен отчет делегации Национального Учредительного собрания Ливии, в котором говорилось о встречах с делегациями арабских государств и членами египетского правительства относительно ливийских проблем. Ниже следует изложение содержания документа.

Делегация Национального Учредительного собрания Ливии отбыла в Каир 22 января 1951 г. для установления контактов

с делегациями арабских стран и с лицами, занимавшимися проблемами арабского мира, для разъяснения им конституционности мероприятий в Ливии, проведенных в соответствии с решением ООН, с желанием народа и его собрания. Цель их — предостеречь от отрицательных последствий того пути, который был указан арабскими государствами на последней сессии ООН в отношении ливийской проблемы. Делегация прибыла в египетскую столицу, будучи осведомленной обо всех тех трудностях, препятствиях и противоречиях, которые могли возникнуть в ее работе. Правительство этой страны затрудняло ее работу, но этого не делал генсек ЛАГ. В аэропорту делегацию встречали представитель МИД, члены ассоциации освобождения Ливии, Мохаммед Бек Султан, студенты Киренаики, обучавшиеся в Каире, причем последние прибыли в аэропорт после того, как узнали, что триполитанские студенты организовали демонстрацию против делегации.

На утро следующего дня делегация, сопровождаемая Абдаллой-пашой Ляммомом, посетила дворец Абдин, затем она отправилась к министру иностранных дел Египта. На встрече делегация подробно осветила процесс создания в Ливии Учредительного собрания и роль в нем Кямиля Салима, Абдарахима Хама, Мустафы Мизрана и Башира ас-Саадави, действия которых порицались. Министр выразил желание выслушать всех членов делегации и высказать свое мнение по событиям в Ливии, подчеркнув, что если оно было ошибочным, то он изменит его. Затем он откровенно рассказал о намерениях Египта и арабских стран, об опасности, угрожающей государству со стороны федеративной Ливии, о засилье иностранцев. Он сказал также, что ЛАГ в том составе может стать объектом порицаний и критики, так как в ней не соблюдаются права большинства. Он добавил, что странно требовать от арабских стран целостности Ливии и окончательного ее освобождения от колониального гнета. В то же время имеется другой путь, который, по его мнению, не приведет к этой цели, а создаст возможность существования Ливии. Это — постепенное получение суверенитета при одновременном свертывании функций держав, управляющих страной.

После этого члены делегации разъяснили министру сущность и цели Учредительного собрания, а также перспективы образования центрального правительства с министерствами иностранных дел, просвещения, финансов, обороны, путей сообщения, а также палаты депутатов и сената. Вопрос о внешних связях, подчеркнула делегация, должен находиться в ведении министерства иностранных дел центрального правительства независимо от того, будет ли правительство федеративным или единым. Затем министру были разъяснены причины выбора федеральной модели.

В тот же день на встрече с журналистами была полностью разъяснена сущность ливийского пути к своей государственности.

24 января переговоры делегации с министром иностранных дел были продолжены. В основном обсуждение касалось необходимости ознакомления с проектом конституции, который был подготовлен Учредительным собранием для выборного парламента. Делегация отстаивала точку зрения, выработанную Учредительным собранием: предоставление парламенту проекта конституции отменяет соглашение об объединении трех областей (Триполитании, Киренаики, Феззана) в Союз и затягивает время принятия самой конституции. Министр убежденно отметил, что он остается при своем мнении, но опасается негативного развития событий.

Затем делегация встретилась с Рифом Нахас-пашой. Несмотря на то, что он отстаивал необходимость выборов, так как он — человек из народа и придерживался только этой точки зрения, Нахас-паша горячо приветствовал делегацию. После разъяснения делегацией проблемы он выразил удовлетворение и сказал, что обсудит ее с Салах эд-Дин Беком. После этого делегация впервые встретилась с Абдеррахманом Аззам-пашой, но переговоров с ним практически не вела. В то же время он обещал, что не будет вмешиваться в дела Ливии. Вечером того же дня члены делегации встретились с Риад Беком ас-Сольхом и разъяснили ему ситуацию. Он был изумлен отстранением Б. ас-Саадави. Он сказал, что всегда пытался убедиться в том, что федерализм является благом для будущего Ливии и способом разрешения проблемы. Ас-Сольх выразил готовность помочь делегации.

Вечером 26 января делегация узнала, что ливийская проблема на заседании политического комитета вызвала длительную и острую дискуссию. Некоторые делегации возражали против вмешательства Лиги во внутренние дела любой арабской страны, в том числе и Ливии, Египет же остался при своем мнении. Обсуждение закончилось принятием решения, которое гласило: Египет продолжает принимать участие в решении ливийской проблемы с целью выполнения решения ООН в установленные сроки. Его представитель должен находиться в Совете Ливии. Это решение было направлено против предложения Аззама-паши, который возражал против определенного срока решения ливийской проблемы, считая это нереальным. Аззам-паша, однако, в своем выступлении в прессе трактовал суть решения так, как ему вздумалось.

Делегацией была послана телеграмма главам других делегаций, в которой она осудила обсуждение проблемы до встречи с ней или ознакомления с ее мнением. Было решено, что делегация встретится с политическим комитетом ЛАГ в этот же день. Тогда же делегация закончила подготовку и печатание материалов и вручила их членам комитета при встрече. Состоялась встреча с представителем Йемена.

28 января делегация встретилась с членами политического комитета. Ее точка зрения была тщательно обсуждена. В работе принимали участие Надим аль-Каддус, Салах эд-Дин Бек, эмир Фейсал. По ряду пунктов, касавшихся федерализма, режима власти, конституционных вопросов, никто из присутствовавших, кроме Нури Саид-паши, не выразил своего мнения. Саид-паша отметил, что это вопросы внутренние и решать их должны сами ливийцы. Заседание продолжалось два часа. Все выразили свое удовлетворение дискуссией, кроме Салах ад-Дина, высказавшего сомнение в демократизме происходившего в Ливии.

29 января было принято решение о встрече делегации с Салах эд-Дин Беком, Аззам-пашой, Риадом Сольхом для обсуждения проблемы. Однако Салах эд-Дин, извинившись, заявил, что обсуждение этого вопроса в политическом комитете было весьма полным и вопрос исчерпал себя.

1 февраля по приглашению министра иностранных дел члены делегации вместе с остальными делегациями арабских

стран присутствовали на ужине. Делегации была предоставлена возможность побеседовать с такими видными деятелями арабского мира, как эмир Абдель Керим, Мохаммед Амоб-паша, муфтий Палестины, Хасан Хосни-паша, Ахмед Хекми, Риад Сольх и другими деятелями, активно участвующими в решении арабских проблем. Делегация разъяснила им свою позицию и рассказала о своих трудностях.

Аззам-паша пригласил делегацию на ужин 2 февраля. Он рассказал о своей работе в Ливии. Аззам-паша добавил, что он не поддерживает ни триполитанцев, ни киренаикцев и сожалеет о той кампании, которая ведется против него в Ливии, так как все его действия направлены на благо Ливии. Он сказал, что намерен уведомить англичан о том, что за спиной Ливии имеются определенные силы, оказывающие влияние на ход событий. Эти силы не помешают освобождению страны, как и не преуменьшат роль Ливии в регионе и в мире. Свои высказывания об Италии он прокомментировал так: для Ливии и арабов необходимо учитывать роль Италии и Ватикана с тем, чтобы латинский блок был на их стороне. Обсуждение продолжалось 4 часа, и за это время Аззам не раз противоречил сам себе и не сформулировал своего истинного отношения к ливийской проблеме. В заключение он сказал, что если делегация желает, то он может объявить в газетах, что отказывается от дальнейшего вмешательства в ливийские дела. Он также признал, что одной из причин разногласий между Киренаикой и Триполитанией стал его призыв к триполитанцам не участвовать в сенуситской армии и не проливать напрасно кровь.

Члены делегации много работали с прессой. Им пришлось противостоять английской кампании, раздутой поначалу египетскими газетами. Но при помощи постоянных контактов с газетчиками и открытых обсуждений удалось нейтрализовать египетскую прессу. Газеты стали освещать позицию делегации в нужном ей духе, за это некоторые редакторы газет были награждены денежными премиями («Аль-Масри», «Аз-Заман», «Аль-Муккатам», «Аль-Мусаввар», «Аль-Джумгур аль-Масри»). Несмотря на строгие приказы прессе замалчивать деятельность ливийской делегации, египетские и иностранные газеты и агентства новостей постоянно освещали пребывание

ливийской делегации, сообщали о переговорах и встречах. На самом деле они открыли египетской общественности суть ливийской проблемы и показали, что позиция египетского правительства и генерального секретариата ЛАГ не отвечает интересам Ливии. Вафдистская газета «Аль-Джумгур аль-Масри» опубликовала 5 февраля сведения о противоречиой политике Египта по отношению к Ливии и его требования о включении итальянцев в состав ливийского парламента. В итоге можно было отметить, что делегация выполнила свою задачу с успехом.

Стало очевидным, что действия Учредительного собрания никем не могут быть остановлены и что решение ливийской проблемы является задачей самих ливийцев. Большой успех был достигнут в развенчании мифа, который создал вокруг себя Аззам-паша в ливийском вопросе. Египетский народ, правительство, делегации арабских стран ясно увидели, что позиция Аззама по отношению к Ливии недоброжелательная и что его вмешательство в дела Ливии не отвечает интересам всех ливийцев, преследует узкокорыстные цели и действует в интересах лишь одной политической группировки. Члены делегации полагали, что Аззам-паша не будет иметь возможности участвовать в решении ливийской проблемы, как это было раньше. Б. ас-Саадави не являлся более фигурой ни в Египте, ни в арабских странах, на которую делали ставку. Его существование или участие в переговорах не будет играть никакой заметной роли. Необходимо отметить, что дух враждебности по отношению к ливийцам, который поощрял Аззама, Башира и других, по мнению членов делегации, исчез. Всем, в том числе и журналистам, стало ясно, что информация о Ливии исходила из одного источника, от Б. ас-Саадави, который не мог дать правильной оценки событиям, так как находился за пределами страны. Делегация встретилась с послом Пакистана и разъяснила ему позицию Абдель Рахима Хана. Посол одобрил путь, по которому шел ливийский народ. Он тем самым поощрил Абдель Рахим Хана. В то же время доктор Али Аль-Анизи, присутствовавший на встрече, а также члены Организации освобождения Ливии, прибывшие к нему, попросили у него, чтобы он потребовал от представителей в Триполи изменить курс и следовать вместе

с Кямилем Салимом. Он сделал это, думая, что служит интересам страны. Он обещал написать министру иностранных дел с тем, чтобы Абдель Рахим Хан изменил свою точку зрения. Он сказал, что его правительство не согласно с политикой Египта в Ливии и Эритрее. Делегация устроила банкеты в честь Амина аль-Хусейни — муфтия Палестины, Абдаллы-паши Мальмома, Абдеррахмана Аззама-паши, Абдель Хамида Шумана — директора Арабского банка, Джавада Бен Зикри и других.

В конце отчета делегация отметила ценную помощь и позитивную позицию Абдаллы-паши Мальмома.

Перед отъездом из Каира делегация опубликовала заявление о целях своего визита: разъяснение законности Учредительного собрания и его актов, а не требование решения по этому вопросу. Было заявлено, что деятельность собрания направлена на благо Ливии и ничего не может помешать ему в этом. Меморандум, заявление и выдержки из отчета о деятельности и контактах делегации были ею сконцентрированы и собраны в брошюре, распространенной во всех газетах, среди министров и послов арабских и восточных стран, среди всех египетских и арабских деятелей.

За день до отъезда делегация посетила американское, французское и английское посольства и послала телеграммы с выражением благодарности Его величеству королю Фаруку и министру иностранных дел Египта[53].

Из отчета делегации видно, что эмир Идрис придавал большое значение отношениям с арабскими странами, в которых далеко не все лидеры лояльно относились к сенуситскому движению и поддерживали борьбу ливийцев за создание независимого национального государства.

Каир в этом отношении и тогда играл роль центра арабского мира. И потому внимание Идриса было обращено прежде всего к столице Египта, где можно было либо получить поддержку, столь необходимую эмиру, либо ее не получить, что угрожало вполне реальным отдалением срока провозглашения независимости. Общая обстановка в регионе, складывавшаяся в то время, в принципе не давала ему больших надежд. Однако ему было важно, чтобы о поездке делегации в Каир знали во всем мире и в регионе, и он этого добился. Но вместе

с тем он, по-видимому, не ожидал, что, проведя два десятилетия в Каире в эмиграции, налаживая всесторонние связи с деятелями арабского мира, он не найдет должного понимания с их стороны в ответственный момент для своей страны — его делегация не встретила той поддержки, на которую он рассчитывал.

По тому, что делали люди Идриса в Каире, становится понятно — эмир располагал достаточно подготовленным аппаратом, вполне профессионально выполнявшим все его инструкции, как официальные, так и неофициальные.

В то время еще многие арабские страны боролись за свою независимость, и, конечно, Идрису трудно было рассчитывать, что Ливия получит от представителей других арабских стран такую поддержку, опираясь на которую он мог бы решительнее выступать в ООН и других международных организациях. Тем не менее результаты поездки ливийской делегации в Каир сыграли свою роль, объективно способствовали росту авторитета Идриса в арабском мире и позитивно повлияли на решение ливийского вопроса в ООН.

На финишной прямой к независимости

20 апреля 1950 г. Идрис записал в дневнике свои инструкции председателю Совета министров и министру внутренних дел по вопросу о выборах и потребовал от них «сделать все необходимое, чтобы победили наши люди».

2 мая 1950 г. Идрис дал следующие указания министру внутренних дел: оказать поддержку Ахмеду Мукилю, поддержать аль-Кутрани против Сулеймана.

При участии правительства Ас-Сакзами Идрис делал все возможное, чтобы воспрепятствовать победе кандидатов Лиги Омара аль-Мухтара на выборах в палату депутатов Киренаики, а в дальнейшем — лишить их представительства в Учредительном собрании. Поскольку Идрис понимал, что они будут настаивать на принципах единства и эвакуации иностранных войск, он хотел передать дела в руки преданной ему группы с тем, чтобы она позволяла ему «вершить делами страны без колебаний и раздумий».

Вместе с тем он ничего не предпринимал до встречи с представителем Великобритании де Кондолем, а, заручившись его согласием, начал действовать, заняв решительную позицию по отношению к внутренней оппозиции, египетскому радио, ЛАГ.

В мае 1950 г. представитель ООН А. Пельт передал Идрису ноту, в которой содержались рекомендации о проведении переговоров с представителем Италии бароном Конфалонейри по вопросу об отказе Италии от требования предоставить право участвовать своим гражданам в Учредительном собрании в Ливии. Основываясь на этом, Идрис в конце мая провел беседы с представителями США, Франции и Италии в Ливии. В своем дневнике Идрис пометил темы, по которым состоялось обсуждение, в следующем порядке:

1) (с американцем) если они помогут нам скорее получить для Ливии независимость как для федеративного государства во главе со мной, то я приложу усилия, чтобы сдать в аренду Америке аэродром в Триполи;
2) (с французом) если они помогут нам скорее получить независимость для Ливии как для федеративного государства, если представители Феззана проголосуют за это вместе с представителями Киренаики, я готов им отдать стратегические пункты в Феззане;
3) (с итальянцем) если они помогут мне скорее получить независимость для Ливии как для федеративного государства со мной во главе, то мы гарантируем для Италии торговлю с Ливией.

В октябре 1950 г. Идрис поручил представителю Киренаики в консультативном совете ООН Али аль-Джераби следующее (из его дневника от 13 октября 1950 г.):

1) связаться с представителями арабских государств;
2) связаться с представителями неарабских стран, например с турками;
3) связаться с представителями финикийских государств (так значится в дневнике Идриса) и убедить всех о невозможности единства, так как возможна лишь федерация. Смысл подобного утверждения в том, что различные части Ливии по сути своей стремятся к автономии. Так

обстоит в действительности, и этому нет альтернативы. Киренаика и Феззан абсолютно не принимают нашего единства по расовым и моральным причинам. И вмешиваться в этот вопрос империалистическим государствам совершенно ни к чему. Египет в этом вопросе преследует недобрые цели. Не следует идти у них на поводу, без самостоятельного изучения на практике состояния дел, и не полагаться в этом на Египет или еще кого-нибудь. Следует также изучить так называемый план Банта (американский).

4) если сможет, то пусть привлекает Мизрана, запугивая его тем, что мы можем предпринять, если все произойдет по желанию Киренаики. Киренаика отвергает решение ООН по этому вопросу, то есть в том, что противоречит федеративности и ненаселенным районам;
5) если представитель Феззана с нами, то прибирай его к рукам[54].

В этих ясных инструкциях просматривается четко составленный план, с помощью которого Идрис намеревался достичь своих целей. Он согласовал пункты этого плана с представителем ООН и французскими членами консультативного совета.

Во-первых, он договорился с де Кондолем о ликвидации оппозиции в Киренаике, препятствовал ее участию в работе палаты депутатов Киренаики, выдавая ее за группу наемников, руководимых иностранными кругами и не имеющих никакой опоры в народе.

Во-вторых, он выторговывал форму федерации и трон Ливии для себя, заплатив за это высокую цену: доля американцев в этой сделке — авиационная база, французов — стратегические пункты Феззана, ставшие базами в борьбе с алжирским движением сопротивления. Италия же получала льготы в торговле с Ливией. Кроме того, Италии удалось стабилизировать положение своих граждан в Ливии и закрепить захваченную ими ранее собственность.

Он заранее понимал, что представитель Триполи Мустафа Мизран займет позицию против федерации. Поэтому он поручил представителю Киренаики заявить Мизрану, что Киренаика будет против федерализации, выйдет из состава Совета

и изолируется в том своем положении. Вместе с тем он понимал, что представитель Триполи будет выступать против любого условия, выдвигаемого эмиссаром Идриса, проводя линию на установление такого политического устройства Ливии, которое предусматривало бы единство ее территории.

Идрис отмечает в дневнике, что поручил Али Джераби узнать мнение Адриана Пельта и американского представителя в Совете по его плану.

По существу, это был план захвата власти через политические уступки Западу и пресечение инакомыслия внутри страны.

Идрис коснулся двух пунктов этого плана. Первый — это разрешение политическим беженцам приехать в Северную Африку, что, без сомнения, способствовало сглаживанию остроты проблемы беженцев и их ассимиляции в арабских странах. Второй — это обсуждение с французским консулом темы поездки Абдаллы Абида в (N), без указания места. Однако такая встреча представителя Ахмеда Сейфа ан-Насра с Идрисом по поводу требования Абдаллы Абида на управление Феззаном состоялась, и там Идрис подтвердил право Сейфа ан-Насра на наследование власти в Феззане от своего отца при условии поддержки плана Идриса. По-видимому, с помощью такого маневра Идрис пытался договориться с Францией о разрешении Абдалле Абиду отправиться в Феззан и взять там власть в свои руки. Такая двойная игра Идриса впоследствии разрушила союз между сенуситами и родом Сейфа ан-Насра.

При рассмотрении плана федерализации Ливии глава Феззана, озабоченный предстоявшей государственной реформой, обратился к Идрису с просьбой разъяснить ему его новый статус. На что Идрис ему ответил в письме, что, принимая во внимание заслуги семьи Ан-Насра, «провинция, которой правили еще ваши деды, будет осуществлять руководство самостоятельно, без вмешательства извне, будучи включенной в состав единой Ливии..., и у нас нет никаких возражений по поводу Ваших дальнейших контактов и возможного получения помощи от Франции в будущем». Однако правитель Феззана не удовлетворился этим обещанием. Он претендовал и на некоторые другие районы с тем, чтобы получить выход к морю. Поэтому Идрис получил еще одно послание от 28 июня 1951 г., в котором Сейф

ан-Наср, ссылаясь на исторические владения, выказывал свою озабоченность тем, что на севере провинция выходила к побережью Средиземного моря, а теперь «мы не имеем своих законных земель в районе Сирта, которыми владели наши предки». Однако, понимая невозможность передела территорий, просил перевести своего брата Ахмеда в Киренаику с тем, чтобы он там закрепил семейные позиции.

В Феззане была создана «управляемая оппозиция» во главе с Мухаммедом Османом Ахмедом аль-Бадави ас-Сайдом, которого французы сделали представителем региона. Этот человек был глубоко предан Идрису. Впоследствии, по его просьбе в письме к Идрису о назначении, он стал министром здравоохранения во временном правительстве[55].

Основное внимание эмир Идрис уделял Киренаике, наиболее влиятельной провинции Ливии. А обстановка там нередко складывалась не в пользу сенуситского руководства и самого эмира. Угроза исходила от депутатов Национальной сессии Киренаики, где противостояние действиям Идриса было наиболее значительным. Он понял грозившую от сессии опасность в случае победы ее кандидатов на выборах. Идрис и бывший в то время премьер-министр Мухаммед ас-Сакзами разработали план. Они подобрали подходящих служащих для подготовки выборов в Тобруке, Эль-Джебеле, Бенгази, Аджабии. Кроме того, были приняты решительные меры в отношении Лиги Омара Мухтара. 29 марта 1951 г. ее филиалы были повсеместно закрыты.

На следующий день, 30 марта 1951 г., был опубликован бюллетень египетского радио, в котором излагалось, как ливийская делегация в Каире наблюдала за ситуацией и консультировалась с Идрисом о дальнейших шагах.

5 апреля 1951 г. Идрис пригласил на обед французского консула и имел с ним беседу по следующим вопросам: 1) просьба поддержать его проект о предоставлении независимости в форме федерации; 2) отъезд Абдаллы Абида (место не указано); 3) выезд беженцев на север Африки с предоставлением им гарантий за свой счет.

Весь 1951 г. проводились подготовительные мероприятия, в которых активное участие принимал комиссар ООН А. Пельт,

дававший бесконечные консультации на местах, организуя работу местных органов так, чтобы выработать согласованную программу резолюции ООН о предоставлении независимости Ливии. Форма будущего ливийского государства была определена — сенуситское королевство и федеральное правление. Надо было выработать принципы и составляющие федеральной правительственной системы власти. А. Пельт убеждал сомневавшихся, что нужна «столбовая дорога» к независимости и объединению, строительство которой должно отвечать условиям, предусмотренным резолюцией ООН. Он осознавал силу политических различий и эмоциональной нетерпимости, которые захлестывали Киренаику и Триполитанию на протяжении длительного периода их истории, особенно в период итальянской колонизации. Тем не менее Пельт настойчиво искал варианты для компромисса сторон.

Проект ливийской конституции разрабатывал комитет в составе 18 членов Национального собрания, возглавляемого лично А. Пельтом. Этот комитет назначил рабочую группу из шести человек, по два от каждой провинции, которая в период с декабря 1950 г. по ноябрь 1951 г. провела совместно 96 заседаний при участии других административных структур для того, чтобы наработанные предварительные заготовки содействовали приближению независимости.

В марте 1951 г. были сформированы временные правительства провинций Триполитании и Феззана, как это уже было сделано в Киренаике. Следующим шагом было образование временного федерального правительства. Махмуд аль-Мунтасер являлся главой триполитанского правительства и федерального. Ахмед Сейф ан-Наср стал главой администрации феззанской территории. Функции этих правительств постепенно передавались федеральному правительству. Этот процесс полностью был завершен лишь к январю 1952 г.

Рабочая группа занималась разработкой проекта конституции, изучая тексты конституций федеральных систем, что делалось с помощью советов А. Пельта, подсказывавшего, как лучше распределить функции местных и федерального правительств. Было решено, что внешние связи, национальная оборона, финансы, коммуникации, право, образование

и здравоохранение должны стать прерогативой федерального правительства, а местные проблемы — оставить за администрациями провинций. Рабочая группа приступила затем к подготовке статей по основополагающим правам граждан, основываясь на конституциях Египта, Ирака, Сирии, Ливана, Иордании и Декларации о правах человека. Конкретно обсуждалось, какие вопросы должны войти в полномочия короля, кабинета министров, парламента и где будет находиться столица. В проект конституции вошли 12 статей, каждая из которых направлялась в конституционный комитет на одобрение. Даже самые незначительные изменения подлежали рассмотрению комитета, на что потребовалось 25 заседаний[56].

10 сентября проект конституции был вынесен на рассмотрение Национального собрания. Испытывая постоянное давление со стороны оппозиции в Триполи, препятствовавшей выработке приемлемых решений, Национальное собрание переехало в октябре в Бенгази, где обсуждение проекта было продолжено в более спокойной атмосфере. С помощью А. Пельта и под влиянием будущего короля в неформальной обстановке наиболее спорные формулировки конституции были уточнены или исправлены. Были выдвинуты два предложения: первое по поводу нахождения столицы — Триполи и Бенгази становились двумя столицами, имевшими равный статус; и другое — местонахождение федерального правительства (предлагался Триполи). После консультаций с королем и Пельтом Национальное собрание приняло первое предложение. Каждая из трех провинций — Триполитания, Киренаика и Феззан — управлялась вали, назначаемым королем, законодательной ассамблеей и советом из 8 министров. Предусматривалось создание федерального высшего суда для разбора возможных конфликтов между федеральным правительством и правительствами каждой из провинций. Конституция была одобрена резолюцией Национального собрания и провозглашена 7 октября 1951 г.

На заключительной сессии собрания после дискуссии был принят и закон о выборах, назначенных на 6 ноября 1951 г. Было решено, что Федеральный парламент будет состоять из двух палат: палаты представителей, избираемой по 35 человек

от Триполитании, 15 — из Киренаики и 5 — от Феззана, и сената, половина из 24 членов которого избиралась, а вторая половина назначалась королем. Работа собрания была на этом завершена, но оставался один вопрос сессии — провозглашение независимости. Пельт направил свой отчет в ООН. Несмотря на различные, нередко противоречивые, точки зрения, члены собрания проявили выдержку и закончили работу в сроки, определенные решением ООН. Для объявления независимости Ливии все было готово, и эта дата была назначена на 24 декабря 1951 г. Днем раньше, 23 декабря, была опубликована последняя прокламация английской администрации о передаче всей власти британского представителя ливийскому королю, которая была одновременно подписана в Триполи и Бенгази.

С раннего утра 24 декабря у дворца Манар, королевской резиденции в Бенгази, стали собираться толпы народа. Вместо привычных голосов раздора все стояли молча, будучи свидетелями исторического момента. В это время в верхнем холле дворца собирались почетные гости. Важными и серьезными выглядели министры временного федерального правительства, возглавлявшегося М. аль-Мунтасером. А. Пельт, комиссар ООН, благодаря энергии и решимости которого стало возможным выполнение резолюции ООН, был, конечно, самой выдающейся фигурой среди собравшихся. Присутствовала небольшая группа английских дипломатов под руководством Алека Киркбрайда, ранее переведенного из Аммана, и английского резидента. Арабские гости были представлены лидерами ливийских нотаблей во главе с муфтием Триполитании Абу аль-Асад аль-Алимом и Омар-пашой аль-Кехья, одетым в роскошный сюртук с османской орденской лентой, и другими бедуинскими лидерами, сыгравшими значительную роль в движении сопротивления итальянцам и в борьбе за независимость во Второй мировой войне. Этот день был торжественным и увенчал собой усилия, приложенные ливийцами за сорок лет.

Когда вошел И. ас-Сенуси, все встали. Будущий король под аплодисменты присутствовавших направился к балкону, чтобы официально объявить о независимости страны ждавшим внизу ливийцам. Взволнованным голосом он произнес:

«Мы с радостью объявляем благодарному народу Ливии, что его долгожданные старания осуществились. Согласно резолюции ООН от 21 ноября 1950 г., наша страна, с помощью Аллаха, добилась независимости. Мы официально объявляем, что Ливия, начиная с сегодняшнего дня, становится независимой суверенной страной, и, в соответствии с резолюцией ливийского Национального собрания от 2 декабря 1951 г., мы берем на себя титул короля Соединенного Королевства Ливия. Мы намерены направить наши усилия в соответствии с установками принятой конституции. Наша единственная обязанность — сохранить то, что дороже любого подарка. Мы будем бережно держать в руках заявленные нами права и бережно передавать их нашему потомству.

В эти благословенные часы мы вспоминаем наших героев прошлого. Мы благодарим Аллаха за награду душам наших мучеников, и мы салютуем нашими знаменами, с которыми наши отцы пронесли наши единство и надежды, что новая эра, начинающаяся сегодня, будет для нашей страны эрой процветания и мира»[57].

Все принятые двумя палатами законы должны были утверждаться королем. В случае необходимости он мог распускать палату представителей. Король получил право назначать и отзывать премьер-министра, и кроме того, по представлению последнего он утверждал министров. Король оставался главнокомандующим армией. Но правительство было подотчетно Палате представителей.

Неустанная деятельность Идриса позволила перевесить чашу политических весов в его пользу, и он получил власть над всей Ливией.

Новое государство было быстро признано. В телеграмме советского министра иностранных дел А.Я. Вышинского от 1 января 1952 г. на имя главы ливийского правительства Мунтасера содержались «пожелания успехов и процветания народу Ливии»[58].

Ливия присоединилась к ЛАГ в 1953 г. Встал вопрос о приеме новой независимой страны в ООН. Однако на территории Ливии оставались иностранные войска, которые, согласно решению ООН, должны были быть выведены, а их военные

базы ликвидированы в трехмесячный срок, на чем продолжал настаивать СССР и против чего возражали США, Великобритания и Франция. Эти западные державы, уже развернувшие в те годы «холодную войну» против СССР, намеревались превратить Ливию в свой военно-политический плацдарм, и, конечно, они и слышать не хотели о выполнении решений ООН по Ливии. Поэтому шумные демарши западных союзников относительно автоматического принятия Ливии в ООН представляли собой попытки отвлечь внимание общественности от главного — вывода иностранных войск из страны. Более того, они вынесли этот вопрос на сессию Генассамблеи без предварительного обсуждения в Совбезе, что являлось нарушением Устава ООН и против чего выступил СССР. В конечном счете Ливия была принята в ООН в 1955 г.

Сенуситам потребовалось немногим более века, чтобы победно пройти путь по сахарским пескам от первой завии в Аль-Байда (1843 г.) до получения власти над всей Ливией в 1951 г. Это движение по общеполитической пирамиде наверх было нелегким, тернистым, кровавым и компромиссным, в зависимости от складывавшихся обстоятельств. Признаем: сенуситскому братству повезло с капитанами, которые вели свой исламский корабль строго по компасу и выверенному политическому маршруту, определенному основателем братства Мухаммедом Али ас-Сенуси. Под его руководством пришельцы, прибывшие из Саудовской Аравии и исколесившие необъятную Ливийскую пустыню, все-таки правильно выбрали место для осуществления своих амбициозных планов в самом центре Сахары, где они тактично приспособили свою религию к первобытному уровню ливийских бедуинов. Теперь для них открывалась новая страница истории. Им предстояло испробовать сахарское бытие под сенуситской короной.

ГЛАВА XI

ПОД СЕНУСИТСКОЙ КОРОНОЙ

Ливия стала независимой страной. Ее население составляло 1,1 млн человек. Валютой Ливии являлся ливийский фунт.

В 1951 г. Ливия относилась к числу самых бедных стран планеты. Доход каждого жителя страны составлял 15 ег. ф. в год. 94% населения было неграмотно. В стране не было ни одного врача-ливийца. 40% родов оканчивались смертью.

Годы королевского правления в Ливии отличались острой борьбой сторонников и противников режима и постоянным вмешательством западных держав в дела страны, только что получившей независимость. И то и другое связано с именем одного человека — короля Идриса I, — лавировавшего среди «своих» и «чужих», о чем свидетельствуют многочисленные исследования, опубликованные после свержения монархии, в частности выпущенный в 1976 г. в Триполи документальный труд «Хакыка Идрис» («Правда об Идрисе»), вызвавший замешательство как на Западе, так и среди ливийских эмигрантских кругов[1]. В этом труде постмонархический Триполи доказывает, что Идрис заботился в основном о своем личном благополучии, вокруг него группировался и обогащался небольшой круг, а народ страны оставался в большинстве своем нищим и невежественным. Действительно, страна раздиралась внутренними противоречиями, а ее элита погрязла в коррупции.

Между тем необходимо отметить, что личный вклад короля Идриса в получение страной независимости и становление Ливии как государства очень велик. Ливия была первой арабской страной на севере Африки, сбросившей колониальное иго после окончания Второй мировой войны. Ее политический лидер эмир И. ас-Сенуси показал пример всему миру, что бывшая колония может добиться независимости мирным путем,

избегая кровопролитной войны с колонизаторами и гражданских распрей внутри страны. Неоспоримый политический авторитет лидера и личные качества короля Идриса I помогли ему как в решении внутренних проблем молодого независимого государства, так и на международной арене. Особенно ярко это проявилось в стремлении построить стабильную экономику страны — в Ливию были приглашены эксперты Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, которые составили программы экономического развития страны и оказания ей всесторонней помощи. Эти шаги были предприняты еще до обнаружения в Ливии месторождений нефти. Когда найденная нефть начала приносить доходы, международные комиссии продолжили свою работу.

Все это свидетельствовало о том, что король Идрис не стремился противопоставить Ливию остальному миру, как стал это поначалу делать ливийский лидер, пришедший ему на смену, а, наоборот, всеми силами старался способствовать становлению Ливии как полноправного члена мирового сообщества.

Всеобщие выборы 1952 г. и их результаты

Получение Ливией независимости в 1951 г. не решило насущных проблем страны. К 1969 г. в стране проживало 2 млн жителей, из них в Триполи — 200 тыс. жителей и 150 тыс. — в Бенгази. Установление монархического режима, скопированного с политической системы Великобритании и не имевшего реальной опоры в стране, свидетельствовало о его нежизнеспособности. Класс феодалов, ослабленный разложением феодальных отношений, не мог создать сильное государство. Однако в социальной структуре ливийского общества отсутствовали силы, которые могли бы составить конкуренцию монархии в борьбе за власть. Рабочий класс практически отсутствовал, крестьянство подчинялось племенной верхушке, национальная буржуазия носила паразитический характер — она находилась в сфере торговли и услуг при активном сращивании ее с родоплеменной аристократией и чиновничеством. Самую большую тревогу за свое положение и будущее монархического

режима Идрис и его окружение испытали в первые месяцы после объявления независимости, когда оппозиционные силы поднялись на борьбу и продолжали оказывать упорное сопротивление происках внешних сил и местных коллаборационистов, препятствовавших превращению Ливии в действительно суверенное государство. Король Идрис добивался подавления инакомыслия в стране, всеми способами препятствуя участию оппозиции в работе представительных органов. Особенно остро ситуация накалилась в период подготовки и проведения всеобщих выборов, которые были назначены на 19 февраля 1952 г.

В Триполитании Национальный конгресс, возглавлявшийся Б. ас-Саадави, проводил выборную кампанию под лозунгом изгнания из страны всех представителей западных держав и ликвидации иностранных военных баз[2]. Триполитанцы требовали, чтобы им, составлявшим большинство страны, было предоставлено в палате представителей страны не менее 35 мест (из 55)[3]. Б. ас-Саадави был самым опытным политическим оппонентом сенуситов. Он давал многочисленные интервью, особенно американским журналам, выступал на митингах и манифестациях. 4 февраля 1952 г. он объявил списки своих кандидатов, но одновременно обратился с просьбой к некоторым делегациям в ООН прислать наблюдателей за выборами, поскольку начал сомневаться в том, что выборы пройдут «в атмосфере свободы и справедливости», как обещал сделать король Идрис[4].

Для сомнений у Б. ас-Саадави были все основания, и это показали дальнейшие события. Пока триполитанцы митинговали и утверждали, что «если не 100, то 95% населения» на их стороне[5], сенуситское руководство делало все возможное, чтобы изолировать триполитанских лидеров от остальных районов страны. Во-первых, была организована усиленная слежка за самим Б. ас-Саадави, ставшим самым опасным политическим соперником Идриса. Король предписал своим наместникам сообщать о каждом шаге этого триполитанского лидера, что и делалось[6]. Во-вторых, для наведения порядка были привлечены «полицейские силы английской выучки», как писала об этом «Нью-Йорк Таймс» 22 февраля 1952 г., а у Б. ас-Саадави таких формирований не было. В-третьих, сенуситы установили

контакты с шейхами и вождями племен, в руках которых находилась фактическая власть за пределами Триполи, в пустынных районах, на которые влияние Национального конгресса почти не распространялось и где Б. ас-Саадави поддерживали лишь немногие. Если учесть, что примерно 10% избирателей могли писать и читать, то, конечно, большинство из них голосовало по указке шейхов и вождей племен, и это было использовано сенуситами. С помощью умелых маневров Идрис привел к нейтрализации шагов ЛАГ, которая не всегда одобряла действия короля.

В результате на выборах, которые сопровождались не только подтасовкой бюллетеней, но и столкновениями с полицией и многочисленными жертвами (в Триполи на подавление волнений были даже брошены войска[7]), сторонники Б. ас-Саадави получили поддержку только в семи округах столицы Триполитании, в остальных же потерпели поражение: по примененной схеме 44 места в парламенте завоевали представители Киренаики, 6 — Триполитании, 5 мест — Феззана[8]. Недовольные результатами сторонники Б. ас-Саадави объявили, что выборы были «несправедливыми», и призвали к борьбе. 20–24 февраля в Триполи состоялись массовые демонстрации протеста, начали создаваться вооруженные группы, которые «угрожали перерасти в широкое народное выступление против властей», как сообщали об этом местные газеты[9].

Однако правительство уже было готово к такому повороту событий. Беспокойные районы были окружены войсками, полиция произвела аресты, лидеров Национального конгресса Триполитании объявили в подстрекательстве племен к захвату власти. Губернатор Триполитании по согласованию с Идрисом I приказал 22 февраля арестовать Б. ас-Саадави и препроводить его до египетской границы. В страну он больше не вернулся[10]. Были арестованы и другие видные деятели оппозиции, разгромлено здание, где помещалась штаб-квартира Национального конгресса, запрещены и распущены политические партии и организации.

Б. ас-Саадави, сделавший в конце своей политической карьеры ставку на США, явно поспешил, так как проанглийские группировки тогда еще были слишком сильными, чтобы

уступить проамериканским элементам. После стабилизации обстановки, когда положение Идриса не вызывало сомнений, порядок выборов и состав Национального собрания был изменен: большинство мест было отдано Триполитании. Но это уже были триполитанцы, близкие по духу королевскому режиму — та же элита, что и в Киренаике. Представители широких народных масс в Национальное собрание так и не были допущены. Да они и не могли быть допущены, так как не имели ни своей партии, ни других организаций. «Классического» рабочего класса в Ливии тоже не было, да и буржуазия только что зарождалась и была слаба.

«Игра в демократию» в 1952 г. была закончена. В стране был установлен жесткий полицейский режим, введена строжайшая цензура, прекращена деятельность всех партий и профсоюзных организаций, запрещены демонстрации, поставлены под правительственный контроль общественные организации. Король Идрис I стал править как диктатор, опираясь на сенуситов, насчитывавших 30% от населения страны. При этом Идрис придерживался ориентации на жителей Киренаики, среди которых было относительно немало сенуситов.

25 марта 1952 г. в Бенгази состоялась торжественная церемония открытия парламента, на которой премьер-министр Махмуд аль-Мунтасер, крупнейший триполитанский феодал, ставленник англичан и друг короля, объявил о конституционных принципах страны, о введении «египетской системы» в области образования и о других внутренних реформах. Была выражена благодарность ООН за предоставление стране независимости (хотя ничего не было сказано об иностранных войсках и базах, остававшихся в Ливии) и обещана «охрана прав иностранцев». Страна объявлялась Соединенным королевством Ливия, где Киренаика, Триполитания и Феззан имели свои местные правительства, подчинявшиеся центральному.

Автономия провинций в некоторой степени ограничивала власть федерального правительства, к тому же в стране начали активно разрабатываться нефтяные месторождения, сулившие большие доходы, а система автономий была этому помехой. Да и роль Киренаики, на территории которой в основном было найдено «черное золото», тогда явно можно было усилить,

к чему давно стремился Идрис. Это предопределило решение короля о переходе от федерации к унитарному государству, что И. ас-Сенуси сделал позже, через 10 лет. Решением парламента от 25 апреля 1963 г. федеративная система была упразднена, и Ливия стала единым государством — Королевством Ливия, вместо трех автономных провинций было образовано 10 губернаторств[11].

Фактически после разгрома триполитанских противников королевской власти в 1952 г. в Ливии установилась власть феодально-монархической группировки, интересы которой были далеки от народа, но которая стала основной опорой Запада в стране. Эта группировка отстранила от активной политической жизни как зарождавшуюся ливийскую буржуазию, так и ливийских фундаменталистов, претендовавших при Ахмеде аш-Шерифе на власть в Киренаике. Естественно, это вызывало недовольство в буржуазных кругах и у сенуситского братства. Но если буржуазия была еще слаба, то сенуситы, ввиду возникших разногласий, раскололись, по меньшей мере, на две группировки, одна из которых (бывшие шейхи завий, некоторые члены рода Сенуси) выступали за возврат к старым принципам братства, претендуя на роль религиозных вождей; другая, во главе с И. ас-Сенуси, взяла на себя функции политического лидера, в чем в период борьбы за независимость получила определенную поддержку населения. Идрис провозгласил ислам официальной религией, а позже создал разветвленную сеть религиозных институтов и учреждений, сохранил завии, но он так и не пошел на воссоздание сенуситского братства в прежнем виде, так как не видел в этом ни возможности, ни необходимости.

Ливийский «инфитах» Идриса

24 декабря 1951 г., в день объявления независимости, были заключены предварительные соглашения об обороне с Великобританией, США и Францией[12], дававшие право вооруженным силам этих держав оставаться на ливийский территории до заключения постоянных договоров.

Не прошло и месяца, как США, расширявшие экономическую экспансию в Ливии, о которой еще пойдет речь, навязали ей финансовую помощь в рамках «программы Трумэна»: 21 января 1952 г. между США и Ливией было подписано соглашение, по которому Ливии предоставлялась помощь в 1 млн долл. на проекты развития, а фактически — за право пользования военными базами в стране (всего в 1951–1953 гг. США предоставили Ливии 2,27 млн долл.)[13]

Когда в соседнем Египте произошла июльская революция (1952 г.), свергнув монархический режим, Лондон первым поторопился с заключением постоянного договора с Ливией. 29 июля 1953 г. такой «Договор о дружбе и союзе» был подписан, что, по заявлению Б. ас-Саадави, находившегося в эмиграции в Каире, «явилось актом, равноценным предательству»[14]. Британские советники, нанявшиеся на службу к ливийскому руководству, превратились в постоянных консультантов Ливии. 9 сентября 1954 г. было заключено ливийско-американское соглашение сроком на 16 лет (идентичное временному), по которому США разрешалось иметь свои вооруженные силы и использовать военные базы на территории королевства до декабря 1970 г., за что Вашингтон обещал платить в течение первых шести лет по 4 млн долл., затем — 1 млн долл. ежегодно[15]. Правда, в связи с протестами ливийской общественности американцы увеличили в 1955 г. платежи до 10 млн долл. ежегодно. США создали в Ливии военную базу Уилис-Филд, являвшуюся крупнейшей в Средиземноморье.

Между Лондоном и Вашингтоном началась борьба за господствующее положение в Ливии, но ни Великобритания, ни США не ставили перед собой задачи полностью вытеснить соперника из Ливии. В условиях подъема национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке они нуждались друг в друге. В борьбе за захват командных высот в Ливии США в первую очередь стремились использовать, по заявлению Б. ас-Саадави, ряд портов и аэродромов страны и создавать военные базы, за что они выплачивали 3,3 млн ф. ст. ежегодно. Ливия входила в «стерлинговую зону», в соответствии с которой курс ее валюты устанавливался в Лондоне, что подразумевало неограниченное право Англии использовать

свой возросший после войны экономический потенциал. В то же время Англия умело применяла большой колониальный опыт, гибко и своевременно меняла тактику и при благоприятной обстановке нередко переходила в наступление. Для достижения своих целей США и Англия широко использовали местные правящие круги, в результате чего в последних возникали различные группировки, ориентировавшиеся на ту или другую державу. В то же время англо-американские противоречия позволяли ливийской элите использовать западные державы для укрепления своих позиций и принятия популистских мер по ограничению произвола иностранного капитала.

Натиск США на позиции Англии усилился в 1956 г., когда США помогли ливийскому правительству добиться пересмотра англо-ливийского договора. Переговоры по этому вопросу начались в июле 1956 г., во время визита премьер-министра Бен Халима в Лондон. Требования ливийской стороны сводились к тому, чтобы в договоре было более четко записано, что английские базы не могут использоваться против арабских стран. Кроме того, ливийцы добивались сокращения мест дислокации английских войск и обязательного присутствия на английских базах ливийских наблюдателей. Что касается финансовой помощи Англии, то ливийцы настаивали на ее увеличении с 3,75 млн лив. ф. до 10 млн лив. ф. в год (1 ф. ст. = 0,857 лив. ф. в тот период). Это было главным требованием ливийцев[16].

По-иному складывались отношения между Ливией и Францией. Король Идрис I, пытавшийся наладить «братские отношения» с соседними арабскими государствами, в знак протеста против французского вмешательства в дела Туниса и Алжира потребовал вывода французского военного персонала из Феззана, где находилось около 400 человек[17]. Это, по-видимому, было согласовано с Вашингтоном и Лондоном. 31 декабря 1954 г. было объявлено о прекращении действия временного соглашения между двумя странами, и Франция поспешила вывести из Феззана свои войска. 12 августа 1956 г. французские и ливийские представители подписали «Договор о дружбе и добрососедских отношениях». Соседний с Ливией Алжир Франция считала своей «заморской» территорией, протяженность алжиро-ливийской границы составляла около 1200 км, через Ливию

разрешался французский транзит, за что французы обязались уплатить 500 млн франков в 1955–1956 гг., и Париж обещал еще раз вывести свои войска из южных районов Ливии до ноября 1956 г. Кроме договора, 12 августа 1955 г. было подписано соглашение, по которому Франции разрешалось использовать аэродромы и 27 посадочных площадок, в том числе в районах Гат, Гадамес, Себха. В ноябре 1956 г. было объявлено, что «последний французский солдат покинул Ливию», однако фактически основные военно-воздушные базы, построенные в Феззане французами, оставались в их руках[18].

Королевское правительство пошло и на улучшение отношений с Италией, в чем был заинтересован Рим. В 1953 г. состоялись переговоры на предмет возмещения Италией ущерба, причиненного Ливии во время Второй мировой войны. После острых дебатов итальянская сторона согласилась возместить ущерб, что было названо помощью под лозунгом «дружба и сотрудничество» в размере 2,75 млн ф. стерлингов, о чем в Риме было подписано соглашение 6 октября. Учитывая, что в Ливии находилось значительное число итальянских колонистов, Рим добился нормализации дипломатических и консульских отношений, выступил за налаживание торговых связей, и это было принято Идрисом. К 1957 г. около 39 тыс. итальянцам, владевшим в Ливии участками земли, но выехавшим оттуда во время войны, было разрешено вернуться на свои фермы[19]. В течение 60-х гг. 27 тыс. итальянцев, из которых большинство составляли земельные собственники, продолжали жить в Ливии.

В 1955 г. по инициативе СССР были установлены дипломатические отношения между Триполи и Москвой, о чем печать сообщила 25 сентября[20]. Согласно договоренности, советские миссии открылись в обеих ливийских столицах — Триполи и Бенгази. 6 января 1956 г. в Триполи прибыл первый советский посол Н.И. Генералов, который через пять дней вручил королю свои верительные грамоты. В тронной речи 24 января 1956 г. Идрис I приветствовал установление дипломатических отношений с СССР, но открытие ливийского посольства в Москве состоялось только через 7 лет[21], чему всячески противились как ливийские сенуситы, так и их западные покровители. Королевский режим отверг, например, экономическую помощь,

предлагавшуюся СССР, за что США увеличили свои экономические «инъекции» в Ливии, а американские банки открыли там свои отделения. Премьер-министр Бен Халим по этому поводу заявил: «Мы не хотим менять своих друзей», а, принимая советского посла, предупредил, что он будет препятствовать «проникновению в страну коммунизма»[22].

Как видим, даже беседы с советским послом носили недружественный характер, и, конечно, СССР не мог оставлять без соответствующей реакции такие акты со стороны правившей тогда ливийской феодально-аристократической элиты.

Тем не менее в 1961 г. в Советском Союзе, впервые в истории отношений между двумя странами, побывала с визитом ливийская парламентская делегация. В 1963 г. было заключено двустороннее торговое соглашение. Начали налаживаться и культурные связи.

Дж. Райт и арабские переводчики его книги по истории Ливии утверждают, будто «главной целью установления дипломатических отношений с Москвой было показать, что Ливия не так уж полностью и накрепко связана с Западом и что она надеется и на помощь СССР при обсуждении вопроса о приеме в ООН»[23]. Но это было не так, на что очень правильно ответили известные отечественные исследователи советско-ливийских отношений А. Шведов и В. Румянцев: «Хотели того или нет тогдашние правители Ливии, они уже не могли игнорировать эту историческую реальность и сознательно отказаться от поддержки СССР, обладавшего громадным международным престижем»[24]. Как бы ни выгораживал Дж. Райт правителей королевской Ливии, они как раз были «полностью и накрепко» привязаны к Западу, о чем еще пойдет речь. Что касается вопроса о приеме Ливии в ООН, при освещении которого западные обозреватели пытаются свалить вину на СССР за то, что Ливия только в 1955 г. была принята в эту международную организацию[25], то тут как раз причиной была не позициуия СССР, а пагубная для ливийского народа прозападная политика короля Идриса I, превратившего, вопреки требованиям ООН, территорию своей страны в военно-стратегический плацдарм Запада, что было главной причиной того, что даже в ООН к ливийскому королевскому режиму относились настороженно.

Конечно, прозападная ориентация короля и федерального правительства определяла главное направление внешней и внутренней политики режима, но и интересы народных масс игнорировать было не так то легко. В 1951 г. рабочие Триполи провели первую в стране забастовку, и она окончилась победой (был принят закон о труде). В 1952 г. возникли профсоюзные организации, объединившиеся во Всеобщую федерацию ливийских рабочих в Триполитании и во Всеобщий рабочий союз Киренаики. Ширилось движение за подлинную независимость страны. Увеличилось число массовых выступлений, участники которых требовали проведения самостоятельной, свободной от иностранного влияния, политики. Позиция ливийского руководства в период «тройственной агрессии» против Египта вызвала возмущение не только внутри страны, но и в арабском мире, и королевская Ливия, расположенная между двумя наиболее влиятельными арабскими государствами — Египтом и Алжиром, вынуждена была приспосабливаться к политике неприсоединения, постепенно отходить от слишком открытого и непопулярного прозападного курса. Хотя такой ливийский историк, как Салем Али Хаджаджи пытается всячески обелить политику королевского режима того времени (не преминуя при этом критиковать политику СССР)[26]. Именно под давлением народных масс внутри страны и национально-освободительных сил за ее пределами король Идрис I и его окружение вынуждены были лавировать, и это особенно ярко проявилось в вопросе о пересмотре ранее заключенных договоров с США и Англией.

После провала «тройственной агрессии» против Египта в 1956 г., требования о пересмотре англо-ливийского договора стали более настойчивыми. В тронной речи короля на открытии ливийского парламента в декабре 1956 г. необходимость неотложного решения этого вопроса подкрепилась ссылками на «существенное изменение положения на Ближнем Востоке»[27].

Чтобы закрепить свои позиции в Ливии и еще больше потеснить англичан, США предприняли попытку навязать Ливии «доктрину Эйзенхауэра». Основным мотивом, побудившим ливийское правительство принять эту доктрину, было стремление получить дополнительные субсидии от США. Принимая

«доктрину Эйзенхауэра», ливийское правительство отдавало себе отчет в том, что этот шаг вызовет недовольство общественности Ливии и других арабских стран. Поэтому еще до принятия доктрины все средства пропаганды были направлены на то, чтобы оправдать позицию США в период «тройственной агрессии».

В опубликованном в марте 1957 г. коммюнике по поводу пребывания в Ливии советника вице-президента США Ричардсона выражалось согласие Ливии сотрудничать с Вашингтоном в «обороне против любой вооруженной агрессии сил международного коммунизма, направленной против какого-либо государства Ближнего Востока». Судя по коммюнике, Ливия могла рассчитывать на дополнительную американскую «помощь»[28].

Принятие Ливией «доктрины Эйзенхауэра» означало открытое проведение правительством проамериканского курса, что объективно влекло за собой отрыв Ливии от Египта, Сирии и других арабских стран. Поэтому неудивительно, что передовая ливийская общественность не скрывала своего недовольства политикой правительства Бен Халима. Возмущение охватило и проанглийски настроенные правящие круги. Газета «Аз-Заман» писала, что общественное мнение расценило доктрину «как новое звено в укреплении позиций империализма и усилении его влияния на Ближнем Востоке». Всю ответственность за возможные последствия в связи с принятием американской доктрины автор статьи возлагал на премьер-министра Бен Халима.

Вслед за «доктриной Эйзенхауэра» США навязали Ливии соглашение, определявшее порядок поставок вооружения и военного снаряжения Ливии. Оно предусматривало организацию военной миссии при посольстве США, в задачу которой входило изучение военных потребностей и нужд Ливии, а в дальнейшем — обучение ливийской армии. В соглашении было оговорено, что ливийское правительство могло использовать американское вооружение и военное снаряжение только на цели, предусмотренные данным соглашением. Статья соглашения, гласившая о принятии «совместных мер по контролю за торговлей государств, которые угрожают сохранению мира

и безопасности США и Ливии», свидетельствовала, что США присвоили себе в этом вопросе компетенцию ООН[29].

После вторичного посещения Ливии Ричардсоном было опубликовано коммюнике, в котором сообщалось, что стороны завершили изучение мероприятий, направленных на удовлетворение экономических потребностей Ливии и что правительство США немедленно примет меры для претворения в жизнь ряда экономических проектов (в том числе в области радиофикации, электрификации, развития путей сообщения и водоснабжения). На эти проекты дополнительно ассигновывалось 8 млн долл., которые должны были быть предоставлены не позднее 30 июня 1957 г.[30]

Между тем недовольство проамериканской ориентацией правительства Бен Халима привело к его отставке. Новый кабинет Абд аль-Маджида Кубара поспешил продемонстрировать свою проанглийскую ориентацию.

Действия англичан, направленные на смещение Бен Халима, увенчались успехом, так как они отвечали интересам короля Идриса I и его ближайшего окружения. К этому времени король стал серьезно опасаться усиления власти Бен Халима, который упорно добивался подотчетности правительства парламенту, а не королю. В меморандуме, представленном королю в декабре 1954 г., Бен Халим подробно изложил свои планы по преобразованию федеративной системы государства в унитарную с объявлением Ливии республикой[31]. Бен Халим явно надеялся занять в новом государственном аппарате пост вице-президента. Его устремления поддерживали американцы. Вот почему король поспешил назначить своего племянника Хасана ар-Рида наследником престола и тем самым положить конец разговорам о том, кто же будет королем после него.

Добившись смещения правительства Бен Халима, англичане тем самым дали понять американцам, что их позиции в Ливии еще достаточно сильны и поэтому с ними следует считаться. Если в тронной речи короля в конце 1956 г. главное внимание было уделено пересмотру англо-ливийского договора и требованиям увеличения помощи со стороны Англии, то в 1957 г. об этом вообще не было сказано ни слова. Вместе с тем в тронной речи содержалось заявление о намерении правительства

пересмотреть статус ЛАРС*и ЛАДЖС** и установить над этими организациями более эффективный контроль (в частности, за расходованием средств). Все это свидетельствовало о той закулисной борьбе, которая велась между англичанами и американцами в Ливии.

Находившейся в экономической зависимости от США и испытавшей серьезные финансовые трудности Англии пришлось в 1958 г. пойти на уменьшение размеров своей помощи Ливии. В апреле — мае 1958 г. Англия в результате переговоров согласилась предоставить на покрытие дефицита ливийского бюджета в 1958–1963 гг. 3250 тыс. лив. ф., тогда как в течение 1953–1958 гг. (по договору 1953 г.) Ливия получала от Англии ежегодно 3750 тыс. лив. ф. (из них 2750 тыс. лив. ф. шли на покрытие дефицита бюджета, а 1 млн переводимых ЛАРС, — на развитие экономики). В связи с условием изменения соглашения 1 млн лив. ф., предоставляемый ранее Англией в распоряжение ЛАРС, в 1958–1963 гг. заменялся американской помощью в размере 5,5 млн долл. ежегодно. Таким образом, американцам удалось потеснить англичан в этом важном органе управления экономикой страны. Вместе с тем увеличение субсидий на покрытие дефицита бюджета (с 2750 тыс. до 3250 тыс. лив. ф.) свидетельствовало о том, что, несмотря на вынужденные уступки американцам, англичане упорно держались за свои позиции в Ливии[32].

Приспосабливаясь к обстановке, Англия проводила более гибкую политику, чем США. Учитывая стремление ливийских руководителей освободиться от юридических формальностей, которые ставили их действия под контроль иностранных специалистов, англичане своевременно согласились пересмотреть порядок реализации экономической и финансовой помощи. Они первыми отказались от практики содержания в Ливии своих самостоятельных организаций. Ранее существовавший в ЛАРС аппарат английских специалистов был превращен в группу советников при отдельных ливийских учреждениях. В результате в стране формально не осталось ни одной английской организации, занимавшейся внутренними делами

* ЛАРС — ливийско-американская комиссия, определявшая, на какие цели должна использоваться помощь США, предоставляемая Ливии.

** ЛАДЖС — ливийско-американская объединенная служба, занимавшаяся реализацией в Ливии американской помощи.

ливийцев. В то же время английское правительство имело в государственном аппарате Ливии большое число своих советников и специалистов, которые оказывали существенное влияние на деятельность государственных органов, не привлекая к себе особого внимания ливийской общественности. В силу отсталости ливийской экономики правящая верхушка страны находилась в значительной зависимости от Англии и не могла обойтись без ее субсидий на содержание разбухшего государственного аппарата. Английские войска на территории Ливии также не могли не оказывать своего влияния на политику ее правительства.

Вместе с тем роль американцев в экономической жизни страны продолжала возрастать, поскольку США предоставляли Ливии финансовую и экономическую помощь в значительно большем объеме, чем Англия. В течение 1958 г. Англия предоставила 3 млн ф. ст., а США — 8,9 млн долл.[33] Это неминуемо привело к тому, что американцы стали проникать в те органы государственного управления, в которых раньше господствовали англичане. Если, например, ливийская армия и полиция прежде обучались и снабжались только англичанами, то со временем американцы все больше прибирали к рукам и эту область[34].

Итак, в результате проникновения английского и американского капитала в основные отрасли экономики страны (в первую очередь в нефтедобывающую) Ливия превратилась в сырьевой придаток ведущих западных держав, в рынок сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции западных монополий, чему немало способствовало то обстоятельство, что в период навязывания ей кабальных соглашений и договоров в стране находились войска западных держав. Кроме того, передача власти ливийскому временному правительству проходила в условиях, когда английские и французские чиновники оставались на работе в прежних учреждениях и организациях, к тому же их руководители-ливийцы нередко играли роль открытой и скрытой агентуры Запада. Бывшие чиновники английской и французской администраций стали советниками ливийцев. Фактически произошла лишь перестановка столов, замена фасада и вывесок — положение дел при этом оставалось прежним. Необходимо также отметить, что Англия, Франция,

США использовали в своих интересах резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которые были приняты под их давлением, причем неприемлемые для западных держав пункты резолюций ООН выхолащивались и искажались аппаратом английской и французской администраций на местах.

Подписав соглашения и договоры с временным ливийским правительством, США, Англия и Франция получили законные основания требовать после провозглашения независимости Ливии заключения постоянных соглашений. Таким образом, с первых же дней своего существования ливийское государство стало зависимым. Провозглашение «независимости» носило формальный характер.

Договор о дружбе и сотрудничестве с Англией и ливийско-американское соглашение, дополненное рядом других экономических и военных соглашений, надолго закрепили политическое, экономическое и военное господство Англии и США в Ливии. Все эти договоры и соглашения фактически тормозили ликвидацию отсталых социальных структур, препятствовали экономическому и социальному прогрессу страны и тем самым способствовали сохранению позиций западных держав. Закрепление в законодательном порядке размещения английских и американских военных баз на территории Ливии пристегивало ее к НАТО, в результате чего эта организация получила важный стратегический плацдарм на севере Африки.

Интересы правящих кругов Ливии и их англо-американских покровителей совпадали в вопросах обеспечения стабильного внутриполитического положения в стране. Поэтому ход и результаты планировавшихся на 1 августа с Англией, а на 10 августа 1967 г. — с США переговоров, по существу, были предрешены. В связи с предстоявшей конференцией глав арабских государств в Хартуме, в повестке дня которой стоял вопрос о ликвидации иностранных военных баз на территории арабских государств, правящие круги Ливии создавали видимость активной дипломатической деятельности, направленной на ускорение переговоров с США и Англией. Ливийскому правительству было необходимо располагать определенными доказательствами того, что оно серьезно намеревается добиться ликвидации иностранных военных баз. Вместе с тем правительство

хотело иметь возможность использовать эти доказательства, чтобы заявить, что Ливия не может поддерживать предложения некоторых арабских стран о разрыве дипломатических отношений с Англией и США, поскольку она ведет с этими странами переговоры[35].

1 августа 1967 г. начались переговоры с англичанами, и уже на следующий день было объявлено о достижении соглашения, предусматривавшего вывод английских войск из Бенгази в течение следующих шести месяцев. Однако в англо-ливийском коммюнике не указывалось, будут ли выведены войска из всей Киренаики или только из районов Бенгази. Кроме того, в нем ни слова не было сказано о ликвидации авиабазы в Эль-Адеме. Лишь в статье, опубликованной 3 августа в газете «Киренаика Уикли Ньюс», было сказано, что достигнутое соглашение касается только района Бенгази.

Переговоры с англичанами фактически свелись к решению технических вопросов, ибо вопрос о выводе английских войск из района Бенгази был согласован еще в мае 1965 г. На этот раз были определены только сроки второго этапа. Вопрос о ликвидации базы Эль-Адем и выводе войск из района Тобрука даже не поднимался. Таким образом, королевский двор еще раз продемонстрировал свое намерение сохранить английские войска в этом районе.

Во время американско-ливийских переговоров (с 10 по 17 августа) американцы заняли твердую позицию, заявив, что ликвидация военной базы США невозможна из-за напряженной международной обстановки на Ближнем Востоке. Подчеркивая, что база стоит 100 млн долл. и что для строительства равноценной базы в другом месте потребуется несколько лет, США тем самым дали понять ливийской стороне, что могут поднять вопрос о компенсации. Кроме того, американцы недвусмысленно намекали, что ликвидация авиабазы Уилис-Филд приведет к ухудшению отношений Ливии не только с США, но и с европейскими странами — членами НАТО.

В ходе переговоров было принято решение создать на авиабазе Уилис-Филд постоянно действующую ливийскую комиссию во главе с бригадным генералом сил безопасности. В состав комиссии вошли два офицера ВВС Ливии. Эта комиссия должна

была провести учет снаряжения, материалов, самолетов, служб и помещений на базе и подготовить отчет о результатах своей деятельности для ведущей переговоры ливийской делегации. Кроме того, она должна была держать под контролем деятельность базы во время переговоров. В случае возникновения угрозы безопасности какой-либо арабской стране комиссия должна была в сотрудничестве с командованием базы добиваться согласованных между правительством Ливии и США мер по полному приостановлению ее деятельности[36]. Как следует из изложенного выше, вопрос о немедленной эвакуации базы Уилис-Филд практически был снят с повестки дня.

Согласие англичан на вывод своих войск из района Бенгази и американцев на создание постоянно действующей ливийской комиссии на авиабазе Уилис-Филд позволило делегации Ливии на совещании министров иностранных дел арабских государств в Хартуме представить дело таким образом, будто ливийским правительством достигнуты определенные успехи в ликвидации иностранных военных баз. Отвечая на вопрос корреспондента «Аль-Хаят», премьер-министр Ливии Абд аль-Кадер Бадри заявил: «В ходе переговоров о ликвидации баз были достигнуты значительные результаты в рамках, запланированных ливийским правительством... В следующий четверг (31 августа) возобновятся переговоры с американской стороной для обсуждения важных пунктов, касающихся ликвидации американской базы»[37]. Это заявление было рассчитано на то, чтобы успокоить общественное мнение. В действительности переговоры завершились 17 августа и больше не возобновлялись.

Результаты переговоров о ликвидации военных баз США и Англии свидетельствовали о политической победе Запада и тех, кого он поддерживал в Ливии. Король и его приближенные, как никогда до этого, почувствовали всю шаткость режима, который уже не мог больше существовать без поддержки западных держав. Переговоры велись, по существу, не в целях ликвидации военных баз, а для того, чтобы обмануть общественное мнение арабских стран и в конечном счете подавить народные выступления. После этого премьер-министр Абд аль-Кадер Бадри в короткий срок расправился с националистическими силами, а король решил проявить себя как сторонник

«либеральных реформ». С апреля 1968 г. были предоставлены финансовые льготы чиновничеству, работникам сил безопасности, офицерскому составу армии в виде жилищных дотаций в размере 31 млн лив. ф. в год[38]. Были также увеличены размеры займов и кредитов, предоставляемых зажиточным крестьянам и помещикам. Размер помощи по социальному страхованию увеличился, а взносы рабочих и работодателей на эти цели были уменьшены[39].

При правительстве Абд аль-Хамида аль-Бакуша все очевиднее становилась тенденция сближения правящих кругов страны с западными державами. Опека со стороны последних рассматривалась как главная гарантия сохранения монархического режима. Идрис и его правительство предприняли новые политические шаги, пообещав увязать вопрос о ликвидации иностранных военных баз с готовившейся якобы реорганизацией национальных вооруженных сил Ливии. Однако «увязку» этих проблем и их решение взяли в свои руки сами вооруженные силы и ливийский народ.

Король Идрис, проявлявший в течение десятилетий политическую гибкость, всегда успешно обходивший своих политических конкурентов, получивший бескровно, без гражданских войн, с помощью своей политики компромиссов независимость для своей страны, на том историческом этапе потерпел неудачу. С одной стороны, это фиаско можно было списать на его возраст (в 1969 г. ему было 79 лет, но, покинув Ливию, он дожил до глубокой старости), а с другой — искать объяснение в новых исторических условиях, к которым король оказался не готов.

Нефтяной самум

Борьба за Ливию между западными державами и их компаниями обострилась после того, как в стране были обнаружены запасы нефти. При короле Идрисе I экономика страны пережила стремительный рост благодаря началу добычи нефти, а также выплатам американцев за аренду базы Уилис-Филд. Однако рост носил поверхностный характер.

Первые признаки наличия нефти были отмечены во время проведения геологоразведочных работ сразу после окончания Второй мировой войны как в Триполитании, так и в Киренаике. В течение нескольких лет после получения независимости большое число крупных нефтяных компаний осуществляло разведку по всей стране. В 1955 г. вступил в силу Закон о нефти, который регулировал действия комиссии по нефти, наделенной полномочиями по выдаче концессий на условиях равного получения прибыли государством и компанией, осуществлявшей добычу нефти. Доля Ливии выплачивалась в течение нескольких лет. На таких условиях получили концессии многие американские компании и международные группы, в которые входили британские, французские и некоторые другие иностранные компании.

Начиная с 1958 г. были открыты нефтяные месторождения в разных областях. В страну хлынули деньги западных компаний. Так, только капиталовложения американских компаний достигли 350 млн долл. К 1965 г. Ливия заняла по добыче нефти первое место в Африке. К 1968 г. Ливия вышла на 4-е место в мире по экспорту нефти при объеме в 126 млн т. Государственный отчет, опубликованный правительством, указывал, что непосредственно в нефтяной индустрии были заняты 5600 человек, из них 1900 — иностранцы, выплата на содержание которых и на наемную рабочую силу составляла 27 млн ф. стерлингов в год[40]. В стране действовали 37 компаний, из которых 17 были заняты добычей и экспортом нефти. Вывоз осуществлялся с пяти морских терминалов, связанных нефтепроводами с различными месторождениями. Система нефтепроводов и терминалы были построены пятью компаниями, сделавшими основные открытия, но были доступны всем остальным фирмам, которые добывали нефть[41].

«Нефтяной бум» в Ливии можно разделить на несколько этапов. Начало «бума» (1955–1960) — разведка, пробное бурение, определение промышленных запасов, подготовка освоения, организация экспорта нефти. На первом этапе этим занимались 15 американских, 4 западногерманские, 2 французские, 2 итальянские, голландская и английская фирмы, получившие концессии на территорию в 1275 тыс. кв. км, т. е. 72% территории

всей Ливии. Первой в ноябре 1955 г. занялась разведкой и первой нашла в декабре того же года нефть американская «Эссо стандард компани». Фонтан забил с глубины 700 м и дал в один день 85 т высококачественной нефти. Так началась ливийско-сахарская «нефтяная лихорадка». 8 апреля 1959 г. геологи «Эссо» обнаружили нефть в Злитене всего на глубине 180 м. Этот день считается началом промышленной добычи ливийской нефти. 12 сентября 1961 г., когда из нефтепорта Мерса-эль-Брега вышел первый танкер с нефтью, Ливия стала нефтеэкспортирующей страной. Затем в течение четырех лет 6 месторождений было обнаружено в Триполитании, 4 — в Киренаике, одно — в Феззане[42].

Второй этап (1961–1969) стал временем невиданного бизнеса нефтяных картелей, развернувших добычу и экспорт ливийской нефти. На побережье Сиртского залива быстро выросли нефтепорты: первый был Мерса-эль-Брега (построила в 1961 г. «Эссо»). До Бир Зелтена в Киренаике был построен нефтепровод, в 320 км южнее Бенгази, где «Эссо стандард» (ливийская компания) нашла нефть в 1959 г. Эта группа также построила НПЗ в Мерса-эль-Бреге в 1967 г. и завод по сжижению газа в 1968 г. для подготовки морской транспортировки в Италию и Испанию.

Второй терминал был открыт в 1962 г. в Эс-Сидре, к западу от Мерса-эль-Брега. Его построили в 1961 г. нефтекомпании США «Амерада», «Континентл ойл» и «Маратон», образовавшие консорциум «Оазис ойл»; первоначально они владели равными долями, потом «Амерада» продала половину своих акций «Роял датч шелл» в 1966 г. «Оазис ойл» нашла нефть в Нофре, а затем тянула нефтепровод до Эс-Сидра.

Третья группа состояла из компании «Мобил» и немецкой «Гельзенберг», которые тоже нашли нефть вблизи Хофра, но построили другой нефтепровод к терминалу Рас-эль-Ануф, который был открыт в 1964 г.

Четвертый терминал в Мерса-Харига, близ Тобрука, в начале 1967 г. был построен английской компанией «Бритиш Петролеум». От Мерса-Харига нефтепровод длиной 500 км протянулся до Сарира, близ которого «Бритиш петролеум» и ее

американский партнер «Банкер Хант» разведали крупное месторождение в 1964 г. и еще одно двумя годами позже.

Пятый и последний терминал находился в Зуэтине, в 240 км южнее Бенгази. Он был открыт в 1968 г. как терминал, завершавший 215-километровый нефтепровод из двух нефтяных полей в Ангили и Идрисе. Там американская компания «Оксидентал ойл» обнаружила нефть в больших количествах, причем вела разработку без получения концессии вплоть до 1966 г. Кроме пяти перечисленных основных компаний существовали и другие. Из них важными были компании с участием группы «Амосиз», состоявшей из двух равноправных американских компаний — «Стандарт оф Калифорния» и «Тексако». Эта группа вела разработку нефти в Нафооре, недалеко от Ангила, и имела нефтепровод до терминала в Рас-Лануфе[43].

О росте нефтедобычи свидетельствуют следующие цифры: в 1961 г. из Ливии было экспортировано 0,676 млн т нефти, в 1962 г. — 8 млн т, в 1966 г. — 70 млн т, в 1969 г. — 151,7 млн т. Доходы в этот период составили: 1967 г. — 0,631 млрд долл., 1968 г. — 1,0 млрд 1969 г. — 1,132 млрд долл.[44]

Основными нефтедобывающими компаниями в 1969 г. были: «Эссо стандард Либиа» — 35,9 млн т, «Оазис ойл» — 37,9 млн т, «Оксидентл петролеум» — 29,3 млн, «Амозис» в составе «Калифорния эйшиэтик» и «Тексако оверсиз петролеум», членов международного нефтяного картеля, — 14,7 млн, «Бритиш петролеум» и «Нельсон Банкер Хант» — 15,4 млн, «Гельзенберг» — 12,7 млн, «Филиппс петролеум» — 2,8 млн т[45].

Пользуясь тяжелым экономическим положением страны, западные компании навязали такие договорные условия, по которым большую долю доходов от добычи нефти присваивали себе. «Эссо» и «Амозис», например, выплачивали Ливии прибыль из расчета экспортной цены 2,16–2,18 долл. за один баррель сырой нефти (в одном барреле 159 литров). Другие еще меньше: «Континенталь» — 1,31 долл. за баррель, «Амерада» — 1,45 долл., «Маратон» — 1,53 долл. при установочной цене 2,23 долл. за баррель. Это были демпинговые цены на нефть на мировом рынке, установленные Организацией стран-экспортеров нефти (ОПЕК)[46].

Началась длительная борьба с компаниями за повышение цен и отчислений прибылей за нефть.

С целью исследования и разработки запасов нефти Ливия была разделена на большое число сравнительно небольших концессий таким образом, чтобы привлечь участие максимального числа нефтяных компаний. К концу 1959 г. 18 нефтяных компаний обладали 77 концессиями, которые распространялись на 1 млн кв. км, или 65% всей территории страны. Из 90 пробуренных скважин 15 дали нефть. Первые нефтяные источники были открыты в Феззане вблизи алжирской границы, но наиболее значимый, разработанный ливийской фирмой «Эссо Стандарт», забил в апреле 1959 г. у Бир Зилтена, в 240 км от побережья Сиртского залива. Разведка показала способность скважины давать в день 17500 баррелей нефти, залегавшей на глубине 1670 м. Другие скважины также были открыты в районе Сиртского бассейна и в Джало в последующие несколько лет.

Вложения нефтяных компаний в исследования, еще до поступлений доходов от добычи нефти, начали приносить ощутимое влияние на экономику страны. Если в начале 1956 г. они составляли 4,5 млн ф. ст., то в 1957 г. — 13,5 млн ф. ст., 24 млн — в 1958 г. и 30 млн ф. ст. — в 1959 г.[47] Централизованные поступления в государственную казну поднялись с 11 млн ф. ст. в 1952/53 г. до 64 млн ф. ст. в 1962/63 г. и до 226 млн ф. ст. в 1967/68 г., из которых 170 млн приходилось на нефтяные доходы. Для лучшего использования этих постоянно расширявшихся поступлений в 1960 г. ливийским правительством были приглашены специалисты Всемирного банка, чтобы сделать оценку экономической ситуации и дать рекомендации. Банк предложил пятилетний план экономического развития страны (1963–1969) с общей суммой капиталовложений 200 млн ф. ст. План был разработан в общих чертах созданным для этой цели Советом по развитию, но правительство едва ли имело время рассмотреть его, потому что стало ясно — определять экономическое развитие страны будут всевозраставшие доходы от нефтяной индустрии. Соответственно план пересматривался несколько раз, и летом 1963 г. парламент утвердил план с предполагаемым освоением 173 млн ф. ст. с 1963 по 1968 г.

Наибольшие вложения предполагалось сделать в общественные предприятия, сельское хозяйство и образование[48].

Важным элементом развития в рамках экономического плана была королевская жилищная программа, предусматривавшая замену городков из хижин на окраинах городских зон, в которых проживало до 20% населения, на современные дома с водой, электричеством и канализацией. Проект, запущенный в 1966 г., получил название «План Идриса по жилищному строительству». Одним из мест введения в действие этой программы по проекту стал разрушенный войной Тобрук. В нем не только были вновь застроены большие районы, но еще город получил в подарок нефтяной терминал от компании БП. Началось строительство в Аль-Байда, чтобы этот город приобрел вид столицы. Существенные вложения получило образование: были построены начальные школы во всех городках и деревнях, современный университет в Бенгази и Высшая техническая школа в Тобруке. В области общественного строительства были возведены гидроэлектростанции в Триполи и Бенгази и расширено до двухполосного береговое шоссе вдоль побережья от тунисской и до египетской границ. Второй пятилетний план (1969–1974), основывавшийся, как и первый, на 70% поступлений от нефти, предназначался для дальнейшего общественного развития, но с приходом новой власти приказал долго жить. Похоже, что посткоролевское правительство заменило экономическое и социальное развитие жизни на военное. Если с 1967 г. ливийское правительство щедро финансировало египетское министерство финансов, то в 1971 г. эти отчисления прекратились, а вместо этого стали поддерживаться палестинские партизанские организации[49].

В апреле 1968 г. был принят закон об учреждении ливийской национальной нефтяной компании «Липетко», что облегчило борьбу с иностранными нефтяными спрутами, но не сильно ограничивало их деятельность.

С началом нефтеразработки миграция населения в города создала серьезную проблему. Численность жителей Триполи составляла в 1964 г. 379,9 тыс. человек. В главный город Киренаики — Бенгази — переехали бывшие кочевники, и ее население достигло 278,8 тыс. человек, но Киренаика была в три раза

больше по площади, чем Триполитания. Феззан примерно в два раза больше Триполитании, и его главный город — Себха — также переполнили разорившиеся крестьяне и кочевники. Кроме того, в Триполитании проживали 35 тыс. итальянцев, занятых в торговле в Триполи, в промышленности и сельском хозяйстве, хотя примерно третья часть их была рассеяна по всей стране. Из других важных устойчивых меньшинств в Ливии жило около 2,5 тыс. мальтийцев, были греческие общины в Триполи и Бенгази. Население Ливии росло быстро и к 1968 г. увеличилось на четверть миллиона.

Однако нефтяная промышленность создала не так много рабочих мест, и сельское хозяйство сохраняло свое значение. Зерновые злаки, ячмень составляли основные продукты питания арабов, а пшеницу выращивали только итальянские фермеры в Триполитании.

Прибыли от нефти позволили увеличить ассигнования на развитие сельского хозяйства. По бюджету 1968–1969 гг., например, в распоряжение министерства сельского хозяйства было предоставлено 5,3 млн ф. ст. — сумма, которая значительно превышала ассигнования в 1960 г. Новые возможности для ведения сельского хозяйства дало открытие источников пресной воды в 1968 г. в Куфре и на юго-западе страны. Их обнаружила компания «Оксидентл ойл», одна из нефтяных компаний, которая вела нефтеразработку в Ливии. Компания была намерена потратить 15 млн ф. ст. в течение 5 лет на развитие и промышленное обустройство этих источников для орошения и культивации 25000 га пустыни. Но этому помешал военный переворот 1969 г., и лишь через 25 лет проект был осуществлен.

Глобальное улучшение ситуации для страны последовало после начала разработки месторождений нефти в 1960 г., быстро изменяя структуру экономики в целом.

Один из примеров такого значительного улучшения — обеспечение населения пресной водой. В начале 1969 г. Ливия ввела в строй крупнейший в то время в мире завод по опреснению морской воды в Бенгази, построенный английской фирмой. Его производительность составила 4,3 млн галлонов в день.

Если в «донефтяной период» торговый баланс имел отрицательное сальдо и дефицит госбюджета покрывался за счет

иностранной помощи, то через несколько лет после начала экспорта нефти он стал положительным, что свидетельствовало об улучшении экономического положения. Вывоз нефти увеличивался столь быстро, что в третьем квартале 1962 г. впервые экспорт превысил импорт, и общая стоимость экспорта составила в том году 50,5 млн ф. ст., в шесть раз превысив экспорт в предыдущие годы. Импорт в 1962 г. составил 73,4 млн ф. ст. К 1968 г. эти цифры соответственно составили 669,8 млн ф. ст. и 230 млн ф. ст. [50]

По сравнению с нефтью другие статьи экспорта потеряли свое значение — выделанная грубая и тонкая кожа, земляные орехи, живые овцы и козы, которые экспортировались главным образом в Египет и Грецию, трава альфа и морская губка. Экспорт нефти изменил соотношение стран-экспортеров. Если раньше четверть ливийского экспорта приходилась на Италию, то в 1967 г. 27% экспорта пошло в Западную Германию, 19% — в Италию и 18% — в Великобританию. Почти весь ливийский экспорт состоял из сырой нефти.

В 1968 г. основными импортерами Ливии были Италия — 25% общего импорта, США — 14% и Великобритания — 11%.

Разведка и добыча нефти позволили изменить отрицательный платежный баланс (экспорт — импорт): с 46,7 млн ф. ст. в 1961 г. до 23,4 млн ф. ст. в 1962 г. В последующие годы баланс сменился на положительный и достиг 212 млн ф. ст. в 1966 г., 247 млн ф. ст. в 1967 г. (когда началась арабо-израильская война и экспорт был временно приостановлен) и составил 440 млн ф. ст. в 1968 г. В 1967 г. платежный баланс имел положительное сальдо и после разрешенных инвестиций из-за границы составил 98 млн ф. ст. Годовой прирост на текущих счетах отражался в устойчивом росте иностранных вложений в Банк Ливии, которые возросли с 31,2 млн ф. ст. в конце 1961 г. до 121,1 млн ф. ст. в конце 1966 г. и в 1968 г. составили 192,4 млн ф. ст. [51]

Как результат существенной финансовой поддержки, которую Ливия получала в виде иностранной экономической помощи, а позднее — от развития нефтяной индустрии, стало возможным поддерживать стабильность ливийского фунта по отношению к иностранной валюте.

Необходимое финансирование смогла получить и ливийская промышленность. В 1963 г. была создана Индустриальная корпорация развития с капиталом 700000 млн ф. ст. для поддержки небольших промышленных предприятий. Многие ливийские банки имели тесные связи с иностранными банками. Английские банки были представлены «Барклайз банк» в Триполи и Бенгази и британским банком «Мидл ист». Также были представлены в Ливии «Банко ди Рома» и «Банко ди Наполи» (Италия), египетский банк «Мыср» и Арабский банк (Амман). Ливия стала членом МВФ и МБРР в 1958 г.

В 1968 г. правительство предложило МБРР прислать команду экспертов в Ливию, чтобы они еще раз составили рекомендации по развитию промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы с учетом увеличения прибыли от нефти, ожидаемой в ближайшие годы. Подробный пятилетний план на 1969–1974 гг. был опубликован в марте 1969 г. Он предусматривал капиталовложения в 1,145 млн ф. ст., из которых 177 млн ф. ст. должно было быть потрачено на развитие социальной инфраструктуры, 162 млн ф. ст. на системы связи, 150 млн ф. ст. на сельское хозяйство, 128 млн — на жилищное строительство и 116 млн на образование[52].

Доходы от экспорта нефти стали определять все и активно вкладывались в развитие национальной экономики. В стране были заложены и начали развиваться рыночные отношения.

Проблемы королевского трона

В принципе со стороны простых ливийцев к режиму Идриса не было особых претензий или предпочтений. Но настроения жителей Триполитании, Киренаики и Феззана относительно выбранной формы правления союзным государством не были едиными. Они рассматривали монархию как компромиссную систему власти, соглашение о времени действия которой должно быть окончательно достигнуто в будущем. К монархиям как таковым все арабы, и ливийцы не были исключением, относились недоверчиво, как и к колониальным протекциям, навязывавшимся по типу западноевропейских королевств.

Свержение монархии в Египте и призывы Насера к поддержке арабского национализма, о чем ежедневно трубило каирское радио, находили отклик и в Ливии.

Король Идрис, естественно, понимал, какие опасности таят эти призывы для ливийской монархии. Хотя сам Идрис пользовался всеобщим уважением, сенуситская семья не разделяла его престижа. Бесспорный наследник Мухаммед ар-Рида, единственный брат короля, был не только старым человеком, но и не обладал необходимыми качествами для занятия такого высокого положения. Вдобавок общая политическая ситуация на Ближнем Востоке склоняла политические весы не в пользу сенуситов. Сознавая непопулярность монархизма среди арабских националистов и находя бремя королевской власти и ответственность слишком тяжелыми, Идрис задумал изменить конституцию страны так, чтобы преобразовать Ливию из монархии в республику.

Он попросил премьер-министра Бен Халима подготовить соответствующие предложения по изменению формы правления страной. Бен Халим предложил американскую модель президентской власти и замену федеральной системы на унитарную из-за большой стоимости содержания автономных правительств. Идрис обратился за консультацией к комиссару ООН А. Пельту. В январе 1955 г. такая встреча состоялась в Тобруке. На ней присутствовали Бузири Шелхи, который сменил на посту дворцового министра своего отца, Хусейн Мазик, губернатор Киренаики, Абдель Салям Бусири, глава королевского Дивана (канцелярии). А. Пельт выслушал Идриса, но не поддержал его план реорганизации власти, так как по резолюции ООН о предоставлении независимости Ливии форма правления страной была определена как монархия. Это был только первый случай из многих других, когда Идрису стало ясно, что трон — это не только гарант монархии, но и гарант независимости страны и ее стабильности[53]. Король чувствовал поддержку киренаикцев в вопросе о федеральной форме правления. И конечно, в случае возникновения кризиса власти Идрис мог положиться только на киренаикцев.

А. Пельт подсказал и еще одну чисто восточную идею. Поскольку наследником может стать по исламским законам

только сын, а Коран разрешает иметь четырех жен, опытный политик порекомендовал старевшему Идрису подыскать молодую невесту среди сенуситов, которая, возможно, и родит наследника. (Фатима — единственная жена Идриса — приходилась ему двоюродной сестрой, и нормальных детей они иметь вряд ли могли.) Предложение было таким смелым, что даже покоробило Идриса, ввело его в еще более глубокие раздумья. Он вдруг реально ощутил, что будет со стабильностью страны и ее будущим, если действительно королевский трон рухнет. И он решился принять эту необычную рекомендацию А. Пельта, тем более что по исламским канонам это выглядело вполне пристойно.

Под давлением обстоятельств Идрис принял решение взять вторую жену с единственной целью рождения наследника престола. Такая кандидатура быстро нашлась. Это была Алия, дочь крупного египетского землевладельца Абдель Кадера Лямлума-паши, националиста, симпатизировавшего ливийским сенуситам. Бракосочетание состоялось 30 июня 1955 г. в Каире в ливийском посольстве. Египетская пресса опубликовала снимки, на которых меланхоличный седовласый Идрис обменивался рукопожатиями с улыбавшимся Гамалем Абделем Насером, а ливийский премьер-министр Бен Халим светился от счастья, как будто он уже спас королевский трон. Идрису к тому времени было 65 лет, его серьезной круглолицей невесте — 38. После этого события не прошло и месяца, как скончался Мухаммед ар-Рида, законный наследник, брат Идриса, и вопрос о преемственности власти встал особенно остро. Король вернулся в Ливию с новой женой в свою резиденцию в Аль-Байда, в то время как его первая жена Фатима аль-Шифа отказалась выполнить требование Бусири Шелхи покинуть королевский дворец в Тобруке, поскольку официально оставалась женой Идриса. Новая женитьба, однако, не имела успеха, и через несколько месяцев король предложил своей молодой жене отдохнуть в Египте, откуда она уже не вернулась, а сам уехал в Тобрук к Фатиме, которой он был глубоко предан и с которой оставался до конца жизни. Позже, в 1956 г., было объявлено о назначении нового наследника. Им стал Хасан ар-Рида, племянник короля и третий сын Мухаммеда ар-Рида.

Новый 28-летний наследник престола, ничем не выделявшийся из других членов семьи Ас-Сенуси, был глубоко религиозным человеком, учившимся в Аль-Азхаре, мусульманском университете в Каире. Король мало уделял внимания престолонаследнику, и тот никогда не имел народной поддержки[54].

Нарастание кризиса власти

Идрис, опираясь на сенуситскую верхушку, тем не менее, сталкивался с непрерывными интригами внутри собственного окружения, с борьбой различных кланов и групп за власть, за высокое место при королевском дворе. Прежде всего это касалось членов рода Ас-Сенуси. Он насчитывал 38 принцев, и 32 из них находились в оппозиции. 5 октября 1954 г. племянник короля Мухи ад-Дин убил королевского советника Ибрагима Шелхи. Убийца был приговорен к смертной казни. Вслед за этим пошли слухи о подготовке членами королевской семьи смены монарха. В октябре 1954 г. с их стороны была предпринята попытка дворцового переворота, после чего король сослал в отдаленные оазисы 16 своих родственников, что привело к падению престижа сенуситского братства: его влияние пошло на убыль, и к 1967 г. сенуситы составляли только 5% населения страны[55].

Боролись за власть не только сенуситы, но и именитые семьи. В 1951–1954 гг. премьером был Махмуд аль-Мунтасер, расчистивший дорогу в парламент представителям феодальной олигархии и подписавший пакты «дружбы» с США, Великобританией и Францией. Но из-за распрей среди кланов он вынужден был уйти, чем дал старт «чехарде премьер-министров» — главы правительств в своих креслах долго не задерживались: 1954 — Мухаммед ас-Сакзами; 1954–1957 — Мустафа Бен Халим; 1957–1960 — Абдель Маджид Кубар; 1960–1963 — Мухаммед бен Осман ас-Саид; 1963–1964 — Мохиеддин Фикини; 1964–1965 — Махмуд аль-Мунтасер; 1965–1967 — Хусейн Мазик; 1967 — Абдель Кадер Бадри; 1967–1968 — Абдель Хамид аль-Бакуш; 1968–1969 — Ванис аль-Каддафи[56].

Ливия поддержала борьбу алжирцев и марокканцев за независимость, однако она держалась в стороне от споров ближневосточных государств в 50-х — начале 60-х годов. Политическое братание с Египтом, которым так усиленно занимался премьер-министр Бен Халим, длилось не дольше, чем «медовый» период Идриса с молодой женой. Дружеские отношения с Каиром, начиная с 1955 г., пошли по сценарию, явно выходившему за рамки ливийского плана. В июле 1956 г. президент Насер неожиданно объявил о национализации Суэцкого канала, что вызвало шок на Западе и ударило по французским и британским стратегическим интересам в регионе. Арабский мир поддержал действия Насера. Его портреты появились во всех магазинах и лавках, на стеклах автомобилей, на собраниях студентов. Для Великобритании это был шок, сравнимый разве только с тем, что происходило во время Второй мировой войны на севере Африки. Немыслимо было, чтобы Суэцкий канал оказался неподконтрольным Западу. В Лондоне и Париже пытались понять, к чему клонил Насер, одновременно рассматривая перспективы как политического диалога, так и военных действий. Однако не представлялось возможности ни устранить Насера, ни воздействовать на него через какие-либо ближневосточные страны. Арабы поддерживали Египет. И только Израиль как альтернатива оставался в этой драме союзником Запада, предложив, кстати, силовой сценарий. Была еще и Ливия, где находились военные базы Великобритании и Франции, с которых можно было нанести удары по Египту в случае войны с ним. Но, по условиям соглашения с королем Идрисом, иностранные базы в Ливии не могли быть использованы в агрессивных целях против соседних государств, в данном случае против Египта. Так или иначе, арабские националисты и панарабисты восприняли как предательство со стороны Идриса его стремление ориентироваться на Великобританию.

Тем не менее ливийское правительство немедленно предприняло упреждающие меры, чтобы английские войска, находившиеся в Ливии, не принимали участия в военных операциях против Египта. Об этом было сразу заявлено британскому послу, и это заявление было передано египетскому послу. Но ответ англичанина был примерно таким: соглашения с Ливией

касались двух стран, а случай с Суэцким каналом относится к соблюдению международных актов, нарушенных Каиром. Официальный Триполи в ответ предупредил, что готов разорвать дипотношения с Великобританией и даже атаковать ее базы в случае развязывания войны против Египта. В это время египетский военный атташе в Триполи, грубо нарушая принятые каноны международного поведения, подлил масла в огонь, продемонстрировав в египетском посольстве амуницию, которой якобы будут снаряжены те из ливийцев, кто выступит против Великобритании в случае боевых действий. Премьер-министр Бен Халим был возмущен такой выходкой военного атташе и потребовал его выезда из страны, на что египетский посол ответил, что военный атташе подчинен министерству обороны, а не МИДу Египта. Нота о высылке военного дипломата была отправлена, и он был отозван. Насер принес свои извинения королю Идрису, но дело было сделано. Выходка египетского атташе пагубно отразилась на настроениях молодых ливийцев, которые начали верить каирскому радио, что их лидеры предают общее дело арабов. Кроме того, египетская газета «Аль-Ахрам» написала, в частности, 1 июня 1957 г., что английская база в Эль-Адеме на территории Ливии была использована ВВС Великобритании в ходе «тройственной агрессии» против Египта (с нее производились налеты на Александрию). К сожалению, по прошествии времени нет возможности отделить правду от политического умысла и опровергнуть или подтвердить заявления англичан и египтян, но те шаги отрицательно повлияли на взаимоотношения двух соседних арабских стран — Ливии и Египта.

Суэцкая война и ее последствия окончательно рассеяли усилия Бен Халима на развитие особых отношений с Египтом. Это стало невозможным перед лицом арабского антагонизма, вызванного «тройственной» агрессией, и испортило отношения премьер-министра с королевским Диваном (канцелярией): то, что было поручено Бен Халиму, а именно — найти баланс между зависимостью Ливии от Запада и усиливавшимся арабским национализмом, оказалось не под силу премьеру и стоило ему кресла[57].

Абдель Маджид Кубар оказался четвертым после Бен Халима ливийцем, занявшим пост премьер-министра. Перед ним была поставлена примерно та же задача. Кубар, известный триполитанский примиритель и бессменный спикер палаты представителей (с 1952 г.), решил застраховаться жизненно необходимой для Ливии финансовой иностранной помощью. Для этого он заключил новые соглашения с Великобританией и США с ежегодным предоставлением 3,25 млн фунтов стерлингов и 5,5 млн долл. соответственно в течение пяти лет. Затем последовало долгосрочное соглашение с ФРГ на сумму в 5 млн долл. на развитие промышленности и сельского хозяйства. И в то же время Кубар отверг предложения СССР об оказании гуманитарной помощи, тем самым открыто продемонстрировав прозападную политику своего королевства, несмотря на рост антиевропейских настроений в арабском мире, пытаясь уменьшить их в Ливии укреплением сотрудничества с Западом[58].

Июльская революция в Ираке (1958 г.) поставила королевский режим перед серьезными проблемами. Жестокое убийство молодого иракского короля и всей королевской семьи произвело шок во всем мире и ввело Идриса в серьезное замешательство. Он приказал повременить с признанием нового иракского правительства. Тем временем общественное мнение Ливии поддерживало египетскую оценку этой революции как победу арабского единства. Кубар пытался убедить Идриса признать новый режим в Ираке при условии, что в стране останется старый иракский посол. Однако египетско-иракский «медовый период» оказался недолговечным. Все это не прошло незамеченным в ливийском обществе.

Премьерское кресло Кубара стало окончательно шатким в 1960 г., когда локальный «политический шторм» вдруг коснулся дорожного контракта в Феззане, переданного Кубаром в 1958 г. фирме, возглавлявшейся Абдаллой Абидом, членом сенуситской семьи. Заключение контракта вызвало критику, поскольку он якобы был заключен под влиянием личной протекции, а цены, указанные в контракте, были сильно завышены. Материалы дела были переданы Идрису на рассмотрение, и он признал, что его окружение погрязло в коррупции. 13 июля 1960 г. все ливийские газеты опубликовали письмо Кубара

ко «всем высокопоставленным чиновникам», признавшее наличие непотизма (семейственности) и коррупции, разрушавших государство и подрывавших репутацию власти[59]. Это дало возможность оппозиции начать новую атаку в парламенте, которая привела к вотуму недоверия и отставке премьера. Хотя, по мнению де Кондоля, эта отставка явилась несправедливой, так как фирма Абида была единственной в Ливии, способной осуществить столь сложный проект, и цены практически не были завышены, как пытался доказать парламент[60].

Сменивший Кубара Мухаммед бен Осман, один из представителей феззанских лидеров, про которого говорили, что он «сам себя сделал» еще со времен независимости, решил в первую очередь активно популяризировать в средствах массовой информации достижения правительства, особенно в области социального обеспечения. И было о чем писать. Осман пытался опровергнуть широко распространенное мнение, что иностранный бизнес, привлеченный в Ливию открытием нефти (с 1955 г.), был заинтересован только в эксплуатации природных ресурсов страны. На самом деле невозможно было начать разработку нефтяных месторождений без привлечения иностранного опыта и финансовой помощи. Более того, Закон о нефти, принятый в 1955 г., был более предусмотрительным, чем существовавшие законы в других странах Ближнего Востока — он защищал разработку месторождений от монополизации. Не уподобляясь другим странам, Ливия не сдала концессии в руки одной компании или консорциуму компаний, но разделила всю страну на несколько небольших концессионных областей и регулировала получение самих концессий, сроки, ренту, юридические меры. С 1955 по 1958 гг. 55% территории Ливии были отданы в распоряжение 14 международных нефтяных компаний, которые осваивали их с большой скоростью и эффективностью. Закон о нефти гарантировал контроль над поднявшимся нефтяным самумом.

Бен Осман ввел важные коррективы и во внешнюю политику королевства. Он, наравне с поддержкой хороших отношений с западными державами, призвал к партнерству Египет и страны Магриба. В 1961 г. был предложен план создания регионального союза с Марокко, Алжиром и Тунисом, который, однако,

не получил поддержки и потерпел фиаско. По совету короля ливийским официальным лицам не рекомендовалось вступать в полемику с другими арабами, также как и принимать минимальное участие в различных арабских советах, хотя ливийцы в целом восхищались Насером и охотно слушали «голос арабов» — каирского радио. Чрезмерная активность Бен Османа и неожиданная популярность тоже стоили ему карьеры премьер-министра. Она была яркой, как метеор, и такой же короткой — с марта по декабрь 1963 г.

Мохиеддин Фикини, молодой преуспевавший юрист, удачно женившийся на дочери Мансура Гадара, бывшего министра финансов, стал очередным временщиком в премьерском кресле. Он принадлежал к новому поколению ливийцев, имевших университетское образование, и до назначения на пост премьер-министра был послом Ливии в США, где получил определенное признание американцев.

Фикини предложил федеральную систему страны реформировать в унитарную, функции провинциальных правительств передать единому союзному правительству. Он не сомневался, что унитарное государство будет сильнее федерального с его соперничеством и дезинтеграционными процессами, к тому же содержание четырех правительств вместо одного обходилось бюджету существенно дороже. Конституционный закон, принятый 27 апреля 1963 г., упразднил провинциальные советы и передал их исполнительные функции Совету министров. Вали были заменены экономическими администраторами. Ливия стала унитарным государством, разделенным на 10 административных районов-губернаторств: Триполи, Завия, Мисурата, Хомс, Джебель, Бенгази, Джебель Ахдар, Дерна, Себха и Убари. Женщины Ливии, по этому закону, получили право голоса, что было выдающимся шагом для арабского мира того времени[61]. Реформа, кроме всего прочего, была направлена на снижение политического веса триполитанцев, к которым правящий режим относился с недоверием.

Оставалась нерешенной проблема ливийской столицы. К Триполи и Бенгази — двум столицам, где попеременно находилось правительство, добавилась еще и летняя столица — Аль-Байда (в Джебель аль-Ахдаре), считавшаяся негласно столицей

сенуситов. Это вызвало неудобства в проведении официальных мероприятий (не было гостиниц, средств связи), транспортные трудности (от Триполи до Аль-Байда 1100 км, от Бенгази до Аль-Байда 240 км) при отсутствии аэропорта. Среди чиновников возникал ропот, приходилось без конца ездить теперь уже по трем столицам королевства, что относили к экстравагантным причудам старевшего короля. Впрочем, Идрис переехал в Тобрук и редко покидал его.

Фикини, как и Бен Хаким перед ним, предпринял дальнейшие шаги по нормализации отношений с соседями (Египтом, Алжиром, Нигером, Чадом). Регулировались пограничные вопросы, обеспечение безопасности караванных путей, чем когда-то занимались сенуситы, связь и пр. Был поднят вопрос по франко-ливийскому соглашению 1955 г., по которому в распоряжении Франции оставались военные объекты, включая аэродромы и радиостанции на юго-западе Ливии. Фикини настаивал на том, что после получения независимости южными соседями Ливии — Нигером и Чадом — отпала необходимость в содержании таких объектов в Феззане. Но убеждения оказались безуспешными, потому что французы отказывались вывести военных, ссылаясь на присутствие англичан на средиземноморском побережье.

В январе 1964 г. Идрис из-за болезни не смог присутствовать на арабском саммите в Каире. Было объявлено, что там от Ливии будут присутствовать наследный принц и премьер-министр. Но начались демонстрации ливийских студенов в поддержку Насера. Король Идрис в это время находился в Триполи, там у его дворца тоже собрались молодые люди, выкрикивавшие не только пронасеровские, но и антиидрисовские лозунги. Произошли столкновения с полицией, несколько человек было арестовано. Было констатировано, что премьер-министр не принял надлежавших мер по сохранению общественной безопасности с достаточной твердостью, так как стало очевидно, что влияние Египта явно угрожало королевскому режиму[62].

22 января 1964 г. Фикини на посту премьера сменил М. аль-Мунтасер, уже занимавший ранее этот пост и прослывший проанглийским политиком. Египетская пропаганда усмотрела в этом назначении намерение увековечить

англо-ливийский договор, который предполагалось пересмотреть в 1964 г. Египетское радио выступило с обвинениями, осуждавшими Аль-Мунтасера. В своей речи по случаю Дня объединения 22 февраля Насер потребовал ликвидации иностранных баз в Ливии, называя их угрозой Египту и арабскому миру в целом и плацдармом в поддержку Израиля в частности. Это в принципе походило на вмешательство в дела соседней страны и, в свою очередь, свидетельствовало об ослаблении сенуситского режима, поскольку он позволил, чтобы на него навели фокус нетерпимости. Каирское радио пошло дальше и заявило в который раз, что базы уже использовались против египтян в период «тройственного» вторжения в зону Суэцкого канала в 1956 г. Антиливийская кампания продолжалась в течение февраля — марта, несмотря на все заверения ливийского правительства, что в договорах об англо-американских базах специально оговорено, что с них исключается участие в агрессии против любой арабской страны.

В марте король Идрис направился в Аль-Байда на очередную сессию парламента. 16 марта небольшая группа пронасеровски настроенных депутатов потребовала принять резолюцию о денонсации договоров и ликвидации иностранных баз на территории страны. Никто, ни правительство, ни общественное мнение, не выступил с критикой этой инициативы. Премьер-министр сделал 19 марта заявление, пообещав, что правительство потребует определить сроки вывода англо-американских войск со своих баз в Ливии. Время такого заявления было выбрано неудачно, так как оно последовало сразу после речи Насера и напоминало капитуляцию перед внешним диктатом, причем с одобрения короля. Какими бы точными ни были эти факты, король довольно резко отреагировал на парламентскую резолюцию и заявление премьер-министра, расценив их как унижение перед лицом египетского нажима.

Король написал письмо в канцелярию премьер-министра, в котором заявил о своей отставке, ссылаясь на то, что он слишком стар, чтобы продолжать выполнять свою миссию, и готов дать дорогу новому режиму. Затем Идрис направился в свою частную резиденцию в Тобруке. Казалось, эта акция короля вызовет ответную реакцию народной поддержки.

И действительно, реакция на эти события была острой и немедленной. Как только стало известно о намерении короля уйти в отставку, тысячи лояльных режиму людей направились в Тобрук, где, собравшись около дома Идриса, начали демонстрировать свою поддержку монархии и потребовали отзыва его заявления. Это были демонстранты из Киренаики, так как большое расстояние не позволяло туда прибыть лояльным триполитанцам. Массовая поддержка тронула Идриса, и он отозвал просьбу об отставке[63].

По вопросу о военных базах Идрис никак не отреагировал на резолюцию парламента, но поручил правительству провести соответствующие переговоры с Великобританией и США. В 1964 г. Лондон ответил согласием на переговоры и на даты вывода своих войск в договорные сроки. В результате было объявлено, что из Триполитании британские войска будут выведены до 31 марта 1966 г., а из Бенгази — в этот же день 1967 г. Судьбу небольшого гарнизона в Тобруке и аэродрома в Эль-Адеме оставили на будущее рассмотрение.

С американцами решать вопрос о закрытии авиабазы Уиллис-Филд было значительно сложнее. Они заявили, что им потребуется пять лет, чтобы создать такую же базу в другом месте. Было много других проволочек, но все переговоры велись открыто, о них знала вся Ливия и весь арабский мир, и летом 1965 г. уже больной премьер Аль-Мунтасер подписал соответствующие документы. Король отблагодарил его за работу, назначив на должность главы королевского Дивана в Тобруке.

Поднятием авторитета короля стал заниматься Хусейн Мазик — следующий премьер-министр. По поручению Идриса он вел трудные и деликатные переговоры с англичанами и американцами все по тем же базам, остававшимся в фокусе внимания арабской общественности. По мнению ливийских политиков, присутствие английских сил на востоке и американцев на западе исключало агрессию соседей против Ливии, но это работало против престижа королевства на международном уровне.

И грянули события июня 1967 г. — позорная шестидневная война Египта с Израилем. Ливия согласилась на межарабском

саммите в сентябре 1967 г. предоставить вместе с Саудовской Аравией и Кувейтом финансовую поддержку Объединенной Арабской Республике, Сирии и Иордании. Однако для короля повторялась ситуация Суэцкого кризиса 1956 г., когда он был обвинен чуть ли не в предательстве арабов. Вина за сокрушительное июньское поражение, которое потерпели египетские войска от Израиля, была возложена не только на США и Великобританию, но и на Ливию только за то, что на ее территории все еще оставались иностранные базы. В Триполи и Бенгази состоялись массовые демонстрации. Были сожжены дома, являвшиеся собственностью членов еврейской общины, итальянцев и других западноевропейцев, рабочие отказывались наполнять нефтью танкеры. В сводках появились сообщения о намерениях вывести из строя английские и американские сооружения. Обстановка в стране оказалась на грани восстания. Распространились слухи, что ряд министров и чиновников королевского Дивана уже надумали уехать и отсидеться в Италии. В течение нескольких дней британцам и американцам грозила реальная опасность — посольства их стран были атакованы возбужденными ливийцами. Несколько тысяч евреев, американцев и западноевропейцев были эвакуированы. Обстановка сохранялась напряженной еще в течение нескольких недель, и стало выясняться, что незавидную роль во всем этом сыграло каирское радио, которое пыталось настроить ливийцев против сенуситского режима. Оказалось, что склонная к компромиссам и миролюбию позиция Идриса была расценена недостаточной для восстановления ситуации, в которой арабы потерпели поражение от Израиля и вынуждены были согласиться с понесенными территориальными потерями. В Каире зло перенесли не на тех, кто потворствовал Израилю, а на того, кто пытался удержать всех от войны.

В этих условиях король пошел на еще одну реорганизацию правительства, во главе которого был поставлен один из старейшин Киренаики Абдель Кадер Бадри. Недостаток образования он компенсировал репутацией жесткого и прагматичного хозяйственника, умевшего выходить из самых тяжелых ситуаций. Кризис был преодолен.

Конечно, нарастание напряжения было связано не только с политическими и личными проблемами короля Идриса. Еще были острые социальные и межплеменные проблемы, не рассматривавшиеся за почти двадцать лет независимости. Вначале Ливия была одной из самых бедных стран в мире с самым низким уровнем жизни, и ее существование зависело от британских субсидий. Богатых людей не было вообще, так же как можно было по пальцам пересчитать и людей с умеренным достатком. Получив неплохое образование в условиях сурового аскетизма, король оставался очень скромным в своих личных привычках в течение всей жизни. В период независимости его годовой доход составлял 14000 ф. ст., но он продолжал жить без роскоши и излишеств в скромном доме в окрестностях Бенгази. Пример аскета, занявшего королевский трон, влиял и на жизнь людей, его окружавших, особенно в Киренаике, где даже в городах превалировала нищета[64].

Обнаруженная в 1958 г. нефть содействовала развитию ливийской экономики, трансформировала ее по образцу Кувейта и других стран, которым нефтяная фортуна улыбнулась несколькими годами раньше. Король, лично устранившийся от ведения финансовых и торговых дел, поручил вести переговоры с нефтяными компаниями и распределение доходов министрам и их советникам: Питт-Хардакр, бывший глава британской администрации в Триполи, и Надим Пачачи, бывший иракский министр нефти, были одними из главных действующих лиц. А. Хогенхьюиз, датчанин, бывший служащий «Шелл», стал первым директором по делам нефти.

Ливия буквально постучалась в двери современной цивилизации, ее запасы и доходы коренным образом изменили жизнь вчерашних бедуинов пустыни. Но внутренние проблемы королевства, на плечи которого свалился еще и такой дар Аллаха, как нефть, постоянно накапливались, и с ними ничего не могли сделать еще два премьер-министра, назначавшиеся королем после А. Бадри: Абдель Хамид Бакуш (октябрь 1967 г. — сентябрь 1968 г.) и, наконец, Ванис аль-Каддафи (сентябрь 1968 г. — сентябрь 1969 г.).

Сенусизм как общественный анахронизм

Второе десятилетие правления короля Идриса обнаружило внутренние противоречия, с одной стороны, в правящей верхушке, погрязшей в коррупции, а с другой — между монархическим режимом и широкими слоями населения. Этому способствовал «нефтяной самум», пронесшийся над Ливийской пустыней, в результате которого международные монополии занялись добычей «черного золота», фактически превратив страну в свою вотчину, а народ — в объект эксплуатации. «Открытие месторождений и бурный рост добычи нефти, — писал С.А. Товмасян, — изменили лицо общественных слоев, ускорили процесс социальной дифференциации. Темпы роста разорения промежуточных слоев населения контрастировали с темпами роста доходов от нефти»[65].

Важные сдвиги наметились в сфере общественного сознания и самосознания ливийцев. Сенусизм, самое значительное религиозно-политическое движение страны середины XIX — первой половины XX в., заложивший основы национальной государственности, из фактора, некогда сцементировавшего разрозненные силы ливийского общества, объединившего его на борьбу с колонизаторами, в 1960-е гг. превратился в явный общественный анахронизм, стал тормозом развития страны. Оставаясь официальной идеологией королевской власти, сенусизм, как и прежде, опирался в основном на патриархальные и племенные структуры Киренаики, куда в начале 1960-х годов в завию Аль-Байда была перенесена официальная резиденция Идриса.

На фоне падения авторитета сенусизма происходило отмеченное еще в 1950-е гг. распространение идей арабского национализма — панарабизма, получившие поддержку подавляющего большинства патриотической интеллигенции и ливийских трудящихся. Вместе с тем с середины 1960-х гг. довольно популярными стали идеи видного общественного деятеля страны Абдель Хамида Бакуша, автора концепции «возрожденной ливийской национальной личности». Являясь чисто ливийской разновидностью арабского национализма, концепция Хамида Бакуша обосновывала своеобразие Ливии ее древними связями с доарабскими цивилизациями — греческой и финикийской,

которые существовали во времена античности на территории страны[66]. Определяя ливийскую нацию как «одно существо, сплоченное в ходе славной своей истории, как существо неразделимое», Бакуш «возрождение ливийской национальной личности» связывал с задачей «оживить историческое наследие, распространить знания и активизировать застывшую энергию народа»[67]. С этой целью в 1960–1970-е гг. было предпринято, в частности, издание переведенных на арабский язык произведений Геродота, Апулея, Плиния Старшего и др.

Естественно, со своими советами тут же начали выступать представители тогдашней западной научной элиты. Так, английский историк и социолог А. Тойнби, выступая с лекцией в Бенгазийском университете, предложил ливийцам «не закупориваться» в национальных проблемах и поисках ливийской самобытности, а попытаться посмотреть на них с высоты общенародных, общепланетарных задач. Тогдашний ректор университета Мустафа Ба'йу, присутствовавший в зале, воскликнул, задавшись вопросом: «Как же мы можем последовать вашему совету, если ливийская каумийя (нация, народ), разделенная и предоставленная долгие десятилетия сама себе, начала только-только формироваться?»[68].

История последних лет королевской Ливии характеризовалась увеличивавшейся политической нестабильностью и частой сменой правительств, что было обусловлено как недостаточным контролем над нефтяными компаниями, так и внешним давлением. С возрастом королю стало не под силу справляться с проблемами, вызванными неожиданно хлынувшим денежным потоком от добычи нефти. Не будучи роялистом по натуре, Идрис мало думал над наследством монархии и искал случая, чтобы уйти в отставку в пользу республиканской системы, которая, как он полагал, более соответствовала новому времени. Неудачным был и выбор наследника — кронпринца Хасана. Мало того, что он не обладал качествами и авторитетом Идриса, действующий король совсем не уделял времени для его подготовки в качестве преемника и не вводил юношу в курс дел. Это было всем известно и создавало неопределенную ситуацию в будущем. А неопределенность в фигуре и способностях преемника внесла дополнительный вклад в состояние нестабильности, тем более

что по мере нездоровья Идриса Хасан все чаще выполнял функции регента. Другим деморализующим фактором была частая смена правительств. Один премьер сменял другого с завидной скоростью.

Слухи о коррупции министерских чиновников были широко распространены, и это тоже было причиной частой смены кабинетов. Некоторые министры и государственные чиновники, чувствуя, что их пребывание в должности будет недолгим, старались что-то урвать себе, пока сияла их звезда, но на самом деле они не становились богатыми. В этом отношении Ливия тоже не походила на большинство нефтедобывающих стран, число миллионеров можно было пересчитать на пальцах одной руки, лишь немногие местные коммерсанты работали не покладая рук, чтобы построить свой бизнес. В других арабских странах члены королевской семьи имели большие преимущества в своих связях, которые позволяли им существенно обогатиться, но в Ливии такие случаи были единичны. По этой причине Идрис потерял поддержку даже немногочисленной королевской семьи.

Почву для революционного переворота подготовили события арабо-израильской войны 1967 г. Многие молодые ливийцы, особенно в Триполитании, разделяли идеи арабского национализма египетского президента Насера. Значительное влияние на Ливию оказала победа алжирской революции в 1962 г. В этом смысле ливийская революция была среди многих других катастроф, вызванных ошибочной политикой британского и французского правительств в ближневосточном регионе в этот период.

И действительно, ропот «снизу» уже усиливался, заговор созревал, и, конечно, как и во многих восточных странах, его начала готовить армейская вольнодумная молодежь.

ГЛАВА XII

СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ

Социальные проблемы продолжали нарастать. ВНП на душу населения Ливии составлял 490 долл. (в 2010 г. — 14219 долл.). Страна находилась вместе с Гаити, Непалом, Афганистаном и Мали на нижних уровнях по этому показателю. Четверть населения кочевало, а итальянские колонисты селились на плодородных землях. В 1967 г. в Ливии было произведено 212 млн кВт электроэнергии (в 2001 г. — 20 млрд кВт). По данным Всемирной организации здравоохранения, страна была первой по заболеваемости малярией, а 22 тыс. ливийцев болели туберкулезом. Степень детской смертности в 50-х гг. составляла 175 на 1 тыс. рождений, в 60-х гг. — 130 (а в 2000 г. она сократилась до 25). Накануне свержения короля в Ливии имелось 300 врачей и фельдшеров, из которых большинство составляли иностранцы. На всю страну приходился 31 госпиталь на 3717 мест. 90% ливийцев были неграмотны. В 194 школах примерно 1 тыс. учителей обучали 32 тыс. школьников. Среднее образование получали 2 тыс. учеников в год, а техническое образование в стране отсутствовало. В учебе 20% времени отводилось на английский язык, а 50% составляло обучение Корану и основам религии. В Бенгазийском университете, основанном в 1955 г., получали образование 30 студентов, которых обучали 6 иностранных преподавателей. Подъем цен привел к всеобщей забастовке 10 сентября 1961 г. Правительство ответило на это арестами и вынесением приговоров.

Незначительная прослойка средних слоев, а также студенчество выступали против засилья империализма и присутствия иностранных военных баз в Ливии. Характерной чертой развития национально-освободительного движения в стране являлась его внешняя направленность, оно не заостряло классовых

противоречий внутри ливийского общества. Однако на основе панарабских настроений в государстве начали объединяться силы, которые поставили перед собой задачу обновления общества, возрождения культуры и расширения связей с арабскими странами и миром в целом. Они симпатизировали «Братьям-мусульманам», насеризму и Партии арабского социалистического возрождения.

Развитие нефтедобывающей промышленности, сопровождавшееся увеличением поступлений от продажи «черного золота», и последовавшие за этим социально-экономические сдвиги, усилили общественное движение против иностранного засилья. Королевское окружение и те чиновники, которые наживались на сотрудничестве с западными монополиями, оказывали сопротивление любым попыткам изменить существовавшее положение, выступали против свертывания в стране иностранных баз, являвшихся, по их мнению, гарантом безопасности монархии.

Но события в Ливии выходили из-под контроля короля и его администрации и принимали уже непредсказуемый характер.

Формирование заговора

Антимонархические настроения получили широкое распространение в армии, которая насчитывала 8,5 тыс. солдат. Король Идрис I не хотел иметь сильных вооруженных сил. В 1951 г. Идрис предложил отправить ливийских солдат в Корею, но эта идея была отвергнута американцами. Тем не менее в 60-е гг. вооруженные силы пополнились значительным количеством радикальной молодежи. Это привнесло в армейскую среду патриотические настроения. После поражения арабских войск в «шестидневной войне» 1967 г. ливийские офицеры стали мечтать о реванше. Одновременно среди них стали проявляться антимонархические настроения. В обстановке нарастающего влияния на вооруженные силы начался процесс их разложения изнутри, военнослужащими овладевает революционная идея. Более того, второстепенное положение армии в стране

лишь усиливало ее отчуждение от режима, побуждало военных занять подобающее место в Ливии.

Но сначала — немного более ранней истории. В 1956 г. четырнадцатилетний юноша, выходец из бедной бедуинской семьи, Муаммар Абу Меньяр Мухаммед аль-Каддафи, появившийся на свет весной 1942 г., закончив в городе Сирт школу первой ступени (соответствует нашей семилетке), прибыл на юг страны, в Себху, для продолжения учебы. Суровые условия жизни в пустыне выработали у мальчика неприхотливость и стойкость.

В Себхе Каддафи познакомился и подружился со своими будущими соратниками по революции: Абдель Саламом Джеллудом, Рифи Али Шерифом, Шерифом Хуссейном, Мухаммедом Зуэем, Мухаммедом Халилем, Гади Фадлем и другими, ставшими потом известными деятелями страны. Вместе с ними Каддафи слушал радиопередачи из Каира о борьбе с «тройственной агрессией» против Египта, читал запрещенные книги, сочинял политические памфлеты, писал письма в редакции газет.

Именно он организовал студенческие демонстрации протеста против убийства Патриса Лумумбы, против испытаний французской атомной бомбы в Сахаре, вместе с единомышленниками приветствовал алжирскую революцию.

Много споров возникало вокруг будущего Ливии. Кумиром М. Каддафи стал президент Египта Гамаль Абдель Насер. Лозунги Насера «Свобода, социализм, единство» вызывали симпатии Каддафи. Тогда же он впервые назвал «прямую демократию» в качестве особого метода политического развития Ливии, что затем легло в основу его «третьей теории». Настольной книгой молодых лицеистов была «Философия революции» Насера, которой они зачитывались и заучивали наизусть[1].

Так в 1959 г. и было положено начало нелегальному молодежному движению, которое в качестве программы взяло на первых порах идеи партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения) и вооруженные методы борьбы. Возглавили движение семнадцатилетний Каддафи и соученик по сиртской школе и его сподвижник Мухаммед Халиль. По ночам, когда все спали, Каддафи и его друзья писали статьи, готовили лозунги и транспаранты, размножали листовки. Они привлекли на свою сторону и некоторых преподавателей,

в частности Абделя Вафи аль-Гади и Мустафу Мухаммеда аль-Малека, которые рассказывали новости из Каира, давали читать египетские газеты, выполняли отдельные, довольно смелые, поручения учащихся. Этих своих старших товарищей по подпольному движению и прекрасных педагогов не раз потом вспоминали участники себхской группы.

5 октября 1961 г. на площади Гарда в Себхе состоялась массовая демонстрация в поддержку алжирской революции, которая особенно напугала власти, так как переросла допустимые рамки. Демонстранты требовали свободы не только для алжирцев, но и для своего народа. Возглавлял молодых бунтарей лицеист М. Каддафи. Его арестовали.

За активную политическую деятельность М. Каддафи был исключен из школы и выслан из Себхи. Двумя годами раньше оттуда был также выслан и Мухаммед Халиль[2].

Революционную деятельность в Себхе продолжили Джеллуд, Зуэй, Шериф, Хуссейн, Гади Фадль.

Для продолжения учебы М. Каддафи выехал в Мисурату, один из крупных городов страны, расположенный в 220 км восточнее Триполи. Там с помощью Мухаммеда Халиля, прибывшего туда ранее, он поступил в местный лицей и в 1963 г. успешно окончил его.

«По прибытии М. Каддафи в Мисурату, — рассказывал потом М. Халиль, — мы решили продолжить то, что начали в Себхе, а именно: привлечь на свою сторону большее число единомышленников, найти среди молодежи тех, кто, как и мы, верили в арабское единство, в принципы свободы, в необходимость радикальных перемен в стране. Постепенно нам это удалось. То же делали и те, кто остался в Себхе»[3].

В 1963 г. молодые революционеры получили дипломы о среднем образовании и впервые организовали в Мисурате встречу, на которой присутствовали активисты уже трех подпольных групп (Себхи, Триполи, Мисураты), когда-то вместе начинавшие свою революционную деятельность. Решали вопрос, что делать дальше. Договорились продолжать борьбу и создать в будущей единой нелегальной организации две секции: военную и гражданскую.

На основании этого решения одна группа вчерашних лицеистов во главе с Каддафи и Джеллудом направилась в Бенгази и поступила в военный колледж, другая ушла в гражданские высшие учебные заведения (в частности, М. Халиль поступил на юридический факультет Бенгазийского университета, Мухаммед Зуэй — на факультет права в Каирский университет). Таким образом, организация образовала два крыла, которые должны были развернуть революционную деятельность в армии и среди гражданского населения. Как показали дальнейшие события, оба эти крыла действительно сделали много для подготовки переворота, но основную тяжесть взяла на себя группа военных во главе с М. Каддафи, считавшая, что только с помощью армии можно свергнуть королевский режим, поскольку организовать народную революцию в Ливии невозможно.

Годы учебы М. Каддафи в Бенгазийском военном колледже — это годы его активной деятельности, направленной на укрепление рядов подпольной организации, на вовлечение в нее новых членов. Этой работе М. Каддафи отдавался весь без остатка, не жалея ни времени, ни сил. Следует отметить, что в эти же годы (1963–1965) М. Каддафи находил время слушать лекции по истории на вечернем факультете искусств Бенгазийского университета, что давало ему возможность общаться и со студенческой молодежью, где он также привлекал на свою сторону единомышленников.

В 1964 г. на берегу моря у небольшого селения Тольмейта, в нескольких десятках километрах от Бенгази, под руководством М. Каддафи состоялся первый съезд организации, взявшей за основу лозунги египетской революции 1952 г.: «Свобода, социализм, единство». Ее целями были провозглашены свержение монархии, ликвидация иностранных военных баз, освобождение Ливии от экономического господства империализма, установление социальной справедливости, преодоление вековой отсталости, достижение арабского единства. Отсюда и название организации: «Свободные офицеры юнионисты-социалисты» (ОСОЮС). К моменту революции в ней числились 200 человек. На ОСОЮС оказали сильное влияние идеи египетской революции и ее руководителя подполковника Гамаля Абдель Насера.

Был создан центральный комитет и принято решение начать всестороннюю подготовку к перевороту[4]. Члены подпольной организации приняли так называемый «Кодекс поведения». Во имя осуществления революционных идей, согласно «кодексу», им запрещалось играть в карты, пить вино, посещать увеселительные заведения и неукоснительно предписывалось соблюдать религиозные обряды[5]. Члены центрального комитета собирались сначала ежемесячно, но затем были разделены на группы и действовали автономно с соблюдением конспирации. Состав групп и их задачи знал только М. Каддафи. Наиболее активными сподвижниками Каддафи в нелегальной деятельности в период учебы в военном колледже были курсанты Абдель Салам Джеллуд, Абу Бакр Юнес Джабер, Хувейлди Хмейди, Мустафа Харруби, Мухаммед аль-Могареф, Абдель Монейм аль-Хуни. После переворота они вошли в Совет революционного командования, заменивший Центральный комитет ОСОЮС. Видную роль в подполье играли также Рифи Али Шериф, Абдаррахман Сейид, Мифтах Али, Сулейман Махмуд, ставшие впоследствии направлять нелегальную работу. «На виду был и сам М. Каддафи, благодаря своей популярности среди курсантов. Но он умел держать себя в руках, безупречно вести, что восхищало нас. Начальство считало его “светлой головой”, “неисправимым мечтателем” и поэтому снисходительно относилось к нему и серьезно ни в чем его не подозревало. Никто не думал, что во главе движения стоит Муаммар, общительный, задумчивый курсант. В каждом военном лагере мы имели не менее двух офицеров-информаторов. Нас интересовало вооружение подразделений, списки офицеров, их характеристики, настроение личного состава»[6]. В целом же «свободные офицеры» не имели большого опыта политической и общественной деятельности, сколько-нибудь определенной программы социальных преобразований и сложившихся политических убеждений. Однако, несмотря на молодость и отсутствие опыта, М. Каддафи и соратники смогли успешно наладить работу хорошо законспирированной организации.

После окончания военного колледжа связь с подпольными группами осложнилась. Вчерашние курсанты, получив первичные офицерские звания, были направлены в войска для

дальнейшего прохождения службы. Каддафи, Харруби, Могареф, Рифи, Абдаррахман Сейид получили назначение в Бенгази. Джеллуд, Джабер, Хувейлди, Хуни — в Триполи, остальные — в другие гарнизоны страны. Ядром и связующим звеном подпольщиков остался Каддафи, который начал службу в войсках связи, в военном лагере Гар Юнес, что в четырех километрах от Бенгази. К нему поступала информация о деятельности групп, о положении в войсках, от него — указания по нелегальной работе, места явок, встреч. Фактически с 1966 г. начался этап непосредственной подготовки военного переворота.

В то же время бесконечные перемещения офицерского состава, вовлечение в движение все большего числа военных и гражданских лиц потребовали принятия организационных мер. Нужны были ответственные за определенный сектор подпольной работы. Да и события нарастали. Надо было думать, как, каким образом начинать конкретную подготовку к восстанию. Этой цели было посвящено совещание членов ЦК ОСОЮС 9 августа 1966 г. в окрестностях Сирта. На нем впервые присутствовали почти все руководящие деятели подполья, приехав со всех гарнизонов страны: Каддафи, Джеллуд, Могареф, Джабер, Хуни, Хувейлди, Харруби, а также вошедшие позже в руководящее ядро Аввад Хамза, Башир Хаввади, Мухаммед Наджм, Мухтар Герви. Основное внимание было обращено на работу с офицерским составом гарнизонов. Это поручалось Джаберу, Хувейлди, Джеллуду, Хуни. Офицером-координатором оперативной работы (фактически заместителем Каддафи) был избран Джеллуд.

Было создано два главных центра подпольной деятельности — Триполи и Бенгази. Руководителем Триполийского центра был назначен Джеллуд, Бенгазийского — Могареф.

Сбор данных по вооруженным силам, по их вооружению, обучению, состоянию транспортных средств, по настроениям личного состава, деятельности военной полиции и военной контрразведки поручался Харруби. Офицером-организатором подпольной связи назначался Аввад Хамза (первым помощником — член ЦК Рифи Шериф). Офицером — ответственным за работу среди гражданских лиц и курсантов был избран Мухаммед Наджм. Ответственными за идеологическую

обработку молодых офицеров — Башир Хаввади и Аввад Хамза, за добывание вооружения, боеприпасов и организацию подпольных складов и материальное обеспечение — Мухтар Герви.

Это совещание, разработавшее организационную структуру ОСОЮС, оказало потом заметное влияние на активизацию подпольной революционной работы в армии[7].

Если влияние офицеров-подпольщиков благодаря этому стало постепенно расширяться и из сухопутных войск перекинулось на все виды вооруженных сил, то в работе среди интеллигенции, студенчества, чиновничества, делового мира революционное движение испытывало определенные трудности, связанные, видимо, с их изоляцией от политической жизни Ливии в тот период. Наверное, этим можно объяснить и относительно малоэффективную, по сравнению с военными, работу гражданского крыла нелегальной организации, на помощь которого надеялись заговорщики на заре своего движения. Тому, конечно, были и веские причины. Местные буржуазные круги и их западных партнеров устраивал королевский режим, который не трогал их и не покушался на их интересы. Поэтому оппозиционное движение любого вида поддержки не получало. Такому политическому безветрию в Ливии способствовал целый клубок причин, хорошо описанных Р. Ферст в ее книге «Ливия. Спорная революция», опубликованной в Лондоне в 1974 г.[8] Хотя борьба европейских держав за Ливию, на территории которой они вели военные действия фактически всю первую половину XX в., в конце концов привела к компромиссу (Ливия получила в 1951 г. независимость), «Англия и Франция, — пишет Р. Ферст, — позаботились о том, чтобы придать новому государству соответствующий политический характер и обеспечить гегемонию патриархальной и племенной структуры над молодыми националистическими силами городских слоев»[9]. Господство колониализма, иностранного капитала и компрадорской буржуазии, «непреодолимый анахронизм» (выражение Р. Ферст) местной инфраструктуры, обусловили экономическое и общественно-политическое отставание Ливии по сравнению с другими странами Арабского Магриба и Ближнего Востока.

Ливийское общество того времени значительно отличалось по составу от известных схем. В основном оно было бедуинским.

Военный переворот 1 сентября 1969 г.

К началу 1969 г. лидеры подпольного движения почувствовали, что они обладают определенной силой, чтобы попытаться захватить власть. Возрастающее брожение в армии, усиление общей напряженности в Ливии способствовали укреплению рядов Организации свободных офицеров юнонистов-социалистов. На их сторону перешла значительная часть молодых офицеров крупных гарнизонов, к тому же дополненные отдельными представителями командования, полагавшего, что только полная смена власти может спасти страну от беспорядков, которые ожидались в случае смерти монарха.

В принципе М. Каддафи понимал, что, несмотря на определенные успехи в привлечении на свою сторону молодых офицеров, руководимая им ОСОЮС является узкозаговорщицкой организацией, ищущей удобного момента для военного переворота. ЦК ОСОЮС разработал детальный план переворота, руководителям подпольных групп были разосланы соответствующие инструкции и было приказано ждать условного сигнала. Однако выбрать время выступления было не так-то просто.

В своей «Истории революции», изданной в 1977 г., М. Каддафи признал, что, кроме внутренних факторов, этому во многом мешало иностранное присутствие в Ливии, проводившийся западниками «тотальный шпионаж» за всяким инакомыслием. Да и всего в нескольких километрах от королевского дворца в Триполи находилась самая мощная американская военная база Уилис-Филд с многотысячной армией, готовой в любую минуту прийти на помощь королю.

Особо критичным для подпольщиков, ждавших сигнала, был период с марта по сентябрь 1969 г., когда их выступление отменялось несколько раз, что неоднократно грозило им неприятными последствиями.

Развитие событий в эти шесть месяцев описал сам М. Каддафи:«В январе я послал во все группы инструкции, написанные мною в казармах Гар Юнес, в которых потребовал информировать меня о готовности к выступлению. Мне доложили, что часть групп не готова. Некоторые руководители наших “гражданских” подпольных организаций находились вне Ливии.

Предлагалось дату выступления наметить на март. Мы собрали срочное заседание Центрального комитета в казармах Амирия в Триполи, проанализировали обстановку и решили считать сроком восстания 12 марта. Я подготовил циркулярное письмо, направил его Джеллуду и другим руководителям секторов с просьбой сообщить наши реальные силы на эту дату и дать оценку возможностей получения эффективного контроля над вооруженными силами.

В течение пяти-шести дней были проведены расширенные совещания офицеров — участников движения в Триполи (на квартире Джеллуда) и в Бенгази (на вилле Могарефа). Я персонально проинструктировал отдельные армейские группы и провел индивидуальные беседы с каждым нашим офицером, проходившим службу в крупных батальонах»[10].

Казалось, все шло по плану. К марту 1969 г. подготовка к захвату власти завершилась. Был разработан четкий план действий с учетом различных обстоятельств, включая возможное иностранное вмешательство. Но, как описывал М. Каддафи, затем начались осложнения. Например, на 12 марта на центральном стадионе в Бенгази были назначены торжества по случаю приезда в Ливию знаменитой египетской певицы Умм Кальсум. Это означало, что большинство руководящих деятелей режима и армии, которых планировалось арестовать, будет находиться на этом представлении, а это осложняло проведение всей операции. Учитывался, конечно, и энтузиазм местного населения, считавшего Умм Кальсум своим идеалом, как и все арабы. Естественно, усиливалось и наблюдение властей за порядком во время такой массовой манифестации. В этой ситуации антиправительственное выступление, запланированное на эту дату, могло бы не принести результатов. Его решили перенести на 24 марта.

16 марта было объявлено, что король Идрис выезжает в Тобрук для инспектирования там английской военной базы. Это было новым обстоятельством, так как заговорщики намеревались в день «Х» напасть на резиденцию короля и кронпринца одновременно.

Каддафи, Джеллуд, Харруби, Могареф, составлявшие ядро Центрального Комитета, провели еще одно экстренное

совещание. Было решено перенести дату восстания на 13 августа. В этот день все высшие офицеры армии должны были собраться в военном колледже в Бенгази для обсуждения вопросов модернизации королевских вооруженных сил. Это решили использовать для того, чтобы арестовать непосредственно в зале заседаний верхушку военного командования, изолировать тех, кто не был связан с подпольным движением, и дать таким образом сигнал «группам захвата» к действию. М. Каддафи оговорил все детали с Харруби и Могарефом, находившимися в Бенгази, передал инструкции Мухаммеду Наджму в военный колледж в Бенгази, старшие «шок-групп» доложили о полной готовности к операции. Буквально накануне выступления, когда в Бенгази шло последнее совещание руководителей ячеек, из Триполи позвонил Абдель Монейм аль-Хуни, один из членов ЦК ОСОЮС, и заявил, что в течение дня и даже суток он не сможет установить контроль над Триполи, как планировалось, так как у него не хватало сил. Он добавил, что, по его мнению, операция 13 августа являлась рискованной не только в Триполи, но и в Бенгази, и высказался за перенос ее на более подходящий случай. Было решено согласиться с доводами Хуни и ждать такого случая, хотя уже, возможно, от напряжения начинало казаться, что подпольное движение теряет темпы и время, а королевский режим и его западные покровители, почувствовавшие недоброе, усиливали контрмеры.

В то же время офицеры военной полиции, проходившие курс специальной подготовки в Англии, срочно отзывались в страну. Было очевидно, что со стороны Шелхи это был маневр. Подпольщикам стало известно, что группа старших офицеров во главе с полковником Абдель Азизом Шелхи 15 сентября намеревалась захватить власть и установить буржуазно-республиканскую форму правления. В случае успеха президентом должен был стать Омар Шелхи, вице-президентом — Абдалла Абид ас-Сенуси (племянник короля), командующим вооруженными силами — Абдель Азиз Шелхи.

После революции, согласно утверждениям Патрика Сила и Мэри Мак-Конвил, авторов книги «Ассигнование “Хилтон”», Омар Шелхи, живя в изгнании в Женеве, пытался в 1970–1972 гг. освободить из тюрьмы своего брата Абдель Азиза и некоторых

других политзаключенных, находившихся в Триполи. Для этого, как писали авторы, он разработал план переброски через Италию морским путем небольшой группы французских и английских наемников — специалистов по партизанским действиям и убийствам. Этот план, слишком фантастический в своей основе, однако, обманул ожидания как итальянской секретной службы, так и ЦРУ.

Учитывая расширение подпольного движения в армии, о чем братьям Шелхи бесспорно было известно, было решено часть молодых офицеров, нелояльных по отношению к режиму, отправить на учебу за границу. Срок выезда первой группы был назначен на 1 сентября. Срок выезда второй группы, в которую входил и Каддафи, — через несколько дней. Кроме того, египетская разведка, с которой поддерживали контакт заговорщики, утверждала, что после возвращения Идриса I, намеченного на 2 сентября 1969 г., король намеревается отречься от престола, передав власть Хасану.

Еще надо было обеспечить нормальную работу нефтепроводов Сиртского залива, чтобы зарубежные нефтяные компании не насторожились...[11]

Все подпольное движение было разбито на боевые отряды, каждому из которых был дан номер и определены свои задачи[12]. Верные им части быстро и практически без потерь захватили объекты в Триполи и Бенгази.

О том, как народ поддержал переворот, можно судить по событиям на юге страны — в Себхе. Член ЦК ОСОЮС Аввад Хамза находился там в отпуске. Сигнал и инструкции о дне «Х» ему передать не удалось. Однако, услышав по радио весть о восстании, он тут же принял меры к захвату местного военного лагеря. С помощью двенадцати оказавшихся в Себхе офицеров движения это сделать удалось, но это было не все. Пока Хамза действовал, другой член ЦК — Башир Хаввади, отдыхавший с семьей в оазисе Вадан, что недалеко от столицы Феззана, услышав о революционных событиях, прибыл на помощь Хамзе. Как потом Хаввади признался, он был так взволнован, что не узнал даже голоса Каддафи, зачитывавшего по радио «Коммюнике № 1».

Восставшие офицеры засели в казармах, которые располагались в старой турецкой крепости, за толстой стеной на холме, господствовавшем над городом, так как контроль над Себхой поначалу установить не смогли. Слушали радио, передававшее сводки о ходе революции, о вооруженном сопротивлении монархистов в Дерне, и думали, что делать дальше. Однако случилось непредвиденное. Восстание поддержало население Себхи. Все вышли на улицу. Полицейские отказались стрелять и присоединились к восставшим. К военным явилась делегация приветствовать революцию. Сотни людей устремились на почтамт, чтобы отправить в Бенгази телеграммы поддержки. Хаввади приказал отправлять эти телеграммы бесплатно.

Учитывая сложившуюся обстановку, Хамза и Хаввади решили сформировать революционный отряд и двинуться на север — на помощь восставшим. Подобрали исправный транспорт, вооружили людей и отправились в путь, от оазиса к оазису. Удивительное дело — в Сахаре уже знали о свержении короля, и жители пустыни и даже кочевые племена приветствовали их как освободителей. По достижении селения Бугрейн, расположенного на основной автомагистрали Триполи — Бенгази, отряд получил приказ продвигаться на восток вдоль средиземноморского побережья. На западе, в Мисурате и окрестностях, уже действовал Мисбах Али. На третьи сутки достигли Бенгази. Доложили, что во всех пунктах следования установлена революционная власть[13].

В тот день, 1 сентября 1969 г., несколько запоздала программа «С добрым утром», которой Бенгазийская радиостанция обычно начинала с 6 утра свои передачи. В 7.00 утра М. Каддафи зачитал в эфире историческое «Коммюнике № 1», начинавшееся словами:

«Граждане Ливии! В ответ на ваши сокровенные чаяния и мечты, переполнявшие сердца. В ответ на ваши непрестанные требования перемен и духовного возрождения и вашу длительную борьбу во имя этих идеалов. Прислушиваясь к вашему призыву о восстании, ваши армейские силы взяли на себя эту задачу и свергли реакционный и коррумпированный режим, зловоние которого вызывало тошноту и шокировало нас всех»[14].

М. Каддафи объявил новое название страны — Ливийская Арабская Республика — и заверил, что будет руководствоваться принципами свободы, единства и социальной справедливости, и гарантировал равноправие всех граждан.

Далее он сказал: «Вы, кто был свидетелем священной борьбы нашего героя Омара аль-Мухтара за Ливию, арабизм и ислам ... Вы, кто сражался на стороне Ахмеда аш-Шерифа во имя светлых идеалов. Вы, сыны пустыни и наших древних городов, наших зеленых нив и прекрасных деревень — вперед!»[15].

М. Каддафи обратился к «иностранным друзьям», которые находились в стране, с призывом продолжить свою деятельность, обещая им защиту со стороны вооруженных сил. Он подчеркнул, что события в стране являются внутренним делом Ливии, что они не направлены против какого-либо другого государства и не касаются международных соглашений и договоров. До стабилизации власти на территории всей страны вводился комендантский час, были временно закрыты аэродромы и отключены средства массовой связи. Были арестованы члены королевской семьи, ряд высших офицеров и министров.

Был образован Совет Революционного Командования (СРК) — высший государственный орган страны, однако его состав не обнародовали. Большинство ведущих участников революции продолжало бороться за укрепление нового режима, за распространение его влияния по всей стране. Эту нелегкую работу в Киренаике, например, возглавил М. Харруби. В Себху был послан Рифи Али Шериф, в Мисурату — М. Халиль. В качестве полномочных представителей новой власти активные участники подпольного движения были посланы и в другие города страны. В то же время «мозг» движения обосновался в Триполи, в казармах Баб Эль-Азизия, где начались бессонные дни и ночи работы над организацией новой администрации, новых порядков. Только 8 сентября страна узнала имя первого премьер-министра революционного режима. Им стал Махмуд Сулейман аль-Магриби, участник «гражданского крыла» подпольного движения. До революции он был членом Центрального комитета профсоюзов. В августе 1967 г. был осужден на 4 года тюремного заключения за организацию антиправительственных выступлений.

13 сентября наконец было названо имя вождя революции — М. Каддафи, которому было присвоено воинское звание «полковник», был назначен председателем СРК. Состав же СРК был объявлен официально только 10 января 1970 г. В него вошли: Абдель Салам Джеллуд, Абу Бакр Юнес Джабер, Мустафа Харруби, Хувейлди Хмейди, Абдель Монейм Аль-Хуни, Мухаммед Могареф, Башир Хаввади, Аввад Хамза, Мухаммед Наджм, Мухтар Герви, Омар Мохейши... Всего в составе СРК было 24 человека.

Почти две недели, пока укреплялся новый режим и не объявлялись имена его руководителей, аккредитованные в Триполи, Бенгази и Аль-Байда иностранные дипломаты, журналисты, представители деловых и военных кругов, находясь под охраной революционеров, приводили насчет происшедших событий самые фантастические версии — оказалось, они просто ничего не знали. Вот как описал потом настроения дипкорпуса в Триполи Фредерик Мускат, автор книги «Мой президент — мой сын»: «Некоторые уверяли, что новые ливийские лидеры получили поддержку русских. Другие считали, что ливийская революция явилась результатом плана, тщательно разработанного ЦРУ США, осуществленного через небольшую группу "свободных офицеров-юнионистов", обучавшихся в США. Находились и такие, которые думали, что к этому приложили руки иракские баасисты. Сколько было в то время противоречивых теорий и гипотетических анализов!»[16].

Переворот, осуществленный молодыми ливийскими офицерами, оказался неожиданным и впечатляющим. Находившийся в Турции (Борса) на лечении король Идрис сначала даже не поверил сообщениям информационных агентств и пытался дозвониться до Триполи, где он оставил вместо себя кронпринца Х. ар-Рида. Телефон молчал, но во второй половине дня 1 сентября наследник престола сам объявил по радио, что отказывается от власти и призвал народ поддержать новый режим. Правда, его сын заявил некоторое время спустя, что он прочитал объявление под направленным в висок пистолетом. Король не унимался. Он надеялся на помощь Киренаики, восточной провинции Ливии, где зародилось мусульманское сенуситское движение — детище его клана, его семьи. Король ждал вестей

от преданного ему командующего жандармерией, в подчинении которого было 12000 человек. Наконец, Идрис ждал вестей из Лондона, куда срочно направил своего фаворита и эмиссара Омара Шелхи, поскольку на основании англо-ливийского договора от 1953 г. правительство Великобритании должно было вмешаться и восстановить рухнувший трон.

Но было поздно. «Большую роль, безусловно, сыграла полная поддержка революции с самого ее начала всем народом. Свидетельством этому служил хотя бы тот факт, что комендантский час в большинстве городов действовал всего два дня, а в некоторых городах был отменен через два часа», — писала 9 сентября 1969 г. египетская газета «Ахбар аль-Яум».

Государственный переворот в Ливии, по существу, представлял собой смену государственной формации, которая положила начало новому периоду в истории страны. Политическая роль армии достигла апогея. В результате переворота выходцы из вооруженных сил сосредоточили в своих руках всю полноту власти. В стране был установлен военный режим. Первый, нелегальный этап движения «Свободных офицеров-юнионистов-социалистов» закончился. Начинался второй, еще более трудный, этап — этап становления и развития революции.

Первые шаги новой власти

В первые послереволюционные дни, по свидетельству очевидцев, многие ливийские города выглядели обычно. Если бы не танки на улицах и многочисленные военные посты, перекрывшие основные магистрали и окружившие государственные учреждения, да не радио, объявившее о свержении монархии, мало бы кто знал об этом. Переворот произошел почти бескровно. Наследный принц уже во второй половине дня 1 сентября отказался от всех конституционных прав и призвал народ присоединиться к революционному режиму. Высшая военная верхушка и большинство министров, находившихся в Триполи, Бенгази, Аль-Байда и Дерне, были арестованы. Оказали кое-какое сопротивление гарнизоны Аль-Байда и Дерны,

где находились правительственные учреждения, однако очаги сопротивления были быстро локализованы.

А как же американская база Уилис-Филд, наводившая страх не только на ливийцев, но и на все средиземноморское побережье? Французскому журналисту Ге Ситбону, посетившему Ливию после революции, рассказывали, будто у американцев, находившихся на базе, весть о перевороте, происшедшем у них под носом, не вызвала никакой тревоги, поскольку они были уверены, что это организовал полковник Шелхи, который, как доходили слухи, готовил путч в сотрудничестве с ЦРУ. Об этом журналист рассказал на страницах «Нувель Обсерватер» 9 апреля 1973 г. Не будем утверждать, так ли это было на самом деле, но Мирелла Бьянко, попросившая Каддафи лично прокомментировать историю, рассказанную Ситбоном, записала следующий ответ руководителя переворота: «Возможно, это было и так... Но это лишний раз подтверждает, что Шелхи был связан с американской секретной службой. Мы же не представляем, каким образом он мог бы осуществить переворот с их помощью»[17].

У нас нет достоверных данных, как реагировали англичане в Тобруке на то же событие, однако, судя по официальной реакции Лондона, гренадеры ее величества заняли выжидательную позицию, т. е., возможно, думали так же, как их коллеги с Уилис-Филд.

Во многих городах комендантский час был быстро отменен. Воинские подразделения ушли в казармы. Служащие государственных учреждений получили указание явиться на работу. Открылись магазины, кафе. На суках (базарах) не менее бойко, чем при короле, развернулась торговля. Аэропорты возобновили прием самолетов из-за рубежа. Была восстановлена связь с внешним миром.

Пока все это приходило в себя после революционного урагана, пронесшегося над пустынной Ливией, в Триполи, в Азизийских казармах, куда переместился из Бенгази штаб революции, вчерашние подпольщики, образовавшие Совет Революционного Командования, трудились круглосуточно. Вырабатывалась внутренняя и внешняя политика нового режима.

В своем первом коммюнике СРК объявил:

«1. Все законодательные акции старого режима отменяются, как потерявшие силу с 1 сентября 1969 г. Любые действия старых лидеров против революции будут беспощадно подавляться.

2. Совет Революционного Командования является единственным органом, уполномоченным вести дела Ливийской Арабской Республики. Это означает, что все государственные учреждения, официальные представительства, вооруженные силы с сего времени должны руководствоваться только указанием СРК. Любые нарушения этого положения будут рассматриваться как контрреволюционные.

3. СРК убежден, что ливийский народ приложит все силы к строительству социалистической Ливии, используя для этого свои собственные принципы и отбрасывая любые взгляды, в которых содержатся сомнения относительно исторического развития Ливии... Мы превратим нашу страну в прогрессивное государство, которое будет сражаться против колониализма и расизма и помогать угнетенным народам.

4. Совет Революционного Командования придает особое значение единству стран "третьего мира" и необходимости претворения в жизнь их социальных и экономических планов развития.

5. СРК глубоко убежден в свободе религии, в моральных ценностях, содержащихся в Коране, и обещает защищать и придерживаться их»[18].

Кроме этих и других декретов, изданных в первые дни образования СРК, Каддафи, со своей стороны, сделал ряд заявлений, касавшихся различных аспектов политики нового руководства. В частности, он подчеркнул, что «свободные офицеры» будут следовать теории насеризма и концентрировать особое внимание на палестинском вопросе. Каддафи разъяснил свою интерпретацию лозунгов «Свобода, социализм, единство».

«Под свободой, — сказал он, — мы понимаем такую индивидуальную и национальную независимость, которая исключает нищету, колониализм и присутствие на нашей земле иностранных войск и военных баз.

Под единством мы понимаем объединение всех арабских народов либо под руководством одного арабского

правительства, либо на основе федерации малых правительств. Все — в зависимости от обстоятельств.

Под социализмом мы понимаем исламский социализм. Мы следуем догмам Корана, принципам частной собственности и наследства. Национальный капитал не только останется в руках тех, кто им владеет, но будет даже поощряться с целью стимулирования развития страны»[19].

На старте революционных преобразований изложил он и программу внутренних преобразований.

На митинге в Триполи 16 октября 1969 г. Каддафи заявил: «Нашими лозунгами являются: полная эвакуация иностранных баз, позитивный нейтралитет, неприсоединение, отпор тем, кто этого не желает. Нашим знаменем является национальное единство как первый шаг на пути к объединению всех арабских стран»[20]. 11 декабря 1969 г. была принята «Конституционная декларация», которая зафиксировала форму правления в виде Совета революционного командования ЛАР. М. Каддафи был объявлен главой государства в качестве председателя СРК.

Главной опасностью для нового режима было, несомненно, наличие на территории страны иностранных войск. С этого и решили начинать новые ливийские руководители.

Через 20 дней после обнародования решения об образовании СРК было официально объявлено, что соглашения, заключенные королевским правительством с США и Великобританией о военных базах, аннулируются. 8 декабря 1969 г. ливийская делегация во главе с членом СРК Джеллудом начала переговоры об эвакуации английской военно-морской базы в Тобруке и военно-воздушной в Эль-Адеме, в 27 км юго-восточнее Тобрука. Англичане сидели там крепко. Там находились танки, артиллерия, стрелковое оружие, авиационная техника английского производства. Обучали ливийцев в основном английские инструктора. Еще при королевском режиме Ливией были заключены одно за другим соглашения о военном сотрудничестве. Так, в апреле 1968 г. было подписано соглашение о создании на территории Ливии ракетной системы ПВО стоимостью 100 млн лив. фунтов[21]. Весной 1969 г. последовало еще одно соглашение о поставке в Ливию английского тяжелого вооружения, в том числе танков «чифтен»[22]. Наконец, очередная

группа военных, в том числе и участники готовившегося военного переворота, должна была отправиться за ливийский счет в Англию на переподготовку[23].

13 декабря 1969 г. было объявлено, что англичане выведут из Ливии все свои воинские подразделения до 31 марта 1970 г. Еще через две недели, 29 декабря, было расторгнуто соглашение о создании противоракетной системы ПВО. Это была победа молодого руководства Ливии. Теперь Лондону ждать было нечего. 28 марта последний британский солдат покинул Тобрук, и с тех пор в этот день там, в пустыне, неподалеку от селения Эль-Адем, где возвышается над местностью неприступная авиабаза, ежегодно проходят большие, многолюдные торжества по случаю знаменательной даты. База получила имя Насера и являлась надежным стражем восточных границ Ливии[24].

В Лондоне попробовали принять несколько контрмер. 25 марта 1971 г. из Триполи были отозваны представители нефтекомпаний, а 14 декабря 1971 г. Ливию исключили из стерлинговой зоны. Но это никого не испугало в Триполи. 25 января 1972 г. был подписан официальный протокол о денонсации англо-ливийского договора от 29 июля 1953 г. Через полгода, 5 июня 1972 г., Ливия потребовала от Великобритании сократить состав своей миссии в Триполи до 8 дипломатов, что означало замораживание политических отношений с Лондоном. На сей раз разговор с новым революционным режимом Ливии с позиции силы потерпел фиаско[25].

Не менее сложными были переговоры с США, которые Джеллуд начал 16 декабря 1969 г. 23 декабря 1969 г. было объявлено, что американские войска покинут Ливию до 30 июня 1970 г. Они ушли раньше, 11 июня, когда над базой, получившей название «Окба бен Нафиа» (по имени арабского полководца VII в., завоевавшего Ливию), взвился национальный флаг. Ливия стала свободна от всех иностранных военных баз.

21 июля 1970 г. СРК принял закон «О возвращении ливийскому народу узурпированной собственности». В соответствии с этим законом была национализирована без выплаты компенсации вся собственность, принадлежавшая итальянцам. В руки государства перешли 369 сельскохозяйственных ферм (общей площадью 38,8 тыс. га) и 211 тыс. га пустовавших земель.

В 1967 г. Ливия вступила в ОПЕК. В апреле 1968 г. был принят закон об учреждении ливийской национальной нефтяной компании LIPETCO, что облегчало борьбу с иностранными нефтяными «спрутами», но скорее приструнивало, чем ограничивало их деятельность.

Решительное наступление против них развернулось после свержения монархии. 15 марта 1970 г. СРК издал закон о преобразовании LIPETCO в ливийскую национальную нефтяную корпорацию LINOCO, которой было предписано проводить курс на ограничение деятельности иностранных нефтяных компаний и развивать национальный сектор нефтяной промышленности. 22 мая 1970 г. руководители Ливии, Ирака и Алжира заключили нефтяное соглашение и обязались поддерживать друг друга в борьбе против иностранных компаний. В июне того же года новое ливийское правительство потребовало от «Оксидентал ойл компани» снизить добычу нефти на 37% из-за «консервации депозитов» — шаг, который пыталась предпринять эта компания в ответ на «притеснение» новых властей. 7 июля 1970 г. были национализированы все средства транспортировки нефти, принадлежавшие ведущим иностранным компаниям. Эти средства перешли в распоряжение LINOCO.

В феврале 1971 г. Ливия, Ирак, Алжир и Саудовская Аравия договорились, а в марте объявили о продаже нефти только по фиксированным ценам, в результате чего на переговорах, проходивших в Триполи, представители нефтекомпаний 25 марта покинули зал заседаний и убыли в Лондон. Тем не менее 2 апреля было подписано соглашение о повышении цен на нефть до 3,45 долл. за баррель. В сентябре 1971 г. на встрече представителей стран ОПЕК в Бейруте, где поднимался вопрос о национализации 20% нефтяной отрасли, представитель Ливии Джеллуд высказался за контроль над 51% национальной нефти. 7 декабря 1971 г. Ливия национализировала собственность английской «Бритиш петролеум» в стране.

5 февраля 1972 г. ливийская и американская стороны подписали протокол о прекращении действия всех соглашений о военном и экономическом сотрудничестве, заключенных США со свергнутым королевским режимом.

Это дало возможность вплотную заняться американскими нефтяными компаниями. Были опубликованы «шесть заповедей» ливийской (а также арабской) нефтяной политики, которые гласили, что только народ является единственным обладателем права выбирать наилучший путь использования своего нефтяного богатства, определять его цену, выбирать рынки сбыта, место и сроки реализации, а также способы добычи и эксплуатации, распределения и экспорта «черного золота»[26]. За этим последовало сообщение, что 4 марта 1972 г. майор Джеллуд подписал в Москве соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в добыче и переработке нефти. По выражению некоторых наблюдателей в Триполи, это уже предвещало бурю.

И буря разразилась. 11 июня 1973 г. было объявлено о национализации «Банкер Хант ойл компани». При этом М. Каддафи обрушился с резкими нападками на США, заявив: «Пришло время дать американскому задире звонкую пощечину по его самонадеянной физиономии»[27]. Возможно, именно эти слова задели за живое Отто Миллера, президента и генерального директора треста «Стандарт ойл оф Калифорниа», потому что в начале июля 1973 г. он в качестве ответной меры предложил правительству США взять в свои руки развитие событий на Ближнем Востоке, иными словами, захватить силой уплывавшие из-под контроля «нефтяные реки», а вместе с ними и доходы. Крик был услышан. 8 июля 1973 г. госдепартамент США направил ноту ливийскому правительству, в которой утверждалось, что «принятые против прав и собственности иностранных граждан меры, имеющие произвольный характер или порожденные соображениями политической мести и экономического нажима, не имеют законной силы»[28]. Госдепартамент требовал, чтобы Ливия отменила декрет о национализации.

Нота не подействовала. Более того, 16 августа было объявлено, что правительство Ливии забирает контрольный пакет акций (51% капитала) у ведущих нефтекомпаний. В руки государства перешла значительная доля средств «Оксидентал», «Оазис», «Континенталь», «Маратон» и «Амерада». 1 сентября 1973 г. то же коснулось еще шести нефтяных спрутов: «Шелл»,

«Эксон», «Тексако», «Амосиз», «Мобил» и «Стандарт ойл оф Калифорниа».

Услышав о решении, представители «Эксон», «Мобил», «Тексако», «Амосиз», «Стандарт ойл оф Калифорниа» собрались в Нью-Йорке для принятия контрмер. Было решено не признавать действия ливийских властей по национализации собственности концернов США[29].

Но это никого в Триполи не испугало. 11 февраля «Тексако», «Шелл», а 30 марта 1974 г. «Эксон» были полностью национализированы. Только к тому времени, к середине 1974 г., т. е. через пять лет после переворота, молодые ливийские руководители, несмотря на колоссальное противодействие внешней и внутренней реакции, несмотря на угрозы и шантаж, сумели взять основное богатство страны — нефть — в свои руки. Некоторое время те, кто заправлял этим богатством, надеялись, что новое руководство не сможет реализовать его самостоятельно на внешнем рынке. Но их ждало разочарование. 25 февраля 1974 г. между правительствами Ливии и Италии было заключено соглашение о закупке 30 млн т нефти. 27 февраля 1974 г. Джеллуд убыл в Европу, где вел переговоры с правительствами ФРГ, Франции, Швейцарии и других стран о продаже нефти. 26 апреля Джеллуд подписал соглашение о продаже Испании 20 млн т «черного золота». 14 мая Джеллуд прибыл в Советский Союз, где в течение недели вел переговоры и подписал с советской стороной шесть соглашений: о направлении в Ливию группы специалистов-нефтяников, об оказании помощи в организации института нефти, об изыскательских работах по строительству железных дорог, о сооружении установок по опреснению морской воды, о проектировании завода строительных конструкций, о развитии цветной металлургии[30].

До 1969 г. в Ливии было восемь филиалов крупнейших иностранных финансовых контор: английских — «Барклайз Бэнк» и «Бритиш Бэнк оф Мидл Ист», итальянских — «Банко ди Рома», «Банко ди Наполи», «Банко ди Сичилия», французского «Сосьето де банк», иорданского «Араб Бэнк», египетского — «Миср». Ливийскими были только два банка — национальный и сельскохозяйственный.

В 1963 г. королевское правительство предприняло определенные меры по «ливизации» иностранных банков, но они так и не были проведены в жизнь. Сменились некоторые вывески, а господство иностранного финансового капитала осталось. Революция 1969 г. положила этому конец.

В ноябре 1969 г. у четырех крупнейших иностранных банков страны был отобран «пакет» акций — 51% их основного капитала перешел в руки нового режима. Были переименованы: «Барклайз Бэнк» в «Аль-Джумхурия Бэнк», «Банко ди Рома» — в «Аль-Умма Бэнк», «Банко ди Наполи» в «Аль-Истикляль», «Араб Бэнк» — в «Аль-Аруба Бэнк». В декабре 1970 г. были национализированы все акции коммерческих банков и ограничен размер акций ливийских граждан. Совместно с банками «Аль-Истикляль» и «Аль-Аруба» был создан национальный Коммерческий банк[31].

Эти мероприятия, не менее важные, чем освобождение страны от иностранных военных баз и колониального экономического засилья, отличались, однако, от всех других действий нового режима тем, что они уже выполняли не только внешнюю, но и внутреннюю функцию: банки, в отличие от времен Идриса, когда они были свободными, перешли в руки СРК.

СРК немедленно, со стабилизацией обстановки, наметил ряд коренных внутриэкономических преобразований. Прежде всего это коснулось сельского хозяйства, которое пришло в абсолютный упадок. 20 июля 1970 г. был создан комитет по проведению аграрной реформы и использованию заброшенных земель. Были национализированы не только собственность и земли итальянцев, но и лиц, лишенных ливийского гражданства. Все земли, угодья, дома, другая недвижимость, принадлежавшие королевской семье, министрам и крупным сановникам, перешли под контроль народа. Размер землевладения был ограничен 105 га.

Но это было не все. Новое руководство запретило заниматься коммерческой деятельностью агентствам или компаниям, если их возглавляли неливийцы или если они не принадлежали им. Таким образом был нанесен удар по тем, кто грел руки на смешанных компаниях или кто подкармливал подставных лиц, уводя капитал за границу. В сентябре 1969 г. СРК

издал закон о запрещении посредничества, в первую очередь в отношении найма рабочей силы и аренды жилья. Одновременно была повышена зарплата низкооплачиваемым категориям трудящихся и установлены твердые цены на товары первой необходимости.

Затем последовала череда громких судебных процессов. 17 ноября 1971 г. Народный трибунал приговорил бывшего короля Идриса заочно к смертной казни, его жену — к пяти годам тюремного заключения, ближайшего фаворита и советника Омара Шелхи — к пожизненному заключению. Кронпринц, с учетом быстрого отречения от престола и отказа от какой бы то ни было контрреволюционной деятельности, получил три года тюрьмы. Кроме них, в ноябре того же года слушалось дело бывшего министра внутренних дел Махмуда Бишти, который в числе 107 других бывших высших чиновников королевского режима обвинялся в поощрении коррупции в политической, экономической и социальной жизни и в участии в фальсификации выборов 1952–1965 гг. Были преданы гласности вопиющие факты беззакония и злоупотребления властью. М. Бишти, например, признал, что премьер-министр М. аль-Мунтасер передавал ему для вручения кандидатам в депутаты парламента, подобранным правительством, 60 тыс. ливийских динар на расходы по проведению предвыборной кампании. И.о. премьер-министра Ибрагим Ибн Шаабан (во время отъезда М. аль-Мунтасера в Англию) отдавал указания арестовывать «неугодных» кандидатов, что немедленно претворялось в жизнь. Другой обвиняемый, бывший шеф полиции Абдель Хамид ибн Дерна, признал, что «согласно отчету тайной полиции, выборы были сфальсифицированы на 100%»[32].

Мероприятия, направленные на подрыв влияния иностранного капитала и бывшей местной знати, естественно, привели их в движение. Первое, что казалось реальным, это организация контрпереворота. Для этого прежде всего были использованы «попутчики» революции из зажиточных слоев, которые не столько поддерживали лозунги и мероприятия М. Каддафи и его сподвижников, сколько надеялись на «новую волну», которая сулила славу и власть. Некоторые из них заняли высокие посты в новом правительстве. На них и сделали ставку.

Контрпереворот возглавили министр обороны подполковник Адам Хавваз и министр внутренних дел подполковник Муса Ахмед. 7 декабря 1969 г. СРК объявил, что около 30 офицеров во главе с А. Хаввазом и М. Ахмедом предприняли попытку переворота и были арестованы. Контрреволюционный путч провалился, и только тогда выяснилось, что при королевском режиме А. Хавваз, будучи командующим войсками связи, имел контакты с двумя американскими компаниями, с которыми заключил соглашение о поставке оборудования, а после революции к нему были протянуты щупальца ЦРУ[33].

Позже, 8 апреля 1970 г., в речи в городе Аль-Байда М. Каддафи скажет:«Попытка переворота, которой мы были шокированы, была предпринята известными лицами во имя собственной славы. Нас поразило это потому, что мы сами выдвинули этих лиц на важнейшие посты, бок о бок с нами, для работы во имя революции и в интересах народа. Эти личности, которые никогда не были членами движения “Свободных офицеров-юнионистов” использовали, однако, свое высокое положение для другого — для подготовки путча...»[34].

Это было серьезным испытанием и в некоторой степени «холодным душем» для молодых руководителей нового режима. События показали, что, несмотря на всенародную поддержку антимонархической революции, враги не дремали и не собирались складывать оружие. Были приняты соответствующие контрмеры. 11 декабря 1969 г. СРК объявил, что любые попытки, направленные на свержение революционного режима, будут караться смертной казнью. Было объявлено также о создании военного трибунала и о том, что до принятия новой конституции всю полноту власти берет на себя СРК. Вслед за этим через месяц, 9 января 1970 г., был обнародован состав высшего исполнительного органа — правительства, которое возглавил лично М. Каддафи. Ходили слухи, будто бывший премьер-министр Махмуд Маграби и несколько министров арестованы и допрашивались следственными органами. Через несколько дней, 19 января, был опубликован указ СРК о наказании лиц, погрязших в коррупции и злоупотреблении властью.

Несмотря на то что многие бывшие члены правительства были затем освобождены и даже остались на своих постах,

среди западников в Триполи, а также в некоторых органах прессы стали распространяться слухи, будто премьер-министр М. Маграби возглавлял левое оппозиционное движение и чуть ли не был коммунистом. Позднее М. Каддафи лично опроверг эти измышления. В беседе с М. Бьянко, задавшей этот вопрос, ливийский лидер заявил:«Это было всего-навсего следствие отсутствия информации, что вызвало различные толки, но это не соответствовало действительности». Он добавил, что еще в подполье взгляды участников движения были хорошо изучены — никаких левых или прочих течений не выделялось. Иными словами, никакого «коммунистического заговора» против нового режима не существовало и не могло быть[35].

24 июля 1970 г. М. Каддафи объявил о раскрытии «империалистического реакционного заговора», организованного бывшими королевскими сановниками в Феззане, на юге страны, при поддержке извне. В заговоре были замешаны Омар Шелхи, бывшие премьер-министры Абдель Хамид Бакуш и Хусейн Мазик. Возглавить новое правительство в случае успеха должен был «черный принц» Абдалла Абид ас-Сенуси, племянник свергнутого короля. Ливийская пресса в те дни писала, что сигнала ждали 5000 наемников извне, завербованных заговорщиками. Об этом заговоре СРК узнал 4 февраля 1970 г., а 11 мая был раскрыт подпольный центр, захвачено оружие и боеприпасы. Следствие установило «причастность американского ЦРУ к доставке оружия для готовившегося переворота»[36]. Заговорщики были обезврежены и арестованы.

Король после свержения

Незадолго до переворота, о чем умалчивает большинство источников, Идрис готовился к своей отставке. 4 августа, находясь с супругой на лечении в Борсе (Турция), он подписал отречение от трона и передал этот документ Абдель Хамид Аббару с тем, чтобы тот обнародовал его перед ливийским парламентом 2 сентября[37]. Король и его жена собирались вернуться в Тобрук в сентябре и жить там уже в качестве бывших королевских особ. Подписание такого документа стало известно революционным

заговорщикам, и поэтому они решили действовать как можно быстрее, чтобы объявление о королевском отречении не расстроило их планы преподнести путч как народную революцию, целью которой было свержение реакционного и деспотического режима. Необходимо было захватить власть до 2 сентября. Государственный переворот был спланирован и осуществлен с превосходной степенью секретности и мастерством, и даже трудно было поверить, что в нем не принимали участия специалисты по подрывной деятельности.

Пропаганда, сопровождавшая переворот, была ложной в отношении самого короля Идриса. Она представляла его распутным, расточительным и коррумпированным. Все это можно было отнести к его окружению, но не к нему лично. Э. де Кондоль писал о нем как о глубоко религиозном человеке, посвятившим свою жизнь борьбе за независимость Ливии, не просто скромным, но и аскетичным в быту[38]. К сожалению, король и его свита, администрация, правительство в глазах народа неразделимы, и потому, каковы бы ни были высоконравственные личные качества короля, его имя оказалось накрепко связанным со всеми событиями ливийской истории — как победными, так и позорными. Э. де Кондоль указал и еще на одну из причин столь усердной пропаганды против Идриса. Если революционерам необходимо было сыграть на патриотических чувствах народа, то зарубежные средства массовой информации позволяли одним выплеснуть отрицательные эмоции по поводу того, что Ливия стала богата нефтью и тем самым выделилась среди прочих, другим — выразить недовольство политикой Идриса, который не поддерживал арабского национализма в его экстремальных формах, и в особенности за то, что он не включился в политику конфронтации между Египтом и Израилем. С точки зрения мирового коммунистического движения, Ливия стала в один ряд со странами, избавившимися от колониальной зависимости, поэтому с их стороны ливийские революционеры получили полную поддержку, а о короле коммунисты не вспоминали вовсе.

Известие о военном перевороте застало Идриса на лечении в Борсе, где он находился вместе с супругой Фатимой. Сопровождавшие короля лица спешно разбежались, решая проблемы

собственного благоустройства. И. ас-Сенуси попытался найти поддержку в Англии, однако затем отказался от этих планов. С помощью турецкого правительства король и королева переехали в Галлини-отель в Канмене Юрла (в Греции) и стали ожидать решения судьбы. Они покинули Ливию согласно философии Идриса — не думай много о будущем, имея с собой только скромные запасы денег на поездку и на все остальное. Экс-королева 3 сентября написала:«Мы никак не могли получить ответа на наши телеграммы и письма. Мы с мужем, когда переворот случился, оказались без денег, пока турецкое правительство не решило оказать нам помощь, оплатило отель и устроило нашу поездку в Грецию»[39].

Тем временем в египетских и английских газетах писали о якобы миллионах фунтов стерлингов, хранившихся на счетах Идриса в иностранных банках. Корреспондент «Таймс» в Анкаре сообщал, например, что король имеет на депозите 50 млн долл., хранившихся в сейфе отеля в Греции. «Зная лично Идриса, его жену, — написал в мемуарах де Кондоль, — утверждаю, что королевская чета никогда и нигде в мире не имела депозитов в банках, и единственный счет был у них в Тобруке, куда правительство переводило Идрису зарплату. У них даже личного багажа всегда было немного: они брали с собой в поездки самое необходимое, вся их одежда и личные вещи остались в Тобруке, где их немедленно разграбила революционная хунта. Полагаю, что личные вещи вместе с фотографиями пикников на берегу моря с мальчиками-разносчиками воды были изъяты в качестве доказательства “аморальной жизни” королевского двора, чего на самом деле никогда не наблюдал»[40].

С другой стороны, в течение двух месяцев пребывания четы Идрисов в Греции, король и его жена ощущали на себе искреннее внимание как со стороны греческого правительства, так и простых людей, проявлявших к ним трогательное великодушие. Самую большую тревогу Идриса и его жены вызывала судьба их молодой приемной дочери Сулеймы и секретаря-палестинца, которых хунта арестовала и препроводила в тюрьму, и только через два месяца им было разрешено выехать из Триполи в Каир.

Король переносил эти превратности судьбы спокойно и с достоинством, но был глубоко уязвлен тем, что активно обсуждалось в британской прессе, призывавшей отказаться от прежних договоренностей о сотрудничестве и дружбе, которые Идрис подписал в тяжелые дни 1940 г., когда он объявил о поддержке Великобритании ради борьбы против общего врага — фашизма. В письме от 13 сентября королева Фатима, выразив благодарность за полученные от простых британцев телеграммы и письма с поддержкой и симпатиями, заметила:«Мы высоко ценим ваши симпатии, особенно в это время, когда во всей Ливии только мы ваши два оставшихся друга после двадцатилетней связи с Англией... Я думаю, что итальянцы были первыми, кто атаковал нас. Они были нашими врагами, и однажды мы поднялись вместе на борьбу против них. Но в их прессе они не сказали ни одного слова против короля, хотя и заявили, что они сражались против него, одновременно считая его заслуживавшим уважения соперником и прекрасным правителем»[41].

26 октября королева написала, что после глубоких раздумий Идрис решил переехать в Египет: «Погода здесь холодная, скоро начинается рамадан, и мы не сможем нормально соблюдать пост ни в одной из европейских стран. А эта воля Аллаха должна быть обязанностью для всех мусульман. В следующую пятницу мы отправимся в Александрию и в тот же день направимся в Каир. Сахар (секретарь-палестинец) и моя дорогая Сулейма встретят нас»[42].

Ранее королевская чета направила письма своим египетским друзьям, высказав просьбу, чтобы они помогли дочери и секретарю «так быстро, как пожелает Аллах». Они прибыли в Каир 3 ноября, им был оказан весьма дружественный и внимательный прием. Дворец, в котором они остановились, был фешенебельным, они были окружены должным вниманием со стороны властей. Идриса и его жену поселили в комфортабельном Султан-паласе, в районе Каира Докки, объявив их в качестве гостей египетского правительства, находящихся под его протекцией в «соответствии с исламскими традициями долга». Вместе с тем имелась и другая сторона этого гостеприимства. Поддержка Насером ливийской революции означала,

что пребывание Идриса будет находиться под строгим контролем властей, и любые его действия, оппозиционные новому ливийскому режиму, будут фиксироваться. В этих условиях, особенно в период начального пребывания в Каире, Идрису было невозможно повидать лояльных ему друзей, находившихся вне Ливии в период переворота или имевших возможность приехать в Египет позже.

Тем временем военные, захватившие власть в Ливии, как писали тогда наблюдатели, развернули беспрецедентное преследование сторонников свергнутого режима. Ливийцы, которые работали в правительстве Идриса, включая не только таких известных стране деятелей, как бывший премьер-министр М. альл-Мунтасер, но даже лиц из обслуживавшего персонала, были арестованы и посажены за решетку. Вседозволенность победивших революционеров выливалась в унижение, умаление достоинства, присвоение чужой собственности. Кульминацией всего этого была попытка победивших расправиться и с Идрисом, несмотря на его преклонный возраст. Они хотели привести в исполнение приговор (смертную казнь), но это не было выполнено только благодаря Насеру, предоставившему Идрису надежное убежище в Египте и сохранившему твердость принятому решению, даже несмотря на инспирированные в Каире антиидрисовские демонстрации, быстро разогнанные полицией, и несмотря на депортацию ряда видных лидеров. Одно ощущение, тем не менее, обнадеживало — это постепенное нарастание насеровского влияния на М. Каддафи, которое успокаивало Идриса в том плане, что поведение ливийских революционеров войдет в какие-то разумные рамки. Одним словом, 1969–1972 гг. оказались весьма беспокойными для экс-короля и его семьи. Лишенные всех контактов со своими ливийскими друзьями и фактически находившиеся под домашним арестом, они даже не имели возможности переписки и все свои связи пытались поддерживать окольными путями через Амман и Бейрут.

Обстановка для семьи Идриса значительно улучшилась после смерти Насера в 1970 г., когда А. Садат, став президентом Египта, устранил дисбаланс в отношениях с Триполи, который был в пользу ливийского военного режима. Идрис и его семья

начали испытывать к себе большее уважение и почтение, что дало им возможность вернуться к нормальному образу эмигрантской жизни.

Последний сенусит XX века

Чем больше и глубже пески Ливийской пустыни засыпают сенуситские следы и их 140-летний период в истории Ливии (если считать с первой завии в 1843 г. и до последнего сенусита, короля Идриса, ушедшего из жизни в 1983 г.), тем все чаще исследователи обращаются к оценке деятельности Сенуситского ордена. На основе различных данных, документальных, мемуарных и других, ученые пытались и пытаются найти сенуситскому религиозному братству XIX в., переродившемуся в политическую силу в XX в., место и роль в новейшей истории североафриканских эмиратов, объединенных сенуситами в единое государство, вернувшее свое древнегреческое название Ливия.

Король Идрис, покидая сенуситский корабль последним, был представителем той эпохи, которая ушла вместе с ним, оставив в истории ливийцев и у большинства арабов заметный след и долгую память.

В арабской ливийской истории нет более знаменательного периода, чем сенуситский, который некоторые историки, например Дж. Райт и Э. де Кондоль, называют «золотым» или «героически отчаянным», имея в виду прежде всего возглавлявшуюся сенуситами борьбу против итальянской оккупации. Действительно, первая половина XX в., особенно те 50 лет, которые связаны с именем Идриса, отличалась своеобразным взрывом общественного интереса к его личности, умудрявшейся уцелеть в водовороте самых непредсказуемых событий. Эмир И. ас-Сенуси сыграл позитивную роль в борьбе за независимость страны как во внутреннем, так и внешнем планах. Он проводил гибкую политику в отношении многочисленных кланов, претендовавших на ведущую роль. Эти кланы имели безраздельную власть на местах, но на общенациональном уровне, где требовалась гибкость в отношениях с западными державами,

выглядели бледно. И. ас-Сенуси имел авторитет среди бедуинского населения, не желавшего никому подчинятся, кроме своих вождей. Он хорошо понимал эти настроения и умело использовал в своих целях. А все последующие события на международном уровне показали, что равной по значимости И. ас-Сенуси фигуры в то время так и не нашлось. И именно он, Идрис, вместе с А. Шерифом и О. аль-Мухтаром, сумел вдохновить бедуинов на борьбу за независимость, ясно понимая, как мучительно трудно, пригибаясь под бременем итальянской колонизации, надеяться, искать пути и возможности обрести для своей страны свободу, достигая ее не только в обстановке иностранного диктата, но и сохраняя ливийские корни, язык, религию среди более сильных соседей. Именно неуемная деятельность И. ас-Сенуси дала ему возможность добиться главного — получить власть над всей Ливией.

Де Кондоль вспоминает:«Король Идрис по натуре был не от мира сего. Его критиковали за некую отчужденность, равнодушие, обособленность при ведении дел. Он не мог отказаться от своих привычек, которые оставило воспитание. Его привязанность к исламской вере влекла за собой непременные действия, такие как молитвы, или соблюдение других мусульманских догм. Он не любил помпезность и церемониалы, был всегда уважителен к своим старым друзьям и чтил традиционные ритуалы. Точное и строгое соблюдение принятых обязательств снискали Идрису уважение мира. Его особенная привязанность к пустыне с чистотой и прозрачностью воздуха и человеческих отношений породили личную неприязнь к городам с их интригами и коррупцией»[43].

Один датский писатель, бравший у Идриса интервью в период эмиграции, попросил его высказаться об итальянской оккупации Ливии. Ответ Идриса — яркая иллюстрация его духовности и превосходства над материальным бытием. «Цивилизация, — заявил Идрис, — которую итальянцы хотят навязать нам, делает нас рабами обстоятельств. Поэтому мы вынуждены сражаться. Есть и другая сторона чрезвычайного преувеличения происходящего — технический прогресс и индустриализация, которые создают внешний блеск и иллюзорное превосходство тех же обстоятельств, но выносят тем самым приговор

отдельной личности или целым нациям. Это претит внутреннему состоянию души человека. Я только в качестве альтернативы могу сказать, что там, где руководят сенуситы, всегда наступает мир и повсеместная удовлетворенность».

Несмотря на то что Идрис был склонен к уединенности, предпочитал деревенский уклад городской суете, его нельзя назвать отшельником. Он любил посидеть в компании своих друзей, считал себя счастливым, когда говорил с ними о таких простых и привычных вещах, как погода, звезды, лошади, птицы, пустыня, здоровье, воспоминания о прошлом, повседневные дела и печали. В то же время он был весьма пунктуальным во всем, что относилось к государственным обязанностям, хотя длительное политическое бездействие в середине его жизни, когда он находился в эмиграции в Египте, приучило его, до некоторой степени, к неспешному образу жизни. Длинные дискуссии ему быстро надоедали, и он по инерции стремился свернуть их, ссылаясь на всякие уважительные причины и стремясь, пользуясь привилегированным положением, распрощаться с гостями. Он не любил рекламировать себя, предпочитая анонимность многих важных административных мероприятий, проводившихся в Ливии, несмотря на то что это были либо его личные инициативы, либо они поддерживались или согласовывались с ним. Он полагался на своих министров, надеясь, что они с полной отдачей выполняют свои обязанности, но многие как раз относились к делу спустя рукава. Он верил в лояльность своих подданных и никогда не практиковал протекционизм. В его резиденциях никогда не было военной охраны, его никогда не сопровождали телохранители в поездках. Он даже пренебрегал такой простой предосторожностью, как проверка благонадежности обслуживавшего его персонала. В качестве примера честности и предусмотрительности можно привести его позицию относительно личных связей. В свете принятых парламентом резолюций и пересудов в обществе о непотизме, чем, конечно, была больна монархия, особенно из-за расширения состава сенуситского клана и злоупотребления ее высокопоставленных членов своим положением и возможностями, Идрис запретил использовать титул принца и строжайше исключил для членов сенуситской

фамилии возможность занимать высокие государственные посты. Ни один из них не стал при нем министром, депутатом парламента или полномочным представителем короля внутри страны или за рубежом. Практика короля, человека честного, не подвергалась никакой критике.

Ахиллесовой пятой короля Идриса была его одержимая любовь к семье Шелхи. Король испытывал большую привязанность к Ибрагиму Шелхи, который был его советником и слугой на протяжении сорока лет, когда они вместе переносили и хорошие времена, и плохие. Надежность И. Шелхи и доверие к нему были проверены временем, и Идрис не знал никого другого, который был бы таким исполнительным и тактичным в любых, даже самых трудных, моментах их великой совместной службы. Когда Ибрагим в 1954 г. был убит, Идрис испытал настолько сильный шок, что даже потерял контроль над собой. Так, во всяком случае, полагал де Кондоль.

После смерти И. Шелхи король, подыскивая достойную замену, остановился на кандидатуре сына Шелхи — Бусири, которому в тот момент было 23 года. Он был женат на молодой англичанке, с которой познакомился во время учебы в университете в Эксетере. Юноша был назначен руководителем администрации королевского двора в ранге министра. Как и его отец, он оказывал большое влияние на короля, но, в отличие от И. Шелхи, был властолюбивым. Бусири сыграл решающую роль в организации неудачного брака короля на египетской девушке, дочери Лямлума-паши. Идрис часто поручал ему конфиденциальные миссии, не доверяя министрам. В то время репутация короля была настолько высокой, что общественность скорее благосклонно отнеслась к его назначению, чем выражала недовольство, хотя в действительности, по мнению де Кондоля, Бусири не обладал достаточными способностями и опытом, чтобы занимать столь высокий пост при короле. Гибель Бусири в автомобильной катастрофе в 1964 г. была, пожалуй, уже меньшим шоком для короля. Фактически, действительность показала Идрису, что он спокойно мог обходиться и без клана Шелхи. Но были еще два брата Шелхи — Омар, занимавшийся юридической практикой в Египте, и Абдул Азиз, один из старших офицеров ливийской армии, — по отношению

к которым Идрис считал себя обязанным и оказывал им внимание. И братья получили привилегии при дворе короля. Омар вернулся из Египта и стал крупным бизнесменом. Через пару лет король смог положиться на него так же, как когда-то на его отца и старшего брата. Было отмечено, что во время поездки короля на лечение в Грецию в 1967 г. его сопровождали оба Шелхи — Омар и Абдул Азиз. Тем не менее назначение О. Шелхи личным королевским советником в начале 1969 г. вызвало немалое удивление, так как он не пользовался уважением ливийцев.

Третий брат клана Шелхи — Абдул Азиз, — женившийся на англичанке, вдове Бусири, был непопулярен в армии из-за его быстрого продвижения по службе, благодаря дворцовому покровительству. В начале 1969 г. он был назначен председателем комитета, который вел переговоры об обороне с английской фирмой, и другого комитета по реорганизации ливийской армии. Эти назначения были приняты столь же холодно, как и назначение его брата. Ливийцы связывали быстрый карьерный рост братьев Шелхи исключительно с тесными связями с королем, что делало их в глазах у всех богатыми и влиятельными, пользовавшимися королевским расположением к семье.

Это вызвало недружественные выпады средств массовой информации, в которых возвышение братьев Шелхи, фаворитов короля, расценивалось как «реакционная тирания, несправедливое правление и поощрение коррупции». Тем самым рисовалась картина, в которой королю приписывалось нарушение конституционных норм, вместо того чтобы быть гарантом демократических свобод. Фавориты сослужили плохую службу своему королю.

Король старался строго придерживаться конституционных принципов, особенно что касалось демократической позиции невмешательства правительства в дела частных лиц (частный бизнес и торговлю). Во многих случаях он был гораздо более прогрессивным, чем другие исламские правители. Ливия стала первой исламской страной, разрешившая женщинам участвовать в парламентских выборах. В стране было обеспечено не только школьное образование для девочек, но и полноценная студенческая жизнь для них в университетах Триполи и Бенгази.

Достойной была и обстановка в семье короля. Его живая и обаятельная жена Фатима, на которой он женился в 1930 г., вела хозяйство очень организованно и с хорошим вкусом. Ливийская девочка, родившаяся и выросшая в Куфре, она всецело была предана Идрису, эмиру и королю. Тем не менее, в отличие от многих женщин старшего поколения, живших по устоявшимся правилам прошлого, Фатима модно одевалась, прекрасно выглядела и проявляла отличный вкус в одежде и обустройстве домашнего интерьера. Она увлекалась музыкой, телевидением, часто путешествовала, возглавляла многие женские ассоциации, посещала женские слеты, торговые ярмарки, больницы, школы. Она любила принимать молодое поколение в своем доме, проводила время с друзьями в различных играх и все это делала с искренним весельем и наслаждением.

Однако король и королева никогда не имели собственных детей. Они усыновили сироту, своего племянника Омара аль-Араби, внука Ахмеда аш-Шерифа. Он получил прекрасное образование химика и уехал работать в Лондон. Была также удочерена алжирская девочка по имени Сулейма — из эмигрантов, бежавших из Алжира во время войны против Франции. Девочка училась в женской школе в Тобруке, получила там не только хорошее образование, овладев арабским, французским, английским и итальянским языками, но и достигла спортивного совершенства в плавании, теннисе и водных лыжах. Сулейма вышла замуж за египтянина и уехала в Каир.

Король и королева жили сами весьма скромно, даже аскетично, тщательно соблюдая строгие исламские каноны. И в то же время трудно было найти кого-нибудь другого, кто жил бы более счастливо и гостеприимно совместной жизнью в обычном домике недалеко от Тобрука. Ничего у них не было такого, чем блистали величественные дворцы саудовских монархов и особняки эмиров Персидского залива. Семья Идриса жила в скромном доме из трех комнат, называвшимся Баб Зейтун, в 25 км от Тобрука. Строительство проводилось по чертежам самого Идриса. Рабочий кабинет Идриса был меблирован скромно. На одной стене находилась «ляуха» его отца аль-Махди, деревянная дощечка, которую каждый мальчик носил в школу и на которой была написана цитата

из священного Корана. На полках в кабинете — фотографии его братьев и британской королевы вместе с принцем Филиппом во время их визита в Тобрук.

Дом находился в 5 км от побережья на высоком берегу моря. От шоссе Тобрук-Соллум короткий участок дороги приводил к невысоким белым воротам в стене, окружавшей дом и сад. Участок земли включал фруктовые деревья и небольшую мечеть, у входа в которую жил имам Хаджи Товуати, один из немногочисленных выживших сенуситских братьев. Ничего роскошного около дома не было. По одну сторону находилась конюшня с полдюжиной лошадей и племенной кобылицей — любимицей короля, а также несколькими буйволами. Конюх, старый негр из Вадаи, купленный в качестве раба в Абеше, прослужил сенуситской семье семьдесят лет. Дом на бесплодной земле на краю пустыни был открыт сухим ветрам и морским бризам. Он стоял на месте, где гремели сражения Второй мировой войны. Несколько дальше по дороге — британское и французское военные кладбища, на которых замерли ровные ряды заботливо поставленных белых крестов. Вдоль белой стены близ въезда в Тобрук остались опознавательные знаки 8-й британской армии.

И. ас-Сенуси был 61 год, когда он стал королем Ливии в 1951 г. Через 17 лет правления к 1969 г. его внешний вид потерял прежнюю бодрость, а его волосы и усы изрядно побелели. Каждое его появление встречалось с почтением, его взгляд был прямым и твердым, а осанка — стройной и величавой. Его способности оставались очень хорошими для его возраста — зрение несколько ослабло, но слух и память были отличными. Идрис всегда носил ливийскую национальную одежду, состоявшую из длинной белой галабеи с высоким воротником и широким подолом, поверх которой надевалась свободная черная мантия (абайя) с рукавами, украшенными вышивкой из тесьмы. Иногда он носил белый плащ-мантию, а в холодную погоду — длинный белый джирд или шаль, перекинутый через левое плечо, а под плащом — белый вышитый жилет. Носил мягкие кожаные башмаки. На голове непременно была красная шапочка с узким белым кантом, высоко сидевшая надо лбом спереди и опускавшаяся до ушей по бокам. Его фигура благодаря скромному

образу жизни выглядела крепкой, несмотря на ревматизм, которым он страдал в последние годы.

Последовавшие за военным переворотом 1969 г. годы Идрис провел в Египте, где и прожил еще 13 лет вплоть до самой кончины. Он жил спокойной жизнью, осознавая невозможность активного участия в политике. Из Египта он не выезжал, за исключением двух хаджей в Мекку. С его смертью в Каире 25 мая 1983 г. в возрасте 94 лет пришел конец великому движению сенуситов[44].

Таков был длинный политический путь и печальный финиш последнего выдающегося сенусита, который предоставил истории право делать оценку и определять роль сенуситского братства XIX–XX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В формировании государственности и национальной стратегии, определивших выбор ливийцев на протяжении последних двух веков их истории, совершенно неоспоримо можно выделить два главных этапа завоевания доверия обитателей пустыни: первый — это сенуситский религиозно-политический аскетизм, основанный на суннизме и суфизме, и второй — сменивший сенуситов каддафизм, взявший за основу народовластие как государственность и «прямую демократию» как базу джамахирийской формы правления, базирующейся на исламских религиозных догмах.

Выделяются два главных теоретика этих направлений: А. ас-Сенуси, основатель братства, не ливиец, но предложивший обитателям Ливийской пустыни свой путь к свободе и свою стратегию действий в своих сочинениях. Через сто лет, когда сенуситы выполнили то, что наметили, и обосновали сначала эмират в Киренаике, а затем Соединенное королевство всей Ливии, они постепенно сами стали анахронизмом для обновленного ими же общества и были отвергнуты.

М. Каддафи, бедуин ливийской глубинки, предложил новый выбор национальной стратегии. Стартовав с республиканских, позаимствованных у египтян лозунгов «свобода, социализм, единство», он затем выдвинул свою «третью теорию», основанную на исламских ценностях, но приобретшую светскую оболочку в виде «представительной» формы демократии.

Объективно и правление последнего великого сенусита эмира и короля Идриса длилось 50 лет именно на безвыборной, беспартийной основе. Никто не выбирал и лидера ливийской революции М. Каддафи, находившегося у власти после свержения монархии около 40 лет. И многие, кто пишет об идеологии М. Каддафи, указывают на сходство и возможное заимствование некоторых идей у сенуситского братства XIX в. Во всяком

случае, связь, как утверждает К. Викор и другие западные исследователи, налицо[1]. Для обоих характерно неприятие западного влияния и необходимость возвращения к аскетическому исламу. Независимо друг от друга оба по-своему интерпретировали и догмы ислама.

Если внимательнее рассмотреть, то особого сходства в их размышлениях нет. Скорее есть то, что можно назвать расхождением, причем довольно значимым. Несколько в стороне стоит толкование термина «иджтихад», в котором концепции М. Каддафи и А. ас-Сенуси могут быть определены как противоположные полюсы в большей степени, чем продолжение линии некой целостности[2].

Сенуситы были известны своей оппозицией французской и итальянской колонизациям в Центральной Сахаре и Ливии, начавшейся примерно с 1900 г., за что в тогдашних европейских кругах их назвали фанатиками и религиозными мракобесами. Так же, как современные националисты, такие как М. Каддафи, удостаивались примерно такой же оценке. Продолжение антиитальянской борьбы вплоть до 1932 г. было важным и трудным испытанием для всех сенуситов, и особенно для лидера движения И. ас-Сенуси, признанного мировым сообществом и ставшего в конце концов в 1951 г. королем независимого ливийского государства, которые свергли военные во главе с М. Каддафи в 1969 г.

Особо подчеркнем, сенуситы определенно не были агрессивным орденом. Они не отличались и воинственной активностью, во всяком случае в том, что составляло основу их доктрины. Она, эта доктрина, была сформулирована основателем ордена А. ас-Сенуси, оставившим после себя более 40 рукописных работ, 10 из которых дошли до наших дней[3]. Для сравнения: два сына основателя ордена и его преемники, Мухаммед аль-Махди и Мухаммед аш-Шериф, были, как известно, далеки от сочинительства, а его внуки А. аш-Шериф и И. ас-Сенуси большей частью писали о своей жизни и о научных трудах деда, опубликовав несколько книг[4].

Уточним также, что основатель ордена большую часть своей жизни провел в Хиджазе, а не в Киренаике, куда он прибыл впервые в возрасте 53 лет, и написал свои труды не в Ливийской

пустыне, а в Саудовской Аравии. Французская оккупация Алжира в 1830 г., несомненно, повлияла на эволюцию взглядов А. ас-Сенуси. Хотя нигде в его книгах не говорится об этом. Даже находясь в Хиджазе в это время, он не мог не знать о французских завоеваниях арабских территорий. Скорее, эти события повлияли на осознание необходимости реформ в исламе, которые могли бы объединить мусульман и противостоять западному влиянию. Таким образом, если А. ас-Сенуси и проповедовал реформы, то делал это изнутри, на основе исламских традиций. Во многих направлениях его идеи связаны с унификацией существовавших форм ислама, а не с их отрицанием. Главное, на чем настаивал А. ас-Сенуси, — это на возвращении к раннему исламу в повседневной жизни и внедрении догмы суфийского мистицизма в несуфийской исламской среде и в среде язычников-бедуинов на примере того, что предпринимали саудиды в Йемене. При описании двух путей получения знания (ма'рифа) озарением (путем внутреннего созерцания) или обучением он говорил, что каждый суфий должен следовать тем путем, которым желает, но позднее он пришел к выводу, что обучение на практике все же предпочтительнее.

Когда сенуситский орден был сформирован в конце жизни А. ас-Сенуси, его главным отличием от других религиозных братств стала суровая дисциплина и строго определенная иерархия, так же как и четко выраженная политика по вовлечению ордена в экономическую и социальную жизнь. Фактически последователи А. ас-Сенуси делали это на бескрайней территории Ливийской пустыни добросовестно, мирно и довольно успешно в течение всей второй половины XIX в., являясь типичным религиозным братством. Но в XX в. судьба заставила их трансформироваться в политическую силу, вмешаться в войну с европейскими чужеземцами вместе с бедуинами, оставив в основе миролюбие ислама и суфизм, но внеся в них силовые приемы и политическую изобретательность, не поднимая даже вопроса о соответствии догм сенусизма XIX в. новым обстоятельствам и действиям в них в XX в.

Эволюция взглядов М. Каддафи тоже вполне объяснима, если взять ее на сенуситском примере. Сначала при использовании силы при перевороте 1969 г. он отдал дань уважения

таким великим сенуситам, как А. аш-Шериф и О. аль-Мухтар, и в то же время закрыл все завии, хотя деятельность ордена после итальянского разгрома изменилась и восстановленные скорее номинально королем Идрисом завии после получения независимости, фактически не имели реального влияния[5]. Потом М. Каддафи сделал все возможное, чтобы выбросить сенусизм как религиозное братство и политическую силу из новейшей ливийской истории, совершенно не задумываясь (а может быть, и скрывая это), что повторяет отчасти путь, пройденный сенуситами.

В отличие от М. Каддафи Идрис изначально сохранял доктринальную базу своего суфийского режима, традиции бедуинов, права кланов, свободу племен. Бедуин М. Каддафи, возглавив в 27 лет антимонархическую революцию (Идрис тоже в 27 лет стал эмиром Киренаики), обратился не к исламу, а к насеризму, и уже потом, столкнувшись с ливийской действительностью, начал искать для соотечественников приемлемую теорию, назвав ее «третьей», отличной от западного либерализма и коммунистического диктата, развивая фактически те мотивы сенусизма, которые не были пригодными сразу после свержения королевского режима, но оказались востребованными, когда власть народа в Ливии, в его воображении, восторжествовала.

Главный аргумент в пользу концептуальной сопоставимости взглядов основателя братства А. ас-Сенуси и основателя Джамахирии М. Каддафи, как считает К. Викор, — это анализ их разъяснения исламского понятия «иджтихад», ключевой темы исламского права, означающей «интерпретация» или, более точно, «работа с источниками вероучения». Из четырех основных столпов, на которых строится исламское право, три — Коран, сунна и иджма — бесспорно признаваемы классическими и постклассическими толкователями, включая и А. ас-Сенуси, и М. Каддафи. Но четвертый включает ряд доктринальных истин, таких, например, как «кияс» (сравнение), «рай» (мнение), «иджтихад» и другие, которые вызывали в прошлом и вызывают сейчас аргументированные споры относительно того, быть ли, по меткому выражению исламских ученых, «двери иджтихада открытой или закрытой». Примерно до XII в. эта дверь

оставалась «открытой». Затем исламские богословы посчитали ее «закрытой», но само выражение стало вводиться в научный оборот и вызывать новые дискуссии, сначала между исламскими учеными, затем и неисламскими. Внесли свою лепту в это, по мнению К. Викора, А. ас-Сенуси и М. Каддафи, каждый по-своему.

Вкратце уточним: концепция иджтихада отсылает к дуализму, формирующемуся в настроениях улицы (шари'а), где, как правило, выкристаллизовываются, по меньшей мере, два мнения по любому закону: одно — предлагаемое духовными служителями, другое — в формулировке «толпы». Неоспоримыми догмами шари'а остались толкования откровений Корана и сунны. Но на их основе юристы и ученые пытались и пытаются сформулировать и остальные законы повседневной жизни простых людей, чтобы они стали доступными и понятными для «улицы». В этом плане на первое место и выдвигается иджтихад, требующий совершенствования как сложившихся традиций (таклид), так и практикующихся форм восхваления (мадхаб), хотя это и далеко от любого соревнования между ними. Теоретически сторонники открытого иджтихада, возможно, шли в нужном направлении, но те, кто выдвинул принципы мадхаба, были не столько шари'а, сколько властителями судеб других соплеменников или граждан, не исключено, что тоже ошибавшихся. В более поздние времена ученые пытались реформировать то, что предложили в раннем иджтихаде исламские богословы, но новые инициативы еще не означали, что иджтихад обновлялся и продвигался вперед, делаясь более свободным в интерпретации хотя бы части нынешних мусульман в надежде отличить их от мусульман «ранних». В результате сам прогресс всего мусульманского общества и иджтихада в нем до сих пор является объектом поиска путей его дальнейшего раскрепощения.

М. Каддафи отдавал себе отчет, что некоторые догмы раннего ислама могут быть «по-новому» прочитаны при исполнении той роли, которую он взял на себя после победы революции 1969 г. Уже в 1973 г. он почувствовал, какое преимущество получит, если «шари'а» увидит, что революционная власть намерена соблюдать традиции в духе иджтихада. Именно в этом и состоял его призыв к учреждению народной демократии и строительству

социализма, или «иштиракии» (от араб. иштирак — соучастие в труде). По М. Каддафи, это соответствовало бы «умме» пророка Мухаммеда, «единственного» социализма, основанного на естественных законах, по которым жила и до сих пор живет бедуинская ливийская пустыня. В обнародованной позже «Зеленой книге» эти «естественные» законы, которыми после «нефтяного бума» якобы пренебрег И. ас-Сенуси, были восстановлены, а социализм приравнен к социальному равновесию. То есть неписанные законы «улицы» (шари'а) и высокопоставленной знати (мадхаб) таким образом уравнивались. Об этом, правда, М. Каддафи заявил несколько позже в июле 1978 г., когда, участвуя в конференции улемов, он презентовал радикальную реинтерпретацию своих исламских терминов в дебатах по традиционному иджтихаду[6].

Иджтихад, который М. Каддафи посчитал в качестве гуманитарной составляющей исламской законности, по утверждению К. Викора, являлся центральной концепцией и доктрины А. ас-Сенуси. Но его идеи, до сих пор востребованные, направлялись не столько на силовую ликвидацию неравноправия среди бедуинов, что делал М. Каддафи, сколько на уклонение от любых форм воздействия, навязывавшегося христианством. А. ас-Сенуси настаивал на традиционности чисто исламского развития. Он подчеркивал, что его точка зрения лежит в пределах конформизма основателей мадхаба, которые убеждали своих последователей считать слова Корана и хадисов бесспорными и стоящими выше их собственных толкований, даже если они находили там противоречия. Таким образом они обновляли таклид[7]. Для А. ас-Сенуси самым важным аргументом было утверждение, что все знания базируются на Коране и сунне. Он настаивал на необходимости принимать хадисы, чья достоверность не вызывает сомнения, предпочитая их любому индивидуальному мнению, а также призывал уделять значительное внимание иджтихаду при изучении хадисов и делать в исламских исследованиях больший акцент на них.

К. Викор сравнил и оценки А. ас-Сенуси и М. Каддафи о роли пророка Мухаммеда. Для второго он ассоциировался с Аллахом, которого чтил и примеру которого следовал. Пророчество Мухаммеда лежит только в откровениях Корана, вне его

он человек, как и все остальные, и не имеет никакого другого социального статуса. Новая же концепция сенуситов, привнесенная в суфизм традиционалистами, к которым принадлежал и А. ас-Сенуси, указывает на важность требования педантично следовать примеру Пророка. Суфийская идеология может быть объяснена как поиск единения с Всевышним, а опыт А. ас-Сенуси как существование в присутствии Пророка (жизнь по его правилам). Сенуситский эксперимент в Ливийской пустыне демонстрировал единение с Аллахом и попытку повторить то, что уже существовало при жизни Пророка. Дж.С. Трингам, профессор Оксфорда, заметил по этому поводу:«Они искали союза с Пророком, как и место единения с Аллахом. Позже это место стало их убежищем»[8].

В этом плане аскетизм или пуританизм А. ас-Сенуси, как и его последователей, включая Идриса, не означали, что они отгораживались от эзотерических аспектов суфизма. Скорее всего, они сплачивали таким образом себя вокруг имени Мухаммеда, которого считали посланником Аллаха на Земле.

Реформы А. ас-Сенуси в области восприятия суфизма концентрировались в основном на научном анализе улицы (шари'а): хадис (рассказ), рай (мнение), тафсир (разъяснение), кияс (сравнение), в то время как реформы М. Каддафи имели целью отделить законы от влияния шари'а, что делалось нередко в спешке и называлось еще и научными экспериментами. Получалось, что один хотел расширить среду образования, другой — ограничить ее. Один хотел брать пример с Пророка и следовать его заповедям, другой считал это ересью. Что же делать тогда с иджтихадом? Для А. ас-Сенуси это означало правдивое толкование откровений. Для М. Каддафи — активизация гуманитарной составляющей и отделение от собственно божественного откровения. То есть сама концепция иджтихада в Ливии со времен А. ас-Сенуси не изменилась, но, используя ее на практике, М. Каддафи дал ли ей свою интерпретацию? Вопрос, на который пока трудно ответить. Конечно, А. ас-Сенуси был не единственным ученым, который защищал иджтихад, несмотря на проводившиеся время от времени реформы. Это была тема, вызывавшая обращение к ней всех или почти всех исламских реформаторов того периода. В большей степени, чем выявление

специфического продолжения исламской мысли от А. ас-Сенуси до М. Каддафи, можно обратить внимание на то, что утверждение права на иджтихад, как одного из столпов веры, является простым условием исламского реформизма. Но место в исламе и правомерность этой специфики, видимо, можно понять только тогда, когда мир сам по себе и его ценности, включая исламские, станут достоянием всего человечества, а не делом одного реформатора, например А. ас-Сенуси.

И у сенуситов в прошлом, и у М. Каддафи и его сторонников основой их деятельности и национальной идеей была формула «непосредственной» демократии, которой эмир, а потом король Идрис неустанно следовал, невыборно правя 50 лет, а руководство М. Каддафи на основе того же принципа демократии пережило почти 40 лет. Почему? Потому что все, о чем говорилось выше, — в теории. «В действительности же, — процитируем М. Каддафи, — всегда правят сильные, то есть более сильная часть общества»[9].

Конечно, трудно искать исторические аналоги в Новейшее время. Еще труднее проникать в глубь мусульманского восприятия происходивших и происходящих событий. По существу, в нем, этом восприятии, все как-то наоборот, с точки зрения «белого» человека: то, что не так важно европейцу, очень важно мусульманину, особенно такие постулаты, как соблюдение своих традиций и обычаев на фоне невиданных цивилизационных изменений «остального мира». Именно в этом, на наш взгляд, уникальны «ливийские страницы» новейшей истории. В борьбе за получение национальной независимости в прошлом веке ливийские лидеры вырабатывали свою модель государственности и национальной стратегии сначала на сенуситском толковании ислама. Это дало им возможность сплотить народ и бороться против внешних поработителей под знаменами А. аш-Шерифа, затем О. аль-Мухтара. В этой борьбе, изолированной и потому безнадежной, Ливии для победы не хватало внешнего признания, что и учел последний великий сенусит XX в. — король Идрис. Он занялся созданием имиджа Ливии на международной арене и за кулисами мирового сообщества и явно преуспел в этом, добившись независимости для своих

соотечественников виртуозной и нередко циничной политической игрой.

Старевший король понимал, что он не вечен, и то, что делал, конечно, вызывало противоречивые оценки. И все-таки именно он, словно из небытия, из глубины сахарских песков вывел бедуинов и представил их властителям тогдашнего мира сильными духом и богатыми нефтью, т. е. какими они были и есть в действительности.

Идрис отслужил свой молебен и отыграл свою роль в истории и ушел из нее, чтобы дать возможность молодым ливийцам побуждать свой народ к новым подвигам, но теперь уже не на идее сенусизма, а на идее каддафизма, на основе полной свободы неэксплуатируемого общества, какими, в общем-то, всегда были бедуины Ливийской пустыни.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] *Аль-Хашими Башир.* Дирасат фи-ль-адаб аль-хадис. Триполи, 1967. С. 23.

[2] *Кирова К.Э.* Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье. М., 1973. С. 71.

[3] *Epton N.* Oasis Kingdom. The Libyan Story. N4. 1953. P. 4. Издревле присущее всем магрибинским странам дихотомическое деление на «бвади» – «людей палаток», «кочевников» и «хадур» (или «хадар») – горожан для Ливии имело большой социокультурный смысл. Во все эпохи для Ливии было характерно противоречие между городами приморской полосы с их преимущественно оседлым населением, менявшимся на протяжении столетий (финикийцы, греки, римляне, византийцы, турки и затем итальянцы), и остальной, занятой песками территории, где в оазисах и кочевьях жило полностью изолированное от процессов цивилизации коренное население страны. В глазах кочевника город был олицетворением агрессора и оккупанта, от которого постоянно исходила угроза порабощения.

[4] Объясняя причины поздней «включенности» Киренаики, иногда называвшейся безлично «западной границей Египта», в цивилизационные процессы, известный английский востоковед Е.Е. Эванс-Причард отмечает, что Киренаика с 1051 по 1835 г. (т. е. со времен нашествия арабских кочевников из аравийского племени бану хиляль и до конца правления династии Караманли) не имела иной истории, кроме «традиций межплеменных бедуинских войн» (*Evans-Pritchard E.E.* The Senusi of Cirenaica. Oxford, 1949. P. 7). Даже тогда, когда Киренаика в 1863–1864 гг. вошла на правах самостоятельного вилайета в состав Османской империи, османскому мутасарифу из своей резиденции в Бенгази, который, в свою очередь, обрел статус города только в 1870 г., не раз приходилось самому или при помощи своих эмиссаров гасить межплеменные конфликты, возникавшие из-за права на пользование пастбищем или колодцем. Особенно непримиримыми были столкновения между местными племенами аль-бараиса и аль-убейдат, вылившиеся в конце 1860-х гг. в войну, что потребовало вооруженного вмешательства властей (См.: *Асадуллин Ф.А.* Очерк истории ливийской литературы (XIX–XX вв.). М., 1993. С. 180–181).

[5] Суфизм (от араб. суф – грубая шерстяная ткань, отсюда власяница как атрибут аскета) – мистическое течение в исламе. Возникло в VIII–IX вв., окончательно оформилось в X–XII вв. Для суфизма характерно сочетание идеалистической метафизики с аскетической практикой, учение о постепенном приближении через мистическую любовь к познанию бога (в интуитивных экстатических «озарениях») и слиянию с ним. Суфизм оказал большое влияние на арабскую и особенно персидскую поэзию (Санаш, Аттар, Джалалиддин Руми и др.) (Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 1286).

[6] Ваххабизм – религиозно-политическое течение в суннитском исламе, возникшее в Аравии в середине XVIII в. Сторонники ваххабизма проповедовали неукоснительное требование возврата к чистоте раннего ислама, соблюдение принципа единобожия, отказ от культа святых и святых мест.

[7] По утверждению итальянцев, топоним «Ливия» они переняли от древних римлян, называвших так всю территорию Северной Африки западнее Египта. Фактически, как считают ливийские исследователи, впервые эту территорию стали называть «Ливией» еще древние греки после того, как в 650 г. до н. э. они образовали там свою колонию Киренаику, или «пятиградие». Так стала называться область средиземноморского побережья, в которую вошли захваченные греками селения Кирена, Аполлония, Тавхира, Барка и Евсфиридис, т. е. часть территории современной Ливии. По утверждению ливийского исследователя С.А. Хиджаджи, со ссылкой на одну из греческих легенд, имя Либия имела царица, прославившаяся умелым управлением обширной территорией пустыни в доисторические времена. Сами греки называли берберов Ливии «лотофаджи», или поедатели лотосов, как об этом упомянул Гомер в своей «Одиссее». Древние же римляне появились в Ливии лишь через четыре столетия после греков, развязав в 241–238 гг. до н. э. так называемую Ливийскую войну, во время которой они жестоко подавили восстание местных племен (Подробнее см.: Hajjaji S.A. The New Libya. Tripoli, 1967).

Глава I

1. *Keith A.N*. Children of Allah. L., 1966. P. 131–132.

2. Ibid.. P. 158.

3. *Bates O.* The Eastern Libyans. L., 1914. P. 211.

4. *Breasted J.H.* Ancient Records. I. Chicago, 1905. P. 335.

5. *Bates O.* The Eastern Libyans. P. 49.

6. Абд ар-Рахман бен Абдалла бен Абд аль-Хакам родился в Фустате (Египет), жил в Египте в IX в. Его труд «Футух Миср ва-ль-Магриб» («Завоевание Египта и Магриба») считается главным источником по истории завоевания арабами Северной Африки в VII в.

7. Ибн Абд аль-Хакам. Футух Миср ва-ль-Магриб. С. 262.

«Он (Баср) осадил Триполи и взял его. Там Окба оставил свою армию, а во главе ее – Амра ибн Али аль-Кураши и Зухейра бен Кайса аль-Балави. Он взял с собой небольшой отряд – 400 всадников, 400 верблюдов и 800 бурдюков – двинулся к Ваддану и взял его. Он захватил их (жителей Ваддана) правителя и отрезал у него ухо, а тот сказал: "Зачем сделал это мне? Разве обещал ты так (поступить)?"

И сказал Окба: "Сделал так тебе в назидание. Потрогаешь свое ухо, вспомнишь об этом и не станешь воевать с арабами".

Он взял с них 360 рабов. И спросил затем их Окба: “Есть ли за вами кто?” Ему ответили: “Джерма – великий город Феззана”. Он шел туда 8 ночей из Ваддана и, когда приблизился, призвал их (жителей) обратиться в ислам. Ему ответили, и он остановился в шести милях от города. И вышел их царь, а Окба послал всадников, и они отстранили царя от его свиты и заставили его идти пешком. И когда он пришел к Окбе, то был очень уставшим, плевался кровью и сказал ему: “Зачем сделал это мне? Ведь я пришел к тебе добровольно?” И Окба ответил: “В назидание тебе, чтобы, вспомнив об этом, не воевал с арабами”. И наложил на них дань: 360 рабов. И направился оттуда на восток и взял одну за другой все крепости Феззана, встречавшиеся на его пути, пока не достиг его границ. И спросил там: “Есть ли кто за вами?” Ответили ему: “Да, народ хаур и их великая крепость Кавар, лежит она в начале пустыни на вершине горы”. И шел он к ней 15 ночей, и когда подошел к ней, они (жители) укрылись в крепости. Месяц держал он осаду, но не смог ее взять. И оставил он крепость Кавар, и взял он все другие в том краю, и когда взял последнюю, то отрубил у ее правителя палец, и спросил тот: “Зачем сделал это мне?” (Окба) ответил: “В назидание тебе, вспомнишь о своем пальце и не будешь воевать с арабами”. И наложил на них (жителей крепости) дань: 360 рабов. И спросил их: “Есть ли кто за вами?” Ответили они: “Не знаем об этом”. Тогда Окба ушел из тех мест и возвратился к крепости Кавар, но не угрожал ей и не приблизился. Он шел три дня, и они укрепили город. Он остановился в местности, известной в наши дни под названием “Лошадиный источник”, но не было там воды. И охватила Окбу и его спутников сильная жажда. Они оказались на краю гибели. И Окба совершил два раката и воззвал к Аллаху. Его конь стал рыть копытом землю и нашел камень, из-под которого текла вода, и стал конь ее лизать. Увидел это Окба и призвал своих людей рыть землю. Они вырыли 70 углублений и напились, и набрали воды, а место назвали “Лошадиный источник”. И вернулся Окба к Кавару другим путем, о чем не подозревали они (его жители), ведь шел он ночью. И застал их в неведении пребывающими в своих семьях. И овладел свободно городом, потомством и богатствами их и убил их воинов. Затем ушел оттуда и достиг места, называемого сегодня Завила. Затем вернулся в свой лагерь после пяти месяцев похода, дал отдых своим воинам и лошадям и двинулся в Магриб, но шел рядом с главным путем и достиг земли Мезата, где взял каждую крепость…» (Перевод см.: Гарамантида (африканская Атлантида). Сборник. М., 1994. С. 26–28).

[8] Приведем из нее следующий отрывок:

«К областям Барки (Киренаики) относится и Ваддан. Эта местность лежит по ту сторону пустыни, к ней примыкает область Сирт. Между Сиртом и Вадданом пять переходов. Там живут мусульмане, называющие себя арабами-йеменитами, но большинство жителей – (берберы) мезата, главное их богатство – финики разных сортов, правит там местный вождь, и они (жители Ваддана) не платят хараджа. За Вадданом лежит Завила. Население – мусульмане-ибадиты. Все они совершают хадж в Мекку, многие из них – чтецы Корана, они вывозят черных рабов мири, загава, мерави и других черных народов… Мне говорили, что черных продают цари черных.

Завила знаменита выделкой кож и пальмами, местные жители выращивают зерно и прочее. Там можно встретить хорасанцев, уроженцев Басры и Куфы.

За Завилой в 15 переходах лежит город, называемый Кавар. Его жители мусульмане разного происхождения, большинство из них берберы. Они приводят черных [невольников]. Между Завилой и Каваром по направлению к Ауджиле и Адждабии живет народ, похожий на берберов и называемый лемта; они делают белые лемтийские кожаные щиты.

Народ, называемый феззанцами, – это смешанное население. У них есть вождь, стоящий над ними, много земель и большой город. Они постоянно воюют с мезата.

Из последней области Барки, от места, называемого Таварга, до Триполи 6 переходов. У Таварги оканчивается территория мезата и начинаются земли хавара. Их первое селение Вардаса, затем Лабда, крепость на морском побережье. Хавара утверждают, что они берберы и что мезата и луата от их корня, но отделились от них и покинули их землю, переселившись в Барку и другие места. Хавара говорят, что они йемениты, забывшие свою родословную. Как и арабы, хавара делятся на племена бену лахан, мелила, варстафа и кланы лахан, бену дарса, бену марзабан, бену варфла и бену мисурата» (*Аль-Якуби.* Аль-Булдан. С. 97. Перевод см.: Гарамантида (африканская Атлантида). С. 28–29.

[9] *Аль-Масуди*. Мурудж аз-захаб. Ч. II. С. 20.

[10] Там он писал:

«Кто хочет совершить путь от Джебель Нефуса до Завилы, сначала должен достичь города Джаду, затем идти по пустыне и пескам три дня, прежде чем придет в место, называемое Тири. Оно лежит у подножия горы, там много колодцев и пальм. Затем он должен подняться на эту гору и идти по ровной пустыне примерно четыре дня (там не найдешь воды). Затем он встретит колодец, называемый Одри. Оттуда начинаются высокие горы, называемые Таргин; переход их занимает три дня, и путник прибывает в селение Тамерма. Там много пальм, а местные жители – бену фальдин и фецканцы. У них есть странный обычай. Если кто-либо совершит кражу в их краю, они оставляют запись об этом и оповещают друг друга, и вор не найдет себе успокоения до тех пор, пока не сознается и не вернет то, что взял; о нем забудут только тогда, когда будет уничтожена запись.

От Тамермы до поселения Сабаб два дня пути. Там тоже растет много пальм. Местные жители выращивают растения, из которых получают индиго. Из Сабаба путник выходит и идет два дня по ровной пустыне. Там нет ничего, кроме мягкого песка, который не похож ни на камень, ни на глину. Если путник издалека увидит каменную глыбу, она покажется ему крепостью, а верблюд – человеком. Из этой пустыни до Завилы один день пути и примерно столько же пути до Адждабии.

Она (Завила) – город без стен посреди пустыни. Далее за ней лежит страна Судан. В городе есть мечеть, баня и рынки. В ней (Завиле) встречаются купцы из разных мест. Там – перекресток их дорог, откуда расходятся они в разные стороны. Там растут пальмы, а местные жители имеют огороды, поливаемые с помощью верблюдов. Когда Омар захватил Барку, он послал Окбу бен Нафи вглубь пустыни, и тот дошел до Завилы…

Между Завилой и Аджда бией 14 переходов… В Завилу привозят рабов из Ифрикии и совершают сделки в обмен на одежду из красной ткани. Между Завилой и поселением Канем 40 переходов. Они (жители Канема) живут за пустыней Завила. Почти никто не доходит до них. Они – чернокожие язычники. Утверждают, что некоторые из бени Омейя (Омейядов) пришли к ним после поражения от Аббасидов… От Завилы до города Себха – пять дней пути. Это – большой город, в нем есть мечеть и рынки. От города Себха до города Хель тоже пять дней пути. Это – цветущий город, в нем много пальм и источников воды. От города Хель до Ваддана один день пути, и там укрепленная крепость. Город Ваддан разделен на две части, в которых живут два арабских племени: сахмиты и хадрамиты. Сахмиты-живут в Дальбаке, а хадрамиты – в Боси. Мечеть у них общая и находится в центре города. Между обоими племенами часто возникают споры и соперничество, что приводит к столкновениям. У них есть факихи, чтецы Корана и поэты. Главный продукт питания у них – финики, свои поля они орошают.

От города Ваддан до города Тагрифт три дня пути. Это многолюдный город с мечетью, живут в нем вадданцы. Там растет много фиников…

Оттуда дорога идет в город Сирт. От Завилы до Сирта 12 дней пути. От Сирта до Ваддана примерно столько же. Он (Сирт) расположен на середине пути между ними. Завила от него – на западе, а Ваддан – на востоке, так говорил Мухаммед.

Кто приходил сюда, вспомнит, что от Тагрифта до Завилы 14 дней пути самой короткой дорогой, а от Тагрифта до Фустата 29 переходов.

Есть и другой путь от Завилы к Тагрифту. От Завилы надо идти два дня до города Темисса. В нем есть мечеть и рынки. От него до города Зельхи восемь дней пути по пустыне. На середине пути находится дом, принадлежащий вадданцам.

Зельхи – большой город с мечетью. В городе растет много пальм, есть источник воды, живут там мезата. Затем путник идет шесть дней до Махе Баркана и выходит к Харуджу, где лежат руины крепости, возле которой есть колодец и себха (солончак). Оттуда до Сирта пять переходов и еще один переход до города Аджда бии, от которой до Каср Зидана три дня пути. Затем путник идет четыре дня до города Ауджилы. Это – цветущий город, с многочисленными пальмами. Ауджила – название нахии (административного района) и название города. В этой нахии много селений с пальмами и различными фруктовыми деревьями. В городе есть мечети и рынки. Оттуда до Тагрифта четыре дня пути.

Кто ходил из Триполи в Ваддан, шел на юг по земле хавара… С возвышенности открывается вид на Каср Ибн Маймун… Оттуда три дня пути до каменного идола на холме, называемом Керза. Берберские племена, проживающие в той местности, приносят ему жертвы, чтобы он исцелил их от недугов и благословил их достояние. От этого идола до Ваддана три дня пути». Аль-Бекри. Аль-Магриб фи зикр биляд Ифрикия ва-ль-Магриб. С. 10. Перевод см.: Гарамантида (африканская Атлантида). С. 29–31.

[11] *Якут аль-Хамави.* Муджам аль-булдан. Т. VI, буква «фа» Феззан. С. 374.

[12] Гарамантида (африканская Атлантида). С. 32.

[13] *Hornemann F.* Journal of travels from Cairo to Murzouk. L., 1802.

[14] *Lyon G.F.* A narrative of travels in North Africa. L., 1821.

[15] Вот что писал о посещении мавзолея Гарамы 17 июня 1822 года врач Удни: «Сегодня шейх Мустафа взялся нам показать сооружение, которое, по его словам, отличается от всего, что можно встретить в этой стране. Когда мы прибыли на место, то, к своему удивлению, нашли, что это строение было возведено римлянами. Никаких надписей не удалось обнаружить, хотя мы тщательно осмотрели ряд камней, разбросанных поблизости, и нашли только некоторые изображения и буквы, грубо выбитые, причем, очевидно, недавно. Мы вообразили себе, что могли бы отметить какое-то сходство с европейскими буквами, и предположили, что они могли быть выбиты кем-либо из европейских путешественников в недавнем прошлом. Первая наша мысль была, естественно, о Хорнемане, но у нас не было никаких сведений о его пребывании здесь. По правде говоря, мы не знали, что и подумать об этих буквах, пока позднее не открыли туарегскую письменность. Сооружение было 12 футов в высоту и 8 – в ширину. Оно было построено из хорошо обработанного песчаника, добытого из близлежащих холмов, и внутри было сплошь заполнено мелкими камнями, скрепленными известковым раствором. Оно находится в трех милях от Джермы и в четверти мили от подножия горы. Это – гробница или алтарь» (*Denham D., Clapperton H., Oudney W.* Narrative of travels and discoveries in Northern and Central Africa. L., 1826. P. 70.

[16] *Duveyrier H.* Les Touareg du Nord. P., 1864.

[17] *Рясов А.В.* «Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт. М., 2005. С. 69–70.

[18] Объединенные нации. Годовой доклад комиссара Организации Объединенных Наций в Ливии. Генеральная Ассамблея Официальные отчеты. Пятая сессия. Дополнение № 15, a/1340. Лейк-Саксесс. Нью-Йорк, 1950. С. 5.

[19] Асабия – сознание кровнородственного единства, определяющее образ мышления членов племени, хранительница родовой чести, традиций и устоев. Она характеризуется духом тесной сплоченности и родового превосходства, горячей любовью к своему родному племени и известным пренебрежением ко всему, что чуждо племени (*Ат-Тагер Абдель Джалиль.* Аль-бадав валь-ашаир филь-биляд аль-арабийя. Аль-Кахира, 1954. С. 2).

[20] Слово «марабут» произошло от рибат – укрепленная обитель, населенная воинами-монахами. «Марабут» – человек из рибата. Рибаты впервые появились в Марокко в VII–VIII вв. В начале XI в. марабуты основали династию Альморавидов, под властью которых вскоре оказалось Марокко вплоть до Алжира, а позднее – большая часть Северной Африки и Испания. После падения династии Альморавидов в XII в. группы марабутов возвратились из Испании в Марокко. Некоторые из них двинулись на восток и осели в Триполитании и Киренаике. На территории Ливии рибаты сооружались вдоль побережья и на южных границах. Они служили не только оборонительными пунктами, но и религиозными центрами. В рибатах проходили подготовку мистики (суфии), которые призваны были распространять ислам к югу от современных границ Ливии; здесь же обучались и ремеслам. Среди наиболее известных рибатов можно назвать Каср-Тараблюс (на месте современной крепости Триполи) (Religious Educations in Libya. Tripoli, 1966. P. 4).

[21] *Зиада Никола.* Либия фи аль-Асур аль-хадиса. [б. м.], 1966. С. 15–16; *Аш-Шинити Махмуд.* Кадыйя Либия. Каир, 1951. С. 7.

[22] В начале XX в. в Киренаике проживали 44020 марабутов, из них 39520 были марабутами ас-садака (*De Agostini E.* Le popolazioni della Tripolitania. Tripoli, 1917. P. 444).

[23] *Зиада Никола.* Барка ад-давля аль-арабийя ас-самина. Бейрут, 1950. С. 25.

[24] *Аз-зави ат-Тагер Ахмед*. Иалям Либия. Тараблюс, 1961. С. 17.

[25] *Зиада Никола.* Барка ад-давля. С. 26.

[26] *Аз-зави ат-Тагер Ахмед.* Иалям Либия. С. 18.

[27] *Зиада Никола.* Барка ад-давля. С. 27.

[28] *Аз-зави ат-Тагер Ахмед.* Иалям Либия. С. 19.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] В Триполитании и Феззане в начале XX в. проживали 114897 марабута (всего 569093 жителя) (*Хаким Сами.* Хакыка Либия. Аль-Кахира, 1968. С. 388–389).

[32] Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Пятая сессия. Годовой доклад французского правительства Генеральной Ассамблеи ООН об управлении Федданом. Париж, 1950, A/1387. С. 13–15.

[33] *De Agostini E.* Le popolazioni della Cirenaica. Bengazi, 1920–1923. P. 444.

[34] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 51.

[35] Ibid.

[36] Ibid. P. 52.

[37] Определить конкретное содержание всех перечисленных терминов, соотношение между ними и, следовательно, выяснить различия между подразделениями племени с абсолютной точностью не представляется возможным.

[38] *Ат-Тагер Абдель Джалиль.* Аль-бадав ва-аль-ашаир филь биляд аль-арабийя. С. 60.

[39] В Киренаике наиболее известными шейхскими домами были Бу Бакр бу Халдус (в племени бараса), Летеуш (магарба), Абдалла (обейдат), Киззих и Аббар (авакир), Асбади (арафа), Сувейкир и Илиани (абид), бу Катара бу Хайдека (хаса), Сейф ан-Наср (в племени аулад сулейман) (См.: *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 61).

[40] *Seonschz N.* Travels in North Africa. Philadelphia, 1927. P. 39–40.

[41] *Рясов А.В.* «Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт. С. 71.

[42] Там же.

[43] См.: *Прошин Н.И*. История Ливии в новое время (середина XVI в. – начало XX в.). М., 1981. С. 241–244.

Глава II

[1] *Schacht J.* An Introduction to Islamic Law. Oxford, 1979. P. 71–72; *Coulson N.J.* A history of Islamic law. Edinburgh, 1964. P. 80–81.

[2] *Hallaq Wael B.* Was the gate of ijtihad closed? International Journal of Middle East Studies. XVI. V. 1. 1984. P. 3–41; *Montgomery W. Watt.* The closing of the door of igtihad. In: Orientalia hispanica, sive studia F M Pareja octogenario dictata edenda curavit J M Barral. V.I. Leiden, 1974. P. 675–678.

[3] *Vikør K.S*. The development of *ijtihad* and Islamic reform, 1750–1850. The third Nordic conference on Middle Eastern Studies: Ethnic encounter and culture change. Joensuu, Finland, 19–22 June. 1995.

[4] Ibid.

[5] *Vikør K.S*. The Sanusiyya Tradition. In: *O'Fahey R.S*. Arabic Literature of Africa: I: The Writings of Eastern Sudanic Africa to c. 1900. Leiden, 1994. P. 166–177.

[6] В первой работе обсуждается «правильное» поведение во время молитвы, в особенности вопрос кабда (обхватывание шеи кистями рук во время молитвы). Сенуси отвергает стандартный маликийский подход с расположением рук по бокам и настаивает на кабде, практикуемой Shafi'is. То есть метод молитвы сенуситов не совпадал с маликийским окружением, где они обычно работали. Вторая работа также связана с различными элементами метода моления (*Vikør K.S*. The development of *ijtihad* and Islamic reform).

[7] *Vikør K.S*. The development of *ijtihad* and Islamic reform.

[8] *Ham A.* Libya. Lonely planet. Victoria, 2002. P. 14.

[9] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. Manchester, 1990. P. 2–3.

[10] *Прошин Н.И*. История Ливии в новое время. С. 220; *Зиада Никола.* Либиа фи аль-асур аль хадиса. С. 70.

[11] *Аз-зави ат-Тагер Ахмед.* Иалям Либия. 258. С. 70.

[12] *De Condole E.A.V*. The life and times of King Idris of Libya. P. 4.

[13] *Аш-Шагб Мухаммед.* Ат-тейиб ас-Сенуси аль-Кебир. Аль-Кахира, [б. г.]. С. 46.

[14] Различные авторы дают неодинаковую оценку населения центра сенуситского движения. Так, французский путешественник Дюверье в своей книге «Мусульманское братство Сиди Мухаммеда ибн Али ас-Сенуси», опубликованной в Париже в 1884 г., оценивает население Джагбуба в 750 человек, к которым необходимо добавить еще 2 тыс. рабов; Эванс-Причард – 1 тыс. человек (*Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 17; *Duveyrier H.* Le confrére musulmane de Sidi Mohamed ben Ali es-Senousi. P., 1886. P. 24–25.

[15] *De Condole E.A.V.* The life and times of King Idris of Libya. P. 6.

[16] *Ziadeh N.* A. Sanusiyah, study of a revivalist movement in Islam. Leiden, 1958. P. 104.

[17] *Evans-Pritchard E.E.* The Senusi of Cirenaica. P. 7.

[18] Ibid. P. 70.

[19] *Аш-Шагб Мухаммед.* Ат-тейиб ас-Сенуси аль-Кебир. С. 31.

[20] Там же. С. 28, 29.

[21] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 74.

[22] *Аш-Шагб Мухаммед.* Ат-тейиб ас-Сенуси аль-Кебир. С. 29.

[23] Хадыр аль-Алям аль-ислами. Таалиф ли-ватруб сатарфард аль-амрикий. Тарджама ва фиг фусуль ва тааликат аль-ахр би калям аль-амир Шакиб Арслан. Аль-Кахира, 1352 х. С. 297.

[24] *Evans-Pritchard E.E.* The Senusi of Cirenaica. P. 80.

[25] *Аш-Шагб Мухаммед.* Ат-тейиб ас-Сенуси аль-Кебир. С. 32.

[26] Там же. С. 33–34.

[27] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 75.

[28] Хадыр аль-Алям akm-ислами. Таалиф ли-ватруб. С. 297.

[29] Шейх, например, мог жениться только по совету главы ордена и с его согласия. Завия оплачивала расходы на женитьбу и на содержание жены и детей, но если шейх женился самовольно, то все соответствующие расходы были за его личный счет. Ежегодные расходы шейха были строго определены. Шейх имел право на покупку лошади и оружия; за счет общих доходов завии содержались слуги, нанятые шейхом для нужд завии. В обязанность шейха входил ежедневный прием гостей (но не более десяти). Он имел право получать из всех доходов завии (в том числе от урожая) десятину, которая шла на его личные нужды. Помимо этого шейху разрешалось самостоятельно вести личное хозяйство.

[30] *Аш-Шагб Мухаммед.* Ат-тейиб ас-Сенуси аль-Кебир. С. 30.

[31] Цит. по: *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 76.

[32] *De Condole E.A.V.* The life and times of King Idris of Libya. P. 7.

[33] Внутри такой гробницы стоит деревянный ящик, покрытый цветным покрывалом с изречениями из Корана. Внутри ящика – страницы из священных книг, а иногда мелкие монеты, приносимые бедуинами. Но чаще гробницы, даже известных святых, представляют собой простую плиту, выложенную из камней, на которой водружена одна или несколько палок с привязанными к ним цветными лоскутами.

[34] В качестве примера можно назвать ватан племени марабутов аулад аль-шейх, который был расположен между территориями свободных племен авакир, абид и арафа.

[35] *Прошин Н.И*. История Ливии в новое время. С. 220.

[36] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 82.

[37] *Della Cella P.* Narrative of an expedition from Tripoli in Barbary to the Western frontier of Egypt in 1817. L., 1822. P. 229.

[38] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 42.

[39] *Della Cella P.* Narrative of an expedition from Tripoli. C. 230.

[40] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 42.

[41] *Trimingham J.S*. Islam in West Africa. Oxford, 1959. P. 100–101.

[42] *Аш-Шинити Махмуд.* Кадыйя Либия. С. 40–41; *Ziadeh N.A*. Sanusiyah, study. C. 60–61.

[43] *Хаки Мамдух.* Либия аль-арабийа ка-анк таиш фига. Аль-Кахира, 1962. С. 65–66.

[44] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 82.

[45] Ibid. P. 83.

[46] Ibid. P. 81.

[47] *De Condole E.A.V.* The life and times of King Idris of Libya. P. 8.

[48] Ibid. P. 12.

[49] Ibid. P. 13.

[50] В разделе использованы материалы из книги *Ф.А. Асадуллина* «Очерк истории ливийской литературы (XIX–XX вв.)». С. 33–39; *Аль-Хаджири Таха.* Аль-хайят аль-адаби фи Либия (аш-Шиир). Каир, 1962. С. 88.

[51] *Blansam T.* Libya: the Country and its People. L., 1968. P. 106.

[52] *Аль-Хаджири Таха.* Аль-хайят. С. 14; *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 31–32.

[53] *Афифи Мухаммед ас-Садык.* Аш-Шиир ва-ш-шууара фи Либия. Каир, 1957. С. 517.

[54] *Аль-Факих Ахмед.* Ихтасрат ан-Нуджум. Триполи, 1972. С. 46.

[55] Там же. С. 39.

[56] Там же с. 38.

[57] *Аль-Хаджири Таха.* Аль-хайят. С. 46.

[58] Там же.

[59] Там же. С. 51–52.

[60] *Асадуллин Ф.А*. Очерк истории ливийской литературы. С. 38.

[61] *Кобищанов Ю.М*. История распространения ислама в Африке. М., 1987. С. 156.

[62] *Асадуллин Ф.А*. Очерк истории ливийской литературы. С. 39.

[63] *Прошин Н.И*. История Ливии в новое время. С. 104.

[64] Этими вопросами задавались многие исследователи Ливии, но, на наш взгляд, наиболее обстоятельно на них ответил английский ученый Дж. Райт, анализ которого и лег в основу наших обобщений. Подробно см. статью *Wright J.* Outside Perception of the Sanusi. Magreb Review. 1988. V. 13, 1–2, Jan-Apr. P. 63–69.

[65] *Depont O., Koppolani X.* Les confréries Religieuses Musulmanes. Algiers, 1897. P. 559.

[66] *Hamilton J.* Wanderings in North Africa. L., 1856. P. 96

[67] *Duveyrier H.* La confrérie Musulmane de Sidi Mohammed ben Ali Es-Senusi. Rome, 1918. P. 26.

[68] *Duveyrier H.* Les Tuareg du Nord. P. 300.

[69] *Duveyrier H.* La confrérie Musulmane de Sidi Mohammed ben Ali Es-Senusi. P. 13

[70] Bulletin de la Société de Géographie. P., 1884. P. 19.

[71] Ibid. P. 49–50.

[72] Ibid.

[73] *Rohlfs G.* Kufra: Reise von Tripolis Nach der Oase Kufra. Leipzig, 1881. S. 285.

[74] *Rinn L.* Marabouts et Khouan. Algerie, 1884. *Plaifair L.* A Bibliografia of Algeria. N° 4334. RGS Supplementary Papers. L., 1889.

[75] *Rinn L.* Marabouts et Khouan. P. 511.

[76] Ibid. P. 495.

[77] Ibid. P. 506.

[78] *Nachtigal G.* Sahara and Sudan. P. 1. L., 1974. P. 175.

[79] *Nachtigal G.* Sahara and Sudan. P. 2. L., 1980. P. 64.

[80] *White S.* From Sphinx to Oracle. Through the Libyan Desert to the Oasis of Jupiter Ammon. L., 1899.

[81] Ibid. P. 129.

[82] *Vischer H.* Across the Sahara from Tripoli to Bornu. L., 1911. P. 67–69.

[83] *Harding King W.J*. Mysteries of the Libyan Desert. L., 1925. P. 154, 19.

[84] *Massey W.T*. The Desert Campaign. L., 118. P. 142.

[85] *Carbou H.* La Region du Tchad et du Quadai. P. 2. P., 1912. P. 169.

[86] *Kumm K.* From Hausaland to Egypt through the Sudan. L., 1910. P. 176.

[87] *Forbes R.* The Secret of the Sahara: Kufara. L., 1921. P. 109, 107.

[88] *Graziani R.* Pace Romana in Libia. Milan, 1937. P. 237, 238, 240.

[89] *Holmboe K.* Desert Encounter. L., 1936. P. 203.

Глава III

[1] После распада Римской империи Триполитания отошла к Западной, а Киренаика – к Восточной Римской империи.

[2] *Cachia A.* Libya under the Second Ottoman Occupation (1835–1911). Tripoli, 1945. P. 77; *Ziadeh N.A*. Sanusiyah, study. P. 31.

[3] *Ziadeh N.A*. Sanusiyah, study. P. 3; *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). М., 1975. С. 56.

[4] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 94.

[5] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 33.

[6] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 95.

[7] *Cachia A.* Libya under. P. 95–96.

[8] Ibid. P. 9.

[9] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 221.

[10] La Missione franchetti in Tripolitania (il Jebel). Firenze–Milano, 1914. P. 94.

[11] Ibid. P. 95.

[12] Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Пятая сессия. Годовой доклад французского правительства Генеральной Ассамблеи ООН об управлении Феццаном. Париж, 1950. A/1387. С. 101.

[13] *Махмуд Слиман.* Либиа бейна аль-мади ва-ль-хадыр. Тараблюс аль-гарб, 1962. С. 206–207.

[14] Там же. С. 207; *Aleo G*. Turchi, senussi e italiani in Libia. Bengasi, 1930. P. 80. Начиная с 1903 г. турецкие власти попытались заменить налог вергу налогом теметту – подоходным налогом (3% с доходов купцов, лавочников, мелких торговцев). Но этот налог так и не был введен повсеместно вплоть до захвата Ливии Италией.

[15] *Cachia A.* Libya under. P. 83.

[16] *Махмуд Слиман.* Либиа бейна. С. 207.

[17] *Ziadeh N.A*. Sanusiyah, study. P. 104.

[18] *Cachia A.* Libya under. P. 9.

[19] Ibid. P. 12.

[20] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 98.

[21] *Елисеев А.В*. По белу свету. Очерки и картинки из путешествий по трем частям Старого света. СПб., 1886. С. 79.

[22] *Хадыр аль-Алям аль-ислами*. Таалиф ли-ватруб сатарфард аль-амрикий. Тарджама ва фиг фусуль ва тааликат аль-ахр би калям аль-амир Шакиб Арслан. Аль-Кахира, 1352 х. С. 297.

[23] Для приобретения импортных товаров завии наладили и поддерживали деловые связи с торговыми домами Бенгази, которым направляли соответствующие заказы.

[24] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 87; *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 34.

[25] *Savarese E.* Le terre della Cirenaica. Bengasi, 1926–1928. P. 56.

[26] *Ziadeh N.A*. Sanusiyah, study. P. 86.

[27] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 91; *Ziadeh N.A*. Sanusiyah, study. P. 61.

[28] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX – 1969 г.). С. 56–57.

[29] *Ziadeh N.A*. Sanusiyah, study. P. 86.

[30] *De Gall M.* Ottoman Government and the Sanusiyya: a Reappraisal. International Journal of Middle East Studies. V. 21. 1989. P. 91–106.

[31] Ibid. P. 101–102.

[32] Число мучеников-муджахедов, погибших, защищая завию Алали, превышало 100 человек, 60 из них было из племени зуайя, включая шейха абу Бакира Квейтина. В числе других погибли глава завии Сиди Мухаммад аль-Барани ас-Саеди, шейх Юнес Бадр, шейх Масбах аль-Хуали, шейх ас-Сенуси Кералах аль-Абид и его брат Абдалла Кералах аль-Абид и шейх Гейт Саиф ан-насир. Шейх Мухаммед ибн Агила, шейх завии Куру, который прибыл позднее во главе группы муджахедов, пытаясь защитить завию Алали, тоже погиб как мученик. Таиб аль-Ашхаб «Барка эль-Арабиа» (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 16.

[33] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 92.

[34] В 1910 г. над Куфрой уже развевался турецкий флаг, и в этом же году в оазис прибыл Гарагани Латеуш – турецкий начальник. Он был арабом из ведущего рода племени магарба, которое находилось под влиянием сенуситов. В 1911 г., когда итальянцы высадились в Киренаике, турки направили своего представителя в Джагбуб, где он и поднял турецкий флаг. Первым и последним турецким начальником в Джагбубе был Хусейн ибн Бакр бу Хаддус аль-Бараси, установивший в священном оазисе турецкий полицейский пост.

[35] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cirenaica. P. 103.

[36] *Aleo G.* Turchi, senussi. P. 83.

[37] Именно в это время стали формироваться связи британцев с сенуситским движением, а не в 1940-х гг., когда Идрис находился в эмиграции в Каире (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 17.

[38] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия министра. 1905–1913 гг., 1910. Д. 110. Л. 143–144.

[39] *Ад-Даджани Ахмед Сидки.* Либия кабля-ль-ихтиляль аль-итали. Каир, 1971. С. 188.

Глава IV

[1] *Трофимов В.А.* Итальянский колониализм и неоколониализм. М., 1979. С. 151–152.

[2] *Прошин Н.И.* История Ливии в новое время. С. 266.

[3] Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1986. С. 482–483. См. также: *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте: итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX – начале XX века. М., 1983.

[4] Африка. Энциклопедический справочник. Т. 1. М., 1968. С. 226–228.

[5] *Прошин Н.И.* История Ливии в новое время. С. 266.

[6] *Аль-Мунтасер Халифа.* Либия кабля аль-Михна ва баадага. Тараблюс, Либия, 1963. С. 39.

[7] *Елисеев А.В.* По белу свету. Очерки и картинки из путешествий по трем частям Старого Света. Т. 3. СПб., 1893–1896. С. 76.

[8] *Lapworth C.* Tripoli and Young Italy. London, 1912. P. 66; Documents diplomatique francais, 1871–1945. P., 1929–1937. P. 276–277.

[9] *Аль-Мунтасер Халифа.* Либия кабля аль-Михна. С. 51; *Соннино Сидней* (1847–1922) – премьер-министр Италии в 1906 и в 1909–1910 гг., министр иностранных дел в 1914–1919 гг. В начале Первой мировой войны – участник подготовки Лондонского договора 1915 г., втянувшего Италию в войну на стороне Антанты (Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 1238). *Джолитти Джованни* (1842–1928), лидер итальянской либеральной партии, премьер-министр Италии в 1892–1893, 1903–1905, 1906–1909, 1911–1914, 1920–1921 гг. (Там же. С. 384).

[10] *Трофимов В.А.* Итальянский колониализм и неоколониализм. С. 54.

[11] *Яхимович З.П.* Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1962. С. 33.

[12] *Махмуд Сулейман.* Либия бейна аль-мады уа-ль-хадыр. Триполи, 1962. С. 55–56.

[13] *Прошин Н.И.* История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 64–72.

[14] *Hamilton J.* Wanderings in North Africa. L., 1956. P. 41.

[15] *Аль-Мунтасер Халифа.* Либия кабля аль-Михна. С. 40.

[16] Там же. С. 63.

[17] Там же. С. 66–69.

[18] *Кирова К.Э.* Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье. С. 181.

[19] *Аль-Мунтасер Халифа.* Либия кабля аль-Михна. С. 103.

[20] *Ziadeh N.* Sanusiyah, study. P. 32.

[21] *Ад-Даджани Ахмед Сидки.* Либия кабля-ль-ихтиляль аль-итали. Каир, 1971. С. 164–165.

[22] *Аршаруни Н.А.* Иностранный капитал в Ливии (1911–1967 гг.). М., 1970. С. 12.

[23] *Askew W.* Europe and Haly's Acquisition of Libya 1911–1912. Durham, 1913. P. 31.

[24] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. Дар аль-Фикр аль-араби. Аль-Кахира, 1948. С. 429.

[25] *Khadduri M.* Modern Libya. A Study of Political Development. Baltimore, 1963. P. 3.

[26] Цит. по: *Аль-Мунтасер Халифа.* Либия кабля аль-Михна. С. 85–86.

[27] *Ад-Даджани Ахмед Сидки.* Либия. С. 345.

[28] Марокканские кризисы были вызваны борьбой европейских держав за Марокко. *Кризис 1905 г.* Франция в начале XX в. стала настойчиво стремиться к покорению Марокко. В 1900–1902 гг. она заручилась поддержкой Италии, заключив с ней секретное соглашение, по которому последняя в обмен на признание итальянских «прав» на Триполи и Киренаику дала согласие на захват Марокко Францией. По англо-французскому соглашению 1904 г. Великобритания получила свободу действий в Египте, а Франция – в Марокко. В 1904 г. Франция заключила также договор с Испанией о разделе Марокко на сферы влияния. В начале 1905 г. Франция пыталась вынудить султана Марокко провести ряд выгодных ей государственных реформ (организация полиции и создание банка под руководством французских советников и т. д.) и предоставить французским фирмам крупные концессии. Против экспансии Франции выступила Германия, настаивая на созыве конференции участников Мадридской конвенции 1880 г. для обсуждения марокканского вопроса на основе признания принципа «открытых дверей» и равных возможностей. Свое требование Германия сопровождала военными угрозами в адрес Франции. 31 марта 1905 г. германский император Вильгельм II во время «морской прогулки» высадился в Танжере и в публичном выступлении потребовал для Германии свободы торговли в Марокко и равенства со всеми державами, объявив себя «защитником независимости» Марокко. Эта речь была расценена как открытый вызов Франции и Великобритании. В конечном итоге Франция решила уступить. Конференция собралась 15 января 1906 г. в Альхесирасе, однако Германия оказалась в изоляции и потерпела дипломатическое поражение. Новое обострение отношений между Францией и Германией наступило после оккупации французскими войсками Касабланки и Уджды в 1907 г. Однако по франко-германскому соглашению (февраль 1909 г.) о сохранении «экономического равенства» французских и германских монополий в Марокко Германия признала «особые» политические интересы Франции в этой стране.

Кризис 1911 г. (Агадирский кризис). Воспользовавшись восстанием племен, начавшимся в апреле 1911 г. в районе Феса, французские войска оккупировали этот город. 2 июня Франция предложила Германии часть своих владений в Конго в обмен на отказ от притязаний Германии на Марокко. Стремясь получить большую компенсацию, правительство Германии направило

в начале июля в атлантический порт Марокко Агадир 2 крейсера и канонерскую лодку «Пантера».

Франко-германские отношения вновь оказались на грани войны. Великобритания в целях укрепления Антанты, как и во время кризиса 1905 г., поддержала Францию. Германия была вынуждена согласиться на подписание 4 ноября франко-германского соглашения, признававшего преимущественные права Франции в Марокко в обмен на передачу Германии части Французского Конго и предоставление ей в Марокко на 30 лет режима «открытых дверей». 30 марта 1912 г. Марокко было объявлено французским протекторатом (Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1985. С. 180–181.

[29] *Шведов А.А., Румянцев В.П.* Советско-ливийские отношения. М., 1986. С. 15.

[30] *Аз-Зави ат-Тагер Ахмед.* Джихад аль-абталь фи Тараблюс аль-Гарб. Каир, 1950. С. 26–27.

[31] *Barclay T.* The Turco-italian War and its Problems. L., 1912. С. 112–113.

[32] *Ленин В.И.* Конец войны Италии с Турцией. Соч. Т. 22. С. 113.

[33] Цит. по: *Аль-Мунтасер Халифа.* Либия кабля аль-Михна. С. 85–86.

[34] *Прошин Н.И.* История Ливии в новое время. С. 272.

[35] *Романова Н.Г.* Итало-турецко-ливийский кризис 1911–1912 гг. в контексте международных отношений накануне Первой мировой войны. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1999. С. 15.

[36] РГВИА. Фонд 2000. Д. 3819. С. 115.

[37] Историки дают различные данные о вооружении и численности регулярных турецких войск в Ливии, что, по-видимому, связано с тем, что некоторые авторы не учитывали факта отправления в 1911 г. части османских подразделений в Йемен. Так, М. аш-Шинити считает, что турецкий контингент в Ливии в канун войны насчитывал 7 тыс. чел. (*Аш-Шанити Махмуд.* Кадыйя Либия. Каир, 1951. С. 462); К. Чичероне – 3 тыс. (*Cicerone C.* Laterza colonia italiana. Roma, [б.г.]. P. 205–206); Н. Зиада – 2210 чел. (*Зиада Н.* Либия филь асур аль-хадиса. Триполи, 1966. С. 81. В данном исследовании приводятся данные Советской военной энциклопедии (См.: Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977. С. 651).

[38] *Murabet M.* A brief history of Tripolitania. Tripoli, 1965. P. 46–49.

[39] *Bulugma Hadi.* Benghazi through the Ages. Benghazi, 1972. P. 50.

[40] Советская военная энциклопедия. С. 651.

[41] «Правительственный вестник». № 202, 13(26) сент., 1912 г.

[42] АВПРИ. Ф. 190. Российское посольство в Риме. Оп. 525, 1912. Д. 3338.

[43] Там же. Лл. 1–12, 14–23.

[44] *Гринвич Г.ф.* История итало-ливийской войны. [Б. м.], [Б. г.]. Перевод на арабский: Имад Ад-Дин Такем. См. I том. Аль-Амин Ат-Тахер Шаклил. Триполи, 1986. С. 125.

[45] АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 3338. Л. 1.

[46] Захват Айн-Зары позволил бы итальянцам: 1) вызвать оставление турко-арабами Триполийского оазиса; 2) занятая итальянцами, она явилась бы передовым укрепленным пунктом их оборонительной Триполийской линии; 3) составила бы первый этап для наступления в пустыню.

Захват Айн-Зары имел особое моральное значение для итальянцев, поскольку с конца октября – начала ноября в одном Триполи сосредоточились три военных дивизии (АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 3338. Л. 8).

[47] Там же.

[48] Там же. Л. 12.

[49] Там же. Л. 2–3.

[50] Один из западных корреспондентов, современник событий, сообщал: «Огорчение в душе итальянских солдат от внезапных арабских нападений в тылу во время сражений 26 октября было таким, что привело их к позорным жестоким действиям. Упадочные настроения лишили итальянских офицеров возможности управлять своими солдатами».

Корреспондент добавил: «Правда, итальянские военные действия, особенно 26 октября 1911 г., против арабов являются действиями хищников и не могут опровергать то, что их метод ведения войны является в высшей степени издевательством над трупами: распятие, все виды пыток над ранеными, закапывание пленных живыми» (*Гринвич Г.ф.* История итало-ливийской войны. С. 95–96).

[51] АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Л. 3.

[52] Всего Айн-Зару обороняло от 6000 до 7000 чел. при 7-мм (3?) орудиях (АВПРИ. Ф. 190.Оп. 525. Л. 3).

[53] АВПРИ. Фонд «Посольство в Риме». Оп. 525. Д. 3338. Рапорт № 10 от 16 января 1912 г. Л. 9–10.

[54] Там же. Рапорт от 24 ноября 1911 г. Л. 26.

[55] Там же. Рапорт от 29 января 1912 г. Л. 31–32.

[56] Там же. Рапорт от 25 февраля 1912 г. Л. 34.

[57] Там же. Л. 36–37.

[58] Там же. Рапорт от 25 мая 1912 г. Л. 72.

В захваченных в первые недели оккупации городах – Триполи, Хомсе, Бенгази и Дерна – итальянцы сразу же продемонстрировали и суть своей «цивилизаторской» политики, которая в основном сводилась к постепенному искоренению очагов национального образования и культуры, какими были хранившие традиции национальной словесности медресе и завии. Одновременно для более быстрого и эффективного «приобщения» местного населения к «благам цивилизации и прогресса» открывались новые итальянские школы. Ограничились издание и продажа арабских книг; на распространение сочинений таких известных арабских писателей, как, например, очень популярного среди ливийцев египтянина Мустафы Лютфи аль-Манфалути, был наложен запрет. Патриотическая пресса прекратила свое существование, а ее место заняли официальные органы

колониальной администрации – «Италия аль-Джадида» («Новая Италия») и «Барид Тараблюс» («Триполитанский курьер»), основанные сразу после захвата Триполи. Многие деятели национального возрождения, не приемля для себя возможности сотрудничества с колонизаторами, вынуждены были эмигрировать в арабские страны и Турцию (См.: *Асадуллин Ф.А.* Очерк истории ливийской литературы. С. 66–67.

[59] АВПРИ. Фонд «Посольство в Риме». Рапорт от 28 февраля 1912 г. в ГУГШ. Д. 3338. Оп. 525. Л. 41.

[60] АВПРИ. Фонд «Посольство в Риме». Приложение к рапорту от 3 мая 1912 г. в ГУГШ. Л. 66.

[61] *Guarino E.* La guerra libica e le spece militari. Milano, 1913. P. 19.

[62] *Романова Н.Г.* Итало-турецко-ливийский кризис 1911–1912 гг. в контексте международных отношений накануне Первой мировой войны. С. 16.

[63] АВПРИ. Фонд «Посольство в Риме». Оп. 525. Д. 3338. Рапорт № 37 от 9 марта 1912 г. Л. 59–61.

[64] *Раккониджи соглашение 1909 г.* (секретное) между Россией и Италией. Оформлено путем обмена нотами 11 (24) октября 1909 г. в Раккониджи (под Турином) между министрами иностранных дел двух стран во время визита императора Николая II в Италию. Обострение русско-австрийских противоречий повлекло за собой сближение Италии и России. Они обязались соблюдать «статус-кво» на Балканах, не заключать соглашений с третьей державой по вопросам, касающихся Балкан. Италия обязалась благожелательно относиться к интересам России в вопросе о черноморских проливах; Россия – к интересам Италии в Триполитании и Киренаике. Соглашение знаменовало дальнейший отход Италии от Тройственного союза и ее сближение с Антантой. Воспользовавшись соглашением, Италия в 1911 г. начала осуществлять на практике захват Триполитании (Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1985. С. 448. Цит. по: Сборник договоров России. С. 402–404).

[65] *Яхимович З.П.* Русско-итальянские отношения в 1909–1912 гг. Ученые записки Московского педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1970. № 343. С. 190.

[66] Секретные дипломатические архивы царского правительства. Письмо Российского Посла в Париже *А.П. Извольского* Временно Управляющему Министерством Иностранных Дел *А.А. Нератову* от 13 (26) сентября 1911 г. С. 115.

[67] *Нератов – Чарыкову* 19 сентября (2 октября) 1911 гг. С. 58–62.

[68] «Письмом от 13–26 сентября 1911 г. Посол в Париже, напоминая о соглашении в Ракониджи, по коему мы предоставили Италии свободу действий в Триполи взамен нашей свободы в вопросе о Проливах, считает своевременным "заручиться в той или иной форме заявлением Италии, что, осуществляя ныне права свои в Триполи, она продолжает считать себя в будущем связанной по отношению к нам в вопросе о проливах".

То же мнение поддерживает Н.В. Чарыков 17 Сентября и советует добиться признания Италией специальных прав России в Проливах. А так как этот

вопрос европейского международного права, то приравнять пока права для наших судов к "добровольному флоту".

28 Сентября частным письмом предписывается А.П. Извольскому "через Титтони возбудить в Риме вопрос о закреплении Италией принятых ею на себя в Ракониджи обязательств относительно признания за Россией свободы действия в вопросе о проливах"» (Секретные дипломатические архивы царского правительства. С. 537).

[69] *Чарыков – Нератову* 17 (30) сентября 1911 г. С. 51–52.

[70] *Извольский – Нератову* 26 сентября (9 октября) 1911 г. С. 118.

[71] *Яхимович З.П*. Русско-итальянские отношения в 1909–1912 гг. С. 191.

[72] *Извольский – Нератову* 29 сентября (12 октября) 1911 г. С. 120.

[73] *Извольский – Нератову* 13 (26) октября 1911 г. С. 124.

[74] *Извольский – Нератову* 27 октября (9 ноября) 1911 г. С. 131.

[75] Телеграмма *А.А. Нератова* Послам в Париже, Лондоне, Риме, Берлине, Вене и Константинополе. С.- Петербург, 17 ноября 1911 г. С. 135.

[76] Телеграмма Министра Иностранных дел Послу в Константинополе. С.- Петербург, 5 января 1912 г. № 27. С. 146.

[77] Секретная телеграмма *Извольского – Сазонову.* Париж, 2 (15) февраля 1912 г. № 20. С. 156.

[78] *Извольский – Сазонову.* Париж, 15 (28) февраля 1912 г. С. 158.

[79] *Извольский – Сазонову.* Париж, 12 (25) апреля 1912 г. С. 184.

[80] Телеграмма *Сазонова* Послам в Лондоне, Париже, Берлине и Вене. Сообщается Послу в Константинополе. С.- Петербург, 18 апреля 1912 г. С. 191.

[81] *Извольский – Сазонову.* Париж, 25 апреля (8 мая) 1912 г. С. 192.

[82] Там же. С. 193–194.

[83] *Извольский – Сазонову.* Париж, 15 (28) февраля 1912 г. С. 284.

[84] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. С. 143–144.

[85] Там же. С. 144.

[86] Там же.

Глава V

[1] Военно-энциклопедический словарь. М., 1985. С. 545; Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 79.

[2] *Nadolny R.* Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955. S. 41.

[3] Военно-энциклопедический словарь. С. 545.

[4] *Nadolny R*. Mein Beitrag. P. 41.

[5] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. С. 429.

[6] *Шукри Фуад.* Миляд давля Либия аль-хадиса, васаик такририга ва истиклялига, аль-джуз аль-аваль. [б.г.], [б.м.]. С. 461.

[7] Там же. С. 163.

[8] *Шелби Махмуд.* Омар аль-Мухтар – дакия аль-истиамар аль-вахший. Каир, 1957. С. 163.

[9] *Wright J.* Libya. L., 1969. P. 134.

[10] Таарих Либия мунзу акдам аль-асур. Триполи, 1972. С. 128.

[11] *Аль-Кашат Мухаммед Саид*. Аль-Кардабия (28–29 апреля 1915). Триполи, 1977. С. 19–29.

[12] Там же. С. 94.

[13] *Хаки Мамдух.* Либия аль-арабийя кана таиш фига. Каир, 1962. С. 79.

[14] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 113.

[15] *Шукри Фуад.* Ас-Сенусийя-дин ва давля. С. 167.

[16] Военно-энциклопедический словарь. С. 222, 545.

[17] Там же. С. 545–546, 835.

[18] Молодой иракский офицер, изменивший свои взгляды и примкнувший к арабскому восстанию. Позднее он стал премьер-министром Ирака и был убит при государственном перевороте в 1963 г.

[19] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 27.

[20] Он был убит во время британской военной операции в Судане в 1916 г. (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 27).

[21] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 28.

[22] Ibid.

[23] Ibid. P. 36.

[24]Ibid. Соглашение, подписанное Идрисом о правопреемнике, было обусловлено предположением победы Турции и Германии в мировой войне и потеряло свою силу по причине невыполнения оговоренных обстоятельств. Поэтому Мухаммед Идрис более не считал себя связанным подписанным обязательством. После заключения мирного соглашения в Эр-Раджме с итальянцами в 1920 г., по которому итальянцы признали его эмиром Киренаики, он назначил своим наследником Саида ар-Рида. Как сам Идрис писал в своем дневнике, Ахмед Шериф никогда не напоминал ни ему, ни кому-либо еще об изменении личности преемника и не критиковал его за решение о назначении наследником не Саида аль-Араби, а Саида ар-Рида (Цит. по: *Kalil M.* The Arab states and Arab League. Beirut, 1962).

[25] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 37; Таарих Либия. С. 132.

[26] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 21–22.

[27] Идрис еще не знал, что Шериф Хусейн уже договорился с англичанами о поддержке арабов, которым за это Лондон обещал предоставление независимости после победы в мировой войне. Арабы сдержали слово, англичане дезавуировали свое обещание.

[28] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 23–24.

[29] Ibid. C. 30.

[30] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cyrenaica. P. 98.

[31] Ibid. P. 139.

[32] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 32.

[33] Ibid.

[34] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. С. 203.

[35] Там же. С. 228.

[36] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 120–121.

[37] *De Condole E.A.V*. The life and times of king Idris of Libya. C. 33.

[38] Ibid. C. 35.

[39] *Ключников Ю.В., Сабанин А.В*. Международная политика… Т. 2. С. 40–43, 54–56; *De Martens G.F*. Nouveau Recueil général de traités… Ser. 3, T. 10. P. 350; Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1986. С. 7–8.

[40] Parliamentary Papers, 1939, Cmd 5952, L., 1939; Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1986. С. 174–175. Подробно см.: *Лазарев М.С*. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке 1914–1918. М., 1960. С. 101–110; *Луцкий В.Б*. Новая история арабских стран. Т. 3. М., 1965. С. 7.

[41] *St. John R.B*. Historical dictionary of Libya. N-Y.&L, 1991. P. 65.

[42] Ibid. P. 91.

[43] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 39.

[44] Аль-Ахрам, 20.01.1949.

Глава VI

[1] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. С. 236.

[2] *Аш-Шанити Махмуд.* Кадыйя Либия. С. 76.

[3] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. С. 203.

[4] *Аш-Шанити Махмуд.* Кадыйя Либия. С. 79.

[5] Там же. С. 84.

[6] Там же.

[7] История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М., 1978. С. 97.

[8] *Аз-Зави ат-Тагер Ахмед.* Джихад аль-Абталь. С. 260.

[9] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 40–41. Ибрахим Ахмед Шелхи был членом личной охраны Ахмеда Шерифа, сформированной после его назначения представителем турецкого султана. Эта королевская гвардия была известна как Батальон сопровождения (Табур аль-майия) и включала сыновей правителей завий, шейхов племен и ихванов. Ибрахим Шелхи родился в завии Кфинта в Джебель-Ахдаре и прошел обучение в завиях эль-Бейды и Фейдии. Он присоединился к Идрису после хаджа в 1915 г. и оставался с ним вплоть до 1950-х гг. (Цит. по: *Тайиб Ашхаб*. Барка аль-Арабийя).

[10] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 41.

[11] Цит. по: *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 140.

[12] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 136.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 136–137.

[15] Там же. С. 137.

[16] Цит. по: *Соркин Г.З*. Первый съезд народов Востока. М., 1961. С. 67.

[17] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 136.

[18] *Аш-Шанити Махмуд.* Кадыйя Либия. С. 95–96.

[19] *Аз-Зави ат-Тагер Ахмед.* Джихад аль-Абталь. С. 311.

[20] Там же. С. 62.

[21] Меморандум Триполитанского комитета в Каире, опубликованный 20 января 1949 г. газетой «Аль-Ахрам».

[22] *Шукри Фуад.* Миляд давля Либия аль-хадиса, васаик такририга ва истиклялига, аль-джуз аль-аваль [б.г.], [б.м.]. С. 567.

[23] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 139.

[24] *Аз-Зави ат-Тагер Ахмед.* Джихад аль-Абталь. С. 326.

[25] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. С. 260.

[26] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 149–150.

[27] *Anderson L.S*. The Tripoli Republic. 1918–1922. – Social and Economic Development of Libya. L., 1982. P. 61–62.

[28] *Омар Ахмед Мухтар.* Ан-нашат ас-сакафи фи Либийя. Триполи, 1971. С. 233.

[29] *Джебран Мухаммед Мас'уд.* Ахмед аль-Факих Хасан. Хайатуху ва адабуху. Триполи, 1976. С. 15.

[30] Цит. по: *Хакки Мамдух.* Либия аль-арабийя каинна тайиш фига. Каир, 1962. С. 70.

[31] *Khadduri M.* Modern Libya. P. 23.

[32] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 140.

[33] *Аз-Зави ат-Тагер Ахмед.* Джихад аль-Абталь. С. 73.

[34] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 45. Из дневника Идриса: «Через несколько месяцев после моего прибытия в Каир я узнал, что правительство Муссолини аннулировало все договоры и соглашения с сенуситами (в мае 1923 г.). Омар-паша аль-Кехья был арестован итальянцами по обвинению в моем коварном побеге. Он был заключен в тюрьму в Бенгази и позднее перевезен в Италию. Еще через несколько месяцев я узнал, что итальянское правительство обратилось к египетскому с просьбой о моей экстрадиции с обещанием, что мне не причинят насилия. Я чувствовал себя под угрозой реальной опасности, потому что мать короля Фуада была итальянкой, и он сам получил образование в Италии и поэтому мог пойти итальянцам навстречу. Обратившись за посреднической помощью к английскому комиссару, я получил политическое убежище в Египте при условии, что не буду проявлять никакой активности против итальянского правления в Ливии и покидать дельту Нила. Ливийцам, сопровождавшим меня, было предложено переехать в другие арабские страны, кроме моего телохранителя Ибрахима Шелхи. Али-паша Абидийя перехал в Палестину, другие вместе с Омаром Мухтаром вернулись в Киренаику, чтобы организовать сопротивление».

[35] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г. С. 151.

[36] *Evans-Pritchard E.E*. The Sanusi of Cyrenaica. P. 156.

[37] Ibid. P. 175.

[38] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. С. 270.

[39] Тобрук-Мадина ат-Таарих валь Джихад. Тобрук, 1976. С. 25–26.

[40] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 51. Из всех сенуситов, боровшихся в рядах сопротивления, только Омар аль-Мухтар остался национальным героем, признанным и чтимым в сегодняшней Ливии. И если сразу после прихода к власти М. Каддафи в числе национальных героев называл еще и Ахмеда Шерифа, то потом имя Омара аль-Мухтара осталось единственным и без упоминания о том, что он был сенуситским шейхом, а во время борьбы с итальянцами, когда эмир Идрис находился в Египте, еще и главой сенуситов в Киренаике.

[41] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 46.

[42] Ibid. В воспоминаниях Грациани есть запись такого диалога между ним и Омаром аль-Мухтаром после его ареста в 1931 г. «Грациани: – Вы действительно имели надежду, что с небольшой группой плохо вооруженных бойцов вы сможете заставить нас уйти из Киренаики? Омар: – Нет, это была нереальная задача. Грациани: – Тогда в чем состоял ваш мотив и чего вы

ожидали? Омар: – Я был только муджахитдином. Грациани: – Нет, правда состоит в том, что вы сражались за Сенусийю».

[43] Документы внешней политики СССР. T.V. М., 1961. № 108.

[44] *Шведов А., Румянцев В.* Советско-ливийские отношения. С. 24.

[45] См.: *Khadduri M.* Modern Libya of king Idris of Libya. P. 24.

[46] В 1925 г., когда Ахмед Зивар-паша был премьер-министром Египта между итальянским и египетским правительством был подписан договор о переопределении границ. Соглашение устанавливало границу от Бир Рамлы на побережье, в 12 км южнее Соллума, в южном направлении на Квейкэб, в 65 км на северо-запад от оазиса Сива. Она оставляла Джагбуб, центр сенуситского ордена, в Киренаике. От него граница проходила юго-восточнее 25-й параллели, которая следовала на Джебель Увейнат, что в 1000 км от побережья. Это была западная оконечность границы с Египтом и англо-египетским Суданом. От Увейната граница продолжалась в южном направлении еще на 300 км до северной границы с Чадом – территории французской Экваториальной Африки. На протяжении 1300 км граница пересекала безводную и необитаемую Ливийскую пустыню. Южнее Джагбуба граница на отрезке в 250 км лежала через непроходимые песчаные дюны и после них поднималась на песчаное плато со скальными выходами, которые возвышались до 600 м на юге. Это соглашение целиком не принимало во внимание мнение Египта по сохранению Джагбуба на его территории. Однако оно схематично подтверждало позицию в османский период, когда египетские пограничные посты находились в Соллуме и Квейкэбе. Это было серьезной неудачей для сенуситов, так как лишало их своего центра, который немедленно был оккупирован итальянцами (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 49).

[47] *Аш-Шанити Махмуд.* Кадыйя Либия. С. 106.

[48] *Wright J.* Libya. P. 156.

[49] *Аш-Шанити Махмуд.* Кадыйя Либия. С. 106.

[50] *Wright J.* Libya. P. 157.

[51] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 160.

[52] *Wright J.* Libya. P. 158.

[53] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 150.

[54] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 161.

[55] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 151.

[56] Там же.

[57] *Wright J*. Libya. P. 160.

[58] За годы руководства Р. Грациани военными действиями в Ливии (1928–1931) итальянцы добились немалых успехов в покорении страны, особенно ее внутренних районов, чем он заслужил славу «колониального генерала». Его действия отличались невиданной жестокостью и цинизмом,

вызвавшие особую благосклонность Муссолини. Рудольфо Грациани (1882–1955) в 1937 г. стал маршалом фашистской Италии, в итало-эфиопской войне (1935–1936 гг.) командовал Южной армией, в 1939–1940 гг. был начальником штаба сухопутных войск, в 1940–1944 гг. главнокомандующим итальянскими войсками в Северной Африке, в 1943–1945 гг. военным министром в марионеточной «итальянской социальной республике» Б. Муссолини в Северной Италии, руководил борьбой с партизанами и расправами над мирным населением. В 1950 г. как военный преступник был приговорен к 19 годам тюрьмы, но в том же году амнистирован.

[59] *Evans-Pritchard E.E*. The Senusi of Cyrenaica. P. 185.

[60] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 162–163.

[61] *Пьетро Бадольо* (1871–1956) в 1919–1921, 1925–1940 гг. был начальником Генерального штаба вооруженных сил Италии. В 1926 г. получил воинское звание маршала. В 1935–1936 гг. был главнокомандующим итальянскими войсками в итало-эфиопской войне. Участник государственного переворота 1943 г., приведшего к смещению Б. Муссолини. В 1943–1944 гг. премьер-министр Италии, заключил перемирие со странами антигитлеровской коалиции.

[62] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 152.

[63] Там же. С. 151.

[64] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 163.

[65] *Hajjaji Salem Ali.* The New Libya. Tripoli, 1970. Appendix B, Map 2.

[66] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 152.

[67] По мнению Э. де Кондоля, Мухаммед ар-Рида, младший брат Идриса, был человеком чрезвычайно набожным, и менее всего его можно было бы представить в роли военного руководителя. Когда стало ясно, что его безопасность находится под угрозой, Идрис попытался организовать его выезд из Киренаики. Идрис получил согласие генерал-губернатора Судана на предоставление убежища для Мухаммеда ар-Рида в Судане. Но, к несчастью для ар-Рида, Джало было оккупировано итальянцами раньше, чем он смог отправиться в Куфру. В январе 1928 г. он вынужден был прибыть в Аджабию и сдаться итальянцам. Ар-Рида был выслан на Сицилию, и только в 1935 г. ему было разрешено вернуться в Бенгази, где он жил на минимальную пенсию до победы над итальянцами во Второй мировой войне (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 50).

[68] *Wright J.* Libya. P. 74.

[69] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 52–53.

[70] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 153.

[71] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 165.

[72] *Аз-Зави ат-Тагер Ахмед.* Омар аль-Мухтар. Триполи, 1970. С. 145.

[73] Там же. С. 152–155.

[74] *Holmboe K.* Desert Encounter. P. 113.

[75] *Аз-Зави ат-Тагер Ахмед.* Омар аль-Мухтар. С. 145.

[76] Там же. С. 163–164.

[77] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 155.

[78] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 55. Мохаммед аль-Абид вместе со своей семьей на верблюдах добрался до Чада и сдался французским властям. Он нашел убежище в Ати (французский пост между Абешем и фортом Лэми), где жил в очень стесненных условиях.

В течение нескольких дней решалась судьба капитана Форнари и его компаньонов. Наконец, по предложению самого Форнари, он был отпущен за выкупом для освобождения остальной группы. Он совершил сложный переход на верблюде через огромную пустыню из Куфры в оазис Харга в Египте (этот путь европейцы смогли повторить только в 1940 г.). Оттуда он направился в Каир, а затем в Италию, где собрал деньги для выкупа и вернулся в Харгу дожидаться своих компаньонов. Выкуп был уплачен, и все смогли вернуться в Бенгази (Ibid. P. 55–56).

[79] *Аз-Зави ат-Тагер Ахмед.* Джихад аль-Абталь. С. 91.

[80] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 157–158.

После казни Омар аль-Мухтар был похоронен на кладбище Сиди Эбайид в Бенгази. После получения независимости ливийцы перенесли останки в специально построенный в центре Бенгази мавзолей, названный его именем. В 1980-х гг. саркофаг с телом Омара Мухтара по решению джамахирийских властей был транспортирован в селение Солук, где был предан земле на месте казни (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 51).

[81] Цит. по: *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 56.

[82] Новейшая история арабских стран. М., 1968. С. 484.

[83] Международная жизнь. 1926, № 1. С. 9.

[84] Военный вестник. 1928, № 32. С. 9.

Глава VII

[1] *Аш-Шанити Махмуд.* Кадыйя Либия. С. 138.

[2] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 160–161.

[3] Новейшая история арабских стран. М., 1968. С. 485. В своей книге «Die Eroberung Libiens» (Berlin, 1938) Р. Грациани назвал это «либерализацией Киренаики». Цит. по: *Lawless R.I.* Libia. Oxford, 1979. P. 61.

[4] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 60.

[5] *Gray J.C., Silverman L.* The Fate of Italy's Colonies. L., 1948. P. 54.

[6] Ibid.

[7] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 61.

[8] Ibid. P. 61–62.

[9] Appendix to Volume III of the Report of the Four Power Commisions of Investigation for the Former Italian Colonies. [б.м.], 1949. P. 61.

[10] Новейшая история арабских стран. С. 486.

[11] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 62.

[12] *Fowler G.L*. The role of private estates and development companies in the Italian agricultural colonization of Libya. In: Social and economic development of Libya. Wisbech. 1982. P. 117–139.

[13] Подробно см.: *Claudio G. Serge.* Fourth shore: the Italian colonization of Libya. Chicago, 1974; он же: Italian development policy in Libya: colonialism as a national luxury. In: Social and economic development of Libya. Colorado, 1982. P. 81–93.

[14] *Wright J.* Mussolini, Libya and «Sword of Islam». Maghreb Review. Vol. 12, 1–2. 1987. P. 29.

[15] Proclamation by Governor-General Balbo to the Libyan people, 10 March 1937; The Times, 11.03.1937.

[16] *Wright J.* Mussolini, Libya. P. 29.

[17] Ibid.

[18] *Moore.* Fourth Shore: Italy's Mass Colonization of Libya. L., 1940. P. 196.

[19] *Wright J.* Mussolini, Libya. P. 29.

[20] The Times, 11.03.1937.

[21] Daily Mail, 19.03.1938.

[22] *Wright J.* Mussolini, Libya. P. 30.

[23] Ibid.

[24] Ibid.

[25] The Times, 17.03.1937.

[26] The Times, 18.03.1937.

[27] Popolo d'Italia, 19.03.1937.

[28] *Wright J.* Mussolini, Libya. P. 31.

[29] «Пьяцо Кастелло» и примыкающая к ней «Пьяцо Италиа», включая здания, снесенные позднее, теперь образуют Зеленую площадь (аль-Майдан аль-Ахдар), на которой современные ливийские лидеры на большом открытом пространстве несколько раз в году выступают перед народом, как это делали до них Муссолини или Бальбо.

[30] По материалам итальянской прессы 19.03.1937. См.: *Wright J.* Mussolini, Libya. P. 31.

[31] *Monroe E.* The Mediterranean in Politics. L., 1938. P. 168.

[32] *Wright J.* Italian Fascism and Libyan Human Resources. In: Planning and Development in Modern Libya. Wisbech, 1985. P. 47.

[33] *Monroe E.* The Mediterranean in Politics. P. 166.

[34] *Wright J.* Mussolini, Libya. P. 33.

[35] *Асадуллин Ф.А.* Очерк истории ливийской литературы (XIX–XX вв.). С. 72–73.

[36] Подробно см.: *Wright J.* Italian Fascism Libyan human resources. In: Planning and development in modern Libya. L., 1985. P. 46–56; он же: Libya: Italy's promised land. In: Social and economic development of Libya. Colorado, 1982. P. 67–79.

[37] *Wright J.* Libya. P. 181; *Асадуллин Ф.А*. Очерк истории ливийской литературы (XIX–XX вв.). С. 72–73.

[38] *Аль-Мисурати Али Мустафа.* Намазидж фи-з-зылль (забытые имена). Триполи, 1978. С. 130–138.

[39] *Аль-Миджраб Абд аль-Хамид.* Аль Масрах аль-Либий (1928–1978). Триполи, 1986. С. 85.

[40] Подробно см.: *Асадуллин Ф.А*. Очерк истории ливийской литературы (XIX–XX вв.). С. 80–87.

Глава VIII

[1] Военно-энциклопедический словарь. С. 168–171.

[2] *Eden A.* The Memoirs. Facing the Dictators. L., 1962. P. 350.

В январе 1996 г. газета «Унита» опубликовала подборку неизданных материалов из «досье Муссолини», содержавшие записи, изъятые партизанами у фашистского диктатора при аресте на озере Комо 27 апреля 1945 г. Оказывается, в двух кожаных портфелях, которые Бенито Муссолини пытался спрятать в момент ареста, находились письма, серьезно компрометировавшие британского лидера Уинстона Черчилля. В частности, речь шла о конфиденциальном заявлении премьер-министра Великобритании, которое Муссолини расценил как косвенную поддержку и одобрение колониальной военной авантюры в Африке, развязанной фашистской Италией в середине 1920-х гг. (Труд, 27.01.1996).

[3] Цит. по: История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 2. С. 14.

[4] Цит. по *Groscurth H*. Tagerbucher eines Abwehroffiries 1938–1940. Stuttgart, 1970. S. 166.

[5] Вторая мировая война. Краткая история. М., 1985. С. 40.

[6] Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 1. Berlin, 1975. S. 438.

[7] Ливийский историк М. Хаддури в своей книге «Современная Ливия», изданной в Балтиморе в 1963 г., утверждает, что Дж. Брамлей еще со времен Первой мировой войны служил в египетской пограничной администрации, занимаясь только ливийскими проблемами. Его карьера разведчика длилась до 1952 г., когда он был выслан из страны после победы египетской революции (*Khadduri M.* Modern Libya. P. 29).

[8] Ливийские эмигранты были и в других странах. Так, в Дамаске Башир ас-Саадави создал в 1928 г. общество по защите Триполитании и Киренаики, которое выдвинуло требование о создании национального правительства во главе с мусульманином. В 1931 г. в Тунисе был создан филиал этого общества, публиковавший документы, обличавшие действия итальянских колонизаторов, в том числе книги «Черные преступления» (1931) и «Зверства итальянского империализма» (1937). В годы войны Башир ас-Саадави был советником короля Саудовской Аравии Ибн Сауда.

[9] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 63–64.

[10] Ibid. P. 65–66.

[11] Ibid.

[12] Это кладбище имеет специальную мраморную доску с именами всех похороненных там ливийцев – участников боев на египетской территории в составе итальянских войск.

[13] Цит. по: *Khadduri M.* Modern Libya. P. 35.

[14] *Роммель Эрвин* (1891–1944) – генерал-фельдмаршал. Участник Первой мировой войны, с 1919 г. служил в рейхсвере, с 1935 г. – в вермахте, был военным комендантом ставки Гитлера. Во время Второй мировой войны был командиром танковой дивизии, в 1941–1943 гг. – командующий немецкими экспедиционными силами в Северной Африке, группой армий «В» в Северной Италии, в 1943–1944 гг. – группой армий «В» во Франции. Был связан с руководителями антигитлеровского заговора 1944 г. Покончил жизнь самоубийством.

[15] Подробнее хронику войны на ливийской территории см.: *Егорин А.З.* История Ливии – XX век. М., 1999. С. 105–112.

[16] Вторая мировая война. Краткая история. С. 340.

[17] *Taylor A.* The Second World War. L., 1975. P. 172.

[18] White book. Some examples the damages caused by the Belligerintes of the World Two to the people of Jamahiriya. Marcas al-Jihad al-libyin studies centre. Tripoli, 1980. P. 82.

[19] Ibid. P. 89.

[20] Ibid. P. 159.

[21] *Khadduri M.* Modern Libya. P. 35.

[22] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 176.

[23] Новейшая история арабских стран. С. 488.

[24] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 176.

[25] Там же.

Британский фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери, удостоенный королем Георгом VI в 1946 г. титула виконта Аламейнского и справедливо считающийся самым удачливым полководцем «туманного Альбиона» после герцога Веллингтона, до самой смерти был уверен в том, что операция «Факел» по всем законам военного искусства была самой успешной. Человек,

для которого военная служба заслоняла практически все на свете, сторонник спартанского быта, военачальник, которому крайне редко удавалось завоевать воображение и доверие подчиненных, он, тем не менее, стал подлинно народным героем.

Награды и почести сыпались на фельдмаршала, скончавшегося в 1976 г. в возрасте 89 лет, просто градом. Кроме того, ему удалось пережить и почти всех своих великих современников – полководцев Айка (генерала, а позже президента США Дуайта Эйзенхауэра), Алекса (фельдмаршала графа Александера Тунисского), Шарля де Голля, Дугласа Макартура и Джорджа Кэлетта Маршалла. Причем многие считали, что на поле битвы он превосходил всех. Не стоит забывать и о том, что в разные периоды жизни «Монти» довелось командовать всеми ими.

Бернард Лоу Монтгомери, происходивший из семьи епископа, войну начал командиром 3-й дивизии британского экспедиционного корпуса во Франции и оставался на этом посту до «дюнкерской катастрофы» (26 мая – 4 июня 1940 г.).

В августе 1942 г. он принял 8-ю армию, противостоявшую в североафриканских песках германо-итальянским танковым частям Эрвина Роммеля, которого англичане звали «Лисом пустыни». К этому моменту британские войска находились на грани поражения в 102 км от Александрии. Позади было очень похожее на бегство отступление, но у Роммеля не хватило сил, он остановился и потом потерпел поражение у Эль-Аламейна.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Цит. по: *Rolf D.* The Bloody Road to Tunis. L., 2001 (Русский перевод. Кровавая дорога в Тунис. М., 2003. С. 129.

Глава IX

[1] *Rommel E.* The Rommel Papers. Vol. 3. Arabic trans. *T.A. El-Nimr*, Cairo, Anglo-Misriyya, 1966. P. 339.

[2] Ibid. Vol. 4. P. 610.

[3] *Исмаил М.Х.* Аль-харб аль-Алямийя ат-тания фи аль-Бахр аль-Мутавассит. Каир, 1953. С. 103.

[4] *El-Hereir I.S.* North Africa and the Second World War. In: Africa and the Second World War. Report and papers of the symposium organized by UNESCO at Bengazi, Libyan Arab Jamahiria, from 10 to 13 November 1980. UNESCO. Paris, 1985. P. 33–34.

[5] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 178.

[6] *Прошин Н.И.* История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 185.

[7] Новейшая история арабских стран. С. 489.

[8] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 177.

[9] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 71.

[10] Ibid. P. 72.

[11] Ibid.. P. 73.

[12] Ibid.. P. 74.

[13] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 179.

[14] Там же. С. 179–180.

[15] Там же.

[16] *Khadduri M.* Modern Libya. P. 63–64.

[17] *Шукри Фуад.* Ас-Синусийя-дин ва давля. С. 62.

[18] *Khadduri M.* Modern Libya. P. 59.

[19] Ibid. P. 57.

[20] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 79.

[21] Ibid. P. 79–80.

[22] Ibid. P. 80.

[23] Ibid. P. 81

[24] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 198.

[25] Там же.

[26] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 81.

[27] Ibid. P. 82–83.

[28] Ibid. P. 83.

[29] Ibid. P. 85–86.

[30] Ibid.

[31] *Goldberg H.* Ecologic and demographic aspects of rural tripolitanian Jewry: 1853–1949. In: International Journal of Middle East Studies. V. 2. № 3 (July 1971). P. 245–265. См. также: *Renzo de Felich.* Jews in an Arab land-Libya, 1835–1970. Austin, 1985.; *Goldberg H*. Cave dwellers and citrus growers: a Jewish community in Libya and Israel. N.-Y., Cambridge, 1972.

[32] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 179.

[33] Там же.

[34] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 199.

[35] *Аш-Шанити Махмуд.* Кадыйя Либия. С. 257.

[36] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 180.

[37] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 202.

[38] Данные в отношении различных политических организаций в бывших итальянских колониях взяты из доклада Обследовательской комиссии четырех держав (A/c. Sc.141w. 22 апреля 1949. С. 5).

[39] Там же.

[40] *Khadduri M.* Modern Libya. P. 90.

[41] *Хаким Селми.* Истикляль Либия. [Б.м.], 1965. С. 61–62.

[42] Аль-Ахрам, 17.12.1958.

[43] Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Пятая сессия. Годовой доклад французского правительства Генеральной Ассамблеи ООН об управлении Феззаном. Париж, 1950. A/1387. С. 24.

[44] Там же. С. 28.

[45] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 193.

[46] Там же.

[47] Аль-Ахрам, 17.12.1958.

[48] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 180.

[49] Там же. С. 181.

[50] *Wright J.* Libya: A Modern History. London-Canberra, 1981. P. 53.

[51] Ibid. P. 49.

[52] История внешней политики СССР. 1917–1945. Т. I, М., 1980. С. 483.

[53] *Шведов А.Б Румянцев В.* Советско-ливийские отношения. С. 33–34.

[54] История международных отношений и внешней политики Советского Союза. 1945–1963. Т. 3. М., 1964. С. 206.

[55] Внешняя политика Советского Союза. 1947. Ч. 1. М., 1952. С. 80.

[56] Там же. С. 206.

[57] Данные в отношении различных политических организаций в бывших итальянских колониях взяты из доклада Обследовательской комиссии четырех держав (A/c. Sc.141w. 22 апреля 1949. С. 27).

[58] Там же. С. 28.

[59] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 185–186.

[60] Архив внешней политики СССР. Ф. 441. П. 21. Д. 65. Л. 68.

[61] *Хаким Селми*. Истикляль Либия. С. 70–73. Данные в отношении различных политических организаций в бывших итальянских колониях взяты из доклада Обследовательской комиссии четырех держав (A/c. Sc.141w. 22 апреля 1949. С. 28).

[62] Аль-Ахрам, 17.12.1948.

[63] Известия, 21.01.1948.

[64] Аль-Ахрам, 17.12.1948.

[65] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 87.

[66] Ду Кондоль покинул Киренаику в начале 1948 г. и не был в Ливии в период работы международных уполномоченных. Как признался потом ему Идрис, эмир испытал горькое разочарование и собирался вновь покинуть страну. Кондоль посоветовал ему этого не делать, потому что все надежды соотечественников были связаны с эмиром и с борьбой во главе с ним до конца (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 88).

[67] Сборник предложений СССР, ЧССР и БССР, вносившихся в ООН в 1946–1950 гг. М., 1952. С. 33–34.

[68] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 90.

[69] Ibid. P. 91.

[70] Ibid. P. 91–92.

Глава X

[1] *Шведов А.Б Румянцев В.* Советско-ливийские отношения. С. 37.

[2] Саут аль-Умма. Триполи, 10.06.1949.

[3] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 94.

[4] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 186–187.

[5] Цит. по: De Condole E.A.V. The life and times of king Idris of Libya. P. 95.

[6] *Khadduri M.* Modern Libya. P. 100.

[7] Ibid. P. 102.

[8] Идрис сделал следующее заявление главе английской администрации: «Если британцы затянут отсрочку еще, я скажу своему народу, что отказываюсь от борьбы и больше не принимаю участия в ливийских делах. Я вернусь в Египет или буду жить в Киренаике, как простой гражданин. Я буду обвинен в том, что не смог сдержать своих слов и предал свой народ после стольких лет терпения. Я был уверен, что, если ООН не сможет согласиться на будущее Ливии, Великобритания рассмотрит согласие на независимость Киренаики и переговоры о сотрудничестве и обороне. Уважение киренаикцев к англичанам ослабевает, и критика англичан и меня, как английского инструмента, расширяется. Свобода, за которую мы боремся так долго, находится в опасности» (Цит. по: *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 96).

[9] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 96.

[10] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 189.

[11] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 98.

[12] Ibid.

[13] Помощь была оказана членам семьи ас-Сенуси в виде предоставления ферм и домов за номинальную арендную плату и учреждения для них коммерческих предприятий. Среди последних был Бил Касим, отставной офицер ливийских арабских сил, который занимал высокий пост в администрации: он получил контракт на освоение земли в пустыне. Сидику ар-Рида, старшему сыну Мухаммеда ар-Рида, брату эмира, был выделен надел на правах аренды на ферме Серезолы. Абдалле аль-Абиду была оказана помощь в основании юридического бизнеса. Средства на образование получили молодые члены семьи – сыновья аль-Араби отправились на обучение в Хартум, а сыновья Али аль-Хаттаба и Сафи ад-Дина были посланы для получения высшего образования за рубеж (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 100).

[14] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 101–102.

[15] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 189.

[16] Ахбар аль-Яум, 28.06.1949.

[17] Аль-Ахрам, 08.06.1949.

[18] Аль-Ахрам, 18.06.1949.

[19] Саут аль-Умма, 30.06.1949.

[20] Аль-Асас, 06.07.1949.

[21] Там же.

[22] Тараблюс аль-Гарб, 17.07.1949.

[23] *Maltese P.* La terra promessa. Roma, 1964. P. 103.

[24] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 103.

[25] Ibid. P. 104–105.

[26] Тараблюс аль-Гарб, 25.07.1949.

[27] Там же.

[28] *Khadduri M.* Modern Libya. P. 74; *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 105–106.

[29] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 189.

[30] Саут аль-Умма, 19.09.1949.

[31] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 106.

[32] Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты четвертой сессии. Первый комитет. Нью-Йорк, 1949. С. 22.

[33] Там же. С. 24.

[34] Цит. по: *Прошин Н.И.* История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 251.

[35] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 108.

[36] *Pelt A.* Libyan independence and the United Nations. New Haven, 1970. P. 100.

[37] В отчете, например, за 1950 г. А. Пельт писал, что имел контакты с британскими официальными лицами Лондона и Триполи, в результате которых 23 февраля 1950 г. было достигнуто соглашение о создании триполитанского правительства. См.: Объединенные Нации. Годовой доклад комиссара Организации Объединенных наций в Ливии. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятая сессия. Дополнение № 15, A/1340. Лейк-Саксесс. Нью-Йорк, 1950. С. 11.

[38] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 109–110.

[39] Ibid. P. 111.

[40] Statistical Abstracts of Libya. Tripoli, 1968. P. 33.

[41] См.: *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 251.

[42] Сборник предложений СССР, УССР и БССР, вносившихся в ООН в 1946–1950 гг. М., 1952. С. 36.

[43] Объединенные Нации. Второй годовой доклад комиссара Организации Объединенных Наций в Ливии. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестая сессия. Дополнение № 17/а (1949). Париж, 1951. С. 94.

[44] Тараблюс аль-Гарб, 25.03.1951.

[45] Приводимые в разделе документы взяты из сборника «Хакыка Идрис. Васаик, ва сувар, ва исрар» (Правда об Идрисе. Документы, фотоматериалы и секреты). Триполи, 1976.

[46] Хакыка Идрис. С. 6–13.

[47] Там же. С. 17.

[48] Там же. С. 18–21.

[49] Там же. С. 47–49.

[50] Там же. С. 21–23.

[51] Там же. С. 24–25.

[52] Там же. С. 39–41.

[53] Там же. С. 25–33.

[54] Хакыка Идрис. С. 33–46. За несколько дней (7 декабря 1951 г.) до объявления независимости Идрис поручил прояснить позицию некоторых стран в случае объявления Ливии независимым государством В его дневнике еще от 27 февраля 1951 г. содержатся следующие записи: «Мунтасеру выяснить: 1) признает ли независимость Ливии Израиль? 2) признает ли независимость Ливии Россия? 3) как быть со средствами массовой информации?» (Там же. С. 206).

[55] Хакыка Идрис. С. 191–192. С. 194–195.

[56] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 116–117.

[57] Ibid. P. 118–119.

[58] СССР и арабские страны. 1917–1960. Документы и материалы. М., 1961. С. 108.

Глава XI

[1] Хакыка Идрис.

[2] Washington Post, 20.02.1952; Newsweek, 03.03.1952.

[3] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 209.

[4] *Прошин Н.И.* История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 265.

[5] Gumhuriet, 22.01.1952.

[6] Хакыка Идрис. С. 5–9.

[7] New York Times, 22.02.1952.

[8] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 209.

[9] Позднее в состав палаты депутатов, избиравшихся тайным голосованием на четыре года, входило 35 депутатов от Триполитании, 15 – от Киренаики, 5 – от Феззана. Сенат, являвшийся второй частью Национального собрания, состоял из 24 членов, из которых 12 назначались королем, остальные – Законодательным собранием провинций (поровну от каждой провинции – по 4 депутата). Срок полномочий сенаторов – 8 лет (См.: Африка. Энциклопедический справочник. М., 1963. С. 461).

[10] См.: Аль-Либия, 24.03.1952; аль-Манар, 25.02.1952.

[11] Башир ас-Саадави был лишен ливийского гражданства «за прошлую политическую деятельность в Саудовской Аравии», как было написано в указе Идриса I. Но король продолжал внимательно следить за этим своим самым опасным политическим противником. Башир ас-Саадави проживал в течение некоторого времени в Каире, где выступал с осуждением политики Идриса I и западных держав, затем уехал в Саудовскую Аравию, став там советником короля Сауда. Умер в изгнании в 1952 г. (См.: Хакыка Идрис. С. 9; Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 209).

[12] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 213.

[13] *Хаким Сами.* Хакыка Либия. Каир, 1968. С. 105.

[14] *Прошин Н.И.* История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 277.

[15] Аль-Ахрам, 01.09.1953.

[16] *Прошин Н.И.* История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 282; *Егорин А.З.* Современная Ливия. М., 1996. С. 127.

[17] *Егорин А.З.* История Ливии – XX век. С. 173.

[18] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 215.

[19] Там же. С. 215.

[20] Там же. С. 216–217.

[21] История внешней политики СССР. Т. II. С. 679.

[22] Архив внешней политики СССР. Ф. 059. Оп. 36. П. 36. Д. 222. Л. 12.

[23] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 217.

[24] *Шведов А.Б., Румянцев В.* Советско-ливийские отношения. С. 44.

[25] Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. С. 218. Э. де Кондоль в своей книге, в частности, указывает и на откровенно прозападную политику королевского режима, и на использование СССР права «вето» в 1952–1955 гг. при приеме Ливии в члены ООН, но не говорит о том, что необходимым условием СССР ставил ликвидацию на территории страны иностранных военных баз (*De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 122, 124).

[26] *Khadgadgi S.A*. The New Libya. Tripoli, 1967. P. 101–104.

[27] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 282.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 218–219.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] *Khadduri M.* Modern Libya. P. 265.

[33] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 286.

[34] Sunday Ghibli, 15.02.1959.

[35] Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969. С. 278–288.

[36] Libyan Times, 04.08.1967.

[37] Барка аль-Джадида, 18.08.1967.

[38] Там же, 24.08.1967.

[39] Ар-Раид, 21.03.1968.

[40] В те годы по отношению к иностранным валютам ливийский фунт (с 1971 г. – динар) составлял: март 1952 г. – август 1971 г. 1 долл. США за 357,14 миллимов, 1 фунт стерлингов – за 857,14 миллимов (см.: *Егорин А.З*. Современная Ливия. С. 127).

[41] The Middle East and North Africa. 1969–1970. L., 1969. P. 471.

[42] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). С. 288–289.

[43] *Миронова Г.В.* Формирование современных социально-политических моделей развития в странах Арабского Востока (на примере Ливии). М., 2003. С. 68.

[44] *Прошин Н.И*. История Ливии (конец XIX века – 1969 г.). С. 289.

[45] Там же.

[46] *Егорин А.З*. Ливийская революция. М., 1989. С. 46.

[47] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 138.

[48] *Миронова Г.В*. Становление и развитие государственности в Ливии (1943–1969 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1998. С. 139–140.

[49] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 138–139.

[50] *Миронова Г.В*. Формирование современных социально-политических моделей. С. 71.

[51] The Middle East and North Africa 1969–1970. L., 1969. P. 472.

[52] Ibid. P. 473.

[53] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 126.

[54] Ibid. P. 126–127.

[55] Далиль ад-дуваль аль-африкийя. Каир, 1986. С. 253.

[56] *Миронова Г.В*. Формирование современных социально-политических моделей. С. 55.

[57] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 128–129.

[58] Ibid. P. 129.

[59] Текст письма см.: *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 130; *Khadduri M.* Modern Libya.

[60] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 130.

[61] По конституции Ливия стала называться «Королевство Ливия». Основой строя стала наследственная монархия, исполнительным органом – выбираемое парламентом правительство.

Всем ливийцам гарантировалось равенство перед законом. Несмотря на то что государственной религией объявлялся ислам, граждане Ливии наделялись равными гражданскими и политическими правами, обладали равными возможностями и могли быть наделены общественными обязанностями или подвергнуты наказаниям вне зависимости от их религии, вероисповедания, расовой принадлежности, языка, благосостояния, рода или политического мнения. Для каждого существовала презумпция невиновности, виновность могла быть доказана только судом, причем каждый гражданин имел право на защиту.

По конституции гарантировались свобода мысли, слова и печати и конфиденциальность корреспонденции в любом виде.

Каждый ливиец имел право на учебу, на начальное бесплатное образование, обязательное для детей обоих полов.

Собственность объявлялась неприкосновенной.

Конституция провозглашала короля главой государства. Личность его неприкосновенна и никому не подотчетна. Он облекался правом утверждать и провозглашать законы, осуществлять свою власть через министров. Король назначал премьер-министра, смещал или принимал его отставку. Он также назначал министров, смещал или принимал их отставку по предложению премьер-министра. Назначенные королем и затем утвержденные парламентом министры представляли собой Совет министров.

Законы государства разрабатывал двухпалатный парламент, который состоял из сената и палаты представителей. Сенат состоял из 22 членов, назначаемых королем со сроком полномочий на 8 лет. Половина сенаторов должна была переизбираться каждые четыре года. Палата представителей

должна была состоять из депутатов, избираемых от провинций в соответствии с законом о выборах. Женщины получили право голосовать и быть избранными в парламент наравне с мужчинами. Парламент и Совет министров были подотчетны королю (The Middle East and North Africa. P. 479.

[62] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 133.

[63] Ibid. P. 134.

[64] Ibid. P. 136–137. Де Кондоль в своих воспоминаниях пишет, что даже на первом заседании правительства в 1949 г. министры были одеты в потрепанные костюмы и изношенные рубашки, на ногах были видавшие виды туфли. Тогда было несколько небогатых вилл вне Бенгази, многие киренаикцы жили в тентах и палатках, под которыми пульсировала нефть. В 1950 г. де Кондоль посещал Идриса, тогда еще эмира, в скромном меблированном двухкомнатном домике в аль-Гадире. Они обсуждали концепцию будущего государства перед его выступлением во дворце Манар. Ибрагим Шелхи, его секретарь, подавал мужчинам кофе, в то время как жена Идриса занималась своими домашними делами. Во время пикника в 1961 г. на каменистом плато в окрестностях Тобрука король и его жена с гордостью показывали английскому резиденту маленький, только что построенный дом с двумя небольшими комнатами в качестве личной резиденции.

[65] *Товмасян С.А.* Ливия на пути независимости и прогресса. М., 1980. С. 16.

[66] *Асадуллин Ф.А.* Очерк истории ливийской литературы XIX–XX вв. С. 131.

[67] Там же. С. 118.

[68] Аль-Хакыка, 18.04.1964.

Глава XII

[1] *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. Paris, 1975. P. 10.

[2] *Muscat F.* My President – my son. Malta, 1975. P. 22–23.

[3] *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. P. 29–32.

[4] Здесь и далее приводятся сведения ливийского информационного агентства, давшего для египетского телевидения 12 интервью с видными деятелями переворота. Интервью было передано 14 октября 1969 г.

[5] Аль-Фаджр аль-Джадид. Триполи, 16.09.1969.

[6] *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. P. 20.

[7] *Muscat F.* My President – my son. P. 61–66.

[8] *First R.* Libya: The Elusive Revolution. L., 1974.

[9] Ibid. P. 74.

[10] Цит. по: *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. P. 10.

[11] *Qaddafi M.* History of the Revolution. Tripoli, 1977. P. 9–20.

[12] Отряд № 1 – Бенгази. Старшие групп были известны. В их распоряжении находилось около 300 человек, военных и гражданских. В первую очередь решили захватить арсенал в лагере Гар Юнес, который должен был стать штабом и цитаделью восстания. В арсенале имелись некоторые виды стрелкового вооружения. Патроны, часть пистолетов, винтовок, ручных пулеметов Каддафи и его сподвижники уже раздобыли и прятали в тайниках. Далее захватили радиостанцию, полицейские участки, почтамт, военный госпиталь, армейские и некоторые правительственные учреждения вместе с их начальниками и министрами, блокировали или взяли под контроль другие военные лагеря. Особо в плане стоял захват авиабазы Бенина, что в 16 км от Бенгази, где дислоцировался почти весь боевой состав ливийских ВВС. Дорабатывали и исполняли план Харруби, Могареф и Ахмед Абдалла Унн. Действовали они решительно и, возможно, этим обеспечили успех всего переворота.

Такую же серьезную лепту в общее дело внес отряд № 2 в Триполи, где Джеллуд, Джабер, Хувейлди, Хуни и другие, имевшие не более 200 человек, дорабатывавшие и исполнявшие план на месте, сумели обеспечить боевые группы и автотранспортом, и оружием и захватили все объекты без особого сопротивления.

Это были главные объекты заговорщиков. Коротко о других. Отряд № 3 имел специальное задание захватить авиабазу Бенина. Отряд № 4 должен был взять под свой контроль объекты города Бейда и арестовать находившегося там начальника Генерального штаба Сенуси Шамс Ад-Дина. Кстати, там же был арестован и последний ливийский премьер-министр Ванис Каддафи. Особым отрядам были поставлены задачи по овладению важными объектами на восточной окраине страны, например в Дерне, где гарнизон был предан королю, и в Тобруке, где опасностью номер один была английская военно-воздушная база Эль-Адем.

Такие же задачи на западе, в Мисурате, получил Мисбах Али, в Завии – Али Фитури, которых лидер революции Каддафи проинструктировал накануне лично. Все было заранее учтено, расписано, доведено до исполнителей и, главное, было четко выполнено подпольщиками (См.: *Muscat F.* My President – my son. P. 101–103).

[13] Ibid. P. 114–116.

[14] *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. P. 65.

[15] Ibid. P. 66.

[16] *Muscat F.* My President – my son. P. 119.

[17] *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. P. 84.

[18] Ibid. P. 67.

[19] Ibid. P. 67–68.

[20] Ар-Раид, 17.10.1969.

[21] The Middle East and North Africa. P. 535.

[22] Ibid.

[23] Ас-Саура, 22.07.1970.

[24] The Middle East and North Africa. P. 535.

[25] Ibid. 1978. P. 101.

[26] *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. P. 160–161.

[27] Ibid. P. 184.

[28] The New York Times, 8.08.1973.

[29] *Озадовский А.А.* США и Африка. Проблемы неоколониализма. М., 1977. С. 81.

[30] *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. P. 191.

[31] *Murabet M.* Facts about Libya. Tripoli, 1977. P. 131.

[32] Ас-Саура, 10.10.1971.

[33] Al-Fateh Revolution in ten years. Tripoli, 1980. P. 142.

[34] Ар-Раид, 9.04.1970.

[35] *Bianco M.* Gaddafi – voice from the desert. P. 89.

[36] Правда, 18.11.1970.

[37] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 162. Обращение короля Идриса к членам ливийского парламента и премьер-министру. «Я направляю вам это письмо, которым хочу сказать: со времени введения меня в должность благодарной ливийской нацией с их высоко ценимой верой и моим принятием этого поста, который я занимаю после объявления нашей любимой страны Ливии независимой, я осуществил (как было назначено судьбой), что я считал своей обязанностью по отношению к моей стране и ее людям. Большая часть любой работы человека не свободна от недостатков, и когда я почувствовал себя слабым несколько лет назад, я предложил переизбрать меня, но вы попросили меня остаться. Я повиновался вашему пожеланию и отозвал свою отставку. Теперь из-за моих лет и слабого физического здоровья я считаю обязанным себя обратиться к вам еще раз, что я не в состоянии нести эту тяжелую ответственность. Очевидно, что в течение 55 лет до и после получения независимости я был полностью поглощен [делами Ливии]. Выполнение моих обязанностей изнурило меня, говоря словами поэта "жизнь и ее требования стали скучны, когда ты прожил 80 лет и ничего тебя особенно не удивляет". Я принял ответственность за Ливию, когда мне было 27, и сейчас мне 82 (Идрису было 79, он ведет отсчет по мусульманскому календарю), и я оставляю ее в лучшем состоянии, чем когда я вступал на этот нелегкий путь. Теперь я передаю страну 43-летнему принцу Хасану ар-Рида аль-Махди ас-Сенуси, который будет называться с сегодняшнего дня "король Хасан Рида аль-Махди ас-Сенуси Первый". Он будет нести тяжелую ношу ответственности в равной мере перед Всевышним и людьми страны, следуя законам шари'а и ливийской конституции.

Уполномочьте его, как когда-то меня, поскольку он повинуется Аллаху и его пророку Мухаммеду и остается искренним и честным. После одобрения его назначения парламентом он принесет конституционную присягу перед парламентом прежде, чем он приступит к законной власти по конституции.

Я принял (на то воля Аллаха) твердое решение полностью исключить свое участие в политической жизни…

Остерегайтесь того, чтобы не стать тем, кого имел в виду Аллах, когда сказал: “Господь установил впредь паралель; город, наслаждающийся безопасностью и покоем, богато обеспеченный из каждого места, все же не является благодарным избранником Всевышнего; так как господь заставил его испробовать гнев и ужас [в экстремальном случае], [огораживая его], подобно тому, как обережение со всех сторон от дьявола, влиянию которого люди поддаются”. Взаимодействуйте ради добра и праведности и не соединяйтесь в грехах и враждебности. Пророк говорил: “Советуйте во благо и предостерегайте от злых намерений, иначе господь нашлет на вас власть дьявола. Вы будете усердно молиться, но это будет напрасным”. Мохаммед Идрис аль-Махди ас-Сенуси. Греция, 4 августа 1969 г.».

[38] *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 142.

[39] Ibid.

[40] Ibid. P. 143.

[41] Ibid.

[42] Ibid. P. 143–144.

[43] Здесь и далее в этой части см. перевод из книги: *De Condole E.A.V.* The life and times of king Idris of Libya. P. 146–151.

[44] На встрече, состоявшейся в период хаджа в 1977 г., Идрис попросил саудовского короля Халеда разрешения похоронить его на кладбище Бакие, где похоронены заслужившие особого внимания персоны семьи пророка и мучеников Харры. Король Халед обещал ему сделать это, а король Фахид подтвердил обещание после смерти короля Халеда.

Когда Идрис умер, саудовская администрация определила место его захоронения и провела все необходимые мероприятия по подготовке погребения. Тело Идриса было транспортировано из Каира в Медину на официальном египетском самолете в сопровождении королевы Фатимы, а также На‘фааль Араби ас-Сенуси и Омара Ибрагима Шелхи вместе с официальной египетской делегацией, возглавлявшейся специальным представителем президента.

Заключение

[1] *Vikør. K.S*. Al-Sanussi and Qadhafi – continuity of thought? The Maghreb Revieiw. V. 12, n. 1–2, 1987. P. 25–27$ *C. Kooij*. Islam in Qadhafi’s Libya. Amsterdam. 1980. P. 21–29; *Ann E. Mayer.* Libyan Legislation in Defense of Arabo-Islami Sexual Mores. American Journal of Comparative Low. V. 28, n. 2, 1980. P. 298; *Roumani J.* From Republic to Jamahiriya: Libya’s search for Political Community. Middle East Journal. V. 27, n. 2, 1983. P. 166; *R. Bruce St. John.* The Ideology of Mu’ammar al-Qadhdhafi: Theory and Practice. International Journal of Middle East Studies. V. 15, 1983. P. 476–477.

[2] Термин «иджтихад» имеет широкий смысл. Здесь он рассматривается только как условное научное понятие.

[3] Мухаммед Али ас-Сенуси, по происхождению алжирец, учился сначала в Кайруанском исламском университете в Фесе, потом в Каире в университете Аль-Азхар. В свои тридцать лет он отправился на Восток, прибыв в Мекку в 1826 г. Там молодой исламовед сошелся с местной интеллектуальной элитой и особенно тесно с окружением человека, выходца из Марокко, ставшего для него ментором и учителем. Им был Ахмед Идрис. Подробно о нем см.: *Vikor K.S., O'Fahey R.S*. Ibn Idris and al-Senusi: The Teacher and His Pupil. Islam et Sociétés en Afrique subsaharienne. Notes et Documents. 1988; *O'Fahey R.S., Ali Salim Karrar.* The Enigmatic imam. The influence of Ahmad ibn Idris. International Jornal of Middle East Studies. 1988.

[4] Ахмед Мухаммед аш-Шериф (1873–1933) написал, по меньшей мере, пять книг, две из которых наиболее известны: Кавакиб аль-Захир Сама'а Магла азаль-Залум аль ахир (б. г., б. м.) и Анвар аль-кудсия. Муккадима аль-тарик аль-Сенусийя. Истамбул, 1339–42/1920–24. Мухаммед Идрис аль-Махди (1890–1983) издал несколько книг деда, собрав восемь из них в однотомник Маджмуа аль-Мухтара (Избранное). Бейрут, 1968.

[5] При короле Идрисе завии были восстановлены и использовались как правительственные офисы по общественным работам. Каддафи смог только переместить служащих на другие административные посты. Единственная значительная община сенуситов осталась в окрестностях старой столицы сенуситов – Джагбубе.

[6] *Qadhafi.* Al-Sijill al-qawmi. Tripoli, 1969–1983. IX. P. 460–495. P. 957–1015.

[7] *Vikør K.S*. Al-Sanussi and Qadhafi – continuity of thought? The Maghreb Revieiw. P. 26.

[8] *Trimingham J.S*. The Sufi Orders in Islam. Oxford, 1971. P. 106–107.

[9] Каддафи М. Зеленая книга. М., 2000. С. 51.

RESUME

The book «Islamic Libya» (XIX–XX centuries) opens a series of three books representing a study of the modern history of this country. It is devoted to the analysis of the historical situation in Libya since the second half of the XIX century and until the coming to power of Muammar Gaddafi. The second book reveals events in this country from 1969 to 2011, the third since 2011. until the end of 2018 Their authors are Babkin S.E., Egorin A.Z., Mironova G.V., Podtserob AB. — many years of work were associated with the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Egorin A.Z. and Podtserob AB worked in Libya on diplomatic work, Babkin S.E. and Mironova G.V. repeatedly visited this country on official business trips.

The first book provides an analysis of the situation in Libya in an era when the national statehood of this Saharan colony of the Ottoman Empire and Italy was being formed. On the new materials, including archival materials, the activities of the outstanding Senusits were examined, who, in conditions of internal inter-clan contradictions and external isolation, managed to find a place for their brotherhood among the Bedouins of the Sahara and stubbornly sought to establish their own power.

Научное издание

БАБКИН Сергей Эдуардович,
ЕГОРИН Анатолий Захарович,
МИРОНОВА Галина Владимировна,
ПОДЦЕРОБ Алексей Борисович

ИСЛАМСКАЯ ЛИВИЯ (XIX–XX века)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *М. С. Грикурова*
Корректор *М. Я. Колесник*
Верстка *И. В. Федулов*

Подписано 19.11.2019
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 29,25. Уч.-изд. л. 23,5
Тираж 500 экз. Зак. № 400.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5